

ВЕКТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ:

ЭКОНОМИКА И СОЦИУМ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Том 52 № 1 (2024)

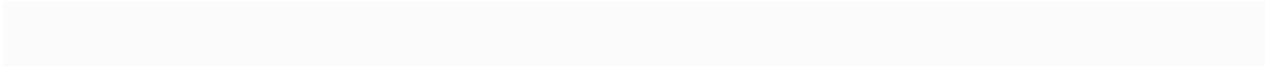
СОДЕРЖАНИЕ

С.С. Красных Сценарии развития внешнеторговой деятельности Российской Федерации в условиях санкционных ограничений	1-12
Н.Л. Никулина Особенности устойчивого развития регионов в условиях низкоуглеродной и ESG-трансформаций экономики	13-25
Е.А. Кранзеева, Е.В. Головацкий, А.В. Орлова Разрывы в оценке горожанами транспортных решений как триггер сетевой коммуникации	26-39
Е.С. Палкина, Н.В. Чибель Построение системы прогнозирования и планирования деятельности судостроительного предприятия	40-52
Чжан Сяося Международный опыт стимулирования предложения труда пожилых людей в контексте цифровой трансформации и его ценность для Китая	53-68
В.А. Терлецкий Идеология космополитизма в современном информационном обществе	69-78
Д.Л. Островкин, Д.Г. Сандлер Влияние молодежной политики на реализацию программы развития университета	79-92
И.А. Павлова, О.П. Недоспасова, Г.А. Барышева, Е.И. Клемашева Теоретико-методологические основы анализа социально-экономического участия пожилых людей в региональном технологическом пространстве	93-111
О.А. Синиченко Теоретическое обоснование факторов развития банковской системы РФ	112-126
О.В. Антипова, О.А. Фатхутдинова, И.В. Шарф Переработка биоресурсов нефтегазовыми компаниями в рамках ESG-стратегии	127-138
С.В. Разумова Аспекты управления и оценка экономической эффективности цифровых системообразующих компаний	139-162
М.А. Козлова Воздействие корпоративной социальной ответственности на переход к зелёной экономике	163-172
А.В. Атаманов Структурно-функциональный анализ православной общины как традиционного общества в современных условиях	173-186
О.А. Скальная, Н.А. Лукьянова Менеджмент «лица» в практиках современной деловой культуры Китая	187-197

Г.В. Смолонский

Роль спиралевидной модели развития и знания в современных управленческих стратегиях

198-206

УДК 339.5.025.4:341.655(470+571)
DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1691
Шифр специальности ВАК: 5.2.5

Сценарии развития внешнеторговой деятельности Российской Федерации в условиях санкционных ограничений

С.С. Красных✉

*Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Россия, г. Екатеринбург*

✉ krasnykh.ss@uiec.ru

Аннотация. *Актуальность* связана с тем, что внешнеторговая деятельность является важнейшим фактором экономического роста Российской Федерации, однако в настоящее время экспорт и импорт находятся под ограничениями со стороны западных стран. Данное исследование позволит получить информацию о потенциальных сценариях развития внешнеторговой деятельности России с помощью ARMA- и ARIMA-моделирования. *Цель:* анализ внешнеторговой деятельности Российской Федерации в условиях ограничительных мер, запрещающих доступ к международным и финансовым рынкам; разработка различных сценариев развития внешнеторговой деятельности России на фоне санкционных ограничений. *Методы:* методы анализа, синтеза и сравнения, а также ARMA- и ARIMA-прогнозирование временных рядов. *Результаты:* на основе анализа внешнеторговой деятельности Российской Федерации за 2022 г. было выявлено, что торговые потоки и структура внешнеэкономической деятельности претерпели значительные изменения, благодаря чему России удалось минимизировать последствия от введенных санкционных ограничений. Построенные модели позволили разработать три вида сценариев развития экспорта и импорта – инерционные, пессимистичные и оптимистичные. Анализ данных моделей показал, что в рамках инерционного сценария в 2023 и 2024 гг. будет замечен рост экспорта на 3 и на 2 % соответственно, однако в 2025 г. произойдет снижение экспорта на 3,5 % до 610 млрд долл. США. В рамках инерционного сценария для показателя импорта получены следующие значения: в 2023 г. рост составит 4 %, в 2024 г. возможно увеличение импорта на 2 %, а в 2025 г. на основе полученной модели рост должен прекратиться.

Ключевые слова: Российская Федерация, внешнеторговая деятельность, экспорт, импорт, регионы, динамика, внешнеэкономическая деятельность

Для цитирования: Красных С.С. Сценарии развития внешнеторговой деятельности Российской Федерации в условиях санкционных ограничений // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 1–12. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1691

UDC 339.5.025.4:341.655(470+571)
DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1691

Scenarios of development of foreign trade activity of the Russian Federation under sanctions conditions

S.S. Krasnykh✉

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

✉ krasnykh.ss@uiec.ru

Abstract. Relevance. Foreign trade activity is the most important factor of economic growth of the Russian Federation, but currently exports and imports are under restrictions from Western countries. This study will provide information on potential scenarios for development of Russian foreign trade activity using ARMA and ARIMA modelling in modern conditions. **Aim.** To analyze the foreign trade activity of the Russian Federation in the conditions of restrictive measures prohibiting access to international and financial markets; to develop various scenarios of development of Russian foreign trade activity in the conditions of sanctions restrictions. **Methods.** Methods of analysis, synthesis and comparison, as well as ARMA- and ARIMA-forecasting of time series. **Results.** Based on the analysis of foreign trade activity of the Russian Federation for 2022, it was revealed that trade flows and the structure of foreign economic activity have undergone significant changes, thanks to which Russia managed to minimize the consequences of the imposed sanctions restrictions. The constructed models made it possible to develop three types of export and import development scenarios – inertial, pessimistic and optimistic. But in 2025 there will be a decrease in exports by 3.5% to \$610 billion. Analysis of these models showed that, within the framework of the inertial scenario, in 2023 and 2024 there will be a noticeable increase in exports by 3 and 2%, respectively. In 2025 there will be a decrease in exports by 3.5% to \$610 billion. Within the framework of the inertial scenario, the following values were obtained for the import indicator: in 2023, growth will be 4%, in 2024, an increase in imports by 2% is possible, and in 2025, based on the obtained model, growth will stop.

Keywords: Russian Federation, foreign trade activity, exports, imports, regions, dynamics, foreign economic activity

For citation: Krasnykh S.S. Scenarios of development of foreign trade activity of the Russian Federation under sanctions conditions. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 1–12. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1691

Введение

Развитие внешнеторговой деятельности является важнейшим компонентом общего экономического роста и стабильности страны. Однако введение санкций со стороны западных стран создало значительные проблемы, в свете которых важно определить потенциальные сценарии развития экспорта и импорта, чтобы выявить основные направления для поддержки внешнеторговой деятельности, способной стимулировать дальнейший рост российской экономики. В связи с этим цель исследования – анализ внешнеторговой деятельности Российской Федерации в условиях ограничительных мер, запрещающих доступ к международным и финансовым, а также разработка различных сценариев развития внешнеторговой деятельности Российской Федерации на фоне санкций. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: проанализировать внешнеторговую деятельность Российской Федерации с учетом санкционных ограничений, а также с помощью ARMA- и ARIMA-моделирования составить прогнозы развития экспорта и импорта Российской Федерации.

Теоретический обзор

В настоящее время существует значительное количество исследований, посвященных влиянию санкционных ограничений на внешнеторговую деятельность. В частности, отмечается следующее: санкции оказывают существенное влияние на дефицит кадров в российской экономике, а также существует невозможность использования некоторой высокотехнологичной продукции [1]; в текущей геополитической обстановке для России важна переориентация с западных рынков на восточные [2]; воздействие санкций замедлит социально-экономическое развитие России в переходный период времени [3]; подчеркивается первостепенное значение параллельного импорта для экономики [4]; в текущих условиях необходимо развитие сельского хозяйства и малого бизнеса [5]; указывается значимость движения в направлении снижения от сырьевой зависимости страны [6].

С помощью эконометрических методов на примере экономики Ирана выявлено, что санкции, геополитический риск и процентная ставка оказывают негативное влияние на внешнюю торговлю, а экономическая открытость, темпы экономического роста, реальный эффективный обменный курс и деловой климат оказывают позитивное влияние [7]. Также на примере экономики Ирана исследователями проверялась гипотеза о том, сместилось ли в условиях санкций торговое направление Ирана от Европы (торговая политика деевропеизации) к Азии (торговая политика азиатизации). В итоге с помощью гравитационных моделей было выявлено значительное негативное влияние санкций на двустороннюю торговлю Иран – Европейский Союз (уменьшение в среднем на 46,9 %), в то время как они оказывают положительное влияние на торговлю между Ираном и странами Азии (увеличение в среднем на 85,2 %) [8]. Также эконометрические методы используются для моделирования и прогнозирования динамики внешней торговли. В частности, в исследовании «Forecasting ARIMA model for foreign trade statistics» рассматривается возможность использования ARMA- и ARIMA-моделирования для прогнозирования внешнеторговой динамики, и автор отмечает, что применяемая модель является полезной и дает достаточно точные прогнозы для статистики внешней торговли Саудовской Аравии и США [9].

Для моделирования процессов, связанных с внешней торговлей, также активно используются методы регрессионного анализа панельных данных и метод наименьших квадратов. В частности, в исследовании «ASEAN foreign trade analysis using dynamic panel data and simultaneous regression model» применяется одновременная регрессия панельных данных и динамическая регрессия панельных данных для анализа влияния переменных (ПИИ, ВВП) на внешнюю торговлю в АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии). Выявлено, что существенное положительное влияние на импорт АСЕАН оказывают рост ВВП и реальный эффективный обменный курс [10]. На примере экономики России в исследовании «Research on the Influencing Factors of Russian Foreign Trade Based on R Language Regression Analysis» определено, что основными факторами, влияющими на общий объем внешней торговли России (включая импорт и экспорт), являются ВВП России, мировая цена на нефть и сопутствующие товары торговли: древесина, металл, химическое сырье, машины и электроэнергия, а важными факторами, влияющими на экспортную торговлю России, – энергоносители, минеральное сырье, древесина и сопутствующие товары. В условиях экономической глобализации для получения больших торговых выгод и обеспечения стабильного развития экономики России необходимо более эффективно использовать свои сырьевые и торговые преимущества, активно расширять зарубежные рынки, увеличивать соответствующую политическую поддержку, повышать уровень производства и переработки промышленной продукции, а также международную конкурентоспособность и улучшать статус международного разделения труда. Для достижения указанных целей России потребуется более активная экономическая и технологическая поддержка, а также торговое и инвестиционное сотрудничество с зарубежными странами [11]. Помимо перечисленных научных работ регрессионный анализ панельных данных использовался в [12–18] и др.

Таким образом, существующие исследования посвящены оценке и влиянию санкций на развитие внешнеторговой деятельности, но в настоящее время недостаточно освещены вопросы, связанные с прогнозированием экспорта и импорта России в текущих ограничениях. В частности, выявлено, что для моделирования внешнеторговой деятельности активно используются методы регрессионного анализа панельных данных, однако данные методы не способны спрогнозировать и помочь разработать сценарии внешней торговли на краткосрочный период. Поэтому наиболее оптимальным методом для сценарного прогнозирования экспорта и импорта регионов России является ARMA- и ARIMA-прогнозирование.

Структура внешнеторговой деятельности РФ

Из-за ограничений Федеральной таможенной службы в предоставлении точной статистики внешней торговли за 2023 г. сложно оценить влияние санкций на внешнеторговую деятельность Российской Федерации. Поэтому для оценки экспорта и импорта страны были проанализированы данные за 2022 г. Для анализа экспорта использовались данные Федеральной таможенной службы [19] и базы данных Ru-stat [20].

С января по декабрь 2022 г. экспорт составил 591,5 млрд долл. США, что на 20 % больше, чем за тот же период 2021 г., когда Российская Федерация продала продукции на 491,2 млрд долл. США (табл. 1). Это самый высокий показатель экспорта в России, причем увеличение частично объясняется задержкой поставок, вызванной пандемией COVID-19. Также стоит отметить, что по сравнению с «коронакризисным» 2020 годом в 2022 году объем экспорта вырос более чем на 75 %.

Таблица 1. Экспорт России с 2012 по 2022 г.
Table 1. Russian exports for the period from 2012 to 2022

Год/Year	Объем экспорта (млрд долл. США)/Export volume (billion US dollars)
2012	524,6
2013	527,2
2014	497,8
2015	343,5
2016	285,7
2017	357,8
2018	449,6
2019	424,4
2020	336,4
2021	491,2
2022	591,5

Источник: составлено автором по [19].

Source: compiled by the author based on [19].

Наибольшую долю в экспорте Российской Федерации составляют минеральные продукты. Они включают в себя нефть и нефтепродукты, руды, шлак и т. д., в 2022 году объем составил 387,8 млрд долл. США (64,8 % от всего экспорта). Однако в настоящее время нет официальной статистики, в какие страны направлялась данная продукция. Например, в 2021 г. основными поставщиками минеральной продукции были Нидерланды, Германия, Китай, Южная Корея, Япония, Польша, Италия и США, поэтому, учитывая санкционные ограничения, введенные западными странами, можно предположить, что произошла значительная диверсификация экспортных потоков на восточные рынки, например, Индии и Китая.

Значительно увеличился экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья – более чем на 10 %, однако наибольший темп прироста наблюдался у следующих товарных групп: цинк и изделия из него (577,4 %), никель (289 %), шелк (218 %), удобрения (154,3 %) и др.

Экспорт металлов и изделий из них в 2022 г. составил 51,5 млрд долл. США, что на 10 % меньше, чем в 2021 г. В 2021 г. экспортировались черные металлы, медь и изделия из меди, а также алюминий в основном в Нидерланды, Турцию, Китай, Белоруссию, Казахстан, Тайвань и США.

Экспорт по скрытым разделам в 2022 г. был засекречен – Федеральная таможенная служба не предоставляет на данный момент такую статистику. Однако в 2021 г. данный вид экспорта составил 43,6 млрд долл. США, а основными потребителями были Германия, Турция,

Италия, Белоруссия, Алжир, Китай, Франция и Иран. Динамика экспорта этой товарной группы изменилась на 12 % по сравнению с 2020 г.

Рассматривая экспорт товарных групп в 2022 г., можно сделать вывод, что за исключением продуктов растительного происхождения, таких как зерно и крупы, сельскохозяйственно-го сырья, удобрения, минеральных продуктов, продуктов текстиля и химии, объем всех остальных товарных групп снизился до 69,7%. Наибольший спад заметен среди музыкальных товаров, фармацевтической продукции, средств наземного транспорта, взрывчатых веществ, мебели, древесины, ядерных реакторов и пр. Однако, несмотря на все ограничения, вводимые западными странами, показатели экспорта Российской Федерации в 2022 г. являются одними из самых высоких в истории Российской Федерации.

Рассматривая основных потребителей российской продукции с 2012 по 2021 г., можно сделать вывод, что наиболее востребованными рынками сбыта российской продукции были страны Европейского Союза, такие как Нидерланды, Германия, Польша и Италия; страны Азии, такие как Южная Корея, Тайвань и Япония, а также США, которые ввели санкции на внешнюю торговлю с Российской Федерацией. Поэтому в динамике экспорта в 2022 г. по сравнению с 2021 г. может наблюдаться более значительная переориентация экспорта на другие рынки, в частности на южноамериканские, африканские и азиатские.

После введения санкций западными странами в 2014 г. импорт в Российскую Федерацию значительно сократился, в частности с 2013 по 2014 г. падение составило 9 %, а с 2014 по 2015 г. – около 36 %. Однако с 2016 по 2021 г. объемы импорта увеличивались каждый год, за исключением 2020 г., когда пандемия COVID-19 вызвала значительное сокращение международных поставок (табл. 2).

Таблица 2. Импорт России с 2012 по 2022 г.
Table 2. Russian imports for the period from 2012 to 2022

Год/Year	Объем импорта (млрд долл. США)/Import volume (billion US dollars)
2012	316,1
2013	314,9
2014	286,6
2015	182,7
2016	207,4
2017	259,6
2018	240,2
2019	247,1
2020	231,6
2021	293,5
2022	259,0

Источник: составлено автором на основе [19].

Source: compiled by the author based on [19].

Большая часть импорта в Российскую Федерацию представлена продукцией на основе товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД): ТН ВЭД 84 «Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части» (в 2022 г. объем составил 47,2 млрд долл. США, что на 13,1 % меньше, чем в 2021 г.), ТН ВЭД 01-24 «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)» (в 2022 г. объем составил 35,7 млрд долл. США, что на 4,9 % больше, чем в 2021 г.), ТН ВЭД 85 «Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности» (в 2022 г. объем составил 29,8 млрд долл. США, что на 19,1 %

меньше, чем в 2021 г.), ТН ВЭД 30 «Фармацевтическая продукция»» (в 2022 г. объем составил 16 млрд долл. США, что на 16,3 % больше, чем в 2021 г.) и ТН ВЭД 87 «Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности» (в 2022 г. объем составил 15,7 млрд долл. США, что на 41,5 % меньше, чем в 2021 г.). Однако стоит заметить, что поступление в страну ряда товаров значительно возросло. Так, например, импорт удобрений увеличился более чем в 2 раза по сравнению с 2021 г., железнодорожных локомотивов (рост в 2022 г. на 72 % по сравнению с 2021 г.), прочих недрагоценных металлов (импорт вырос на 55 % в 2022 г. по сравнению с 2021 г.). Крупнейшие импортеры в Российскую Федерацию с 2012 по 2021 г. – Китай, Германия, США, Белоруссия, Италия, Франция, Япония, Южная Корея, Украина и Польша. Таким образом, общее снижение импорта в Российскую Федерацию составило 11,7 % по сравнению с 2021 г. в связи с санкциями, наложенными на высокотехнологичную продукцию. Учитывая основных импортеров продукции в Российскую Федерацию (большинство из которых ввело санкции в отношении страны), можно сделать вывод, что произошла диверсификация торговых потоков за счет использования параллельного импорта и увеличения товарооборота с Китаем.

Сценарные прогнозы развития внешнеторговой деятельности РФ

Следующей задачей исследования является моделирование развития внешнеторговой деятельности на среднесрочную перспективу до 2024 г. Для построения прогнозов будет применяться метод ARMA-моделирования (методика Бокса–Дженкинса).

Основными методами для разработки сценариев развития внешнеторговой деятельности Российской Федерации будут являться ARMA- и ARIMA-моделирование – это статистические методы, используемые для анализа и прогнозирования временных рядов данных. Они широко применяются в области финансов, экономике и других сферах, где важно делать прогнозы на основе прошлых данных.

Моделирование ARMA (AutoRegressive Moving Average) – это эконометрический метод, позволяющий моделировать временные ряды, которые подвержены влиянию процессов авторегрессии (AR) и скользящего среднего (MA). Модели ARMA предполагают, что текущее значение временного ряда является линейной комбинацией его прошлых значений и прошлых ошибок. Это делает модели ARMA подходящими для моделирования данных временного ряда, которые демонстрируют линейную связь между текущим значением и его прошлыми значениями.

Моделирование ARIMA (AutoRegressive Integrated Moving Average) – это расширение модели ARMA, которое также учитывает нестационарность данных. Нестационарные данные относятся к временным данным, которые изменяются во времени и не имеют постоянного среднего значения и дисперсии. Модели ARIMA решают проблему нестационарности путем дифференцирования данных, что устраняет тенденции и делает данные стационарными.

Ключевым различием между моделями ARMA и ARIMA является наличие нестационарности в данных. Если данные стационарны, то достаточно модели ARMA, а если данные нестационарны, то необходима модель ARIMA. Процесс построения модели ARMA или ARIMA включает выбор соответствующего порядка компонентов AR и MA и подгонку модели к данным. Порядок компонентов AR и MA определяется на основе остатков модели, которые представляют собой ошибки между фактическими значениями и значениями, предсказанными моделью. Остатки должны быть нормально распределены, и корреляция между ними должна отсутствовать, чтобы модель считалась хорошо подходящей.

Для построения ARMA- и ARIMA-моделей был использован программный комплекс Gretl. В качестве исходных данных были взяты показатели экспорта и импорта с 1995 по 2022 г.

Первоначально переменная экспорта была оценена с помощью теста Дики–Фуллера на наличие стационарности. Проведенный тест показал ее отсутствие, поэтому для построения прогнозных сценариев был использован именно метод ARIMA-моделирования. Результаты расчетов представлены в табл. 3.

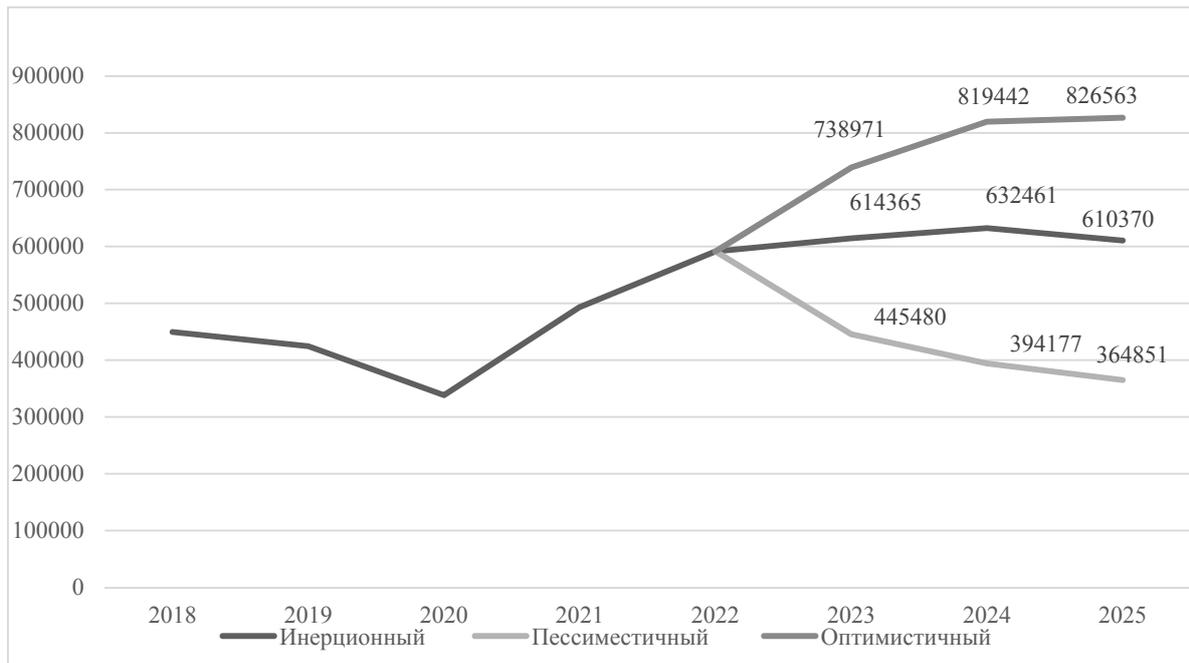
Таблица 3. ARIMA-модель экспорта Российской Федерации
Table 3. ARIMA model of exports of the Russian Federation

Переменная Variable	Коэффициент Coefficient	Стандартная ошибка Standard error	z-оценка z-value	p-значение p-value
const	112,238	1625,84	0,06903	0,9450
phi_1	-0,597958	0,400977	-1,491	0,1359
phi_2	-0,539129	0,506647	-1,064	0,2873
phi_3	-0,715421	0,464003	-1,542	0,1231
phi_4	-0,815726	0,270876	-3,011	0,0026***
phi_5	-0,0363104	0,277659	-0,1308	0,8960
theta_1	-0,283222	0,423885	-0,6682	0,5040
theta_2	-0,354479	0,470003	-0,7542	0,4507
theta_3	0,354479	0,495677	0,7151	0,4745
theta_4	0,283222	0,421442	0,6720	0,5016
theta_5	-0,999999	0,341378	-2,929	0,0034***
Среднее зависимой переменной Mean of the dependent variable	3507,077	Стандартное отклонение зависимой переменной Standard deviation of the dependent variable		107747,5
Среднее инноваций Average of innovation	3013,281	Стандартное отклонение инноваций Standard deviation of innovation		63575,31
R-квадрат/R-square	0,858809	Исправленный R-квадрат Corrected R-square		0,779389
Логарифм правдоподобия Logarithm of likelihood	-328,4325	Критерий Акаике Akaike criterion		680,8650
Критерий Шварца Schwartz criterion	695,9621	Критерий Хеннана–Куинна Hennan–Quinn criterion		685,2124
AR				
Корни AR/MA AR/MA Roots	Действительная часть Real part	Мнимая часть Imaginary part	Модуль Module	Частота Frequency
1	-0,8932	-0,6693	1,1161	-0,3977
2	-0,8932	0,6693	1,1161	0,3977
3	0,4519	-0,9056	1,0121	-0,1763
4	0,4519	0,9056	1,0121	0,1763
5	-21,5828	0,0000	21,5828	0,5000
MA				
1	1,0000	0,0000	1,0000	0,0000
2	0,4853	-0,8744	1,0000	-0,1694
3	0,4853	0,8744	1,0000	0,1694
4	-0,8437	-0,5369	1,0000	-0,4098
5	-0,8437	0,5369	1,0000	0,4098

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Коэффициент детерминации в модели ARIMA измеряет долю дисперсии зависимой переменной, которая объясняется моделью, и дает общее представление о качестве модели. Высокое значение R-квадрат свидетельствует о более точной модели, а если значение данного коэффициента стремится к нулю, то это указывает о низком качестве полученного прогноза. В данном случае коэффициент детерминации близок к единице – 0,85, что свидетельствует о достаточно высокой точности полученных прогнозов (рис. 1).

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 1. Сценарии развития экспорта Российской Федерации (млн долл. США)

Fig. 1. Export development scenarios for the Russian Federation (USD million)

Полученные модели позволяют сделать вывод, что в рамках инерционного сценария в 2023 г. был замечен небольшой рост экспорта в районе 3 %, в 2024 г. – на 2 % и в 2025 году – падение на 3,5 %. В рамках пессимистичного сценария падение в 2023 г. составит 24,7 %, в 2024 г. – падение на 11,6 % и в 2025 г. – снижение на 7,5 %. Учитывая количество введенных санкций, а также основные пострадавшие группы экспорта, можно предположить, что наиболее вероятным сценарием развития экспортной деятельности будет пессимистичный, что соответствует прогнозу Минэкономразвития РФ [21].

Следующей задачей исследования является построение моделей импорта Российской Федерации. Переменная импорта регионов России оказалась стационарной, что было подтверждено с помощью теста Дики–Фулера на наличие единичного корня. Поэтому для прогнозирования использовался метод ARMA-моделирования (табл. 4).

В данной модели коэффициент детерминации близок к единице, что свидетельствует о хорошей подгонке и достаточно высокой точности прогнозирования. Все необходимые статистические тесты – значимы. Полученные сценарные прогнозы развития импорта регионов Российской Федерации представлены на рис. 2.

Полученные модели позволяют сделать вывод, что в рамках инерционного сценария возможно увеличение импорта до 270,7 млрд долл. США в 2023 г., рост – до 276 млрд долл. США в 2024 г. и увеличение на 0,003 % в 2025 г. В рамках пессимистичного сценария возможно снижение на 21 % до 204 млрд долл. США в 2023 г., на 13 % до 178 млрд долл. США в 2024 г. и на 12,7 % в 2025 г. до показателей в 155,9 млрд долл. США.

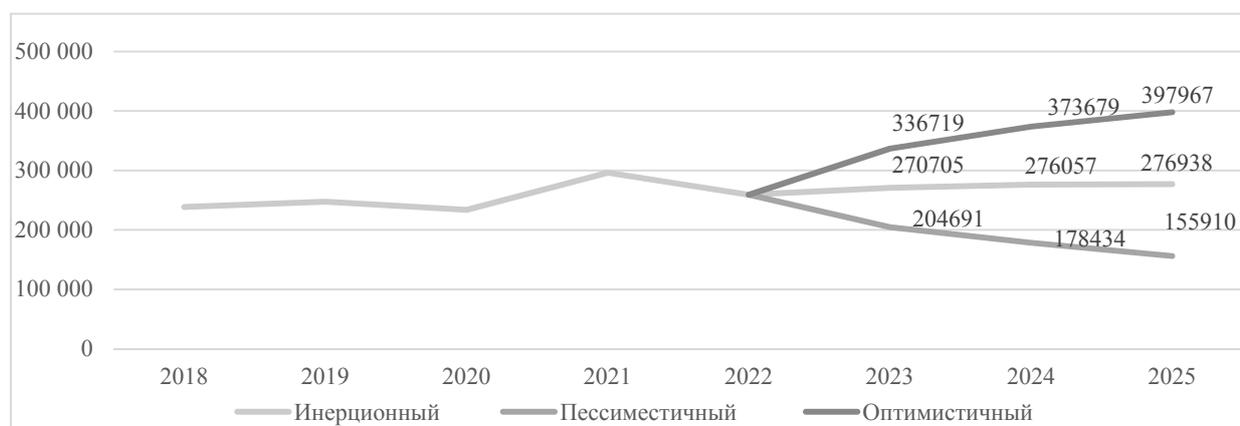
Введенные западными странами санкции на импорт высокотехнологичной продукции должны значительно повлиять на импорт Российской Федерации. Поэтому, при сохранении текущих негативных тенденций наиболее вероятный сценарий – пессимистичный. Однако, если реализация соглашений на поставку продукции высокого предела и технологий с дружественными странами, развитие параллельного импорта, а также реализация программ на развитие импортозамещения покажут свою эффективность, вероятен и инерционный сценарий.

Таблица 4. ARMA-модель импорта Российской Федерации
Table 4. ARMA model of imports of the Russian Federation

Переменная Variable	Коэффициент Coefficient	Стандартная ошибка Standard error	z-оценка z-value	p-значение p-value
const	169913	54883,9	3,096	0,0020***
phi_1	0,763841	0,273930	2,788	0,0053***
phi_2	-0,0866357	0,289031	-0,2997	0,7644
theta_1	0,325599	0,313225	1,040	0,2986
theta_2	0,338153	0,575283	0,5878	0,5567
theta_3	0,343202	0,282114	1,217	0,2238
theta_4	0,197402	0,468871	0,4210	0,6737
theta_5	0,0870724	0,334307	0,2605	0,7945
theta_6	0,865683	0,561918	1,541	0,1234
Среднее зависимой переменной Mean of the dependent variable	166697,6	Стандартное отклонение зависимой переменной Standard deviation of the dependent variable		103321,3
Среднее инноваций Average of innovation	3120,308	Стандартное отклонение инноваций Standard deviation of innovation		33681,44
R-квадрат/R-square	0,891711	Исправленный R-квадрат/Corrected R-square		0,853810
Логарифм правдоподобия Likelihood logarithm	-336,4773	Критерий Акаике Akaike criterion		692,9545
Критерий Шварца Schwartz criterion	706,2766	Критерий Хеннана-Куинна Hennan-Quinn criterion		697,0272
AR				
Корни AR/МА AR/MA Roots	Действительная часть Real part	Мнимая часть Imaginary part	Модуль Module	Частота Frequency
1	1,5993	0,0000	1,5993	0,0000
2	7,2174	0,0000	7,2174	0,0000
МА				
1	-0,8742	-0,4855	1,0000	-0,4193
2	-0,8742	0,4855	1,0000	0,4193
3	0,8376	-0,6734	1,0748	-0,1078
4	0,8376	0,6734	1,0748	0,1078
5	-0,0137	-0,9999	1,0000	-0,2522
6	-0,0137	0,9999	1,0000	0,2522

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 2. Сценарии развития импорта Российской Федерации (млн долл. США)
Fig. 2. Import development scenarios for the Russian Federation (USD million)

Заключение

В данном исследовании был проведен анализ экспорта и импорта Российской Федерации. Исходя из товарной структуры можно сделать вывод, что санкции оказывают значительное влияние на их динамику. 2022 год показал, что Россия смогла устоять в данном глобальном кризисе, однако в настоящее время этого недостаточно. Российской экономике необходимо находить ответы на существующие и будущие вызовы. Этого можно достичь путем освоения новых рынков в странах, на которые не распространяются санкции – необходима переориентация на развивающиеся рынки, в частности входящие в Шанхайскую организацию сотрудничества и БРИКС. И, конечно, важно укрепление своего внутреннего рынка, поддержка местных предприятий и отраслей. Это поможет создать более прочную и самодостаточную экономику, менее уязвимую к внешним потрясениям.

Направления дальнейших исследований будут связаны с разработкой механизмов и мер развития внешнеторговой деятельности Российской Федерации в условиях санкционных ограничений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куликова И.В., Украинцева И.В., Рошина Л.Н. Проблемы и перспективы развития внешнеторговой деятельности России в условиях санкционного давления // *Modern Economy Success*. – 2022. – № 5. – С. 164–168.
2. Иванов А.А., Глазков М.А. Запреты и ограничения внешнеторговой деятельности в условиях санкций // *Экономика и бизнес: теория и практика*. – 2022. – № 11-1 (93). – С. 152–154. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-11-1-152-154.
3. Линецкий А.Ф. Внешнеторговая деятельность России и субъектов Федерации в современных геополитических условиях // *Теория и практика общественного развития*. – 2022. – № 5 (171). – С. 29–34. DOI: 10.24158/tipor.2022.5.4.
4. Михайлов С.В. Параллельный импорт во внешнеторговой деятельности // *Юрист-Правовед*. – 2022. – № 4 (103). – С. 136–140.
5. Фомичев Н.А. Внешнеторговая деятельность РФ в современных условиях // *Молодежь и XXI век – 2022: Материалы 12-й Международной молодежной научной конференции*. В 4 т. Т. 2. Курск, 17–18 февраля 2022 года. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 403–407.
6. Расулнежад Э., Мотамеди Седех Ф. Иранская модель экономики устойчивости: уроки и рекомендации для России // *Вестник Забайкальского государственного университета*. – 2022. – Т. 28. – № 8. – С.132–142. DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-8-132-142.
7. Modeling Iran's foreign trade with emphasis on sanctions and geopolitical risk indicators / H. Najafi, R. Saadat, E. Abounoori, M. Maddah // *Quarterly Journal of New Economy and Trade*. – 2023. – Vol. 18. – № 3. DOI: 10.30465/JNET.2023.45261.2033.
8. Popova L., Rasoulnezhad E. Have sanctions modified Iran's trade policy? An evidence of asianization and De-Europeanization through the gravity model // *Economies*. – 2016. – Vol. 4. – № 4. – P. 24. DOI: <https://doi.org/10.3390/economies4040024>.
9. Elsayir H. A. Forecasting ARIMA model for foreign trade statistics // *Standard Scientific Research and Essays*. – 2014. – № 2 (12). –P. 636–648.
10. Kusriani D.E., Wildani Z., Azizah N. ASEAN foreign trade analysis using dynamic panel data and simultaneous regression model // *The 3rd International Conference On Mathematics And Sciences (The 3RD ICMSs): A Brighter Future with Tropical Innovation in the Application of Industry 4.0*. – East Kalimantan, Indonesia, 2022. – Vol. 2668 (1). – P. 070001. DOI: 10.1063/5.0117377.
11. Zhou S., Kang C. Research on the influencing factors of Russian foreign trade based on R language regression analysis // *Mathematical Problems in Engineering*. – 2021. – № 27. – P. 5638831
12. Cao C. A study on the relationship between cross-border e-commerce, business environment, and high-quality development of foreign trade // *Advances in Economics Management and Political Sciences*. – 2023. – № 39 (1). – P. 241–246. DOI: 10.54254/2754-1169/39/20231976.
13. Akbulaev N., Mirzayeva G. Analysis of a paired regression model of the impact of income from international tourism on the foreign trade balance // *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*. – 2020. – Vol. 9. – № 1. – P. 1–13.
14. Petronilla O.U. On the comparison of ordinary least squares and quantile regression with nigerian financial data on trade balance, foreign inflow and imports // *Asian Journal of Probability and Statistics*. – 2022. – № 17 (1). – P. 43–52. DOI: 10.9734/ajpas/2022/v17i130415.

15. Hua R. Influence of highway construction on foreign trade based on multivariate regression // *Emerging Technologies for Information Systems, Computing, and Management. Lecture Notes in Electrical Engineering*. – 2013. – Vol. 236. – P. 1171–1177. DOI: 10.1007/978-1-4614-7010-6_131.
16. Anggraini W.P. Analysis of the foreign trade and gross domestic product effect on foreign direct investment using panel data regression estimation // *Eigen Mathematics Journal*. – 2021. – № 4 (1). – P. 24. DOI: 10.29303/emj.v4i1.85.
17. Zhai Y. Innovation of China's international trade methods based on the perspective of cross-border e-commerce // *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences*. – 2023. – P. 1–14. DOI: 10.2478/amns.2023.2.00205.
18. Rehman A., Ma H., Ahmad M. Estimating the connection of information technology, foreign direct investment, trade, renewable energy and economic progress in Pakistan: evidence from ARDL approach and cointegrating regression analysis // *Environmental Science and Pollution Research*. – 2021. – № 28. – P. 50623–50635. DOI: 10.1007/s11356-021-14303-9.
19. Анализ данных // Федеральная таможенная служба. URL: <http://stat.customs.gov.ru/analysis> (дата обращения 27.10.2023).
20. Экспорт и импорт России по товарам и странам // Ru-Stat. URL: <https://ru-stat.com> (дата обращения 27.10.2023).
21. Минэкономразвития РФ ожидает сальдо счета текущих операций в 2023 г. на уровне \$74,4 млрд // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/920470> (дата обращения 27.10.2023).

Информация об авторах

Красных Сергей Сергеевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник Лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; krasnykh.ss@uiec.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2692-5656>

Поступила в редакцию: 28.10.2023

Поступила после рецензирования: 10.12.2023

Принята к публикации: 15.03.2024

REFERENCES

1. Kulikova I.V., Ukraintseva I.V., Roshchina L.N. Problems and prospects for the development of foreign trade activities of Russia under sanctions pressure. *Modern Economy Success*, 2022, no. 5, pp. 164–168. (In Russ.)
2. Ivanov A.A., Glazkov M.A. Prohibitions and restrictions of foreign trade activities under sanctions. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 2022, no. 11-1 (93), pp. 152–154. (In Russ.) DOI: 10.24412/2411-0450-2022-11-1-152-154.
3. Linetskiy A.F. Foreign trade activity of Russia and the subjects of the Federation in modern geopolitical conditions. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2022, no. 5 (171), pp. 29–34. (In Russ.) DOI: 10.24158/tipor.2022.5.4.
4. Mikhaylov S.V. Parallel imports in foreign trade activities. *Yurist-Pravoved*, 2022, no. 4 (103), pp. 136–140. (In Russ.)
5. Fomichev N.A. Foreign trade activity of the Russian Federation in modern conditions. *Youth and the XXI century – 2022. Proc. of the 12th International Youth Scientific Conference*. Kursk, Yugo-Zapadny gosudarstvenny universitet Publ., 2022. Vol. 4, pp. 403–407.
6. Rasoulinezhad E., Motamedi Sedeh F. The Iranian model of the resistance economy: lessons and recommendations for Russia. *Transbaikal State University Journal*, 2022, vol. 28, no. 8, pp. 132–142. (In Russ.) DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-8-132-142.
7. Najafi H., Saadat R., Abounoori E., Maddah M. Modeling Iran's foreign trade with emphasis on sanctions and geopolitical risk indicators. *Quarterly Journal of New Economy and Trade*, 2023, vol. 18, no. 3. DOI: 10.30465/JNET.2023.45261.2033
8. Popova L., Rasoulinezhad E. Have sanctions modified Iran's trade policy? An evidence of asianization and De-Europeanization through the gravity model. *Economies*, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 24. DOI: <https://doi.org/10.3390/economies4040024>
9. Elsayir H.A. Forecasting ARIMA model for foreign trade statistics. *Standard Scientific Research and Essays*, 2014, no. 2 (12), pp. 636–648.
10. Kusriani D.E., Wildani Z., Azizah N. ASEAN foreign trade analysis using dynamic panel data and simultaneous regression model. *The 3rd International Conference On Mathematics And Sciences (The 3RD ICMSs): A Brighter Future with Tropical Innovation in the Application of Industry 4.0*. East Kalimantan, Indonesia, 2022. Vol. 2668 (1), pp. 070001. DOI: 10.1063/5.0117377

11. Zhou S., Kang C. Research on the influencing factors of Russian foreign trade based on R language regression analysis. *Mathematical Problems in Engineering*, 2021, no. 27, p. 5638831
12. Cao C. A study on the relationship between cross-border e-commerce, business environment, and high-quality development of foreign trade. *Advances in Economics Management and Political Sciences*, 2023, no. 39 (1), pp. 241–246. DOI: 10.54254/2754-1169/39/20231976
13. Akbulaev N., Mirzayeva G. Analysis of a paired regression model of the impact of income from international tourism on the foreign trade balance. *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*, 2020, vol. 9, no. 1, pp. 1–13.
14. Petronilla O.U. On the comparison of ordinary least squares and quantile regression with nigerian financial data on trade balance, foreign inflow and imports. *Asian Journal of Probability and Statistics*, 2022, no. 17 (1), pp. 43–52. DOI: 10.9734/ajpas/2022/v17i130415
15. Hua R. Influence of highway construction on foreign trade based on multivariate regression. *Emerging Technologies for Information Systems, Computing, and Management. Lecture Notes in Electrical Engineering*, 2013, vol. 236, pp. 1171–1177. DOI: 10.1007/978-1-4614-7010-6_131
16. Anggraini W.P. Analysis of the foreign trade and gross domestic product effect on foreign direct investment using panel data regression estimation. *Eigen Mathematics Journal*, 2021, no. 4 (1), pp. 24. DOI: 10.29303/emj.v4i1.85
17. Zhai Y. Innovation of China's international trade methods based on the perspective of cross-border e-commerce. *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences*, 2023, pp. 1–14. DOI: 10.2478/amns.2023.2.00205
18. Rehman A., Ma H., Ahmad M. Estimating the connection of information technology, foreign direct investment, trade, renewable energy and economic progress in Pakistan: evidence from ARDL approach and cointegrating regression analysis. *Environmental Science and Pollution Research*, 2021, no. 28, pp. 50623–50635. DOI: 10.1007/s11356-021-14303-9
19. Data Analysis. *Federal Customs Service*. Available at: <http://stat.customs.gov.ru/analysis> (accessed 27 October 2023).
20. Export and import of Russia by goods and countries. *Ru-Stat*. Available at: <https://ru-stat.com> (accessed 27 October 2023).
21. Russian Ministry of Economic Development expects current account balance in 2023 at \$74.4bn. *Interfaks*. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/920470> (accessed 27 October 2023).

Information about the authors

Krasnykh Sergey Sergeevich, Cand. Sc., Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29, Moskovskaya street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; krasnykh.ss@uiec.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2692-5656>

Received: 28.10.2023

Revised: 10.12.2023

Accepted: 15.03.2024

УДК 332.1:502.131

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1690

Специальность ВАК: 5.2.3

Особенности устойчивого развития регионов в условиях низкоуглеродной и ESG-трансформаций экономики

Н.Л. Никулина✉

*Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Россия, г. Екатеринбург*

✉ nikulinanl@mail.ru

Аннотация. Существующие проблемы обеспечения достойного качества и уровня жизни населения, функционирования предприятий с акцентом на энергосбережение и энергоэффективность, сложившаяся экологическая ситуация усиливают актуальность достижения целей устойчивого развития. **Цель:** выявление особенностей устойчивого развития регионов в условиях низкоуглеродной трансформации и формирования ESG-повестки (*E* – Environment, *S* – Social, *G* – Government). **Методы:** сравнительный и ретроспективный анализы, классификация, обобщение. **Результаты:** дополнена периодизация устойчивого развития, в которой выделены три этапа (этап формирования, институциональный, функциональный), которые позволяют перевести проблемы изменения климата в практическую плоскость, сориентировать инвестора на ESG-повестку, повысить социальную ответственность на различных уровнях хозяйствования; представлены инициативы российских регионов в рамках ESG-повестки. **Выводы:** на функциональном этапе следование принципам устойчивого развития в Российской Федерации продолжается с учетом ESG-факторов, что отражается в инициативах взаимодействия региональных властей и бизнеса. Дальнейшие исследования в области устойчивого развития будут связаны с более детальной проработкой модели учета низкоуглеродного аспекта и ESG-факторов в устойчивом развитии регионов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, регион, периодизация, низкоуглеродная трансформация, ESG-повестка

Благодарности: Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР Лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики УрО РАН на 2024 год.

Для цитирования: Никулина Н.Л. Особенности устойчивого развития регионов в условиях низкоуглеродной и ESG-трансформации // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 13–25. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1690

UDC 332.1:502.131

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1690

Features of sustainable development of regions in the conditions of low-carbon and ESG economy transformations

N.L. Nikulina✉

*Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation*

✉ nikulinanl@mail.ru

Abstract. The existing problems of ensuring a decent quality and standard of living for the population, functioning of enterprises with an emphasis on energy saving and energy efficiency, and the current environmental situation increase the urgency of achieving sustainable development goals. **Aim.** To identify the features of sustainable development of regions in the context of low-carbon transformation and the formation of the ESG-agenda (E – Environment, S – Social, G – Government). **Methodological tools.** General scientific research methods, such as: comparative and retrospective analysis, classification, generalization. **Results.** The author has supplemented the periodization of sustainable development and identified three stages in it: the formation stage, institutional, functional. These stages make it possible to translate the problems of climate change into a practical plane, orient the investor in the direction of the ESG-agenda, increase social responsibility at various levels of management. The paper introduces the initiatives of Russian regions within the framework of the ESG-agenda. **Conclusions.** At the functional stage, adherence to the principles of sustainable development in the Russian Federation continues, taking into account ESG-factors. This is reflected in the initiatives of interaction between regional authorities and business. Further research in the field of sustainable development will be associated with a more detailed elaboration of the model for taking into account the low-carbon aspect and ESG-factors in sustainable development of regions.

Keywords: sustainable development, region, periodization, low-carbon transformation, ESG-agenda

Acknowledgments: The article was prepared in accordance with the Research Plan of the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024.

For citation: Nikulina N.L. Features of sustainable development of regions in the conditions of low-carbon and ESG economy transformations. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, no. 1 (52), pp. 13–25. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1690

Введение

Устойчивое развитие обсуждается в научных кругах с 1972 г., чему способствовали выпуск доклада Римского клуба «Пределы роста» [1] и создание Программы ООН по окружающей среде. Под устойчивым развитием (sustainable development), утвержденным Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию под руководством Брундтланд в 1983 г., понимается комплекс мер, нацеленных на удовлетворение текущих потребностей человека при сохранении окружающей среды и ресурсов, то есть без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [2]. На конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. была принята концепция устойчивого развития [3].

В качестве основных международных документов в рамках устойчивого развития, ограничивающих выбросы парниковых газов (ПГ), можно отметить Киотский протокол [4], Парижское соглашение [5], Зеленую таксономию ЕС [6], «Зеленую сделку» (The European Green Deal) [7] и европейский налог на импорт товаров с углеродным следом [8]. В Российской Федерации приняты: Федеральный закон № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» от 2 июля 2021 г. [9], Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (распоряжение Правительства РФ № 3052-р от 29 октября 2021 г.) [10], Климатическая доктрина Российской Федерации (указ Президента Российской Федерации № 812 от 26 октября 2023 г.) [11].

Формирование ESG-повестки в международных документах можно проследить в исследовании «ESG-банкинг в России» [12]. В 1997 г. создана Глобальная инициатива по отчетности (Global Reporting Initiative, GRI) – международный стандарт отчетности для добровольного применения организациями, отчитывающимися по устойчивому развитию. В 2004 г. К. Аннан в своем докладе «Who cares wins» сформулировал ESG-принципы, касающиеся интеграции вопросов охраны окружающей среды, социального обеспечения и корпоративного управления [13]. В 2006 г. были представлены Принципы ответственного инвестирования ЮНЕП (PRI) [14]. В 2014 г. Европейской комиссией утверждена Директива по нефинансовой

отчетности [15]. В 2021 г. ЕС принято постановление о раскрытии информации об устойчивом финансировании (*Sustainable Finance Disclosure Regulation, SFDR*) [16].

Следование целям устойчивого развития в Российской Федерации является особенно актуальным для сохранения конкурентоспособности национальной экономики и ориентации бизнеса и государства на *ESG*-принципы.

Международная нормативно-правовая база устойчивого развития и *ESG*-повестки основательно проработана. Нормативно-правовой, а следовательно, и практический аспекты следования *ESG*-повестке в Российской Федерации находятся еще на относительно слабом уровне. В связи с этим целью настоящего исследования является определение особенностей устойчивого развития регионов в условиях низкоуглеродной трансформации и формирования *ESG*-повестки. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- определение основных тенденций в следовании принципам устойчивого развития в Российской Федерации;
- дополнение периодизации устойчивого развития;
- выявление особенностей, инструментов и результатов низкоуглеродной и *ESG*- трансформаций региона;
- рассмотрение инициатив российских регионов в рамках *ESG*-повестки.

Результаты исследования

В Российской Федерации прослеживается два направления по достижению целей устойчивого развития:

1. Возможен отказ от следования реперам климатической повестки, поскольку полная или даже частичная замена традиционных способов производства электроэнергии альтернативными пока невозможна. Это требует значительных вложений в разработку и внедрение новых способов получения энергии.

2. Необходимость дальнейшего развития климатической повестки все-таки остается. Как отмечает А. Халбашкеев, происходит сосредоточение научного потенциала развитых стран на исследованиях, связанных с «зелёной» энергетикой. Отказ от развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и технологий, связанных с энергопереходом, грозит России будущей отсталостью от развитых стран в данном направлении. Также наблюдается серьёзный спрос и со стороны населения. Происходит переориентация российского экспорта на азиатские рынки, на которых требования к углеродному следу товара будут не менее жёсткими, чем в Европе [17].

Ю. Шульга пишет, что «российские компании долгое время концентрировались на экологической составляющей устойчивого развития. Но в последнее время все чаще обращаются к целям устойчивого развития городов, образованию и росту качества жизни в охватываемых территориях» [18].

Прослеживаются две основные тенденции в следовании принципам устойчивого развития в России: 1) неполный отказ от угля: внедрение новых технологий (частичная газификация угля, бездымное топливо, состоящее из термококса); 2) развитие гидро- и атомной энергетики.

Совокупность происходящих фундаментальных изменений, по мнению А.Н. Спартака, Ю.Б. Кравченко, в функционировании мировой экономики, в том числе, включает трансформации, обусловленные переходом концептов устойчивого, низкоуглеродного и инклюзивного развития в плоскость международно-правового регулирования, регламентирования, обязательных требований и отчетности [19].

В качестве основных результатов исследования выделим следующие:

1. *Периодизация устойчивого развития.* В исследовании А.Н. Пасенова выделено два этапа становления концепции устойчивого развития: 1) с середины XX в. до 1992 г. – этап фор-

мирования отдельных положений концепции; 2) с 1992 г. по н. в. – этап нормативного закрепления и дальнейшего совершенствования концепции [20]. Д.Р. Миргасимов предложил следующую классификацию основных этапов и подходов к развитию концепции устойчивого развития: эволюционный, десмоэкологический, триединый, современный управленческий подход [21].

Киотский протокол [4], принятый в 1997 г., явился триггером для начала низкоуглеродной трансформации как экономики в целом, так и направлений устойчивого развития. Данное событие позволяет выделить еще один этап устойчивого развития – функциональный, ориентированный на решение проблемы изменения климата (1997 г. по н. в.).

Объединив и дополнив периодизацию А.Н. Пасенова [20] и классификацию основных этапов и подходов Д.Р. Миргасимова [21] устойчивого развития, представим авторскую периодизацию (табл. 1). С 1997 г. по настоящее время длится функциональный этап устойчивого развития, в котором можно выделить два направления – низкоуглеродной трансформации и ответственного инвестирования в рамках формирования *ESG*-повестки на разных уровнях хозяйственной организации. Начало формирования второго направления, связанного с *ESG*, в авторском представлении связано с 2004 г., когда К. Аннаном были сформулированы *ESG*-принципы.

Таблица 1. Периодизация устойчивого развития
Table 1. Periodization of sustainable development

Название этапа Stage name	Период этапа Stage period	Подход Approach	Характеристика Characteristic
Формирование концепции Formation of a concept	Середина XX в. – 1992 г. Mid-20th century – 1992	Триединый Triune	Взаимозависимость экологической, экономической и социальной сфер Interdependence of environmental, economic and social spheres
Институциональный (нормативный) Institutional (normative)	1992–1997 гг.		
Функциональный Functional	1997 г. – н. в. 1997 – present	Технико- экономический Technical and economic Управленческий Managerial	Практические решения Practical solutions
1) низкоуглеродная трансформация Low carbon transformation		Технико- экономический Technical and economic	Процесс преобразования имеющихся в распоряжении общества ресурсов в низ- коуглеродную продукцию с примениени- ем различного рода технологий: ВИЭ, наилучших доступных технологий (НДТ) Converting the resources available to socie- ty into low-carbon products using various types of technologies: renewable energy sources (RES), the best available technolo- gies (BAT)
2) ответственное инве- стирование в рамках формирования <i>ESG</i> - повестки Responsible investing as part of the ESG agen- da development	2004 г. – н. в. 2004 – present	Управленческий Managerial	Добавляется управленческий аспект A management aspect is added

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

В ходе проведенного исследования была дополнена периодизация устойчивого развития, в которой, в отличие от других исследований, выделены три этапа развития концепции (этап формирования, институциональный, функциональный), что позволяет перевести проблемы изменения климата в практическую плоскость, сориентировать инвестора на *ESG*-повестку, повысить социальную ответственность на различных уровнях хозяйствования.

2. *Инициативы российских регионов в рамках ESG-повестки*. Рассмотрим отличительные особенности устойчивого развития и *ESG*-повестки. Устойчивое развитие – это прежде всего концепция, включающая в себя три составляющие (экологическую, экономическую и социальную), в рамках которой поставлены 17 целей, направленных на улучшение качества жизни и экологической ситуации. *ESG*-повестка – это алгоритм действий, включающий тоже три составляющих (экологическую, социальную и управленческую); его основной целью является повышение инвестиционной привлекательности хозяйствующих субъектов.

Выявим положения и особенности низкоуглеродного развития экономики в рамках *ESG*-повестки, которые позволят достичь поставленных целей устойчивого развития. В табл. 2 представлены особенности низкоуглеродной и *ESG*-трансформаций региона.

Российские регионы продолжают ориентироваться на принципы устойчивого развития и следовать им в рамках *ESG*-повестки. Рассмотрим инициативы российских регионов:

1. Мордовия, Чувашия и Ульяновская область – подписано соглашение о сотрудничестве в сфере контроля углеродного баланса, предполагающее создание полигонов для разработки и испытаний технологий контроля углеродного баланса, дистанционного и наземного контроля эмиссии ПГ, а также и других значимых для изменения климата параметров [22].

2. Чувашия – начаты работы по созданию карбонового полигона в рамках проекта «Волга – экологический прорывной регион *ESG*». Чувашия и ПСБ подписали соглашение в области устойчивого развития с использованием «зеленых» финансовых инструментов и банковских продуктов. Также банк окажет содействие в организации и проведении мероприятий, программ, обучающих курсов по реализации на практике принципов *ESG* [22].

3. Татарстан заключил соглашение с ВТБ, предусматривающее финансирование по социальным, экологическим направлениям и развитию комфортной городской среды, организации выпуска региональных «зеленых» облигаций, развитию предпринимательства и т. д. [22].

4. Оренбургская область – Правительство Оренбургской области и Сбербанк договорились о взаимодействии по проектам, направленным на внедрение принципов устойчивого развития, в том числе в рамках типовой региональной *ESG*-модели, позволяющей узнать, как выглядит регион по ключевым факторам устойчивого развития в сравнении с другими регионами, и оценить возможности улучшения ситуации и привлечения финансирования для проектов в области *ESG* [22].

5. Сахалинская область выбрана в качестве пилотного региона для создания торговой системы для операций с углеродными единицами на внешних и внутренних рынках.

6. Свердловская, Липецкая, Нижегородская область и Краснодарский край – *ESG* напрямую упоминается в региональных стратегиях [23].

7. Нижегородская область подписала соглашение со Сбером, которое предполагает совместную работу по улучшению экологической ситуации в области и сокращению объемов твердых коммунальных отходов; реализуются проекты, построенные на принципах *ESG*: создание экотехнопарка, запуск экологической карты, «Волонтеры *ESG*» (объединение органов власти, бизнеса и НКО в единую систему взаимодействия); разработан первый пакет рекомендаций для *ESG*-трансформации бизнеса, которые охватят более 6000 предприятий области [22]; формируется «Клуб *ESG*-регионов» как универсальная модель для передачи опыта другим регионам России [24].

Таблица 2. Особенности низкоуглеродной и ESG трансформаций региона
Table 2. Features of low-carbon and ESG transformations of the region

Вид трансформации Type of transformation	Особенности Peculiarities	Инструменты Tools	Результат Result
Низкоуглеродная Low carbon	Снижение углеродоемкости производства и потребления Reducing carbon intensity of production and consumption	Внедрение наилучших доступных технологий с минимальными выбросами ПГ; снижение углеродного следа потребляемой населением продукции Introduction of the best available technologies with minimal greenhouse gases (GHG) emissions; reducing the carbon footprint of products consumed by the population; use of green financing instruments	Низкие выбросы ПГ в процессах производства и потребления Low GHG emissions in production and consumption
	Повышение энергетической эффективности процессов производства и потребления Increasing the energy efficiency of production and consumption	Разработка и применение возобновляемых источников энергии; снижение использования углеводородного топлива Development and application of renewable energy sources; reducing the use of hydrocarbon fuels	Низкая энергоемкость процессов производства и потребления Low energy intensity of production and consumption
ESG	Ответственное отношение к окружающей среде (OC) Environmental Responsibility	Превентивность действий, связанных с негативным воздействием на OC Preventive actions related to negative impact on the environment	Развитие циркуляционного производства (замкнутого производства); внедрение природоподобных технологий; применение НДТ; использование ВИЭ; внедрение зеленых инноваций; сохранение видового биоразнообразия; сохранение ландшафтов; использование технологий очистки Development of circulation production (closed-loop production); introduction of nature-like technologies; BAT application; use of renewable energy sources; introduction of green innovations; conservation of species biodiversity; landscape conservation; use of cleaning technologies

	<p>Возмещение нанесенного ущерба ОС Compensation for damage caused to the environment</p>	<p>Лесовосстановление; рекультивация нарушенных земель; переработка накопленных отходов; очистка загрязненных водоемов; возмещение ущерба за выбросы ЗВ, включая CO₂, сбросы, отходы Reforestation; reclamation of disturbed lands; processing of accumulated waste; cleaning of polluted water bodies; compensation for damages for pollutant emissions, including CO₂ discharges, waste</p>
<p>Высокая социальная ответственность, свя- занная с обеспечением безопасности населе- ния, защитой от эколо- гических угроз и рисков High social responsibility related to ensuring the safety of the population, protection from environ- mental threats and risks</p>	<p>Повышение качества жизни на территории; создание экологического «комфорта» для населения; сокращение случаев заболеваний, обусловленных экологическими факторами; создание «зеленых» рабочих мест Improving the quality of life in the territory; creating environmental “comfort” for the population; reducing the incidence of diseases caused by environmental factors; creating green jobs</p>	<p>Чистая ОС; здоровое население; повышение занятости населения на экологически чистых производствах Clean environment; healthy population; increasing employment in environmentally friendly industries</p>
<p>Высокое качество управления High quality control</p>	<p>Подготовка нефинансовой отчетности с расширением в части экологических показателей; разработка методики оценки рейтинга предприятий, соблюдающих ESG-принципы Preparation of non-financial reporting with expansion in terms of environmental indicators; development of a methodology for assessing the rating of enterprises that comply with ESG principles; Использование зеленых сертификатов; применение административных мер: технологического нормирования, введения углеродного налога; разработка политики развития региона Use of green certificates; application of administrative measures: technological regulation, introduction of a carbon tax; development of regional development policy</p>	<p>Разработанная стратегия развития региона, выстраиваемая с учетом ESG-принципов Developed strategy for the region development, built taking into account ESG principles</p>

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

8. Ростовская область, Татарстан, Самарская область, Санкт-Петербург и Москва признают важность мониторинга и отчетности в области устойчивого развития, выпустили отчеты и обзоры о внедрении устойчивых практик [23].

9. Амурская, Кемеровская, Тверская, Ленинградская, Калининградская, Ярославская, Тамбовская области, г. Москва, Республика Саха (Якутия) – на территории субъектов РФ эмитенты социальных облигаций привлекли финансирование для реализации проектов в сфере образования, культуры, здравоохранения, проектов строительства (реконструкции) объектов инженерной, социальной и дорожно-транспортной инфраструктуры для жилищного строительства и развития городской инфраструктуры. [25].

10. Башкортостан – Институт уполномоченных по НКО успешно развивается и позволяет вывести деятельность третьего сектора экономики Республики на уровень доказательной эффективности социальных инвестиций [26].

11. Вологодская область – соглашение о сотрудничестве между ПАО «Российский экологический оператор», ПАО «Северсталь» и правительством Вологодской области, регулирующее порядок взаимодействия с компанией «Северсталь» по созданию объектов по обращению с отходами; проекты, связанные с экологическим мониторингом, проект по замерам антропогенного воздействия человека; создание в регионе устойчивой системы обращения с твердыми коммунальными отходами, снижению их объемов, направляемых на полигоны; проведение экспериментов по замещению природного топлива в технологических процессах металлургического производства на альтернативное топливо из отходов, а также применение высокоскоростного низкотемпературного пиролиза в технологии термического разложения отходов с образованием коммерческих продуктов [27].

В табл. 3 представлены первые 10 мест *ESG*-рэнкинга субъектов РФ рейтинговой группы RAEX по сферам *E*, *S*, *G*.

Из всех перечисленных выше субъектов РФ, проявляющих инициативы в рамках *ESG*-повестки, девять регионов занимают места в первой десятке в разрезе сфер *ESG*: Липецкая, Ростовская, Сахалинская, Нижегородская, Тверская и Ленинградская области, Москва и Санкт-Петербург, Республика Татарстан. В общем *ESG*-рэнкинге в первую десятку вошли шесть из субъектов РФ, по которым приведены примеры *ESG*-инициатив: Ленинградская область, Санкт-Петербург и Москва, Республика Татарстан, Липецкая и Свердловская области. Представленная выборка примеров региональных *ESG*-инициатив затрагивает около 30 % субъектов РФ. Рассматривая весь *ESG*-рэнкинг субъектов РФ, можно сделать вывод, что практически все регионы в социально-экономическом развитии учитывают *ESG*-факторы по разным сферам и в разных объемах.

По мнению С. Бик [29], повестка *ESG* в России продолжает развиваться:

- осуществляются выпуски зеленых, социальных облигаций (ВЭБ.РФ, ДОМ.РФ, «Ростелеком», «Атомэнергопром»);
- объем банковских *ESG*-кредитов не уменьшился;
- крупнейшие компании продолжают раскрывать нефинансовую отчетность, которая размещается в регистре РСПП, в системе Интерфакса и на сайтах самих компаний;
- практически все компании, получавшие рейтинг *ESG*, в 2022 г. продолжают в нем участвовать;
- в 2022 г. была совершена первая сделка с углеродными единицами, и появился первый верифицированный климатический проект;
- сохраняется приверженность органов власти концепции устойчивого развития (ни одно принятое в 2022 г. решение не противоречит и не отменяет основополагающие принципы этой повестки) и др. [29].

Таблица 3. Первые 10 мест ESG-рэнкинга субъектов РФ за 2021 г.
Table 3. The first 10 places in the ESG ranking of Russian regions for 2021

Сфера/ Место Sphere/Place	ESG	E	S	G
1	Ленинградская область Leningrad region	Еврейская автономная область Jewish Autonomous Region	Ненецкий автономный округ Nenets Autonomous Okrug	Республика Татарстан Republic of Tatarstan
2	г. Санкт-Петербург Saint Petersburg	Тверская область Tver region	Ямало-Ненецкий автономный округ Yamalo-Nenets Autonomous Okrug	г. Санкт-Петербург Saint Petersburg
3	г. Москва Moscow	Смоленская область Smolensk region	Сахалинская область Sakhalin region	Ленинградская область Leningrad region
4	Республика Татарстан Republic of Tatarstan	Саратовская область Saratov region	г. Санкт-Петербург Saint Petersburg	Ханты-Мансийский автономный округ Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug
5	Ханты-Мансийский автономный округ Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug	Республика Ингушетия Republic of Ingushetia	г. Москва Moscow	г. Москва Moscow
6	Липецкая область Lipetsk region	Республика Дагестан Republic of Dagestan	Московская область Moscow region	Нижегородская область Nizhny Novgorod Region
7	Курская область Kursk region	Липецкая область Lipetsk region	Чукотский автономный округ Chukotka Autonomous Okrug	Тюменская область (без автономных округов) Tyumen region (without autonomous okrugs)
8	Тюменская область (без автономных округов) Tyumen region (without autonomous okrugs)	Орловская область Oryol region	Ханты-Мансийский автономный округ Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug	Калужская область Kaluga region
9	Свердловская область Sverdlovsk region	Ростовская область Rostov region	Ленинградская область Leningrad region	Тульская область Tula region
10	Московская область Moscow region	Челябинская область Chelyabinsk region	Белгородская область Belgorod region	Республика Адыгея Republic of Adygea

Источник: составлено автором по [28].

Source: compiled by the author according to [28].

В исследовании ESG-Альянса и Центра социального проектирования «Платформа» отмечается, что происходит смещение интереса от климатической повестки к более близким и острым темам: локальным экологическим воздействиям, социальным программам для поддержки регионов; становится более лояльным отношение к созданию национальных рейтингов; активней проявляются тенденции к подчеркиванию национальных особенностей ESG, поиск специфики [30].

Соответствие ESG-принципам становится важным для компаний, занятых во внешнеэкономической деятельности, то есть экспортерам углеводородов, производителям химии, металлургам, транспортникам и т. п. Все они, во-первых, так или иначе встроены в западные логистические цепочки, во-вторых, рано или поздно выходят на международные биржи, где

ESG-критерий хотя и не является решающим, но может давать дополнительные преимущества. Сегодня очевидно, что сами по себе механизмы, подобные *ESG*, в части решения реальных экологических и социальных проблем нужны на любом рынке и Россия в этом случае не исключение. Реализация таких подходов должна соответствовать задачам российской экономики, отечественной системе ценностей и приоритетов [31].

Ряд специалистов отмечают, что «формируется новая «зеленая техноэкономическая парадигма», которая может открыть новые и более устойчивые траектории развития» [32]. В рамках данной парадигмы происходят изменения в структуре потребления, нормативно-правовой базе, технологических возможностях, финансировании устойчивого развития, осуществляется переток производственных ресурсов из отраслей с высоким уровнем выбросов (переживающих закат) в отрасли с более низким уровнем выбросов (находящиеся на подъеме) [32].

В настоящем исследовании низкоуглеродное развитие и *ESG*-трансформация рассматриваются совместно. Под низкоуглеродным развитием будем понимать такое социально-экономическое развитие, при котором снижается углеродоемкость и повышается энергетическая эффективность процессов производства и потребления. *ESG*-трансформация связывается с внимательным отношением к окружающей среде, высокой социальной ответственностью, связанной с обеспечением безопасности населения, защитой от экологических угроз и рисков, а также высоким качеством управления социально-экономическим развитием.

Заключение

В ходе исследования была дополнена периодизация устойчивого развития, в которой, в отличие от других исследований, выделены три этапа развития концепции: этап формирования, институциональный, функциональный, что позволяет перевести проблемы изменения климата в практическую плоскость, сориентировать инвестора на *ESG*-повестку, повысить социальную ответственность на различных уровнях хозяйствования. На функциональном этапе следование принципам устойчивого развития в Российской Федерации продолжается с учетом *ESG*-факторов, что отражается в инициативах взаимодействия региональных властей и бизнеса: использовании «зеленых» финансовых инструментов, организации выпуска региональных «зеленых» облигаций, включении *ESG*-принципов в региональные стратегии развития, выпуске отчетов и обзоров о внедрении устойчивых практик, поддержке и осуществлении «зеленых» проектов. Как видно из приведенных выше примеров, следование принципам устойчивого развития в Российской Федерации с учетом *ESG*-факторов продолжается и позволит улучшить экологическую ситуацию, обеспечить достойное качество и уровень жизни населения, повысить энергоэффективность работы предприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The limits to growth: a report for the Club of Rome's Project on the predicament of mankind / D.H. Meadows, D.L. Meadows, J. Randers, W. Behrens III. – New York: Universe Books, 1972. – 205 p.
2. Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения 30.07.2023).
3. Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения 30.07.2023).
4. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Принят 11.12.1997. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения 18.07.2023).
5. Paris agreement. United Nations, 2015. https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (дата обращения 30.07.2023).

6. Regulation (EU) 2020/852 of the European Parliament and of the Council of 18 June 2020 on the establishment of a framework to facilitate sustainable investment, and amending Regulation (EU) 2019/2088 (Text with EEA relevance). Document 32020R0852. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32020R0852> (дата обращения 30.07.2023).
7. «Зеленая» сделка (The European Green Deal). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52019DC0640> (дата обращения 30.07.2023).
8. Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council establishing a carbon border adjustment mechanism. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52021PC0564> (дата обращения 30.07.2023).
9. Об ограничении выбросов парниковых газов: федер. закон № 296-ФЗ от 02.07.2021. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/ (дата обращения 20.08.2023).
10. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения 20.08.2023).
11. Климатическая доктрина Российской Федерации. Утв. указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 г. № 812. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910> (дата обращения 07.09.2023).
12. ESG-банкинг в России. URL: https://asros.ru/upload/iblock/387/ihth197wie0u20lxdxki74di4vbj3ylm/ESG_banking-v-Rossii_web_rus.pdf (дата обращения 15.07.2023).
13. Who cares wins. – Swiss Federal Department of Foreign Affairs, United Nations, 2004. – 58 p. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/280911488968799581/pdf/113237-WP-WhoCaresWins-2004.pdf> (дата обращения 15.08.2023).
14. What are the Principles for Responsible Investment? URL: <https://www.unpri.org/about-us/what-are-the-principles-for-responsible-investment> (дата обращения 25.09.2023).
15. Директива по нефинансовой отчетности. 2014. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014L0095&from=EN> (дата обращения 20.09.2023).
16. Постановление о раскрытии информации об устойчивом финансировании. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32019R2088> (дата обращения 30.07.2023).
17. Халбашкеев А. Климатическая повестка: пациент скорее жив? // Нефтегазовая промышленность. – 2022. – № 2 (2). – С. 20–24.
18. Шульга Ю. Устойчивое развитие: что это такое и в чем его значимость. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/425081-ustoychivoe-razvitiye-cto-eto-takoe-i-v-chem-ego-znachimost> (дата обращения 15.07.2023).
19. Спартак А.Н., Кравченко Ю.Б. Ключевые мирохозяйственные тренды в текущем десятилетии // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 12. – С. 7–26. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-12-7-26.
20. Пасенов А.Н. Концепция устойчивого развития: историко-правовые аспекты // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». – 2017. – № 10 (259). – Вып. 40. – С. 156–160.
21. Миргасимов Д.Р. Новые подходы к проблеме устойчивого развития // Фундаментальные исследования. – 2022. – № 5. – С. 77–82.
22. Калмацкий М. Мода на «зеленый» // Устойчивое развитие. Приложение к «Российской газете». URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/2022/10/18/6de92023b0123f0c1279e7e4f33a2e22_078.pdf (дата обращения 20.09.2023).
23. ESG-повестка в регионах: есть ли перспективы // А. Федецин, Е. Пастухова, Н. Комкова, И. Шампуров. URL: <https://plus-one.ru/ecology/2022/10/25/esg-povestka-v-regionah-est-li-perspektivu> (дата обращения 20.09.2023).
24. Нижегородская область создаст клуб ESG-регионов. URL: <https://www.niann.ru/?id=582371> (дата обращения 20.09.2023).
25. ESG и зеленые финансы России 2018–2022: доклад. URL: https://esg-consulting.ru/wp-content/uploads/2022/03/infragreen_green_finance_esg_in_russia_2018-2022.pdf (дата обращения 20.08.2023).
26. Важно «не быть пластиковыми». Что такое ESG-развитие и как с ним обстоят дела в России // Капитал страны. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/vajno_ne_byt_plastikovymi_cto_takoe_esgrazvitiye_i_kak_s_nim_obstoyat_dela/ (дата обращения 20.08.2023).
27. РЭО, «Северсталь» и власти Вологодской области договорились сотрудничать по экопроектам. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14730173> (дата обращения 20.09.2023).
28. ESG-рэнкинг субъектов РФ, 2021. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/ (дата обращения 07.12.2023).
29. Бик С. ESG в России: быть или не быть. URL: <https://journal.ecostandardgroup.ru/eco/kolumnisty-ecostandard-journal/esg-povestka-v-rossii-glavnye-itogi-2022-godaa/> (дата обращения 20.08.2023).
30. Сохранить устойчивость. Перспективы ESG-повестки в России. URL: https://www.ecoindustry.ru/i/news/59688/retain_sustainability_russia_2022.pdf (дата обращения 20.08.2023).

31. ESG – глобальный механизм влияния на бизнес // Журнал ПЛАС. URL: <https://plusworld.ru/journal/2022/plus-2-2022/esg-globalnyj-mehanizm-vliyaniya-na-biznes/> (дата обращения 21.08.2023).
32. Переход к низкоуглеродной экономике и его непростые последствия для структурных преобразований. Доклад о наименее развитых странах, 2022 год. https://unctad.org/system/files/official-document/ldc2022overview_ru.pdf (дата обращения 21.08.2023).

Информация об авторах

Никулина Наталья Леонидовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29. nikulinanl@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6882-3172

Поступила в редакцию: 10.11.2023

Поступила после рецензирования: 08.02.2024

Принята к публикации: 15.03.2024

REFERENCES

1. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III W. *The limits to growth: a report for the Club of Rome's Project on the predicament of mankind*. New York, Universe Books, 1972. 205 p.
2. *Development and international economic cooperation: environmental problems. Report of the World Commission on Environment and Development*. (In Russ.) Available at: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (accessed 30 July 2023).
3. *Agenda for the 21st century. Adopted by the UN Conference on Environment and Development*. Rio de Janeiro, June 3–14, 1992. (In Russ.) Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (accessed 30 July 2023).
4. *Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change*. Accepted 11.12.1997. (In Russ.) Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (accessed 18 July 2023).
5. *Paris agreement*. United Nations, 2015. Available at: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (accessed 30 July 2023).
6. *Regulation (EU) 2020/852 of the European Parliament and of the Council of 18 June 2020 on the establishment of a framework to facilitate sustainable investment, and amending Regulation (EU) 2019/2088 (Text with EEA relevance)*. Document 32020R0852. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32020R0852> (accessed 30 July 2023).
7. «Zelenaya» *sdelka (The European Green Deal)*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52019DC0640> (In Russ.) (accessed 30 July 2023).
8. *Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council establishing a carbon border adjustment mechanism*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52021PC0564> (accessed 30 July 2023).
9. *On limiting greenhouse gas emissions. Federal Law No. 296-FL dated 02.07.2021*. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/ (accessed 20 August 2023).
10. *Strategy for the socio-economic development of the Russian Federation with low greenhouse gas emissions until 2050. Approved by order of the Government of the Russian Federation of October 29, 2021 No. 3052-r*. (In Russ.) Available at: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf> (accessed 20 August 2023).
11. *Climate doctrine of the Russian Federation*. Approved Decree of the President of the Russian Federation of October 26, 2023 No. 812. (In Russ.) Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910> (accessed 7 September 2023).
12. *ESG banking in Russia*. (In Russ.) Available at: https://asros.ru/upload/iblock/387/ihth197wie0u20lxdxki74di4vbj3ylm/ESG_banking-v-Rossii_web_rus.pdf (accessed 15 July 2023).
13. *Who cares wins*. Swiss Federal Department of Foreign Affairs, United Nations, 2004. 58 p. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/280911488968799581/pdf/113237-WP-WhoCaresWins-2004.pdf> (accessed 15 August 2023).
14. *What are the Principles for Responsible Investment?* Available at: <https://www.unpri.org/about-us/what-are-the-principles-for-responsible-investment> (accessed 25 September 2023).
15. *Non-Financial Reporting Directive*. 2014. (In Russ.) Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014L0095&from=EN> (accessed 20 September 2023).
16. *Sustainable Finance Disclosure Regulation*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32019R2088> (accessed 30 July 2023).

17. Khalbashkeev A. Climate agenda: is the patient more likely to be alive? *Oil and gas industry*, 2022, no. 2 (2), pp. 20–24. (In Russ.)
18. Shulga Yu. Sustainable development: what is it and what is its significance. (In Russ.) Available at: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/425081-ustoychivoe-razvitie-cto-eto-takoe-i-v-chem-ego-znachimost> (accessed 15 July 2023).
19. Spartak A.N., Kravchenko Yu.B. Key global economic trends of the current decade. *Russian Foreign Economic Bulletin*, 2021, no. 12, pp. 7–26. (In Russ.) DOI: 10.24412/2072-8042-2021-12-7-26.
20. Pasenov A.N. The concept of sustainable development: historical and legal aspects. *Scientific bulletins. Series "Philosophy. Sociology. Right"*, 2017, no. 10 (259), vol. 40, pp. 156–160. (In Russ.)
21. Mirgasimov D.R. New approaches to the problem of sustainable development. *Fundamental Research*, 2022, no. 5, pp. 77–82. (In Russ.)
22. Kalmatsky M. Fashion for “green”. *Sustainable development. Supplement to the Rossiyskaya Gazeta*. (In Russ.) Available at: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/2022/10/18/6de92023b0123f0c1279e7e4f33a2e22_07.pdf (accessed 20 September 2023).
23. Fegetsin A., Pastukhova E., Komkova N., Shampurov I. *ESG-agenda in the regions: are there any prospects*. (In Russ.) Available at: <https://plus-one.ru/ecology/2022/10/25/esg-povestka-v-regionah-est-li-perspektivy> (accessed 20 September 2023).
24. *The Nizhny Novgorod region will create a club of ESG regions*. (In Russ.) Available at: <https://www.niann.ru/?id=582371> (accessed 20 September 2023).
25. *ESG and green finance in Russia 2018–2022: report*. (In Russ.) Available at: https://esg-consulting.ru/wp-content/uploads/2022/03/infragreen_green_finance_esg_in_russia_2018-2022.pdf (accessed 20 August 2023).
26. It is important to “not be plastic.” What is ESG development and how things are going with him in Russia. *Capital of the country*. (In Russ.) Available at: https://kapital-rus.ru/articles/article/vajno_ne_byt_plastikovymi_cto_takoe_esgrazvitie_i_kak_s_nim_obstoyat_dela/ (accessed 20 August 2023).
27. *REO, Severstal and the authorities of the Vologda region agreed to cooperate on environmental projects*. (In Russ.) Available at: <https://tass.ru/ekonomika/14730173> (accessed 20 September 2023).
28. *ESG ranking of constituent entities of the Russian Federation, 2021*. (In Russ.) Available at: https://raex-rr.com/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/ (accessed 7 December 2023).
29. Bik S. *ESG in Russia: to be or not to be*. (In Russ.) Available at: <https://journal.ecostandardgroup.ru/eco/kolumnisty-ecostandard-journal/esg-povestka-v-rossii-glavnye-itogi-2022-godaa/> (accessed 20 August 2023).
30. *Stay resilient. Prospects for the ESG agenda in Russia*. (In Russ.) Available at: https://www.ecoindustry.ru/i/news/59688/retain_sustainability_russia_2022.pdf (accessed 20 August 2023).
31. ESG – a global mechanism for influencing business. (In Russ.) *PLUS journal*. Available at: <https://plusworld.ru/journal/2022/plus-2-2022/esg-globalnyj-mehanizm-vliyaniya-na-biznes/> (accessed 21 August 2023).
32. *The transition to a low-carbon economy and its challenging implications for structural transformation. Least Developed Countries Report 2022*. (In Russ.) Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/ldc2022overview_ru.pdf (accessed 21 August 2023).

Information about the authors

Natalia L. Nikulina, Cand. Sc., Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29, Moskovskaya street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation. nikulinanl@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6882-3172

Received: 10.11.2023

Revised: 08.02.2024

Accepted: 15.03.2024

УДК 316.334.56:656.121
DOI: 10.18799/26584956/2023/4/1724
Специальность ВАК: 5.4.7

Разрывы в оценке горожанами транспортных решений как триггер сетевой коммуникации

Е.А. Кранзеева[✉], Е.В. Головацкий, А.В. Орлова

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

[✉]elkranzeeva@mail.ru

Аннотация. Актуальность: транспорт рассматривается как один из факторов, который формирует общественное благосостояние. Однако в обществе присутствуют противоречивые запросы, ожидания и оценки транспортных решений в зависимости от возраста, гендера и места проживания пассажиров. Существование разрыва определяется объективной плотностью и насыщенностью современных городских агломераций. Кроме того, изменяется возрастной и гендерный состав участников движения, который формирует свои потребности и запросы к организации инфраструктуры. **Цель:** выявление основных отличий и разрывов оценок городскими акторами транспортных решений, последствий таких разрывов. **Методы.** В работе представлены результаты комплексного междисциплинарного исследовательского проекта, который позволил описать транспортное поведение основных участников пассажирских перевозок. Авторы использовали гибридные приемы поиска информации: видеосъемки пассажирских и транспортных потоков города Кемерово и Кемеровского района, анкетный опрос, контент-анализ социальных сетей, официальных страниц, сайтов и порталов. **Результаты:** различаются установки, направленные на актуализацию проблемы реформирования транспортной системы, вариантов и перспектив ее трансформации в условиях реактивного взаимодействия горожан с властью (например, критика решений органов власти, демонстрация недоверия или недовольства, коммуникации по поводу транспортной реформы для достижения иных целей). **Выводы:** деятельным инструментом качественно изучения новых транспортных изменений может послужить использование цифровых решений, позволяющих собирать быстрые, реактивные параметры, касающиеся городских транспортных коммуникаций в ресурсном пространстве сетевых и «облачных» городских сообществ.

Ключевые слова: городской транспорт, социально-политические взаимодействия, транспортные решения, нововведения, оценка, цифровизация, мобильность

Для цитирования: Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В. Разрывы в оценке горожанами транспортных решений как триггер сетевой коммуникации // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – № 1 (52). – С. 26–39. DOI:10.18799/26584956/2024/1/1724

УДК316.334.56:656.121
DOI: 10.18799/26584956/2023/4/1724

Gap in assessment of transport solutions by citizens as a trigger for network communication

E.A. Kranzeeva[✉], E.V. Golovatsky, A.V. Orlova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

[✉]elkranzeeva@mail.ru

Abstract. Relevance. Transport is considered as one of the factors that shapes public welfare. But in society there are conflicting demands, expectations and assessments of transport solutions depending on the age, gender and place of residence of passengers. The existence of a gap is determined by the objective density and saturation of modern urban agglomerations. In addition, the age and gender composition of movement participants is changing, which forms their needs and requests for the organization of infrastructure. **Aim.** To identify the reasons for differences and gaps in city actors' assessments of transport decisions, and the consequences of such gaps. **Methods.** The work uses the results of a comprehensive interdisciplinary research project, which made it possible to describe the transport behavior of the main participants in passenger transport. The authors used the results of hybrid methods of information search: video recordings of passenger and transport flows of the city of Kemerovo and the Kemerovo region, a questionnaire survey, content analysis of social networks, official pages, websites and portals. **Results.** There are different user attitudes aimed at updating the problem of reforming the transport system, options and prospects for its solution and the image of reactive interaction between users and the authorities (for example, criticism of government decisions, demonstration of distrust or dissatisfaction, use of communication about transport reform to achieve other goals). **Conclusions.** An active tool for qualitative study of new transport changes can be the use of digital solutions, which allows one to collect quick, reactive parameters relating to urban transport communications in the resource space of networked and «cloud» urban communities.

Keywords: urban transport, socio-political interactions, transport solutions, innovations, assessment, digitalization, mobility

Forcitation: Kranzeeva E.A., Golovatsky E.V., Orlova A.V. Gap in assessment of transport solutions by citizens as a trigger for network communication. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, no. 1 (52), pp. 26–39. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1724

Актуальность

Транспортная коммуникация в современных условиях постглобального общества воспринимается остро, так как концептуально под возможностью перемещения подразумевается общественная и личная форма свободы передвижения (право на использование пространства). Развитие транспортной инфраструктуры является одним из факторов, формирующих общественное благосостояние. В настоящее время жизнь большинства горожан характеризуется высокой интенсивностью передвижений, поэтому в центре внимания многих исследователей оказываются процессы разных форм мобильности. «Человек осуществляет мобильность в заданных институциональных рамках, следуя законодательно и нормативно закрепленным правилам, и в то же время активно приспособляясь к барьерам и ограничениям и формируя свои собственные маршруты» [1, с. 260]. Подобная коммуникационная повседневность горожан определяется в стратегиях и тактиках в двух моделях поведения – «пользователя» (борец) и «потребителя» (конформист) [2]. Пространство «города сверху» (по У. Беку) представляет собой учреждения, рабочие места, районы, улицы, транспорт и пр., в котором «пользователь» выстраивает мир «собственной жизни» [3], создает рецепты и способы отношений с управляемым пространством с учетом собственных или корпоративных целей и задач. Город «снизу» подпитывается повседневными (жизненными) потоками, тактиками, выборами единичных актов (unit act). Например, когда горожане выбирают оптимальные, на их взгляд, маршруты передвижения и сочетания транспорта, перемещаются ближе к работе, по-своему «проживают время в пути», формируют свой досуг и повседневность.

Исследование практик транспортной мобильности в современных городских агломерациях базируется на активном практическом интересе к изучению «быстрых мобильностей» современного человека в условиях трансформации социальных отношений горожан, новых форм социальных взаимодействий, а также разного рода угроз и уязвимостей [4, 5]. Процессы, инициирующие либо стимулирующие транспортную коммуникацию и сопряженную социальную инфраструктуру подвержены глобальным и региональным тенденциям развития [6]. В условиях городов, пригодных для жизни, начинает действовать режим «обволаки-

вающей мобильности» («ambient mobility»), предполагающий широкий набор мобильных возможностей, начиная от пешеходных перемещений с использованием различных средств навигации, заканчивая эксплуатацией автомобилей и общественного транспорта [7]. Обволакивающая мобильность связана с новой городской парадигмой, согласно которой будущее мобильности будет радикально преобразовано с помощью датчиков, сетевых технологий и больших данных. Все это призвано революционизировать городские потоки, связанные с интеллектуальными транспортными системами, беспилотными автомобилями, электромобилями. Широкий спектр доступных приложений интеллектуальной мобильности приведет к резкому сокращению количества транспортных средств, времени в пути, парковок и остановок, что положительно скажется на городском пространстве в целом [8].

Стороны – участники транспортных изменений могут испытывать взаимное сомнение в реалистичности и действенности применяемых по отношению друг к другу мер (транспортных решений, управленческих приемов, гражданских инициатив и пр.). Горожане могут сомневаться в том, что предлагаемый проект учитывает интересы территорий и их собственные, относя предлагаемые нововведения к покушению на свободу передвижения, пересечения пространства «знакомого мира». Транспортные решения являются идентификаторами повседневности жизни города, и подобные нововведения характеризуются сильной эмоциональностью, так как касаются каждого гражданина. При этом горожане и власти городов участвуют в «инновационной гонке» и по-разному оценивают скорости освоения и происходящие события.

Характер повседневных коммуникаций, направленность и объемы обуславливаются, в том числе, динамическими показателями социальных процессов [9]. На наших глазах происходит изменение качества коммуникационных систем, и в принципе можно говорить о появлении новых практик транспортного поведения жителей территорий. Пространственное расположение связывается коммуникациями, осуществляемыми в заданном пространстве и времени [10]. Теоретическая разработка проблем пространственной коммуникации представлена в работах Н. Лумана, Дж. Урри, Р. Ольденбурга и др. Практические исследования проводятся повсеместно и с учетом перспективы инновационного развития общества [11].

«Качество места» как условие социального развития непосредственно связано с ресурсами городской среды и, в том числе, транспортными признаками территории. М. Кастельс писал о том, что в современном мире «существует новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его, это – пространство потоков» [12].

Актуальность исследуемой проблемы подчеркивается масштабами и насыщенной проблематикой прикладных проектов, посвященных изучению различных аспектов транспортной коммуникации и оптимизации грузопассажирских потоков городов [13], а также территорий с учетом социальных запросов. По-своему уникальный формат нововведений представляют цифровые модели транспортных решений [14].

Новые формы социально-политического взаимодействия в обществе связывают участников коммуникациями с каналами обновленного, более сложного типа, одновременно усиливая процессы взаимодействия, стремясь к достижению более понятного и доступного («упрощенного», например, с учетом возможностей и интересов различных социальных категорий) управления трансформацией городских транспортных решений.

В России транспортная реформа позиционируется зачастую как комплексная модернизация системы общественного транспорта города, как правило, с региональными «последствиями», имеющая экологический (развитие экологически чистых видов общественного транспорта), экономический (создание единого оператора, многообразия форм оплаты), технологический (интеллектуальная транспортная система) и социально-политический (формирование образа заботливой городской власти) эффекты.

Предлагаемый рейтинг городов России по качеству общественного транспорта представляет собой исследование систем общественного транспорта, проводимое во взаимодействии с администрациями российских городов, с использованием открытых данных и возможностей геопространственного анализа. В частности, качество транспортного обслуживания оценивается по пяти группам показателей:

- физическая доступность;
- ценовая доступность;
- эффективность транспортной системы;
- комфорт и удобство;
- безопасность и устойчивость развития [15].

Транспортные показатели определяются в предложениях технических решений и ориентированы на качество жизни «умного города» [16, 17].

Российские исследования транспортных решений показывают, что сити-менеджеры в нашей стране в целом положительно воспринимают «умный город» как основу стратегии городского развития. Однако возможности его реализации рассматриваются как среднесрочные или долгосрочные варианты [18].

Ряд авторов предлагают формат «городского тождества» – типологий городских пространств с учетом схожести и различия важных образующих/поддерживающих признаков [19]. Появляются исследования городских сообществ, в которых систематизируются и обобщаются интересы одних и нивелируется потенциал других [20–22].

Однако опыт реализации реформ в городах России указывает, что они имеют определенные социально-политические эффекты и характерные последствия [23–25].

На современном этапе общественного развития рассматривается взаимосвязь транспортных коммуникаций с возможностями использования потенциала современного городского жителя [26] и, как следствие, качественного изменения территории. В настоящее время получает распространение сетевая демократия, при которой множество персонализированных оценок и мнений могут представлять совокупность различных социальных отношений. Реальные практики транспортных решений существуют в состоянии неопределенности и неуравновешенности между интересами участвующих сторон.

Цель данного исследования – выявление оснований отличий и разрывов оценок городскими акторами транспортных решений, последствий таких разрывов.

Методы исследования

Изучение традиционных форм транспортной коммуникации и ее инновационных, цифровых аспектов (новые форматы измерения, дистанции, опосредованная среда «исследуемый»–«исследователь» и пр.) потребовали от исследовательского коллектива мобилизации качественных микрометодик и сочетания гибридных приемов поиска информации.

В рамках комплексного междисциплинарного проекта в течение 2018–2022 гг. удалось сформировать описание централизованных приемов «транспортного поведения» основных участников пассажирских перевозок, а также граждан областного центра и городского округа, осуществляющих ежедневные поездки с использованием общественного транспорта и иных средств передвижения. Для этого применялась видеосъемка пассажирских и транспортных потоков г. Кемерово и Кемеровского района (всего 296 объектов), узловых транспортных соединений, остановок общественного транспорта. Общее время видеозаписи составило 1008 часов.

Проведен анкетный опрос жителей г. Кемерово и пригородного района по репрезентативной выборке с достоверностью 95 %.

В исследовании использовался метод контент-анализа. Основу анализа изучения взаимодействия горожан, представителей власти и инициаторов транспортных нововведений соста-

вили сообщения и комментарии в тематических группах социальных сетей. Период сбора и анализа информационного контента – с февраля 2020 г. по февраль 2022 г. В выборку попали комментарии к 735 публикациям, посвященным транспортной реформе в гг. Кемерове и Новокузнецке, новостные сообщения порталов и сайтов публикаций городских событий [27–39].

Помимо этого, был проведен анализ сетевых данных, полученных из региональных сообществ социальной сети «ВКонтакте». С января по декабрь 2022 г. с использованием модели LDA из модуля gensim были выделены наиболее актуальные и обсуждаемые социальные и политические проблемы.

Результаты исследования

Результаты проведенного комплексного исследования, включающего видеозамеры, позволили выявить, что транспортная мобильность горожан связана, прежде всего, с выбором определенного вида транспорта. Заметим, что этот выбор сопровождается рядом условий и ограничений, в частности развитость транспортной сети в месте проживания, стоимость, состояние транспорта, загруженность дорог, погодные условия, аварийность/ДТП и пр. Транспортные коммуникации выбираются участниками городских маршрутов с учетом времени (ожидания, в пути, выбор дня недели для поездки); комплексной возможности перемещения (вид транспорта, доступность, стоимость, безопасность, комфорт и пр.); традиции перемещения (обжитое пространство, возможно сочетание пешеходной и транспортной логистики и пр.). Среди субъективных условий «городского путешествия» можно определить такие, как состояние здоровья, индивидуальные планы в течение дня, в том числе изменившиеся внезапно (встречи, сверхурочная работа и пр.), хобби, наличие попутчиков и т. п.

В частности, наиболее используемыми видами транспорта среди опрошенных жителей города и пригорода являются личный автомобиль, автобус, маршрутное такси. При этом пешком и на автобусе чаще перемещаются жители района, а вот личный автомобиль выбирают горожане (рис. 1).

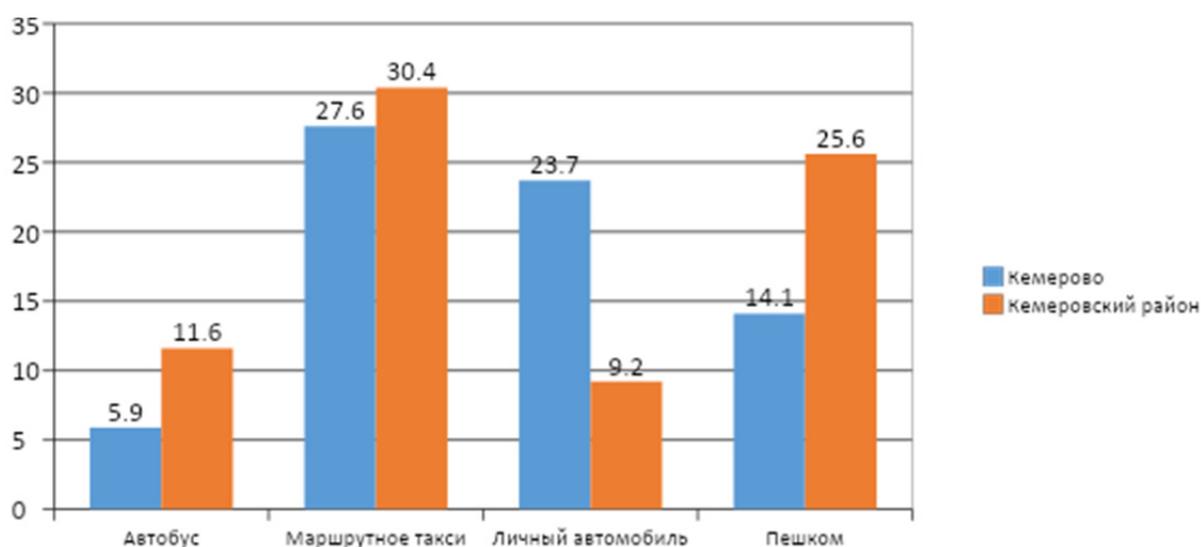

Рис. 1. Предпочтительный способ перемещений респондентов, % (анкетный опрос, г. Кемерово и Кемеровский район, n = 765 чел., 2018 г., допускалось несколько вариантов ответа)

Fig. 1. Preferred method of moving respondents, % (questionnaire survey, Kemerovo and Kemerovo region, n = 765 people, 2018, several possible answers were allowed)

Отметим, что транспортное поведение горожан во многом связано с возможностью выбора времени в пути (35,7 %), а для жителей пригорода такого выбора, как правило, нет (32,4 %): они ограничены логистикой заданного маршрута (табл. 1). Среди наименее выбираемых вариантов зависимости от пассажирского транспорта респонденты отмечают: «наличие личного автомобиля», «помощь родственников», «наличие соответствующего маршрута», «специфика расписания движения транспорта».

Таблица 1. Зависимость выбора транспорта на маршрутах движения (анкетный опрос, г. Кемерово и Кемеровский район, n = 765 чел., 2018 г.)

Table 1. Dependence of the choice of transport on the routes of movement (questionnaire survey, Kemerovo and Kemerovo region, n = 765 people, 2018)

Выбор горожан/Citizens' choice, %		Выбор жителей района/Choice of area residents, %	
Цель поездки/Purpose of trip	42	Цель поездки/Purpose of trip	33,4
Время в пути/Travel time	35,7	Отсутствие выбора/Lack of choice	32,4
Удобство, комфорт/Convenience, comfort	30,4	Удобство, комфорт/Convenience, comfort	24,3

Результаты опроса жителей города и пригорода позволили составить некоторые социальные портреты пользователей общественного транспорта. В частности, самым активным из них является молодежь, что объясняется ее высокой мобильностью. При этом заметим, что работающие пассажиры в возрасте от 18 до 30 лет чаще перемещаются на маршрутных такси, чем на автобусах.

Приоритетно мобильными по результатам исследования являются молодые жители городов, они же часто комментируют сообщения, посвященные транспортным изменениям. Для молодежи не очевиден характер изменений и транспортных решений, так как в оперативном масштабе они, как правило, удовлетворены пассажирской транспортной коммуникацией либо компенсируют отсутствие ее компонентов использованием соответствующих мобильных приложений. В свою очередь, более возрастная категория горожан более требовательна к условиям перемещения, плотности и логистической выверенности пассажиропотоков города.

Однако можно заметить интересную особенность восприятия «транспортной проблемы». Городские пассажиры менее инициативны в выдвигании предложений и претензий, так как имеют большой запас вариантов транспортно-организационного разрешения проблемы. В то время как жители района, имея более ограниченный транспортный ресурс, вынужденно активизируют социальные связи, перепоручая решение проблемы (или ее части) другим пассажирам, соседям, социальным работникам и прочим «своим людям».

Кроме того, изменяется гендерный состав участников движения, который формирует свои потребности и запросы к организации инфраструктуры. В частности, комментарии в социальных сетях, высказываемые женщинами, касаются удобства пользования транспортом и его доступности до социально значимых объектов (поликлиник, школ, социальных служб и пр.). Транспортное поведение женщин – целевое: они чаще мужчин перемещаются по городу с детьми, престарелыми родственниками и остро реагируют на недостатки транспортной инфраструктуры.

Жители города и пригорода по-разному оценивают степень влияния акторов на состояние транспортной коммуникации и инфраструктуры (табл. 2).

В каждой из представленных групп существует лидирующая пара одинаковых мнений, демонстрирующая существенную общность оценки проблемных секторов в организации и сопровождении транспортной инфраструктуры г. Кемерово и Кемеровского района. Оценки респондентов Кемеровского района в незначительной степени тяготеют к патерналистским приоритетам региональной власти, в то время как оценки горожан строже по отношению к

возможностям муниципальной и районной власти, а также самих водителей. Для второй группы характерно относительное единство претензий к дорожным службам, обеспечивающим качественное осуществление транспортных коммуникаций. Для третьей условной группы в оценках ответственных субъектов преобладают две противоположные по возможностям группы субъектов: ресурсы федеральной власти и участие самих пассажиров в организации и выборе возможных транспортных решений.

Таблица 2. Группировка распределения ответов горожан и жителей пригорода на вопрос «От кого зависит решение транспортной проблемы?» (г. Кемерово и Кемеровский район, n = 765 чел., 2018 г., допускалось несколько вариантов ответа, %)

Table 2. Grouping the distribution of responses from citizens and residents of the suburbs to the question «Who is responsible for solving the problem of transport?» (Kemerovo and Kemerovo district, n = 765 people, 2018, several answers were allowed, %)

Мнение жителей города Opinion of city residents		Мнение жителей пригорода Opinion of suburban residents	
%			
I группа/Group I			
От транспортных компаний Transport companies	57,1	От транспортных компаний Transport companies	41,4
От муниципальной, районной власти Municipal, district authorities	45,6	От региональной власти Regional authorities	36,1
От водителей Drivers	45,6	От муниципальной, районной власти Municipal, district authorities	33,1
II группа/Group II			
От региональной власти Regional authorities	36,3	От водителей Drivers	27,5
От дорожных служб Road services	31,4	От дорожных служб Road services	22,5
III группа/Group III			
От федеральной власти Federal government	17,5	От федеральной власти Federal government	10,9
От пассажиров Passengers	16,4	От пассажиров Passengers	10,7
От жителей города, района Residents of the city, district	10,4	От Государственной инспекции безопасности дорожного движения State Road Safety Inspectorate	7,1

Анализ комментариев в социальных сетях позволил выявить различия установок, направленных на актуализацию проблемы реформирования транспортной системы, вариантов и перспектив ее решения и образа реактивного взаимодействия пользователей с властью (например, критика властных решений, демонстрация недоверия, коммуникация по поводу транспортной реформы для решения иных целей) [40].

Обеспеченность пассажирским транспортом, как общественным, так и частным, в городах России находится под влиянием экономических и социальных процессов. При этом запрос на транспортную мобильность, в связи с протяженностью территории, неизменно высокий.

Транспортные основания используются участниками социально-политического взаимодействия с учетом социокультурных приемов, региональных историй, городских традиций и артефактов [41].

Существование разрыва в освоении транспортных нововведений, связанного с поколенческими и гендерными различиями, позволяет использовать решения, направленные на расширение взаимодействий, например развитие взаимного наставничества (помощь на остановках

и при общении с цифровыми гаджетами) между представителями старшего и младшего поколений, «поощрение культуры инклюзивности» [42].

Отмечаем, что «умный транспорт» соответствует интересам молодежи, а вот пользовательский опыт старшего поколения не позволяет оценить ему платежные системы, быстрый доступ к актуальной геолокации и пр.

Жители крупных городов, в отличие от жителей пригорода, осуществляющих маятниковую мобильность, демонстрируют формализацию запросов и ожидания логичных и выверенных транспортных решений. В то время как жители окружающих городские агломерации поселений склонны к компромиссным и мобильным решениям (используют попутный транспорт, системы поиска попутчиков, объединяются с соседями для совместного заказа такси и пр.).

Транспортное поведение городских жителей в настоящее время аккумулирует множество участников и социальных практик, вариантов коммуникаций, не применявшихся ранее в традициях организации транспортной мобильности. Современные мобильности и приемы транспортной коммуникации становятся адаптивными даже к незначительным локальным трансформациям, изменениям демографического, профессионального характера, колебаниям гендерных пропорций и практикам потребления ресурсов, включая социальные и политические нововведения.

Цифровизация социальных и политических отношений также трансформирует повседневное «транспортное поведение» граждан, формирует новые социальные практики [43]. Цифровая оплата, мониторинг транспортных услуг, сопровождение маршрута создают возможность повысить результативность и безопасность ежедневных передвижений, а также демонстрируют направления дальнейшего развития и появления инновационных проектов оснащения транспортной инфраструктуры городов и регионов в современных условиях.

Сетевые коммуникации горожан в вопросах транспортной реформы представляют собой сочетание трех основных моментов, демонстрирующих отношение к ее реализации. Во-первых, значительный рост тематических комментариев и репостов. Во-вторых, в сумме комментариев (даже негативного содержания) проявляется заинтересованность происходящими изменениями в целом. В-третьих, пользователи в своих высказываниях более консервативны: они выдвигают предложения по сохранению некоторых прежних позиций пассажирской транспортной системы. Парадоксальным является отношение к нововведению, когда в своих комментариях горожане осознают и поддерживают необходимость преобразований, но опираются на прежние схемы и формы организации транспортной системы города.

Следует отметить скорость и частоту комментариев горожан, что также является признаком реактивности. Именно быстрота обмена информацией усиливает оценочность и эмоциональность высказываний. Содержание взаимодействия власти и населения строится вокруг пользовательского опыта горожан (использование муниципального или личного транспорта, маршрутных такси; логистика повседневных маршрутов и пр.) и организации работы транспорта со стороны местных властей и в процессе коммуникации (чаще в социальных сетях) может перерасти в недовольство властью в целом. В оценках-высказываниях горожан присутствует содержательное рассогласование (парадокс восприятия данного нововведения в транспортной сфере), когда подавляющее большинство комментариев отражают заинтересованность в изменениях и реформировании городской транспортной среды, при этом часто пользователями называются меры и приемы модернизации шире обозначаемых организаторами транспортной реформы, выходящие за рамки технологических или информационных возможностей. Признаки новизны и технологичности чаще отмечаются относительно молодыми горожанами.

Транспортная реформа сопровождается реактивными взаимодействиями, демонстрирует появление нового качества социальных и политических отношений населения и власти.

В условиях, когда значительная часть горожан присутствует «в сети», возникает ситуация постоянного «общественного присутствия» при «отсутствии власти» за формальными пределами взаимодействия. Сравнительный анализ сетевой активности продемонстрировал поиск представителями региональной и городской власти эмуляции возможностей участия в гражданских прениях, при содействии идентичных коммуникативных платформ и форматов общения.

Переход исследователей и практиков городского, государственного и муниципального управления на основе моделирования инфраструктуры, с опорой на строго математико-экономические параметры, в том числе при оценке инвестиций, нуждается в содержательном повороте к комплексной оценке, включающей влияние макро- (на уровне страны), мезо- (на уровне региона) и микросоциологических (на уровне города) процессов, учитывающей социокультурные характеристики населения, уникальные приемы коммуникации и психологические установки отдельных социальных групп, что обуславливает переход к новой социальной политике городской мобильности.

Чтобы проверить актуальность транспортной проблемы в регионе, был проведен сетевой анализ региональных сообществ Кемеровской области в социальной сети «ВКонтакте» и был получен перечень основных активно обсуждаемых проблем (рис. 2).

Рис. 2. Укрупненные тематические группировки повестки сетевых сообществ с января по декабрь 2022 г. с указанием количества постов (Кузбасс, ручная сортировка тематических групп)

Fig. 2. Enlarged thematic groupings of the agenda of online communities in the period from January to December 2022, indicating the number of posts (Kuzbass, manual sorting of thematic groups)

Было проведено тематическое моделирование с использованием модели LDA из модуля *gensim* и сгруппированы наиболее обсуждаемые темы, связанные с социальными и политическими проблемами. По итогу выделена 21 группа, каждая из которых включает определенный набор именованных сущностей. Наиболее актуальной для сетевых участников является тема «Транспорт», которая включает следующий набор токенов: *вообще, это, почему, вопрос, ходить, давать, всё, автобус, давно, значит, ездить, проблема, пора, ещё, везде* и т. п. Такая ситуация может быть вызвана тем, что в период сбора данных (01.01.2022 – 18.11.2022) в Кузбассе активно реализовывалась транспортная реформа.

Выводы

Отмечается существование разрыва в оценке городских транспортных решений с учетом социальных оснований, технологической оснащенности, доступности услуг, ориентации транспортных нововведений на отдельные тренды развития (характер и протяженность пассажирских потоков, время перемещения, социальный состав пассажиров, информационное, интеллектуальное оснащение городских транспортных коммуникаций). Данные основания позволяют выделить конкретных акторов городской транспортной коммуникации.

Описывая проблемы реализации транспортных решений в пространстве города, необходимо учитывать, ритм, характер и направленность общественного отклика на заявленные нововведения, которые могут выступать общественным показателем социально-политических взаимодействий власти и жителей. Полагаем, что именно информационное поле транспортных нововведений демонстрирует остроту реакции на реализацию решений. В результате разрывы восприятия практических транспортных решений в реальном формате заметны для жителей старшего поколения. Информационный уровень современной молодежи технологически может ускорять восприятие транспортной коммуникации, однако качественное исследование ее акторов требует продолжения с выделением функционально-деятельностной и мобилизационной роли коммуникативной модели городских сообществ. Вероятно, деятельным инструментом качественного изучения транспортных нововведений может послужить использование цифровых решений, позволяющих анализировать быстрые, реактивные (сверхдинамичные сетевые коммуникации) данные, касающиеся городских транспортных коммуникаций сетевых и «облачных» городских сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лычко С.К., Мосиенко Н.Л. Общественный транспорт в практиках мобильности: повседневные маршруты горожан // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 5. – С. 256–273. DOI:10.14515/monitoring.2016.5.14.
2. Мишель де Серто. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
3. World at risk. Ed. by U. Beck. Translated by C. Cronin. – Cambridge/UK and Malden/MA: Polity Press, 2009. – 269 p.
4. Mobile methodologies / Eds. B. Fincham, M. McGuinness, L. Murray. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. – 224 p.
5. Mobilities and inequality / Eds. T. Ohnmacht, H. Maksim, and M. M. Bergman. – L.: Ashgate, 2009. – 238 p.
6. Алгоритм развития общественных пространств крупных городов в условиях их урбанизации / С.Г. Тяглов, Н.Д. Родионова, Я.В. Федорова, В.Ю. Сергиенко // Регионоведение. – 2020. – Т. 28. – № 4 (113). – С. 778–800. DOI: 10.15507/2413-1407.113.028.202004.778-800.
7. Ratti C., Claudel M. The city of tomorrow sensors, networks, hackers, and the future of urban life. – New Haven: Yale University Press, 2016. – 180 p.
8. Ambient mobility. URL: <https://senseable.mit.edu/ambient-mobility/> (дата обращения 31.12.2023).
9. Smart, resilient and transition cities emerging approaches and tools for a climate-sensitive urban development / Eds. A. Galderisi, A. Colucci. – Elsevier, 2018. – 283 p. URL: <https://www.elsevier.com/books/smart-resilient-and-transition-cities/galderisi/978-0-12-811477-3> (дата обращения 31.12.2023).

10. Ambrosi G. Modeling of public passenger transport systems // *Universum: технические науки*. – 2021. – № 8 (89). – P. 100–107. DOI: 10.32743/UniTech.2021.89.8.12207. URL: <https://universum.com/ru/tech/archive/item/12207> (дата обращения 31.12.2023).
11. Solek A. Improving transport infrastructure: challenges before EURO 2012 // *Economics & Sociology*. – 2008. – Vol. 1. – № 1. DOI: [dx.doi.org/10.14254/2071-789X.2008/1-1/3](https://doi.org/10.14254/2071-789X.2008/1-1/3).
12. Castells M. Networks of outrage and hope. Social movements in the internet age. – Cambridge, Massachusetts: Polity Press, 2012. – 328 p.
13. Burd G., Drucker S.J., Gumpert G. The urban communication reader. – New York: Hampton Press, 2007. – 290 p.
14. Systems of digital transformation indicators in transport sector / O. Nykyforuk, O. Stasyuk, L. Chmyrova, N. Fedyaj // *European Journal of Intelligent Transportation Systems*. – 2019. – № 1 (2). – P. 3–12. DOI: https://doi.org/10.31435/rsglobal_ejits/31072019/6576.
15. Рейтинг городов России по качеству общественного транспорта 2021 г. Сравнение 76 российских городов по 51 показателю. SIMETRA-group. URL: <https://publictransport.simetracgroup.ru/rating#analysis> (дата обращения 31.12.2023).
16. Paulin A. Smart city governance. – Netherlands: Elsevier, 2018. – 304 p.
17. Smart city emergence. Cases from around the world / Ed. by L. Anthopoulos. – Netherlands: Elsevier, 2019. – 460 p.
18. Boykova M., Ilina I., Salazkin M. The smart city approach as a response to emerging challenges for urban development // *Форсайт*. – 2016. – Т. 10. – № 3 – P. 65–75. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.3.65.75.
19. Филоненко В.И., Штомпель Л.А., Штомпель О.М. Город и «городское»: тождество и различие // *Регионология*. – 2022. – Т. 30. – № 1 (118). – С. 204–225. DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.204-225.
20. Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В. Социальное и политическое взаимодействие местных сообществ региона в условиях реактивных отношений: кейсы благоустройства городского пространства // *Вестник Томского государственного университета*. – 2021. – № 464. – С. 81–90. DOI: 10.17223/15617793/464/10.
21. Рослякова М.В. Городские сообщества как объект и важнейший ресурс муниципального управления // *Политика и общество*. – 2018. – № 8. – С. 42–55. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.8.27143.
22. Urban commons: moving beyond state and market / A. Müller, M. Dellenbaugh, M. Schwegmann, M. Kip, M. Bieniok. – Berlin: Walter de Gruyter, 2020. – 410 p.
23. Березинец И.В., Соколова Е.В. Транспортная система и город: какой должна быть транспортная реформа // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. – 2020. – № 3 (19). – С. 362–384. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2020.304.
24. Скоромец Е.К., Клиценко М.В. Удовлетворенность качеством транспортной инфраструктуры как индикатор социального самочувствия населения города Хабаровска // *Теория и практика общественного развития*. – 2017. – № 5. – С. 52–54. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.5.12>.
25. Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В. Практики мобильностей жителей областного центра как основа транспортной политики региона // *Научное обозрение. Серия 2 «Гуманитарные науки»*. – 2020. – № 3–4. – С. 69–83. DOI: 10.26653/2076-4685-2020-3-4-07. EDN: BLZNAV.
26. Шишигин А.В., Лысенко О.В. Формирование новых городских центров в современном российском городе как средство реализации человеческого потенциала // *Теория и практика общественного развития*. – 2012. – № 12. – С. 93–98.
27. A42.RU – региональный сайт Кузбасса. URL: <https://gazeta.a42.ru> (дата обращения 31.12.2023).
28. VSE42.RU – Новости Кемерово, Кузбасса, России и мира. URL: <https://VSE42.ru> (дата обращения 31.12.2023).
29. В ритме Кемерово. URL: https://vk.com/ritm_kemerovo (дата обращения 31.12.2023).
30. Город Кемерово. URL: https://vk.com/kemerovo_adm?from=search (дата обращения 31.12.2023).
31. Инцидент Кемерово. URL: https://vk.com/incident_42?from=search (дата обращения 31.12.2023).
32. Инцидент Новокузнецк. URL: https://vk.com/nvkz_incident?from=search (дата обращения 31.12.2023).
33. Личная страница мэра г. Кемерово. URL: <https://vk.com/ilyaseredyuk> (дата обращения 31.12.2023).
34. Личная страница мэра г. Новокузнецк. URL: <https://vk.com/id390136583> (дата обращения 31.12.2023).
35. Сибдепо. Журнал о жизни в Кузбассе. URL: <https://sibdepo.ru/sibdepo.ru> (дата обращения 31.12.2023).
36. Официальная страница губернатора Кузбасса Сергея Цивилева. URL: <https://ok.ru/sergeytsiviliev> (дата обращения 31.12.2023).
37. Официальная страница губернатора Кузбасса Сергея Цивилева. URL: <https://vk.com/tsivilev42> (дата обращения 31.12.2023).
38. NGS42.RU. Кузбасс онлайн. URL: <https://ngs42.ru> (дата обращения 31.12.2023).
39. Типичный Кемерово. URL: https://vk.com/typical_kmr?from=search (дата обращения 31.12.2023).

40. Головацкий Е.В., Кранзеева Е.А., Орлова А.В. Социально-политическое взаимодействие горожан и власти в условиях транспортных нововведений (реформа городов Кузбасса) // Регионология. – 2023. – Т. 31. – № 2. – С. 255–274. DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.255-274.
41. Линтон Дж. Неявные участники: вклад искусства, гуманитарных и социальных наук в создание инноваций // Форсайт. – 2018. – Vol. 12. – № 3. – Р. 6–12. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.3.6.12.
42. Махмутова Е.В. Межпоколенческий баланс в цифровую эпоху: глобальное измерение // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – № 6. – С. 11–16. DOI: 10.26794/2226-7867-11-6-11-16.
43. Жаркова М.А., Чаплинская Я.И., Чмыхало А.Ю. Смарт-технологии в контексте формирования новых социальных практик // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2022. – № 3 (46). – С. 19–29. DOI: 10.18799/26584956/2022/3(46)/1222.

Информация об авторах

Елена Анатольевна Кранзеева, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологических наук Социально-психологического института Кемеровского государственного университета, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; elkranzeeva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2577-9017>

Евгений Васильевич Головацкий, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологических наук Социально-психологического института Кемеровского государственного университета, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; xomaik@rambler.ru; <http://orcid.org/0000-0002-8485-5852>

Анна Владимировна Орлова, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологических наук Социально-психологического института Кемеровского государственного университета, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; anniov@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8568-6763>

Поступила в редакцию: 04.01.2024

Поступила после рецензирования: 27.02.2024

Принята к публикации: 28.03.2024

REFERENCES

1. Lychko S.K., Mosienko N.L. Public transport in mobility practices: daily routes of citizens. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 2016, no. 5, pp. 256–273. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.14.
2. De Certeau M. *Invention of everyday life. 1. The art of making*. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publishing House of, 2013. 330 p. (In Russ.)
3. *World at risk*. Ed. by U. Beck. Translated by C. Cronin. Cambridge/UK and Malden/MA, Polity Press, 2009. 269 p.
4. *Mobile Methodologies*. Eds. B. Fincham, M. McGuinness, L. Murray. N.Y., Palgrave Macmillan, 2010. 224 p.
5. *Mobilities and inequality*. Eds. by T. Ohnmacht, H. Maksim, M.M. Bergman. L., Ashgate, 2009. 238 p.
6. Tyaglov S.G., Rodionova N.D., Fedorova Ya.V., Sergienko V.Yu. Algorithm for the development of public spaces in large cities in the context of urbanization. *Regionology = Russian Journal of Regional Studies*, 2020, vol. 28, no. 4 (113), pp. 778–800. (In Russ.) DOI: 10.15507/2413-1407.113.028.202004.778-800.
7. Ratti C., Claudel M. *The city of tomorrow sensors, networks, hackers, and the future of urban life*. New Haven, Yale University Press, 2016. 180 p.
8. *Ambient mobility*. Available at: <https://senseable.mit.edu/ambient-mobility/> (accessed 31 December 2023).
9. *Smart, resilient and transition cities emerging approaches and tools for a climate-sensitive urban development*. Eds. A. Galderisi, A. Colucci. Elsevier, 2018. 283 p. Available at: <https://www.elsevier.com/books/smart-resilient-and-transition-cities/galderisi/978-0-12-811477-3> (accessed 31 December 2023).
10. Ambrosi G. Modeling of Public Passenger Transport Systems. *Universum: technical sciences*, 2021, no. 8 (89), pp. 100–107. DOI: 10.32743/UniTech.2021.89.8.12207. Available at: <https://universum.com/ru/tech/archive/item/12207> (accessed 31 December 2023)
11. Solek A. Improving transport infrastructure: challenges before EURO 2012. *Economics & Sociology*, 2008, vol. 1, no. 1. DOI: [dx.doi.org/10.14254/2071-789X.2008/1-1/3](https://doi.org/10.14254/2071-789X.2008/1-1/3).
12. Castells M. *Networks of outrage and hope. Social movements in the internet age*. Cambridge, Massachusetts, Polity Press, 2012. 328 p.
13. Burd G., Drucker S.J., Gumpert G. *The urban communication reader*. New York, Hampton Press, 2007. 290 p.
14. Nykyforuk O., Stasyuk O., Chmyrova L., Fedyaj N. Systems of digital transformation indicators in the transport sector. *European Journal of Intelligent Transportation Systems*, 2019, no. 1 (2), pp. 3–12. DOI: https://doi.org/10.31435/rsglobal_ejits/31072019/6576.

15. Rating of Russian cities by quality of public transport 2021. Comparison of 76 Russian cities based on 51 indicators. *SIMETRA-group*. (In Russ.) Available at: <https://publictransport.simetrargroup.ru/rating#analysis> (accessed 31 December 2023).
16. Paulin A. *Smart city governance*. Netherlands, Elsevier, 2018. 304 p.
17. *Smart city emergence. Cases from around the world*. Ed. by L. Anthopoulos. Netherlands, Elsevier, 2019. 460 p.
18. Boykova M., Ilina I., Salazkin M. The smart city approach as a response to emerging challenges for urban development. *Foresight and STI Governance*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 65–75. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.3.65.75.
19. Filonenko V.I., Shtompel L.A., Shtompel O.M. City and “Urban”: identity and difference. *Regionology = Russian Journal of Regional Studies*, 2022, vol. 30, no. 1 (118), pp. 204–225. (In Russ.) DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.204-225.
20. Kranzeeva E.A., Golovatsky E.V., Orlova A.V. Social and political interaction of local communities of the region in conditions of reactive relations: cases of improvement of urban space. *Tomsk State University Journal*, 2021, no. 464, pp. 81–90. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/464/10.
21. Roslyakova M.V. Urban communities as an object and the most important resource of municipal government. *Politics and Society*, 2018, no. 8, pp. 42–55. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0684.2018.8.27143.
22. Müller A., Dellenbaugh M., Schwegmann M., Kip M., Bieniok M. *Urban commons: moving beyond state and market*. Berlin, Walter de Gruyter, 2020. 410 p.
23. Berezinets I.V., Sokolova E.V. Transportation system and the city: what the urban transport reform should be. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, 2020, no. 3 (19), pp. 362–384. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu08.2020.304.
24. Skoromets E.K., Klitsenko M.V. Satisfaction with the quality of transport infrastructure as a social well-being indicator of the citizens of the city of Khabarovsk. *Theory and practice of social development*, 2017, no. 5, pp. 52–54. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.5.12>.
25. Kranzeeva E.A., Golovatsky E.V., Orlova A.V. Mobility practices of residents of the regional center as the basis of transport policy in the region. *Scientific Review. Series 2. Human sciences*, 2020, no. 3–4, pp. 69–83. (In Russ.) DOI: 10.26653/2076-4685-2020-3-4-07. EDN: BLZNAV.
26. Shishigin A.V., Lysenko O.V. Formation of new urban centers in the modern Russian city as a means of human fulfillment. *Theory and practice of social development*, 2012, no. 12, pp. 93–98. (In Russ.)
27. *A42.RU – regional website of Kuzbass*. (In Russ.) Available at: <https://gazeta.a42.ru> (accessed 31 December 2023).
28. *VSE42.RU – News from Kemerovo, Kuzbass, Russia and the world*. (In Russ.) Available at: <https://VSE42.ru> (accessed 31 December 2023).
29. *In the rhythm of Kemerovo*. (In Russ.) Available at: https://vk.com/ritm_kemerovo (accessed 31 December 2023).
30. *Kemerovo city*. (In Russ.) Available at: https://vk.com/kemerovo_adm?from=search (accessed 31 December 2023).
31. *Kemerovo incident*. (In Russ.) Available at: https://vk.com/incident_42?from=search (accessed 31 December 2023).
32. *Novokuznetsk incident*. (In Russ.) Available at: https://vk.com/nvkz_incident?from=search (accessed 31 December 2023).
33. *Personal page of the Mayor of Kemerovo*. (In Russ.) Available at: <https://vk.com/ilyaseredyuk> (accessed 31 December 2023).
34. *Personal page of the mayor of Novokuznetsk*. (In Russ.) Available at: <https://vk.com/id390136583> (accessed 31 December 2023).
35. *Sibdepo. Journal about life in Kuzbass*. (In Russ.) Available at: <https://sibdepo.ru/sibdepo.ru> (accessed 31 December 2023).
36. *Official page of Kuzbass Governor Sergey Tsivilev*. (In Russ.) Available at: <https://ok.ru/sergeytsivilev> (accessed 31 December 2023).
37. *Official page of Kuzbass Governor Sergey Tsivilev*. (In Russ.) Available at: <https://vk.com/tsivilev42> (accessed 31 December 2023).
38. *NGS42.RU. Kuzbass online*. (In Russ.) Available at: <https://ngs42.ru> (accessed 31 December 2023).
39. *Typical Kemerovo*. (In Russ.) Available at: https://vk.com/typical_kmr?from=search (accessed 31 December 2023).
40. Golovatsky E.V., Kranzeeva E.A., Orlova A.V. Socio-political interaction of citizens and authorities in the conditions of transport innovations (reform of Kuzbass cities). *Russian journal of regional studies*, 2023, vol. 31, no. 2, pp. 255–274. (In Russ.) DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.255-274.
41. Linton J. Quiet contributors: the role of the arts, humanities and social sciences in innovation. *Foresight and STI Governance*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 6–12. (In Russ.) DOI: 10.17323/2500-2597.2018.3.6.12.
42. Makhmutova E.V. Intergenerational balance in the digital age: a global dimension. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2021, no. 6, pp. 11–16. (In Russ.) DOI: 10.26794/2226-7867-11-6-11-16.
43. Zharkova M.A., Chaplinskaya Ya.I., Chmykhalo A.Yu. Smart technologies in the context of the formation of new social practices. *Journal of Wellbeing technologies*, 2022, no. 3 (46), pp. 19–29. (In Russ.) DOI: 10.18799/26584956/2022/3(46)/1222.

Information about the authors

Elena A. Kranzeeva, Dr. Sc., Associate Professor, Head of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, 650000, Russian Federation. elkranzeeva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2577-9017>

Evgeny V. Golovatsky, Dr. Sc., Associate Professor, Professor, Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, 650000, Russian Federation; xomaik@rambler.ru; <http://orcid.org/0000-0002-8485-5852>

Anna V. Orlova, Cand. Sc., Associate Professor, Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, 650000, Russian Federation; anniov@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8568-6763>

Received: 04.01.2024

Revised: 27.02.2024

Accepted: 28.03.2024

УДК 629.5:005.521

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1696

Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Построение системы прогнозирования и планирования деятельности судостроительного предприятия

Е.С. Палкина[✉], Н.В. Чибель

*Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Россия, г. Санкт-Петербург*

[✉]elena_palkina@hotmail.com

Аннотация. В современных условиях высокой динамичности внешней среды, обусловленной в первую очередь научно-техническим прогрессом, судостроительным предприятиям для обеспечения увеличения рыночной доли, повышения конкурентоспособности важно своевременно выявлять тренды, которые будут определять детерминанты их устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Также в организации важно выстроить многоуровневую систему планирования во взаимосвязи со сформированными прогнозами. **Актуальность** исследования обусловлена необходимостью решения важной научной проблемы синхронизации составления и соответствия содержания стратегических, тактических и оперативных планов деятельности предприятия судостроительной промышленности полученным прогнозам относительно будущих изменений внешней среды для создания основы его устойчивого развития в долгосрочной перспективе. **Цель:** разработка методических рекомендаций по построению интегрированной системы прогнозирования и планирования деятельности судостроительной организации для обеспечения ее устойчивого долговременного экономического роста. **Методы:** при проведении научного исследования применялись системный подход, методы обобщения, группировки, сравнительного анализа, метод построения сбалансированной системы показателей BSC, метод целеполагания SMART и др. **Результаты:** обобщены критерии целеполагания на разных уровнях управления компанией; предложены основные принципы прогнозирования и планирования деятельности судостроительной организации; показана взаимосвязь системы прогнозирования и многоуровневого планирования с информационным обеспечением принятия управленческих решений и уровнем совокупного риска. **Выводы:** установлено, что темпы экономического роста, уровни устойчивости и конкурентоспособности судостроительного предприятия определяются степенью взаимосвязи и взаимообусловленности сформированных прогнозов, стратегических, тактических и оперативных планов его деятельности. Внедрение на отечественных судостроительных предприятиях предложенной системы прогнозирования и планирования деятельности позволит минимизировать вероятность возникновения риска принятия нерациональных управленческих решений, в частности в области ценообразования на судостроительную продукцию, и обеспечить рост доходов данных предприятий, прибыли, инвестиционной привлекательности и рыночной стоимости. Полученные результаты исследования послужат научной основой для развития методологии прогнозирования и планирования в общей системе менеджмента организации.

Ключевые слова: взаимосвязь, планирование, принципы, прогнозирование, судостроение, судостроительное предприятие, целеполагание

Для цитирования: Палкина Е.С., Чибель Н.В. Построение системы прогнозирования и планирования деятельности судостроительного предприятия // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 40–52. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1696

UDC 629.5:005.521

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1696

Construction of forecasting and planning system for shipbuilding enterprise activities

E.S. Palkina✉, N.V. Chibel

St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg, Russian Federation

✉elena_palkina@hotmail.com

Abstract. In modern conditions of high dynamism of the external environment, caused primarily by scientific and technological progress, it is important for shipbuilding enterprises to determine trends that will define the determinants of their sustainable development in the long term in order to ensure an increase in market share and competitiveness. In addition, it is important to build a multi-level planning system in the organization in conjunction with the generated forecasts. **Relevance.** The need to solve an important scientific problem of synchronization of the preparation and compliance of the content of strategic, tactical and operational plans of the shipbuilding industry enterprise with the received forecasts regarding future changes in the external environment to create the foundation of its sustainable development in the long term. **Aim.** To develop methodological recommendations for the construction of an integrated system for forecasting and planning the activities of a shipbuilding organization to ensure its sustainable long-term economic growth. **Methods.** Systematic approach, methods of generalization, grouping, comparative analysis, the method of constructing a balanced BSC system of indicators, the SMART goal setting method and others. **Results.** The authors have summarized the criteria of goal setting at different levels of company management. They proposed the basic principles of forecasting and planning the activities of a shipbuilding organization. The paper demonstrates the interrelation of the forecasting system and multilevel planning with the information support of managerial decision-making and the level of aggregate risk. It is established, that the rates of economic growth, levels of sustainability and competitiveness of a shipbuilding enterprise are determined by the degree of interconnection and interdependence of the formed forecasts, strategic, tactical and operational plans of its activities. Implementation of the proposed system for forecasting and planning activity at domestic shipbuilding enterprises will minimize likelihood of risk of making irrational management decisions, in particular, in the field of pricing for shipbuilding products, and in general ensure the growth of their income, profits, investment attractiveness and market value. The obtained research results form the scientific basis for development of forecasting and planning methodology in the general management system of an organization.

Keywords: interrelation, planning, principles, forecasting, shipbuilding, shipbuilding enterprise, goal setting

For citation: Palkina E.S., Chibel N.V. Construction of forecasting and planning system for shipbuilding enterprise activities. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 40–52. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1696

Введение

В современных условиях высоких темпов изменения внешней среды, возрастания ее нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности во многих производственных организациях не обеспечивается своевременное реагирование на происходящие экзотические преобразования и принятие соответствующих корректирующих воздействий. Как следствие, текущее планирование не в полной степени взаимосвязано со стратегическим и этот разрыв увеличивается тем быстрее, чем медленнее происходящие изменения во внешней среде находят должное отражение в системе управления компанией. Эта проблема особенно актуальна для судостроительных предприятий России, для которых характерна такая важная особенность деятельности, как длительная продолжительность производственного

цикла (как правило, больше года). Соответственно, таким организациям сложнее вносить изменения в прогнозы, осуществлять корректировку стратегии, тактики и оперативных планов деятельности. В настоящее время ошибки в планировании приводят к неверным управленческим решениям, в частности в области ценообразования на судостроительную продукцию, что может привести к снижению доходов, росту расходов и уменьшению прибыли предприятия судостроения, а значит, его инвестиционной привлекательности, поскольку возможностей для выплаты дивидендов будет меньше, а также снижению собственных источников финансирования инвестиционных проектов, в первую очередь реальных, направленных на приобретение высокотехнологичного оборудования, нематериальных активов (в частности, приобретение программного обеспечения, патентов, лицензий), что в будущем отрицательно повлияет на динамику его рыночной стоимости. По сути, отсутствие слаженной, взаимосвязанной с прогнозами системы планирования деятельности, ее неэффективное, несбалансированное функционирование, не способствующее судостроительному предприятию достигать поставленных целей в установленные сроки и замедляющее его переход от текущего состояния к целевому, обуславливает необходимость ее совершенствования.

Результаты анализа научной и специальной литературы по рассматриваемой проблематике позволяют констатировать наличие значительного количества публикаций российских и зарубежных авторов, посвященных исследованию подходов, методов, инструментов планирования и прогнозирования. Так, в работе [1] изложены методологические основы прогнозирования и планирования. Научные труды [2] и [3] содержат результаты обзора, соответственно, принципов и методов планирования, прогнозирования. Международный опыт формирования планов, прогнозов подробно представлен в публикации [4]. Особенности планирования и прогнозирования деятельности российских организаций раскрыты в статье [5]. Вопросы прогнозирования и планирования на различных уровнях управления освещены в работах [6, 7] – на макроуровне, [8] – на мезоуровне, [9, 10] – на микроуровне. Отраслевые особенности планирования и прогнозирования, в частности в энергетической отрасли, туристической индустрии, изложены в трудах [11] и [12] соответственно. Отдельные научные статьи посвящены специализированным областям управления предприятием, например планированию и прогнозированию издержек производства – [13], финансовых ресурсов – [14]. В ряде публикаций как отечественных [15], так и зарубежных авторов [16] представлены положения по использованию современного аналитического инструментария в условиях цифровизации экономики.

Вместе с тем в литературе недостаточно внимания уделяется анализу проблем, возникающих при прогнозировании, планировании деятельности судостроительного предприятия, оценке их последствий и генерированию научных положений, рекомендаций, направленных на их решение, а также вопросам учета отраслевой специфики судостроения при формировании прогнозов и планов. Так, в работе [17] рассматривается задача прогнозирования изменения производственно-экономического потенциала судостроительного предприятия. Вместе с тем отсутствует взаимосвязь полученных результатов прогнозирования с планированием деятельности организации. В статье [18], наоборот, основное внимание уделено инструментам планирования без увязки с формированием прогнозов и на их основе планов. Кроме того, в существующих научных работах, в частности в публикациях [19, 20], не в полной мере представлен системный подход к прогнозированию и планированию деятельности организации, а также раскрыта взаимосвязь ключевых прогнозных и плановых показателей, отражающих базовые целевые установки функционирования предприятия судостроительной промышленности на долгосрочную перспективу, с системой риск-менеджмента устойчивого развития судостроительных предприятий.

Исходя из вышеизложенного цель исследования заключается в разработке методических положений по построению интегрированной системы прогнозирования и планирования дея-

тельности судостроительного предприятия для обеспечения его устойчивого долговременного экономического роста.

Методика проведения исследования

При выполнении научной работы применялись системный подход, методы обобщения, группировки, сравнительного анализа, метод построения сбалансированной системы показателей BSC, метод целеполагания SMART и др.

Проведение исследования включало следующие этапы:

- 1) определение сущности прогнозирования и планирования, выявление их отличительных характеристик и взаимосвязи;
- 2) обобщение базовых принципов функционирования системы прогнозирования и планирования деятельности судостроительного предприятия;
- 3) выявление основных закономерностей при реализации системного подхода к формированию прогнозов и планов деятельности организации судостроительной промышленности;
- 4) дифференциация методов прогнозирования и планирования деятельности судостроительного предприятия на разных уровнях управления;
- 5) разработка критериев оценки функционирования системы прогнозирования и планирования деятельности предприятия судостроительной промышленности.

Результаты исследования

Вначале считаем важным определить основные понятия, используемые в данной работе, – «прогнозирование» и «планирование» деятельности предприятия, а также выделить их существенные признаки и выявить взаимосвязь между этими терминами.

Под прогнозированием в данной статье понимается процесс определения перспектив развития внешней среды с учетом основных трендов нового технологического уклада [21]. В свою очередь, планирование базируется на результатах прогнозирования, означает разработку и обоснование целей деятельности организации на разных уровнях управления (стратегическом, тактическом и оперативном), а также установление способов, средств их достижения, включая определение мероприятий, сроков, ответственных за их исполнение, формирование и распределение ресурсов организации, необходимых для их реализации.

По сути, основная отличительная особенность между этими терминами состоит в том, что прогнозирование связано с научным описанием видения будущего, а планирование характеризуется целеполаганием как исходным этапом общего управленческого цикла на стратегическом, тактическом и оперативном уровнях менеджмента. К другим различиям можно отнести: обеспеченность предприятия ресурсами для реализации планов деятельности (в то время как на этапе прогнозирования это требование не является обязательным); степень управляемости, которая достигает максимальных значений на оперативном уровне управления и которой практически не подвержены выявляемые макроэкономические и другие тренды в процессе прогнозирования; объект исследования: в прогнозе это преимущественно экзогенные факторы, а в планах деятельности – внутренняя среда предприятия, интегрированная во внешнюю среду. Утвержденные планы (стратегия развития, бизнес-план, бюджеты) носят директивный характер, то есть обязательны к исполнению, а прогноз по большей части имеет информативное содержание, которое рекомендуется учитывать при планировании деятельности предприятия. Общим свойством является перспективность данных, необходимых для принятия управленческих решений в области развития деятельности предприятия. Кроме того, прогнозы и планы могут содержать схожие оценочные показатели.

Соответственно, под системой прогнозирования и планирования деятельности организации (см. рисунок) понимается совокупность взаимосвязанных элементов прогнозирования и планирования, направленных на достижение установленных целей развития предприятия.

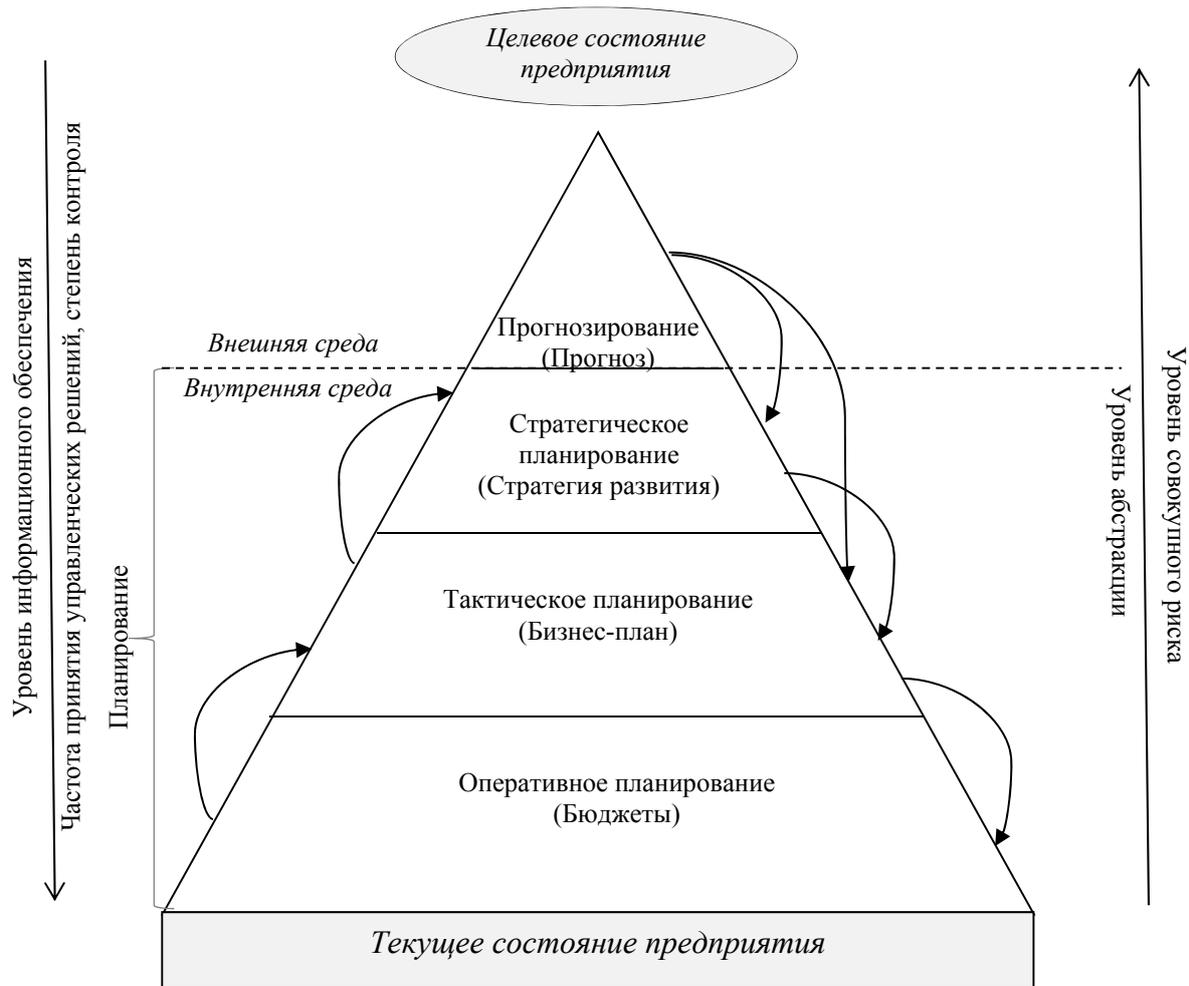

Рисунок. Архитектоника системы прогнозирования и планирования деятельности судостроительного предприятия (стрелками слева обозначены корректирующие управленческие воздействия, реализуемые руководителями, а справа – обратная связь от исполнителей)

Figure. Architectonics of the forecasting and planning system of a shipbuilding enterprise (the arrows on the left indicate corrective management influences implemented by managers, and on the right – feedback from performers)

Согласно рисунку, система прогнозирования и планирования деятельности судостроительного предприятия имеет иерархическую структуру и состоит из подсистемы прогнозирования и трех взаимосвязанных как с ней, так и между собой подсистем планирования на стратегическом, тактическом и оперативном уровнях управления, каждая из которых характеризуется определенными отличительными признаками:

- временным интервалом формирования документов – на длительную перспективу, долгосрочный, среднесрочный и краткосрочный периоды;
- формой отражения результатов – прогноз, стратегия, бизнес-план и бюджеты соответственно;
- методами, применяемыми для составления прогнозов и планов;
- качеством и доступностью используемой информации.

При построении прогнозов рекомендуется применять наряду с общеизвестными методами экспертных оценок метод предиктивного анализа, целью которого является прогнозирование

определенных событий в будущем. Это позволит руководству судостроительного предприятия принимать своевременные рациональные управленческие решения, в том числе в сфере реализации такой ключевой функции менеджмента, как планирование. Формирование планов компании на долго-, средне- и краткосрочную перспективу, в свою очередь, целесообразно производить посредством метода индикативного планирования, который необходимо дополнить на тактическом, оперативном уровнях методом нормирования (использования ресурсов, генерирования прибыли и др.).

Следует отметить, информация, применяемая при составлении прогнозов, находится во внешней среде и доступна многим участникам рынка, что не создает возможности на данном этапе судостроительному предприятию сформировать значительные конкурентные преимущества (образно это «вершина айсберга»). Информация, используемая при планировании деятельности промышленной организации, находится преимущественно во внутренней среде компании и позволяет при планировании деятельности судостроительного предприятия предусмотреть формирование значительных конкурентных преимуществ.

В свою очередь, информация (о перспективных трендах, тенденциях развития и т. п.), содержащаяся во внешней среде, формирует основу для выработки стратегии компаниями, функционирующими на определенном рынке и конкурирующими между собой. Соответственно, информация, содержащаяся во внутренней среде каждой отдельной организации (включая стратегию развития, бизнес-планы, бюджеты и др.), представляет собой ее коммерческую тайну, является не доступной для внешних участников рынка (за исключением ряда случаев, например, при экономической кооперации, совместной реализации инвестиционного проекта несколькими компаниями) и определяет конкурентные преимущества конкретного предприятия. В частности, бюджеты предприятия включают мастер-бюджеты (Бюджет доходов и расходов (БДР), Бюджет движения денежных средств (БДДС), Бюджет инвестиций, Плановый Баланс, Плановые показатели эффективности деятельности) и операционные бюджеты (Бюджет продаж, Бюджет расходов на оплату труда, Бюджет расходов на ремонт и др.).

Как показано на рисунке, чем ниже, детальнее, уровень планирования, тем выше уровень информационного обеспечения (в том числе конкретизации, детализации данных), частота принятия управленческих решений и степень контроля. При этом степень абстракции и, как следствие, величина совокупного риска снижаются, а значит, уменьшается потребность в выработке альтернативных вариантов, сценариев развития событий. Прогнозный уровень характеризуется наибольшими уровнями совокупного риска и абстракции. Вместе с тем информационное обеспечение, возможности принятия управленческих решений, степень контроля ограничены.

Важно отметить, несмотря на то, что прогноз формирует основу для дальнейшей выработки планов, в случае существенной динамичности условий внешней среды прогнозы могут уточняться. В этом случае целесообразно проводить оценку влияния прогнозируемых изменений на процесс исполнения планов деятельности предприятия как на стратегическом, так и на тактическом и оперативном уровнях управления, а также своевременно вносить необходимые коррективы. В свою очередь, последующая реализация утвержденных планов будет обуславливать определенные кардинальные изменения во внешней среде, которые в дальнейшем могут вызвать потребность в уточнении прогнозов и очередном внесении корректировок в планы деятельности предприятия. Таким образом, это циклический процесс, который каждый раз повторяется, но уже на новом уровне, например технологическом.

Представленная система прогнозирования и планирования содержит определенный организационно-экономический механизм управления деятельностью судостроительного предприятия, действие которого благодаря реализуемым менеджментом изменениям обеспечивает переход организации от текущего состояния к целевому.

Следует отметить важное свойство такой системы – эмерджентность, – которое проявляется в формировании свойств, не присущих ее компонентам по отдельности (например, повышение конкурентоспособности судостроительного предприятия на мировом рынке гражданского судостроения благодаря опережающему реагированию на ожидаемые (прогнозные) условия внешней среды в процессе реализации стратегии развития, выражаемому, например, в формировании спроса на инновационную судостроительную продукцию).

Менеджеры предприятия осуществляют корректирующие управленческие воздействия, основываясь на результатах сравнительного анализа фактических и плановых значений ключевых показателей эффективности деятельности организации, а также выявления причин их отклонений. Рекомендуемые для использования ключевые показатели эффективности (КПЭ, или KPI – Key Performance Indicators), сгруппированные по уровням принятия управленческих решений в системе планирования и прогнозирования деятельности судостроительного предприятия, приведены в таблице.

Преобладание ключевых показателей эффективности деятельности предприятия в проекции «Финансы» обусловлено, с одной стороны, тем, что собственник – ключевой стейкхолдер бизнеса, от его дальнейших инвестиционных решений зависит будущее предприятия, поэтому предусмотрены два ключевых показателя, отражающих его интересы; с другой стороны, финансовые ресурсы являются обязательным условием ведения деятельности, выполнения утвержденных планов, поэтому добавлены показатели, характеризующие эффективность управления финансовыми ресурсами предприятия с позиций обеспечения оптимального соотношения доходности бизнеса и уровня риска (в том числе финансового, выражаемого посредством показателя «коэффициент финансового рычага»). Предложенные показатели можно представить в виде стратегической карты роста организации, используя метод дерева целей, как показано в работе [22].

На уровне стратегического планирования деятельности предприятия рекомендуется конкретизировать целевые значения ключевых показателей эффективности по годам реализации стратегии развития на протяжении всего периода планирования. На следующем, тактическом, уровне планирование деятельности предприятия судостроительной промышленности осуществляется по различным функциональным областям (например, план маркетинга, план производства, организационный план, финансовый план и др.), объединенным в единый бизнес-план. Рекомендуется на первый год планировать целевые значения КПЭ поквартально и исходя из установленных показателей стратегии развития. При этом наиболее детальное планирование осуществляется в рамках текущего планирования на период 1 год. В этом случае плановые значения КПЭ целесообразно определять ежемесячно, основываясь на информации бизнес-плана. В целом при определении целевых значений показателей деятельности судостроительного предприятия рекомендуется: во-первых, планировать функционирование промышленной организации на перспективу исходя из установленных целей, которые должны соответствовать критериям целеполагания SMART, а именно: быть конкретными, измеримыми, достижимыми, ориентированными на определенный результат и соотношенными с конкретным сроком их выполнения; во-вторых, идентифицировать наряду с целевыми значениями показателей их пороговые (критические) значения исходя из положений действующей на предприятии системы риск-менеджмента (например, используя метод оценки рисков ALARP – As Low As Reasonably Practicable, то есть уровень отрицательных рисков должен быть настолько понижен, насколько это приемлемо). При этом уровень допустимого риска можно определять на основе графика безубыточности, выделяя зоны допустимого, критического и катастрофического риска исходя из риск-аппетита топ-менеджмента, собственников бизнеса.

Представленные в таблице ключевые показатели эффективности служат индикаторами принятых управленческих решений в области прогнозирования и планирования деятельности судостроительного предприятия. Кроме того, они дают возможность связать многоуровневую систему управления организацией в единое целое.

Таблица. Ключевые показатели эффективности деятельности судостроительного предприятия
Table. Key performance indicators of the shipbuilding enterprise

Наименование КПЭ KPI name	Рекомендуемое значение Recommended value	Характеристика показателя Characteristics of the indicator
Темп роста стоимости компании, д. д. Growth rate of company value, d. f.	Соответствует ожиданиям собственников бизнеса Meets the expectations of business owners	Отражает изменение стоимости бизнеса, эффективность и результативность операционной, инвестиционной, финансовой деятельности судостроительного предприятия в целом Reflects changes in business value, efficiency and effectiveness of the operating, investment, and financial activities of the shipbuilding enterprise as a whole
Экономическая добавленная стоимость, руб. Economic added value, rub.	>0	Характеризует прирост стоимости компании, влияет на решение инвесторов продолжать развивать данный бизнес Characterizes the increase in the value of the company, influences the decision of investors to continue to develop this business
Рентабельность инвестированного капитала, % Return on invested capital, %	>WACC Больше средневзвешенной стоимости капитала Above Weighted Average Cost of Capital	Показывает эффективность использования средств инвесторов Shows the efficiency of using investors' funds
Финансовый рычаг, д. д. Financial leverage, d. f.	1,0	Характеризует степень зависимости предприятия от внешних источников финансирования и связанных с этим рисков Characterizes the degree of dependence of the enterprise on external sources of financing and associated risks
Коэффициент текущей ликвидности, д. д. Current ratio, d. f.	[1,0; 2,5]	Определяет платежеспособность предприятия и его способность погашать краткосрочные обязательства Determines the solvency of the enterprise and its ability to repay short-term obligations
Рентабельность продаж, % Return on sales, %	Выше среднего значения по отрасли Above industry average	Позволяет оценить эффективность ценовой политики предприятия и мероприятий, направленных на экономию издержек, контролировать уровень маржи Allows you to evaluate the effectiveness of the enterprise pricing policy and measures aimed at saving costs, and control the level of margin
Темп роста продаж инновационной продукции, д. д. Growth rate of sales of innovative products, d. f.	>1,0	Характеризует инновационный экономический рост судостроительного предприятия Characterizes the innovative economic growth of a shipbuilding enterprise
Темп роста производительности основных фондов, д. д. Growth rate of productivity of fixed assets, d. f.	>1,0	Отражает эффективность использования основных фондов предприятия Reflects the efficiency of use of the enterprise fixed assets
Сокращение длительности производственного цикла строительства судна, % Reduction in the duration of the ship construction production cycle, %	>0	Определяет уровень организации производства во времени, затраты ресурсов, себестоимость продукции и в целом конкурентоспособность судостроительного предприятия Determines the level of organization of production over time, resource costs, production costs and, in general, the competitiveness of a shipbuilding enterprise
Темп роста выработки на 1 сотрудника, д. д. Growth rate of output per 1 employee, d. f.	>1,0	Показывает эффективность использования трудовых ресурсов Shows the efficiency of using labor resources

В процессе прогнозирования и планирования деятельности судостроительного предприятия важно руководствоваться базовыми принципами, имплементация которых позволит достичь целевых значений ключевых показателей эффективности с учетом ожиданий стейкхолдеров, а именно:

- принцип гибкости позволяет заблаговременно учесть в составляемых прогнозах, планах возникающие изменения в связи с высокой неопределенностью внешней среды, содержащие как новые возможности, так и угрозы; предполагает разработку альтернативных сценариев развития событий;
- принцип взаимосвязи – все уровни рассматриваемой системы связаны между собой, то есть прогнозирование и многоуровневое планирование, а значит, такая же взаимосвязь должна прослеживаться и на всех трех уровнях планирования: стратегическом, тактическом и оперативном;
- планирование «сверху-вниз» (а не «снизу-вверх») означает, что от высшего руководства, то есть «сверху» поступает информация (в виде прогнозов) для формирования планов; таким же образом осуществляется и корректировка стратегии, тактики и операционных планов компании. «Снизу», то есть от исполнителей, могут идти корректировки операционных планов в соответствии со стратегией и тактикой;
- принцип прозрачности предполагает обеспечение доступа к необходимой информации причастных сотрудников организации;
- принцип обеспечения баланса интересов стейкхолдеров – максимальный учет и поддержание баланса ожиданий заинтересованных сторон.

Предлагается использовать следующие два основных критерия оценки предложенной системы прогнозирования и планирования деятельности судостроительного предприятия: первый – это повышение результативности деятельности судостроительных предприятий России, то есть повышение степени достижения поставленных целей, в процентах, второй – это рост эффективности деятельности отечественных предприятий судостроительной промышленности, то есть достижение поставленных целей при наименьших затратах ресурсов (трудовых, материальных, финансовых, временных и др.).

Обсуждение результатов

Изложенные теоретические положения в части уточнения понятийного аппарата и структуры системы прогнозирования и планирования позволяют установить четкую семантическую грань в трактовке терминов «планирование» и «прогнозирование». В работе [23] прогнозирование рассматривается как метод, в то время как это разные функции управления и они рассматриваются дифференцированно, но во взаимосвязи и взаимообусловленности. В статье [24] используются понятия стратегического прогнозирования и планирования, вместе с тем, по мнению авторов, прогнозирование осуществляется априори на долгосрочную перспективу и поэтому наблюдается лексическая избыточность словосочетания «стратегическое прогнозирование». В работе [25] планирование рассматривается обособленно от управления, когда речь идет об адаптации одноименных автоматизированных систем.

Кроме того, в последнее время возрастает влияние неопределенности внешней среды на принятие управленческих решений, а значит, применение статистических методов анализа рисков в процессе прогнозирования и стратегического планирования, о которых упоминается в работе [7], ограничено. Соответственно, возрастает роль предиктивной аналитики.

В научной статье [2] особое внимание уделяется принципам прогнозирования и планирования. Вместе с тем среди рассмотренных многочисленных принципов отсутствует такой основополагающий принцип, как обеспечение баланса интересов стейкхолдеров, применение которого позволяет при формировании прогнозов, планов деятельности предприятия посредством задействования возможностей внешней среды дополнительно опираться на поддержку, ресурсы стейкхолдеров, заинтересованных в его развитии.

Внедрение предложенной системы прогнозирования и планирования в деятельность российских судостроительных предприятий позволит повысить их инвестиционный потенциал, максимально задействуя его основные компоненты [26], и обеспечить устойчивый экономический рост в долгосрочной перспективе.

Основные результаты и выводы

В результате проведенных исследований были определены отличительные сущностные характеристики понятий прогнозирования и планирования, установлены взаимосвязи между прогнозным и стратегическим, тактическим, оперативным уровнями планирования, сформулированы базовые принципы функционирования системы прогнозирования и планирования деятельности судостроительного предприятия; дифференцированы методы прогнозирования и планирования деятельности судостроительного предприятия на разных уровнях управления; предложены критерии оценки функционирования системы прогнозирования и планирования деятельности предприятия судостроительной промышленности.

Внедрение предложенной системы прогнозирования и планирования в деятельность российских судостроительных предприятий позволит им открывать новые возможности, направления инновационного развития, выявлять резервы повышения эффективности и результативности работы, увеличения прибыли и рыночной стоимости компании, обеспечить высокие темпы экономического роста в долгосрочной перспективе. Это создаст предпосылки для трансформации отечественных предприятий судостроительной промышленности в компании-инноваторы, которые первыми из общего числа участников мирового рынка гражданского судостроения будут основывать деятельность на реализации благоприятных возможностей внешней среды, первыми предлагая потребителям судостроительной продукции новаторские решения по качеству, стоимости и функциональным характеристикамкратно превосходящие конкурентные предложения.

В целом разработанные методические положения по формированию системы прогнозирования и планирования деятельности судостроительного предприятия дополняют существующие подходы, методы в этой области и способствуют развитию теоретических, концептуальных основ экономики судостроительной промышленности с учетом отраслевых особенностей.

Направление будущих научных исследований в данной области может быть связано с развитием инструментария предиктивного анализа, проводимого на этапе прогнозирования трендов, и в дальнейшем использования полученных результатов предиктивной аналитики в стратегическом планировании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Загирова А.Н., Михайлова Л.В. Методологические основы науки прогнозирования и планирования // Актуальные исследования. – 2022. – № 6 (85). – С. 71–74.
2. Ткаченко А.В. Основные принципы и методы прогнозирования и планирования // Международный журнал теории и научной практики. – 2019. – Т. 2. – № 2. – С. 33–39.
3. Мишин Ю.В., Мишин А.Ю. Использование метода анализа иерархий в государственном стратегическом планировании // Микроэкономика. – 2022. – № 5. – С. 5–25. DOI: 10.33917/mic-5.106.2022.5-25.
4. Погосян Г.П. Системы макроэкономического прогнозирования и планирования в зарубежных странах // Самоуправление. – 2023. – № 3 (136). – С. 548–551.
5. Яхутлева А.А., Плотнокова Е.В. Прогнозирование и планирование промышленного производства в России // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 12-12 (80). – С. 154–160.
6. Караваева И.В., Иванов Е.А. Государственный бюджет как основа становления системы государственного стратегического планирования // Страховое дело. – 2019. – № 8 (317). – С. 1–17.
7. Дынкин А.А., Миловидов В.Д. Наука дальновидности: как преуспеть в стратегическом прогнозировании и планировании // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 3. – С. 6–23. DOI: 10.47711/0868-6351-198-6-23.
8. Жуков Г.К. Планирование и прогнозирование в рамках региона // Теория и практика современной науки. – 2015. – № 6 (6). – С. 454–457.

9. Калинкина О.Е., Зимица Л.Ю. Прогнозирование и планирование в принятии управленческих решений на предприятии // *Аллея науки*. – 2018. – № 6 (22). – С. 473–475.
10. Маслич Е.А. Сущность методов и форм прогнозирования и планирования деятельности предприятий в современных условиях // *Актуальные вопросы современной экономики*. – 2020. – № 1. – С. 121–130. DOI: 10.34755/IROK.2020.96.64.019.
11. Малышев Е.А. Методы прогнозирования и планирования в энергетической отрасли // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. – 2012. – № 6. – С. 178–181.
12. Гавва Р.В., Ложкомоева Е.Н. Стратегическое планирование и прогнозирование в туристической индустрии // *Вестник университета*. – 2021. – № 1. – С. 42–48. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-1-42-48.
13. Плужникова В.А. Планирование и прогнозирование издержек производства // *Экономика и социум*. – 2016. – № 3. – С. 1012–1014.
14. Планирование и прогнозирование финансовых ресурсов / Е.В. Воякина, С.С. Казанцева, Л.В. Нечипоренко, И.С. Чернова // *Novainfo.ru*. – 2016. – № 44. – С. 164–167.
15. Calculation and analytical instrumentarium for estimating the economic efficiency of the digital technologies development process / E. Balashova, I. Krasovskaya, E. Schislyayeva, F. Shamrai // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. – 2019. – 497 (1). – 012107. DOI: 10.1088/1757-899X/497/1/012107.
16. Aulia S., Cipta H. Network planning analysis using CPM and PERT methods on optimization of time and cost // *Sinkron: Jurnal Dan Penelitian Teknik Informatika*. – 2023. – № 8 (1). – P. 171–177. DOI: 10.33395/sinkron.v8i1.11961.
17. Ковтун Н.Л. Технико-экономический анализ жизненного цикла перспективного флота // *Труды Крыловского государственного научного центра*. – 2018. – № 3 (385). – С. 77–84. DOI: 10.24937/2542-2324-2018-3-385-77-84.
18. Куперштейн В.И. О подходах к повышению производительности труда в судостроении за счет совершенствования методов планирования и подготовки производства // *Судостроение*. – 2022. – № 3. – С. 58–62.
19. Development of Optimal Planning System for Operating Transporters in Shipyard / J.-H. Cha, D.-Y. Cho, W. Ruy, H.-J. Hwang // *Korean Journal of Computational Design and Engineering*. – 2016. – № 21 (2). – P. 177–185. DOI: 10.7315/CAD/CAM.2016.177.
20. Research on real-time optimal path planning model and algorithm for ship block transportation in shipyard / C. Wang, K. Wang, J. Tao, Y. Zhou // *Journal of Marine Science and Engineering*. – 2020. – № 8 (12). – P. 991. DOI: <https://doi.org/10.3390/jmse8120991>.
21. Фомичева Т.Л. Искусственный интеллект и переход к шестому технологическому укладу // *Самоуправление*. – 2021. – № 1 (123). – С. 485–487. EDN: KTNSZD.
22. Палкина Е.С. Сбалансированная система показателей как инструмент реализации стратегии роста компании // *Инициативы XXI века*. – 2013. – № 4. – С. 23–27. EDN: RUXFOF.
23. Агаев А.Е., Жминько А.Е. Планирование и прогнозирование: сущность, виды и классификация // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. – 2019. – № 2. – С. 215–219.
24. Першина К.А., Названова К.В. Технология форсайта как метод стратегического прогнозирования и планирования // *Стратегическое развитие социально-экономических систем в регионе: инновационный подход: материалы IV международной научно-практической конференции*. – Владимир: Транзит-ИКС, 2018. – С. 147–151.
25. Володина О.А. Проблемы планирования и прогнозирования в судостроении и судоремонте // *Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока*. – 2014. – № 3. – С. 13–16. EDN: THBXBN
26. Скобелева И.П., Палкина Е.С. Управление инвестиционным потенциалом компании: монография. – СПб.: Изд-во СПГУВК, 2008. – 190 с.

Информация об авторах

Елена Сергеевна Палкина, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры инновационной экономики Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Россия, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Лоцманская, 3; elena_palkina@hotmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4702-3512>

Наталья Викторовна Чибель, соискатель, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Россия, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Лоцманская, 3; nchibel32@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0009-1650-5971>

Поступила в редакцию: 20.11.2023

Поступила после рецензирования: 12.01.2024

Принята к публикации: 28.03.2024

REFERENCES

1. Zagirova A.N., Mikhailova L.V. Methodological foundations of the science of forecasting and planning. *Current research*, 2022, no. 6 (85), pp. 71–74. (In Russ.)
2. Tkachenko A.V. Basic principles and methods of forecasting and planning. *International journal of theory and scientific practice*, 2019, vol. 2, no. 2, pp. 33–39. (In Russ.)
3. Mishin Yu.V., Mishin A.Yu. Using the hierarchy analysis method in state strategic planning. *Microeconomics*, 2022, no. 5, pp. 5–25. DOI: 10.33917/mic-5.106.2022.5-25. (In Russ.)
4. Pogosyan G.P. Macroeconomic forecasting and planning systems in foreign countries. *Self management*, 2023, no. 3 (136), pp. 548–551. (In Russ.)
5. Yakhutleva A.A., Plotnikova E.V. Forecasting and planning of industrial production in Russia. *Current scientific research in the modern world*, 2021, no. 12-12 (80), pp. 154–160. (In Russ.)
6. Karavaeva I.V., Ivanov E.A. State budget as a base of development of the state strategic planning system. *Insurance business*, 2019, no. 8 (317), pp. 1–17. (In Russ.)
7. Dynkin A.A., Milovidov V.D. The science of foresight: how to succeed in strategic forecasting and planning. The Science of Foresight: How to Succeed in Strategic Forecasting and Planning. *Studies on Russian Economic Development*, 2023, vol. 34, no. 3, pp. 285–296. (In Russ.) DOI: 10.1134/S1075700723030048.
8. Zhukov G.K. Planning and forecasting within the region. *Theory and practice of modern science*, 2015, no. 6 (6), pp. 454–457. (In Russ.)
9. Kalinkina O.E., Zimina L.Yu. Forecasting and planning in making managerial decisions at the enterprise. *Alley of science*, 2018, no. 6 (22), pp. 473–475. (In Russ.)
10. Maslich E.A. The essence of methods and forms of forecasting and planning of enterprises in modern conditions. *Current issues of modern economy*, 2020, no. 1, pp. 121–130. (In Russ.) DOI: 10.34755/IROK.2020.96.64.019.
11. Malyshev E.A. Methods of forecasting and planning in the energy industry. *Bulletin of the Irkutsk State Technical University*, 2012, no. 6, pp. 178–181. (In Russ.)
12. Gavva R.V., Lozhkomoeva E.N. Strategic planning and forecasting in the tourism industry. *Vestnik universiteta*, 2021, no. 1, pp. 42–48. (In Russ.) DOI: 10.26425/1816-4277-2021-1-42-48.
13. Pluzhnikova V.A. Planning and forecasting of production costs. *Ekonomika i sotsium*, 2016, no. 3, pp. 1012–1014.
14. Voyakina E.V., Kazantzeva S.S., Nechiporenko L.V., Chernova I.S. Planning and forecasting of financial resources. *Novainfo.ru*, 2016, no. 44, pp. 164–167. (In Russ.)
15. Balashova E., Krasovskaya I., Schislyayeva E., Shamrai F. Calculation and analytical instrumentarium for estimating the economic efficiency of the digital technologies development process. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2019, 497 (1), 012107. DOI: 10.1088/1757-899X/497/1/012107.
16. Aulia S., Cipta H. Network planning analysis using CPM and PERT methods on optimization of time and cost. *Sinkron: Jurnal Dan Penelitian Teknik Informatika*, 2023, no. 8 (1), pp. 171–177. DOI: 10.33395/sinkron.v8i1.11961.
17. Kovtun N.L. Techno-economic life cycle analysis for prospective commercial fleet. *Transactions of the Krylov State Research Centre*, 2018, no. 3 (385), pp. 77–84. (In Russ.) DOI: 10.24937/2542-2324-2018-3-385-77-84.
18. Kupershtein V.I. Methods to enhance labor efficiency in shipbuilding industry by advancement of planning procedures and facilities preparation. *Sudostroenie*, 2022, no. 3, pp. 58–62. (In Russ.)
19. Cha J.-H., Cho D.-Y., Ruy W., Hwang H.-J. Development of Optimal Planning System for Operating Transporters in Shipyard. *Korean Journal of Computational Design and Engineering*, 2016, no. 21 (2), pp. 177–185. DOI: 10.7315/CAD/CAM.2016.177.
20. Wang C., Wang K., Tao J., Zhou Y. research on real-time optimal path planning model and algorithm for ship block transportation in shipyard. *Journal of Marine Science and Engineering*, 2020, no. 8 (12), pp. 991. DOI: <https://doi.org/10.3390/jmse8120991>.
21. Fomicheva T.L. Artificial intelligence and the transition to the sixth technological order. *Self management*, 2021, no. 1 (123), pp. 485–487. EDN: KTNSZD. (In Russ.)
22. Palkina E.S. Balanced scorecard as a tool for providing growth strategy of the company. *Initiatives of the XXI century*, 2013, no. 4, pp. 23–27. EDN: RUXFOF. (In Russ.)
23. Agaev A.E., Zhminko A.E. Planning and forecasting: essence, types and classification. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2019, no. 2, pp. 215–219. (In Russ.)
24. Pershina K.A., Nazvanova K.V. Foresight technology as a method of strategic forecasting and planning. *Strategic development of socio-economic systems in the region: an innovative approach. Materials of the IV international scientific and practical conference*. Vladimir, Publishing and printing company “Transit-IKS”, 2018. pp. 147–151. (In Russ.)
25. Volodina O.A. Problems of planning and forecasting in the shipbuilding and ship repair. *Scientific problems of transport in Siberia and the Far East*, 2014, no. 3, pp. 13–16. EDN: THBXBN. (In Russ.)
26. Skobeleva I.P., Palkina E.S. *Managing the investment potential of a company*. St. Petersburg, SPGUVK Publ. house, 2008. 190 p. (In Russ.)

Information about the authors

Elena S. Palkina, Dr. Sc., Associated Professor, Professor, St. Petersburg State Marine Technical University, 3, Lotsmanskaya street, St. Petersburg, Russian Federation. elena_palkina@hotmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4702-3512>

Natalya V. Chibel, Applicant, St. Petersburg State Marine Technical University, 3, Lotsmanskaya street, St. Petersburg, Russian Federation; nchibel32@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0009-1650-5971>

Received: 20.11.2023

Revised: 12.01.2024

Accepted: 28.03.2024

UDC 331.446.2, 339.977

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1785

International experience in promoting elderly labour supply in the context of digital transformation and its enlightenment to China

Zhang Xiaoxia^{1,2}✉

¹ Ningde Normal University, Ningde, People's Republic of China

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

✉t0917@ndnu.edu.cn

Abstract. Relevance. In order to alleviate the problems of labour reduction and heavy financial burden caused by population aging, some developed countries have implemented policy reforms to develop the resources of the elderly, and provided educational measures to improve digital literacy for the elderly in combination with the fact of digital transformation. These positive measures have not only achieved certain results, but also provided a reference for China to deal with aging. **Aim.** To summarise the measures and experiences in developing geriatric resources in typical developed countries, and to gain insights from them, and then to make suggestions for China's response to population ageing. **Methods.** Based on the collection and collation of objective facts and statistical data, this paper summarises the current situation of aging in Japan, Germany and Singapore and the reform measures for the development of human resources for the elderly, and uses induction to analyse the internal logic of the successful experience of these countries in developing human resources for the elderly. **Results.** The author has summarized and analyzed the measures and experience of Japan, Germany and Singapore in developing geriatric resources in the dual context of ageing and digitalisation as well as logic of the positive results of developing geriatric resources. Combined with the current situation of the development of human resources for the elderly in China, some suggestions are put forward for the development of human resources for the elderly in China. **Conclusions.** The establishment of a sustainable pension system, the formulation of policies to promote the employment of the elderly, and the provision of a service system for the elderly, such as old-age security, education and training, are the necessary prerequisites for the development of the elderly's human resources. The construction of a digitally inclusive social environment of positive aging, and the enhancement of the elderly's digital literacy through a variety of ways have better benefits for the elderly's confidence in the labour supply and the increase in the rate of labour force participation. Constructing a synergistic mechanism based on stakeholders such as the government, enterprises, families as well as the elderly stimulates the elderly labour supply and other social activities.

Keywords: digital transformation, aging, elderly labour supply, digital literacy, delayed retirement

Acknowledgement: This study is a stage research result of the National Social Science Foundation of China project "Research on the Development of China's Digital Elderly Resources in the Context of Digital Economy" (No. 23XJY009)

For citation: Zhang Xiaoxia. International experience in promoting elderly labour supply in the context of digital transformation and its enlightenment to China. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 53–68. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1785

УДК 331.446.2, 339.977

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1785

Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Международный опыт стимулирования предложения труда пожилых людей в контексте цифровой трансформации и его ценность для Китая

Чжан Сяоя^{1,2}✉

¹ Ниндэский педагогический университет, Китайская Народная Республика, г. Ниндэ

² Томский государственный университет, Россия, г. Томск

✉t0917@ndnu.edu.cn

Аннотация. Актуальность. Для того чтобы смягчить проблемы сокращения рабочей силы и усиления финансового бремени, вызванного старением населения, некоторые развитые страны проводят политические реформы, направленные на развитие ресурсного потенциала пожилых людей, предоставляют им возможность участия в образовательных программах, нацеленных на повышение их цифровой грамотности в условиях цифровой трансформации современного общества. Эти позитивные национальные инициативы уже принесли определенные результаты, они являются примером для Китая в реагировании на старение населения. **Цель:** обобщить опыт повышения отдачи от ресурсного потенциала пожилых людей в экономически развитых странах, извлечь из него уроки и сформулировать предложения для Китая по реагированию на старение населения. **Методы.** Проанализированы статистические данные о реагировании Японии, Германии и Сингапура на старение населения, с помощью метода дедукции обобщена логика успеха этих стран по раскрытию трудового потенциала пожилых людей. **Результаты.** Обобщен опыт действий Японии, Германии и Сингапура в развитии ресурсного потенциала пожилых людей в контексте старения общества и цифровизации экономики, выявлены основные факторы их успеха. Предложены рекомендации по интеграции описанного опыта в развития ресурсного потенциала пожилых людей в Китае. **Выводы.** Устойчивость пенсионной системы, политика содействия занятости пожилых людей, развитие системы образовательных услуг для пожилых людей являются необходимыми предпосылками для развития их ресурсного потенциала в стареющем социуме. Инклюзивная цифровая среда и цифровая грамотность пожилых людей создают условия для роста доверия пожилых людей к современному рынку труда и повышения уровня их участия в рабочей силе. Синергия усилий правительства, работодателей, семей, а также самих пожилые люди стимулирует предложение труда пожилых людей в стареющем социуме.

Ключевые слова: цифровая трансформация, старение, предложение труда пожилых людей, цифровая грамотность, отложенный выход на пенсию

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Национального фонда социальных наук Китая по проекту «Исследование развития цифровых ресурсов пожилых людей в Китае в контексте цифровой экономики» (№ 23XJY009) и «Исследование накопления цифрового человеческого капитала в Китае в контексте цифровой экономики» (№ 22BJY045). Финансовую поддержку исследованию также оказал Ниндэский педагогический колледж в рамках проекта «Исследование развития ресурсов китайских пожилых людей в контексте цифровой экономики» (№ 2022FZ01).

Для цитирования: Чжан Сяоя. Международный опыт стимулирования предложения труда пожилых людей в контексте цифровой трансформации и его ценность для Китая // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 53–68. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1785

Introduction

China is the world's second most populous country, China's elderly population has been growing rapidly since 2000, and by the end of 2022 China will have 210 million people aged 65 years and older, accounting for 14.9% of the national population [1]. This means that China has entered a moderately aging society. The United Nations Population Division predicts that by 2050, China will have one of the highest proportions of the elderly in the world [2]. It is likely that China's aging population will cause a serious shrinkage of the labour force. This will in its turn affect China's future economic and social development. From a worldwide perspective, a series of geriatric resource development policies implemented in some developed countries have not only led to a significant increase in the motivation of the elderly to participate in society [3, 4], but also positively impacted the improvement of the elderly's economic situation, social circle, physical and mental health [5]. Therefore, this paper analyses the successful reform measures and experiences of Japan, Singapore and Germany in the development of human resources for the elderly, and explores the implications of these initiatives for China's response to population ageing, and finally puts forward recommendations with a certain degree of operability and feasibility in the context of China's national conditions.

International experience in the development of human resources for the elderly: the examples of Japan, Singapore and Germany

The experience of human resource development for the elderly in Japan under the digital background

Japan is the latest among the industrialised countries to enter into an ageing society; in 1969, the proportion of the elderly aged 65 years and above was 7%, which was the beginning of a mildly ageing society, but the speed of population ageing in Japan after it became an ageing country is the fastest among the developed countries. In 2022, the total number of elderly people aged 65 and over in Japan was 393.4 million, accounting for 29.4% of the total population of Japan [2]. According to the data released by the World Bank in 2022, the life expectancy of the Japanese population is 84.5 years old, and the life expectancy of the Japanese population ranks first in the world [6]. Although the population aging situation in Japan is very serious, the Japanese government has taken many measures to promote the active employment of the elderly, and the labour force participation rate of the elderly aged 55–64 and 65 and over is currently ranked firstly in the world [7]. Population aging has not stopped Japan's economic development, according to the International Monetary Fund (IMF), in 2022 Japan's total economic output of 5.30 trillion U.S. dollars, ranked third in the world, and the scale of the development of the digital economy ranked fourth in the world [8].

In order to solve the problem of labour shortage caused by serious population ageing, Japan has taken a series of reform measures at the policy level.

(1) *The implementation of delayed retirement policy.* In 1971, Japan enacted the Act on the Stabilisation of Employment for the Elderly, which explicitly raised the labour retirement age from 55 to 60. In 1986, the "stability law" was enacted and the 60-year-old retirement system was introduced. In 2004, Japan amended and improved the law, requiring enterprises to raise the retirement age in phases, and ultimately raising it to 65. In 2013, Japan amended and implemented the new "stability law" here, stipulating that enterprises must remove the restrictions on continuing employment, so that employees who want to work can work until they are 65 years old. As the implementation of the new law stipulates the obligation of enterprise employment, the system is also called "65-year-old retirement system". In 2021, Japan passed the amendment of the "Employment Stability Law for the Elderly", requiring enterprises to fulfill their obligations to hire the elderly and hire the elderly who want to continue to work until the age of 70. The implementation of this policy extended once again the time of economic activities for the elderly, further increased the economic

value of the elderly, reduced the downward trend of the working-age population in Japan to a certain extent, increased taxes, reduced the financial burden of old-age care, and eased intergenerational conflicts. It is conducive to the formation of a positive aging social atmosphere [9].

(2) Reform of the pension system. Japan's pensions are mainly divided into national pensions, thick life pensions, communal pensions and corporate pensions. Since its establishment, the national pension set the age of receipt at 65 years old. As it is a basic pension, the government has not postponed the age of receipt. While the thick life pension is related to personal income, in recent years the government has gradually delayed the receipt of the thick life pension by level and gender, and the incentive for delaying the receipt of the thick life pension is that the later the person receives the thick life pension, the more he or she receives; in 2022, the upper limit for delaying the receipt of the thick life pension in Japan was raised from 70 to 75 years of age. This Japanese government policy of encouraging the elderly to delay receiving their pensions not only reduces the government's financial burden, but also promotes the elderly to continue to work after retirement, which in its turn improves the problem of labour force shortage brought about by the reduction of the number of children [10].

(3) Provide legal protection for the employment of the elderly. In order to provide good employment opportunities, environment and treatment for elderly workers, the Japanese government enacted laws and regulations to promote the re-employment of the elderly, such as the implementation of a series of legal amendments to the Employment Insurance Law (1975), the Basic Law for Countermeasures against the Elderly (1995), etc., as a way to improve the treatment of non-regular employees, including elderly workers, and to protect the re-employment of the elderly by the rule of law, explicitly prohibiting age discrimination in hiring by employers, and obliging employers to continue hiring older workers through legal means [11, 12].

(4) Establishment of online and offline talent service markets. Japan established online and offline markets for elderly talent services, including the Ginga Talent Centre, the Tokyo Work Centre and the Public Employment Security Office, with the aim of assisting the elderly to find employment. The Silver Hair Talent Centre provides a wide range of job opportunities matching the elderly according to their physical fitness, work experience and willingness to work, and so on. The Tokyo Work Centre provides employment opportunities for the elderly and helps to solve problems encountered by the elderly at work. The Public Employment Security Office set up a special service window for job introduction and employment training for the elderly [13].

(5) Formulate measures to encourage enterprises to employ the elderly and promote flexible employment for the elderly. The Japanese government encourages enterprises to employ the elderly through sound laws, tax incentives, financial loans and other means. The Japanese government enacted the "Elderly Employment Stability Act (2013)", which stipulates that enterprises are obliged to ensure the employment of the elderly and abolish the age limit for recruitment. The government rewards enterprises that actively create jobs for the elderly by formulating the system of "increasing the retirement age bonus" and "setting up" special funds for the elderly to hire", and gives certain subsidies or tax incentives to enterprises [14]. At the same time, policies have been introduced to guide the elderly into flexible employment. For the elderly who want to extend their working years and have special needs (such as being weak or needing more time to take care of their families), the ideal employment model is a flexible employment model. In 1993, Japan enacted the first flexible employment law "Employment Management Law for Short-Term Workers". In 2012, the "Labor Contract Law" was amended to strengthen the protection of flexible employment for the elderly. At the same time, many local governments in Japan provide short-term, temporary flexible employment opportunities for the elderly through "senior talent centers" [15–17]. These measures not only improve the employment rate of the elderly, but also help enterprises solve the problem of labor shortage.

In the face of the wave of digitisation, the Japanese Government attaches importance to building a digitally inclusive society and helping the elderly to adapt to the digital environment.

Firstly, in 1990, Japan adopted the "Lifelong Learning Revitalization Act", which set a world precedent [18]. In 2018, Japan introduced the "Lifelong Learning Revitalization Act", which strengthened the integration of lifelong learning policies and resources. Lifelong learning centers were set up throughout Japan to promote the learning of the elderly, and public facilities were used to set up courses for the elderly [19].

Secondly, it is to make use of joint efforts to bridge the digital divide among the elderly. Through a variety of means, such as policy advocacy by the government, technical support by enterprises and product innovation by digital product providers, the digital divide among the elderly was bridged to a certain extent. In addition, the Japanese government has formulated a series of digital policies for the elderly to improve their digital literacy and social participation. For example, in 2016, the Society 5.0 vision mentioned in the fifth "Basic Plan for Science and Technology" was formulated to integrate the digitisation of the elderly into it, and to create a society, in which the elderly can easily use digital technology through measures such as smart cities, technological services for aging reform, and digital training. Through the "programmed production" project and other plans, digital, automated and intelligent production, the labour intensity and the skill threshold of traditional process technology are reduced, more employment opportunities and sustainable career development are provided for the elderly, and the elderly are better adapted to the digital employment environment [20].

The experience of human resource development for the elderly in Singapore under the digital background

Singapore is an internationally important trade transit point and world centre for electronics manufacturing as well as a financial centre and transport hub for Southeast Asia. Its digital economy is among the largest in the world. Its GDP per capita in 2022 reached US\$82,800, ranking it 6th in the world [21]. However, with a population of about 5.64 million, Singapore is also facing the problem of an ageing population. In 2022, the proportion of Singaporeans aged 65 years and above is 18.4%, which is second only to Japan and South Korea in Asia in terms of the degree of ageing [22]. Therefore, Singapore attaches great importance to the development of elderly human resources. The data show that the employment rate of residents aged 65 and above in Singapore increased from 28.5% in June 2020 to 31.7% in June 2021 [23].

Singapore has implemented a series of policy reforms on the development of human resources for the elderly in order to address the worsening problem of population ageing.

(1) *Establishing an institutional framework for the development of human resources for the elderly.*

Firstly, a multi-tiered service system for the elderly was set up. In order to better respond to the problem of population ageing, the Ministerial Committee on Population Ageing was established in 1998 to build a comprehensive coordination mechanism, and the Ministerial Committee on Ageing was restructured and established in 2007. In 2015, the "Action Plan for Successful Ageing" was implemented, which includes 12 aspects such as health and well-being, lifelong learning, volunteerism for the elderly, lifelong employability, social inclusion, and the development of ageing-related research, which builds a good institutional framework for the integrated development of human resources for the elderly [24–26].

Secondly, the implementation of delayed retirement policy. Singapore raised the statutory retirement age to 63 in July 2022 and the age of re-employment to 68 years. And Singapore plans to raise the statutory retirement and re-employment age to 65 and 70 by 2030 [27, 28].

Thirdly, the implementation of individual self-support initiatives. Singapore is a non-welfare state that emphasizes the concept of self-reliance in old age, and the government organised a man-

datory defined contribution personal accumulation fund system called the Central Provident Fund (CPF) since 1955. The CPF is a comprehensive social security savings scheme with four sub-accounts, namely: the Ordinary Account, the Medical Account, the Special Account and the Retirement Account. The Retirement Account is an account that is opened when a CPF member reaches the age of 55, when the savings in the Special Account and the Ordinary Account are transferred to this account. The funds in the Retirement Account are the main source of pension. Everyone has to support himself/herself. The government does not pay out pensions to individuals, and all an individual can spend the CPF money he/she saved when he/she was young, which depends entirely on his/her salary income. As a result, most elderly Singaporeans extend their personal labour supply for economic reasons [29].

(2) Developing incentives for businesses to hire older labour.

On the one hand, Singapore adopted a fair and merit-based approach to expanding the age range for employers to recruit employees. The "Tripartite Guidelines on Fair Employment Practices" issued in 2007 and revised in 2011, stipulates that employers should recruit and select employees based on factors such as skills, experience or ability to work, rather than age, race, gender, etc. as employment requirements. The 2014 "Fair Consideration Framework" also stipulates that employers should not discriminate against factors such as age and gender when recruiting.

On the other hand, encouraging enterprises to hire the elderly labor. In 2001, Singapore introduced an incentive for employers of employees over 50 years of age to reduce the proportion of CPF contributions that should be borne by the employer. In 2011, a special employment subsidy scheme was launched, which stipulated that enterprises could obtain 8.5% of the monthly salary of Singaporean citizens over 50 years old with a monthly salary of no more than SGD \$ 4,000. In 2015, the Singapore government introduced additional special employment subsidies to encourage enterprises to continue to employ people over 65 years old with a monthly salary of no more than SGD \$ 4,000 [30].

The Singapore Government was early in paying attention to the issue of ageing in digital social transformation, and focused on building a digitally inclusive and friendly society for the elderly. To this end, the Singapore Government took three measures:

1. Developed systematic measures for a digitally inclusive active ageing society. Through strategies such as the "Smart Nation 2025 Plan" and the "Successful Ageing Plan", a top-level design for a digitally inclusive active ageing society was constructed, and a systematic organisational structure was set up that brings together multiple levels and sectors to safeguard the right of the elderly to digital inclusion. The "Silver Hair Programme" was launched successively. Multiple initiatives, such as the "Silver Hair Programme" and the "Digital Ageing" programme, were launched [31–33].
2. Improved digital infrastructure and expanded of digital access for the elderly. In the 1990s, Singapore took the lead in establishing nationwide broadband connectivity, with full deployment completed in 2000. In 2006, the Singaporean government put forward the "Smart Nation 2015 Programme", which makes full use of digital technology to build Singapore into a highly competitive smart nation. In 2017, Singapore set up the Smart Nation and Digital Government Working Group to enhance the quality of digital life and digital engagement of the elderly through a series of programmes covering all aspects of their daily lives to provide ease of access [34].
3. Focused on education to improve the digital literacy of the elderly. Singapore established the National Silver Academy (NSA) in 2015, as well as a number of online learning websites, to provide a wide range of vocational and digital education programmes for the elderly aged 50 years and above, covering different learning durations, learning styles and areas of study, and to improve the job skills of the elderly for re-entry into the workforce. The "Digital Ageing" project was launched as well. It provides tailor-made digital learning resources for the elderly. Launching the "Technology Connection" project leveraged the role of communities at all levels, setting

up community assistance stations for the elderly's digital transformation, and recruiting 1,000 "Digital Ambassadors" to assist the elderly in their digital transformation. At the same time, in order to support and encourage lifelong learning, the Singapore government introduced the "SGUnited Mid-Career Pathways Programme" and "SGUnited Skills" in 2015. These programmes subsidise up to 90% of course fees for middle-aged and older people aged 40 and above [35–37]. Singapore's series of measures have positive significance in promoting the digital transition and employment of the elderly, and helping them to better adapt to the digital society.

The experience of human resource development for the elderly in Germany under the digital background

Germany is one of the countries in Europe with the most serious population ageing. According to the statistics of the World Bank, for 2021, the proportion of the elderly aged 65 and above in the total population of Germany made up 22.17%, and the old-age dependency ratio will reach 34.66%, which indicates that the form of population ageing in Germany is extremely serious. But population ageing did not stop the German economic development, Germany has taken a number of measures to actively promote the active labour participation of the elderly. In 2021, Germany's 55–64 years old labour force participation rate as high as 74.1%, ranked firstly in the European Union. In 2021, Germany's GDP per capita of 51,200 U.S. dollars, ranked fourth in the world. Meanwhile, Germany's digital economy in 2021 is \$2,876.7 billion, ranking third in the world [38].

Germany has a series of measures in order to actively deal with the aging population and promote digital development.

(1) Reform of the social security system.

On the one hand, in 1992, the German government changed from encouraging early retirement to restricting early retirement. Except for people who have been insured for more than 35 years or have lost their ability to work, they will no longer be given a full pension. In 1997, the statutory retirement age of German men was 63 years old, and that of women was 60 years old. In 2004, the retirement age of both men and women increased to 65 years old. In 2007, Germany adopted a program to raise the statutory retirement age from 65 to 67 by "gradual" starting from 2012 [39, 40].

On the other hand, the reform of the pension insurance system. Germany is the first country to establish a social security system in the world. In the 1880s, the Bismarck government adopted the "Disease Insurance Law", the "Industrial Accident Insurance Law" and the "Old Age and Disability Social Insurance Law". In 1911, these laws were merged into the "Imperial Insurance Law", which marked the initial establishment of the German social security system. In 1957, Germany began to implement the pay-as-you-go pension insurance system, that is, the pension paid by the current labour force pays the pension of the retiree. With the aging of the population, there are fewer and fewer laborers paying pensions to the national pension system, and more and more pensioners. In 2001, in order to make up the pension gap, caused by the reduction of the first pillar, Germany began to implement the "Liszt pension plan" and vigorously promoted the construction of the second and third pillars. In 2004, in order to solve the problems of insufficient pension coverage and unreasonable structure, the German government implemented the "Lurup pension insurance plan", which transformed the pension from the three-pillar model to the three-level model, and provided a pension plan for individual workers to enjoy the large amount and high proportion of government tax rebates. Germany's pension reform route not only guarantees the basic old-age security of the people, but also gives full play to the role of the market, alleviates the pressure of the government's pension responsibility, and promotes the development of pension finance through the coordinated use of fiscal and taxation policies [41, 42].

Develop a variety of active aging measures to promote the employment of the elderly.

Firstly, the implementation of flexible forms of employment. In 2007, in the revised contract law of Germany, it was clearly stipulated that enterprises can unconditionally sign limited-term con-

tracts with employees over the age of 52, which makes the employment situation of elderly workers more flexible and more attractive to employers.

Secondly, encourage the implementation of intergenerational cooperative human resource allocation within the enterprise. Many enterprises allocate the elderly labor force to positions such as vocational skills training or enterprise consultants, or adopt a mixed age group to work together to allow division of labour between young people and the elderly. This not only gives full play to the advantages of the elderly labour force in knowledge and experience, but also enables the successful experience accumulated within the enterprise to be inherited between generations and maintains the continuity of enterprise development [43].

Thirdly, launch a special plan to promote the employment of the elderly. In 2005, the German government launched a project called "Perspektive 50 Plus", which aims to promote the re-employment of the elderly workers over the age of 50. The project aims to help the long-term unemployed elderly to obtain economic and psychological assistance and re-employment through assistance in the three aspects of health, work flexibility and work ability of the elderly labour force. In addition, the German government's employment policy for the elderly tends to start with improving the employability of the elderly workers, rather than simply restricting the employment behaviour of enterprises through regulations. For example, enterprises are required not to allow age discrimination in the recruitment; in enterprises with more than 10 employees, the elderly workers enjoy the priority of being exempt from dismissal [44].

In the face of the wave of digitalisation, the German government is actively building a digitally inclusive active ageing society.

On the one hand, in 2016, the German government issued the "Digital Strategy 2025" and proposed 10 construction directions for digital transformation, including the construction of a Gigabit fiber network; supported the development of start-ups; promoted the construction of intelligent interconnection; promoted digital transformation of business models of small and medium-sized enterprises, handicraft industry and service industry; helped German enterprises to implement Industry 4.0; introduced digital education and training into various stages of life of citizens [45]. In August 2022, the German Federal Cabinet adopted a digital strategy presented by the Federal Ministry of Digital Affairs and Transport, which aims to advance the digitalisation of society, economy, and sciences. Under the slogan "Co-creating digital value", the strategy focuses on a networked and digitally sovereign society, an innovative economy, work, scientific research and a learning digital nation [46]. These measures provide more convenient and rich learning environments and resources to enhance the digital literacy of the elderly.

On the other hand, actively carry out education for the elderly. German academic universities and some universities of applied sciences have been regularly offering various courses for the elderly since 1979. Almost all specialisations at German universities, with the exception of a few restricted ones, are open to the elderly. At the same time, Germany actively promotes digital literacy integration into life-long education. As early as the 1970s, the measures related to the cultivation of citizens' media literacy were incorporated into the basic system of compulsory education in Germany. In 2018, Germany issued the "High-tech Strategy 2025 Plan", promising to integrate media literacy education into all education fields, strive to improve citizens' digital literacy and transform the education system, so that this system is more compatible with digital survival, work, transaction and digital knowledge society. In terms of helping digital education for the elderly, build European Network "Learning in Later Life" for the elderly, encourage the elderly to learn and use digital technology independently, conduct digital skills training among the elderly, improve the ability of the elderly to use digital technology independently, and increase the autonomy and independence of the elderly. In addition, Germany promotes elderly active participation in digital communities and digital cultural activities, such as Internet learning classes for the elderly, screen readers and hearing aids to meet the needs of visually impaired groups of the elderly, and supports the promotion of mutual help groups for the elderly [47].

In summary, Japan, Germany and Singapore have adopted different institutional and policy reforms to promote the labor supply of the elderly, while also helping them adapt to the digitally transformed labour market. These measures have significantly increased the employment rate of the elderly in these countries, alleviated the plight of the country's labour shortage to a certain extent and reduced the social and financial pressure.

Implications for the development of human resources for the elderly in China

The experience of Japan, Singapore and Germany in the development of human resources for the elderly shows that increasing the labour participation rate of the elderly requires not only the establishment of a sustainable pension system, the development of a policy system to promote the employment of the elderly, a system of services for the elderly, and a system of education and training, it also requires the construction of a digitally inclusive social environment of positive ageing for them, and the enhancement of the digital literacy and digital employment skills of the elderly in a variety of ways. This is of great significance for the development of the entire national economy.

(1) The coordinated development of retirement and the social security system has actively promoted the employment of the elderly. The development of human resources for the elderly cannot rely solely on the single policy of delaying the retirement age. Attention should also be paid to the complementary support of other relevant policies. In particular, the social security system needs to be adjusted as a matter of priority in order to increase the willingness of individuals to delay retirement.

Firstly, gradual delay in retirement and the reform of the pension system. Currently, all men in China retire at 60 years of age, female workers at 50 years of age, and female cadres at 55–60 years of age. China's retirement time is significantly earlier than most countries with aging populations, and China's current retirees are increasing, and pensions in many places have become unsustainable. Reforming China's retirement system and pension system is imperative, and matching the time of receiving pensions with the age of retirement can effectively promote the prolongation of the working hours of the elderly workers. For example, for those who retire early, the proportion of the pension should be lowered appropriately; for those who delay retirement, the amount of the pension after retirement should be increased by an appropriate proportion, so as to stimulate the willingness of the elderly workers to delay retirement. The elderly who have reached the legal retirement age and wish to continue working can choose their retirement time flexibly according to their own situation and wishes.

Secondly, the reform of the medical insurance system should be accelerated. Physical fitness is the basic prerequisite for the elderly to prolong their economic activities. Japan, Germany and other aging countries established a perfect protection system in terms of medical security, while China still has problems such as the obvious urban-rural differences in the medical security system and the inadequacy of the medical security system. This system must be improved in order to alleviate the economic burden on the elderly, enhance the physical quality of elderly workers, and increase the enthusiasm of the elderly to participate in the labour market.

Thirdly, it is necessary to improve the power of re-employment protection for the elderly. Legislation on the prohibition of age discrimination in the labour market should be improved to protect the employment rights of the elderly workers. At the same time, we should also pay attention to the role of unemployment insurance and work-related injury insurance in safeguarding the rights and interests of the elderly workers, and give them appropriate preference.

(2) Actively building a digital and inclusive social environment for positive ageing and comprehensively improving social acceptance.

Firstly, to construct a positive view of ageing. It is necessary to replace the negative view of aging such as the "useless theory" of old age with a positive view of aging such as healthy aging and active aging, and to correctly understand the great value of the human resources of the elderly. It is

necessary to carry out comprehensive and in-depth education on the national situation of population ageing in enterprises and society, so that society as a whole will realise that the elderly group is a human resource with great potential. Through publicity and education, attention should be paid to eliminating age discrimination against the elderly in the labour market, and reversing the negative argument that "the employment of the elderly will take away the job opportunities of the young people".

Secondly, it is necessary to build a digitally inclusive active ageing society, strengthen digital education for the elderly, enhance their digital identity acceptance, lead the elderly to actively integrate into the digital society, and build an age-friendly employment and social environment.

Thirdly, to focus on national co-ordination and guidance, and cross-sectoral coordination. From the process of building a digitally inclusive active ageing society in Japan, Germany and Singapore, we can see that it is necessary to focus on a national strategy to coordinate the reasonable construction of an active ageing and digital nation. It is necessary to give full play to the complementary roles of functional departments at all levels up and down the hierarchy, and to give full play to the cooperation among enterprises, society and families, in order to comprehensively promote the effective construction of a digitally inclusive active ageing society.

(3) Guide enterprises to support the employment of the elderly through preferential policies.

On the one hand, flexible forms of employment for the elderly should be enriched. The experience of Japan and Germany shows that short-term flexible employment is more in line with the needs of the elderly for employment. The proportion of elderly people providing intergenerational care in China is relatively high, so this kind of employment is also more in line with the actual situation in China. It is possible to introduce short-term, part-time and other flexible and diverse forms of work that meet the needs of the elderly and create conditions for expanding employment opportunities for the elderly.

On the other hand, enterprises should be guided to voluntarily increase the number of jobs for the elderly by means of favourable policies, financial subsidies, tax concessions and other measures. At present, China's policies in these two areas still need to be improved.

(4) Combine lifelong education with digital literacy to improve the employability of the elderly.

Japan, Singapore and Germany have established a relatively complete lifelong education system in the deepening reform stage of promoting the employment of the elderly.

On the one hand, vocational skills training, digital skills upgrading and other courses that are conducive to improving the employability of the elderly are included.

On the other hand, in order to realize the convenience of education for the elderly, a diversified teaching model combining online and offline, as well as formal education and informal education was developed. For example, relying on the existing vocational education and higher education institutions to develop online courses suitable for the elderly and implement online and offline education and training for the elderly. In addition, it also uses the characteristics of community resources closer to the family to establish a community education and training base for the elderly.

Suggestions to promote the development of elderly human resources in China

This paper argues that based on the core concept of "participation, security, health" active aging proposed by the United Nations, we should give full play to the synergy of the government, enterprises, families and the elderly themselves, and build a digital inclusive active aging society from the aspects of system reform, perfecting laws and regulations, formulating preferential policies for enterprises to employ the elderly, building a digital service and education system, guiding the digital feedback of the whole society and the recognition of the digital identity of the elderly, so as to stimulate the enthusiasm of the Chinese elderly to participate in labour and other social activities.

1. Strengthen institutional reform and policy improvement at the government level.

(1) Establishment of a special management agency for employment of the elderly. Although China's Ministry of Human Resources and Social Security, Ministry of Civil Affairs and Commission on the Elderly all have the function of managing the elderly, there is a lack of co-ordination and communication between them, which has led to problems such as unclear powers and responsibilities and fragmentation in developing human resources for the elderly. Therefore, it is recommended that the government set up a professional department for the management of employment for the elderly, with the re-employment of the elderly as the centre of its work, integrating and coordinating resources and departments in various aspects, and promoting the development of re-employment for the elderly in an integrated manner.

(2) Implementing a delayed retirement policy and a flexible retirement policy. At present, the retirement age of many countries with an aging population is 65 years old, but China has always followed the old retirement method formulated in the 1950s and 1970s. This retirement age system still divides the retirement age into 50 years old for women workers, 55 years old for women cadres and 60 years old for men. And with the extension of education years, the time for in-service workers to contribute human capital is obviously shortened. This existing retirement system obviously does not meet the development needs of the times. Moreover, with the improvement of the physical quality of the elderly and the level of education, a large number of the elderly who retired at the current age have a strong willingness to re-employment. Therefore, it is necessary to implement a delayed retirement policy in China. China can learn from the experience of Japan, Singapore and other countries, gradually implement the delayed retirement system, fully tap the potential of human resources for the young elderly aged 55–70, and alleviate labour shortage and financial pressure. At the same time, a flexible retirement system should be implemented in accordance with the health of the elderly and the characteristics of the industry, rather than a "one-size-fits-all" approach. While the overall retirement age is postponed, the elderly can decide whether or not to continue to delay retirement according to their own health, work adaptation status and other actual circumstances, which can meet the needs of different groups. At the same time, for the elderly who want to continue to work, it can reduce the cost of employment to look for a suitable job again.

(3) Reform the existing pension system. The current problem of China's pension system is that the first pillar of the basic pension insurance system is dominant; the second pillar of the enterprise annuities develops slowly and covers a small number of people; and the third pillar of the personal pension system is still in the pilot stage [48]. China should gradually promote the establishment of a multi-level pension security system, with the government-led first-pillar basic pension insurance as the main pillar, and the second-pillar and third-pillar pensions as the coordinated development of the pension system. Moreover, great importance should be attached to the role of enterprise annuities in the construction of a multi-level pension security system, and the rapid development of enterprise annuities should be vigorously promoted at a strategic level. In the face of population aging, the reform of China's pension system must take into account employment, enterprise competitiveness and the sustainable development of the national economy. The reform of the pension system must be carried out in tandem with individual employment, retirement, enterprise development, economic development and other public policies and measures. The elderly should be encouraged to prolong the duration of their personal economic activities through the reform of the pension system to continue to promote the development of the entire social economy.

(4) Enhance legal protection for the employment of the elderly. On the basis of the practice of existing labour laws and regulations, full consideration should be given to the conflicts between the employment protection for the elderly and the existing labour laws and regulations, so as to comprehensively clean up the unreasonable provisions that hinder the elderly from continuing to play their roles, remove the institutional barriers that hinder the employment of the elderly, and resolve the worries of the elderly about re-employment.

(5) Use policies to guide enterprises to employ the elderly.

On the one hand, enterprises should be guided to employ the elderly through preferential policies. The government should establish a mechanism for encouraging and rewarding the employment and entrepreneurship of the elderly, and give tax incentives, financial subsidies and other policies to enterprises that actively promote the employment of the elderly.

On the other hand, enterprises should be encouraged to provide flexible working hours for the elderly, and introduce short-time and part-time jobs that meet the needs of the elderly and create conditions for expanding employment opportunities for the elderly. In addition, digital economy platforms should be encouraged to accommodate the labour resources of the elderly and provide them with jobs that are within their reach.

2. Building a digital service system for the elderly.

(1) The Government has continued to promote the construction of Internet infrastructure.

It is further improving the coverage of Internet infrastructure and services in remote rural areas, ensuring that urban and rural seniors share information technology equitably, and further bridging the digital access divide for the elderly.

(2) Promote society-wide digital ageing adaptation. In the face of serious population aging, the macro level should actively reform the productive forces and relations of production, the economic base and superstructure. The meso level should carry out ageing transformation of business, public facilities, transport, information technology and the entire infrastructure. The micro level should require families and communities to carry out ageing transformation in the elderly's life, health, social life and other dimensions.

(3) Protecting the physical and mental health of the elderly.

On the one hand, we should further strengthen the construction of medical security. For the low-income elderly in rural and urban areas, while establishing an inclusive medical insurance system, we should try our best to reduce the cost and economic burden of the elderly through finance, institutional standards, and medical security. Moreover, it is necessary to further carry out extensive health education for the elderly, guide the formation of healthy eating habits and health care habits, and build a healthy foundation for the elderly's labour participation.

On the other hand, we should care for the mental health of the elderly. It is necessary to give full play to the leading role of the government in the mental health work of the elderly, encourage the participation of community and social capital, build a multi-level online and offline mental health service platform for the elderly, carry out extensive publicity of mental health science, create a healthy and upward social atmosphere, and improve the ability and channels of the elderly to relieve psychological pressure.

3. Building a service system for improving the digital literacy of the elderly.

(1) Build a multi-coordinated lifelong education system. The government should incorporate education for the elderly into the lifelong education system, with the education department taking the lead in researching and formulating policy initiatives for the development of education for the elderly, integrating the resources of education services carried out by China's existing universities, universities for the elderly, community organisations, and online and offline organisations, and coordinating with all parties to provide the elderly with training in digital life skills and vocational skills, so as to satisfy their individualised educational needs.

(2) Use digital information technology to enhance the human capital of the elderly. It is necessary to enrich the forms of education for the elderly, and develop "hybrid" teaching forms that combine online and offline, formal education and non-formal education.

(3) Expand the content of education for the elderly. We should change the previous mode of elderly education, which was mainly based on leisure and entertainment, and include courses on physical and mental health, life skills, vocational training and digital skills, which are conducive to the survival and development of the elderly, so as to promote the elderly to adapt to the digital lifestyle.

(4) Build a digital employment platform for the elderly.

On the one hand, government departments should make full use of the Internet and big data to establish a human resources database for the elderly in cooperation with relevant enterprises, and create a comprehensive online employment service platform that integrates human resources policies, talent information database, recruitment information, volunteer public welfare, education for the elderly, legal services, etc., so as to provide stronger employment support for the elderly group.

On the other hand, it relies on residential communities to establish offline employment service centres for the elderly, incorporating elderly employment and entrepreneurship into the education and training system for the elderly, and providing elderly people who have the will to work with services such as job introduction, vocational skills training, guidance on innovation and entrepreneurship, and legal aid, so as to promote the upgrading of the old people's human capital, and to let the elderly people's abilities and experience play a greater role.

(5) Provide the elderly with the necessary educational allowances. Based on the fact that the ability of the elderly employed to absorb and transform knowledge, information and technology becomes weaker as they grow older, and they are unable to meet the current employers' requirements for job skills in a timely manner and are worried about their future career prospects, through the provision of necessary education allowances and training programmes in cooperation with well-known companies, we can help middle-aged and elderly people to acquire industry-relevant skills and improve their competitiveness in employment, so as to facilitate their reintegration into the labour market.

4. Encourage family digital feedback.

Family digital backfeeding refers to the guidance and assistance provided by younger generations to older generations in modern families in terms of knowledge dissemination, selection, and use of digital technologies, as well as the popular culture and values associated with them [49]. In China's current situation, where ageing at home is the main mode of care, digital feedback within the family is a key aspect of the elderly's acquisition of digital education and skills.

Therefore, *on the one hand*, digital backfeeding within the family should be encouraged. In the family, the younger generation should fully respect and recognise the needs and aspirations of the older generation to improve their digital literacy, and actively pass on digital thinking, digital skills and cybersecurity awareness to them, so as to drive the elderly to better adapt to digital life and work.

On the other hand, a variety of social forces have been mobilized to provide digital support for the elderly. For example, relying on community cultural activity centres to carry out rich and varied educational activities on digital competence and literacy, and giving full play to the community's function of transmitting digital skills. In addition, social organisations, research institutes, community workers, volunteers and other social forces are encouraged to help more elderly people embrace the Internet and enjoy the dividends of the Internet by providing them with courses, either on a fee-paying basis or free of charge, on digital science, skills in the use of smart devices and software, cybersecurity, digital social participation, and fraud prevention.

Guiding the elderly towards digital identity acceptance.

Digital identity acceptance refers to an individual's acceptance with a digital social identity (or role) formed through online activities such as self-presentation (e.g., displaying one's interests and opinions on social media, blogs, forums, etc.), social interaction (e.g., communicating, commenting, liking, and sharing, etc.), online behaviours (e.g., searching, shopping, and reading, etc.), and community belonging (e.g., joining online interest groups and communities, etc.) in a digital society identity. It can reflect personal characteristics such as an individual's interests, values, social circles, etc., as well as an organisation's or group's brand image and value proposition. Moreover, with the continuous iterative updating of digital technology, people's digital identity acceptance is bound to undergo further changes [50]. In the digital era, in order to avoid the elderly becoming marginalised in the digital society, a variety of measures should be taken to help the elderly with their digital

identity acceptance. For example, the government should clear the obstacles for the elderly to cross the digital divide through the perspectives of policy support, improvement of infrastructure, and the construction of digital literacy education system; while enterprises should focus on the age-adapted modification of digital hardware and software to adapt to the needs of the elderly in using them. And the younger generation in the family should proactively transfer digital skills such as digital thinking, digital skills, digital security, digital innovation and entrepreneurship, digital employment and other digital skills, to the older generation to inspire the confidence of the elderly in using digital technology and drive them to better adapt to digital life [51].

Conclusions

At present, the digital wave is evolving in full swing around the world, and almost all areas of society are deeply infiltrated by digital technology. In the face of the challenges of "digital divide" "digital exclusion" and "digital income" brought about by the rapid digital transformation of the economy and society, the elderly must improve their personal digital literacy, so as to better realize their social participation in politics, economy, culture and other aspects. The successful experience of Japan, Singapore and Germany shows that the introduction of measures to promote the employment of the elderly and the improvement of their digital literacy through education are effective measures to increase the labour participation rate of the elderly. Therefore, China should formulate more effective strategies for the development of old human resources from the aspects of high-level policy reform, construction of service system, family digital feedback and the acceptance of the digital identity of the elderly, so as to promote the all-round development of social economy and the social participation of the elderly.

REFERENCES

1. *National Bureau of Statistics of China*. 2022. Available at: <http://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/> (accessed 28 August 2023).
2. *United Nations Population Division*. Available at: <https://population.un.org/wpp/Graphs/DemographicProfiles/Line/156> (accessed 28 August 2023).
3. Czaja S.J., Sharit J. Workplace technology and older workers: opportunities and challenges. *The Gerontologist*, 2016, no. 56, pp. 208–208.
4. Damman M. Blended work and employment participation of older workers: a further discussion. *Work, Aging and Retirement*, 2016, no. 2, pp. 384–389.
5. Zhang X.X., Nedospasova O.P. Impact of digital literacy on the labor income of the "young" elderly: evidence from China. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2022, no. 2(45), pp. 105–122. (In Russ.) DOI: 10.18799/26584956/2022/2/1155. EDN RUVTR.
6. *The World Bank*. 2022. *Life expectancy at birth, total (years)*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN> (accessed 28 August 2023).
7. *Statistics Bureau of Japan*. Available at: <https://www.stat.go.jp/data/roudou/sokuhou/tsuki/index.html> (accessed 28 August 2023).
8. *International Monetary Fund*. *World Economic Outlook Database*, April 2022. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/April> (accessed 28 August 2023).
9. Hamaguchi K. Employment in Japan and measures against age discrimination. *Data Information Opinion*, 2016, no. 313, pp. 12–15. (In Japan)
10. Robinson (Tish) P., Sibala C., Ito K., Beyer V.L. The deepening divide In Japanese employment: The increasing marginalization of contract workers as explained by path dependence, vested interests, and social psychology. *Contemporary Japan*, 2022, no. 34 (1), pp. 13–41. DOI: 10.1080/18692729.2022.2028229.
11. Jaussaud J. The Japanese model of HRM in crisis? *Changing economic environment in Asia and business strategies*. Eds. B. Andreosso-O'Callaghan, J.-P. Bassino, J. Jaussaud. UK, Palgrave Macmillan, 2001. pp. 152–165.
12. Yanagizawa T. An overview of the legal framework for the employment of older workers and its challenges. *Data Information Opinion*, 2016, no. 313, pp. 8–11.
13. Martine J., Jaussaud J. Prolonging working life in Japan: issues and practices for elderly employment in an aging society. *Contemporary Japan*, 2018, vol. 30:2, pp. 227–242. DOI: 10.1080/18692729.2018.1504530.
14. Conrad H., Heidorf V., Waldenberger F. Demographic challenges for human resources management practices and labour market policies in Japan and Germany – an overview. *Human resource management in ageing societies*.

- Perspectives from Japan and Germany*. Eds. H. Conrad, V. Heidorf, F. Waldenberger. London, Palgrave Macmillan, 2008. pp. 1–12.
15. Su Weijie. Government responsibilities for home – based elderly care services in Japan: legislative protection, operational logic and empirical implications. *Modern Japanese economy*, 2023, no. 42 (04), pp. 80–94. DOI: 10.16123/j.cnki.issn.1000-355x.2023.04.007.
 16. *Overall result of the survey on the 'employment situation of older workers' in 2016*. Ministry of Health, Labour and Welfare. Tokyo, Center for Job Search, Department of Employment Promotion, 2016. 49 p.
 17. *Easy-to-understand explanation of the Elderly Welfare Law and the Long-Term Care Insurance Law!* Available at: <https://job-medley.com/tips/detail/1170/> (accessed 28 August 2023).
 18. *Act on the development of the system for the promotion of measures for the promotion of Japanese lifelong learning*. 2016. Available at: <http://law.e-gov.go.jp/htmldata/H02/H02H0071.html.2016-3-15> (accessed 28 August 2023).
 19. *Heisei 30 education, culture, physical education, science and technology white skin script*. Chapter 3, Realisation of a lifelong learning society. Available at: https://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/hpab201901/detail/1421865.htm (accessed 28 August 2023).
 20. *Society 5.0*. Available at: https://www8.cao.go.jp/cstp/society5_0/index.html (accessed 28 August 2023).
 21. *International Monetary Fund*. Available at: <https://data.imf.org/?sk=89418059-d5c0-4330-8c41-dbc2d8f90f46&sl=1435762628665> (accessed 28 August 2023).
 22. *Singapore Department of Statistics*. Available at: <https://www.singstat.gov.sg/> (accessed 28 August 2023).
 23. *Report: Labour Force in Singapore*. 2021. Available at: <https://stats.mom.gov.sg/Pages/Labour-Force-In-Singapore-2021.aspx> (accessed 28 August 2023).
 24. HSU Locknie. The law and the elderly in Singapore: the law on income and maintenance for the elderly. *Singapore Journal of Legal Studies*, 2003, no. 2, pp. 398–417. Available at: https://ink.library.smu.edu.sg/sol_research/246 (accessed 28 August 2023).
 25. Asher Mukul, Nandy Amarendu. Singapore's policy responses to ageing, inequality and poverty: an assessment. *International Social Security Review*, 2008, no. 61, pp. 41–60. DOI: 10.1111/j.1468-246X.2007.00302.x.
 26. Gan Kim Yong. *Ageing in Singapore in the next 50 years*. Speech by Mr Gan Kim Yong, Minister for Health, at the SG50 Scientific Conference on Ageing, on 19 March 2015. Available at: <https://www.moh.gov.sg/news-highlights/details/speech-by-mr-gan-kim-yong-minister-for-health-at-the-sg50-scientific-conference-on-ageing-on-19-march-2015> (accessed 28 August 2023).
 27. Malhotra R., Bautista M.A.C., Müller A.M., Su Aw, Choon Huat Koh G., Yin-Leng Theng, Hoskins J.S., Chek Hooi Wong, Chunyan Miao, Wee-Shiong Lim, Malhotra Ch., Chan A. The aging of a young nation: population aging in Singapore. *The Gerontologist*, 2019, vol. 59, Iss. 3, pp. 401–410. DOI: 10.1093/geront/gny160.
 28. Chan A. Supporting successful aging in Singapore: recent policy initiative and directions. *Innovation in Aging*, 2017, no. 1, pp. 1271–1271. DOI: 10.1093/geroni/igx004.4632.
 29. Xiao Jinxi, Dong Keyong, Wu Lingling. Study on the change of Singapore Central Provident Fund based on economic development. *Journal of Hebei University of Economics and Business*, 2019, vol. 40, Iss. 04, pp. 32–37. DOI: 10.14178/j.cnki.issn1007-2101.2019.04.005.
 30. Yu Hui. Singapore's policies to boost employment opportunities for the elderly and its implications for China. *Scientific Research on Aging*, 2022, no. 06, pp. 65–78. Available at: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=Eo9-C_M6tLkoAsXKxtxs1oTDae7IKthHHg3S2lsDgez0ni7ozNVqJTujAmxgUddRQGasUS9BDeaQT1byrfBVIK6Yf2LmFXAOkSb2KWwyWURZUI879ab7pAC3V2_AKCPFLA3IR4z_U1Wr3dXXTkOOw==&uniplatform=NZKPT&language=CHS (accessed 28 August 2023).
 31. Goonawardene Nadee, Lee Pius, Tan Hwee Xian, Valera Alvin C., Tan Hwee-Pink. *Technologies for ageing-in-place: the Singapore context*. *Living in Smart Cities: Innovation and Sustainability*. Eds. Th. Menhoff, K. Siew Ning, H.-D. Evers, Chay Yue Wah. Singapore, World Scientific, 2018. pp. 147–174. DOI: <https://doi.org/10.1142/10785>. Available at: https://ink.library.smu.edu.sg/sis_research/4242 (accessed 28 August 2023).
 32. “*Seniors go digital*” Plan. Available at: <https://www.imda.gov.sg/en/seniorsgodigital/about> (accessed 28 August 2023).
 33. Tan Hwee-pink. Ageing in place: sustainable technology solutions to support the elderly. *Asian Management Insights (Singapore Management University)*, 2020, vol. 7, Iss. 01, pp. 16–21. Available at: <https://ink.library.smu.edu.sg/ami/138> (accessed 28 August 2023).
 34. Zeng Yueliang, Lv Xiaolong. Measures and strategies for improving elderly digital literacy from a government-led perspective – take Singapore as an example. *The Intelligence and Information Work*, pp. 1–15. Available at: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/11.1448.g3.20231009.1508.002.html> (accessed 28 August 2023).
 35. Visaria Abhijit, Aithal Seema, Malhotra Rahul. Digital technology use, in general and for health purposes, by older adults in Singapore. *Aging and Health Research*, 2023, vol. 3, article number 100117. DOI: 10.1016/j.ahr.2023.100117.
 36. *Mid-career pathways programme for mature mid-career individuals*. Available at: <https://www.wsg.gov.sg/home/individuals/attachment-placement-programmes/mid-career-pathways-programme-for-mature-mid-career-individuals> (accessed 28 August 2023).

37. *Skills future mid-career enhanced subsidy*. Available at: <https://www.skillsfuture.gov.sg/initiatives/mid-career/enhancedsubsidy> (accessed 28 August 2023).
38. *OECD Data*. Available at: <https://data.oecd.org/emp/labour-force-participation-rate.htm> (accessed 28 August 2023).
39. Giesecke M., Kind M. Bridge unemployment in Germany: response in labour supply to an increased early retirement age. DOI: 10.4419/86788465. Available at: <https://ideas.repec.org/p/zbw/rwirep/410.html> (accessed 28 August 2023).
40. Hess M. Germany: a successful reversal of early retirement? *Delaying Retirement*. Eds. D. Hofäcker, M. Hess, K.S. London, Palgrave Macmillan, 2016. pp. 147–169. DOI: 10.1057/978-1-137-56697-3_7.
41. Duell N., Vogler-Ludwig K. *European employment observatory. EEO review: employment policies to promote active ageing*. Germany, 2012. pp. 1–12. Available at: <https://economix.org/a55ets/publications/EEO%20Review%20Germany-Older%20Workers%20-%202012%20-%20sent%2020%20Feb%202012.pdf> (accessed 28 August 2023).
42. Holger L. Rates of return and early retirement disincentives: evidence from a German pension reform. *German Economic Review*, 2015, vol. 17, Iss. 2, pp. 206–233. DOI: 10.1111/geer.12070.
43. Germany. “Perspective 50 Plus” – employment pacts for older workers in the regions. *OECD*. 2006. Available at: <http://www.oecd.org/employment/leed/37729545.pdf> (accessed 28 August 2023).
44. Börsch-Supan A., Jürges H. *Early Retirement, Social Security and Well-Being in Germany*. Available at: <https://ideas.repec.org/p/mea/meawpa/07134.html> (accessed 28 August 2023).
45. Fuchs Ch. Industry 4.0: the digital German ideology. *TripleC*, 2018, no. 16, pp. 280–289. DOI: 10.31269/vol16iss1pp280-289.
46. *BMDV presents digital strategy*. (In Ger.) Available at: <https://crisis-prevention.de/kommunikation-it/bmdv-legt-digitalstrategie-vor.html> (accessed 28 August 2023).
47. Wang Jianbo, Bai Jie. Foreign education model and management system for the elderly for China. *Journal of Jinan University (Social Science Edition)*, 2022, vol. 32, Iss. 04, pp. 144–153. DOI: 10.20004/j.cnki.ujn.2022.04.007.
48. Dong Ke, Zhang Dong. Peak or plateau? – rethinking the form of aging of the Chinese population and its impact on the pension system. *Population and Economics*, 2017, no. 04, pp. 43–53. Available at: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=o5eMcsLgsI7Cjev0MO0CpNiN8kajrP6osGpuT7KAKwWKeDLKPkAqNedeeuqd0JR1fYAXTu5dxHJ2hr8DEGOQWI2WkiLvnSxTtO5dZ5czOSiHp_ZPYUbiPhYKJ0IGKjZvcvJGA_MTgkEds6nlBuEVmA==&uniplatform=NZKPT&language=CHS (accessed 28 August 2023).
49. Zhou Yuqiong, Ding Haiqiong. Research on the status quo and influencing factors of Chinese families. *Press International*, 2020, vol. 42, Iss. 03, pp. 6–31. DOI: 10.13495/j.cnki.cjjc.2020.03.001.
50. Carter M. *Information Technology (IT) identity: a conceptualization, proposed measures, and research agenda*. Available at: https://tigerprints.clemson.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1901&context=all_dissertations (accessed 28 August 2023).
51. Emelyanova O. Personal identity as a problem in the light of the development of information and communication technologies. *Society: philosophy, history, culture*, 2023, no. 56–64. (In Russ.) DOI: 10.24158/fik.2023.8.7.

Information about the authors

Zhang Xiaoxia, Associate Professor, Institute of Education and Arts, Ningde Normal University, 1, University avenue, Ningde, 352100, People's Republic of China; Postgraduate Student, Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; t0917@ndnu.edu.cn; <http://orcid.org/0009-0002-0954-4031>

Received: 20.12.2023

Revised: 10.03.2024

Accepted: 29.03.2024

Информация об авторах

Чжан Сяося, доцент, Институт образования и искусств, Ниндэский педагогический университет, Китайская Народная Республика, 352100, г. Ниндэ, пр. Университета, 1; аспирант Института экономики и менеджмента Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. t0917@ndnu.edu.cn; <http://orcid.org/0009-0002-0954-4031>

Поступила в редакцию: 20.12.2023

Поступила после рецензирования: 10.03.2024

Принята к публикации: 29.03.2024

УДК 172.16:316.75"20":004
DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1727
Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Идеология космополитизма в современном информационном обществе

В.А. Терлецкий✉

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, г. Томск*

✉kraylog@gmail.com

Аннотация. В работе рассмотрен феномен космополитизма в современном мире. Представлены стороны различных теоретиков, политических философов для разработки авторской терминологии каждой из этих концепций и интегрирования субъективистского подхода в эти обозначения. Современные исследователи по-разному интерпретируют космополитизм и идеи мирового гражданства – это приводит к актуализации самой темы. В связи с тем, что тема космополитизма полемична, поиск оснований, природы, статуса космополитической идеи, ее интерпретации становится на данный момент главной задачей сторонников всеобщего гражданства, в то время как цель критиков представленной теории заключается в последовательном критическом анализе современных проектов и самой идеи всемирного гражданского состояния. **Цель:** выявить специфику идеологии космополитизма и критические характеристики утопической идеи мирового гражданства. **Объектом** исследования является представленность политических идеологий; **предметом** – специфика процесса возникновения и развития идей космополитизма. **Результаты:** доказано, что современное информационное общество создано для реализации концепции космополитизма и мирового гражданства. В современном мире благодаря глобализации стираются грани между этнической, конфессиональной и культурной самоидентичностью. Появляются предпосылки нового гражданства – мирового. **Выводы:** выявлены два наиболее явных отрицательных аспекта космополитизма, которые придают идеологии утопический замысел: во-первых, потеря индивидуализма и идентичности; во-вторых, ослабление национальных и культурных особенностей конкретного государства, которые веками складывались на данной территории. Приверженцы патриотизма относятся к космополитическим идеям негативно, полагая, что эти идеи подрывают их ценности.

Ключевые слова: космополитизм, идеология, космополит, гражданин мира, Иммануил Кант, Диоген

Для цитирования: Терлецкий В.А. Идеология космополитизма в современном информационном обществе // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 69–78. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1727

УДК 172.16:316.75"20":004
DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1727

Ideology of cosmopolitanism in the modern information society

V.A. Terletsky✉

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

✉kraylog@gmail.com

Abstract. The paper examines the phenomenon of cosmopolitanism in the modern world. The article presents the work of various theorists and political philosophers to develop the author's terminology for each of these concepts and integrate the subjectivist approach into these designations. Modern researchers have different approaches to the theory of cosmopolitanism and the idea of realizing world citizenship, which leads to actualization of the topic itself. And due to the fact that the topic of cosmopolitanism is polemical, the search for the foundations, nature, status of the cosmopolitan idea, and its interpretation, is currently becoming the main task of supporters of universal citizenship, while the goal of critics of the presented theory is a consistent critical analysis of modern projects and the idea of the world civil status itself. **Aim.** To identify the specifics of the ideology of "cosmopolitanism" and the critical characteristics of the utopian idea of "world citizenship". **Object.** Representation of political ideologies. **Subject.** The specifics of emergence and development of ideas of cosmopolitanism. **Results.** It is proved that the modern information society was created to implement the concept of cosmopolitanism and world citizenship. In the modern world, thanks to globalization, the lines between ethnic, confessional and cultural identity are blurred. There are prerequisites for a new citizenship – world citizenship. **Conclusions.** Two of the most obvious negative aspects of cosmopolitanism were identified, which give the ideology a utopian design: firstly, the loss of individualism and identity; secondly, the weakening of the national and cultural characteristics of a particular state that have been developing in this territory for centuries, adherents of patriotism treat cosmopolitan ideas negatively, believing that they undermine their values.

Keywords: cosmopolitanism, ideology, cosmopolitan, citizen of the world, Immanuel Kant, Diogenes

For citation: Terletsky V.A. Ideology of cosmopolitanism in the modern information society. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 69–78. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1727

Введение

Проблема данного исследования заключается в выявлении особенностей идеологии космополитизма и интерпретации критики данного феномена. Цель – критический анализ утопической идеи мирового гражданства. Объект исследования – представленность политических идеологий. Предмет – специфика процесса возникновения и развития идей космополитизма. Фундаментом для современных космополитических концепций стали идеи философов XVIII в., в частности сформулированные Иммануилом Кантом. В данной статье представлен критический космополитизм, который использует выявленные ключевые компоненты нормативной ветви космополитизма, уходящей корнями в кантианскую моральную философию.

Наиболее важные концептуальные элементы космополитизма были заложены в работах А. Фергюсона [1], Т. Пейна [2], И. Канта [3], Г.В.Ф. Гегеля [4], К. Маркса [5], в которых исследовался феномен мирового гражданства.

При разработке термина «космополитизм» необходимо опираться на понимание «космополитического» И. Канта [6], введенного в контексте двух разных проблем: нарушения прав человека и войны. Его утверждение состоит в том, что космополитическое право решает обе эти проблемы, потому что он рассматривал войну, нарушения прав человека и понятие абсолютного национального суверенитета как взаимосвязанные начала.

Была предложена реконфигурация космополитизма, которая сохраняет основные нормативные концепции, но отвергает их более либеральные интерпретации. Были изучены концепции различных теоретиков, чтобы сравнить каждую из них и интегрировать субъективистский подход в данные переформулировки, чтобы разработать интересубъективную, критическую космополитическую теорию.

Как приверженцы, так и противники космополитизма опираются в своих размышлениях на просвещенческие идеи. В связи с этим предложено взять за точку отсчета космополитизм Канта, однако в статье не будет уделено внимание спорам вокруг неоднозначности кантовских космополитических позиций [7]. Выпады в сторону немецкого философа необходимо принять во внимание, но в статье предлагается взгляд на его идеи с умеренной позиции.

Разбор концепций направлен на полемику (прямую и косвенную) между сторонниками и критиками космополитических идей в настоящее время.

Когда речь идет о современном космополитизме, стоит установить временные границы, считать современными те размышления о всеобщем гражданстве, которые относятся ко второй половине XX–XXI вв. Нельзя сказать, что идея всемирного гражданства сегодня распространена повсеместно, судя по списку публикаций на эту тему. В современной России интерес к космополитизму не настолько велик, однако если обратить внимание на тенденции запада, то обнаружим, что в XX–XXI вв. мультикультурализм, идея мирового гражданства и стремление к всеобщности всё чаще интересуют политологов, философов и социологов, вне зависимости от их отношения к самому феномену.

Таким образом, тема данного исследования актуальна для современного мира. Несмотря на то, что современные философы по-разному интерпретируют теории космополитизма и идеи мирового гражданства, всё же интерес к самой теме неизменно растет. А в связи с тем, что тема космополитизма полемична, поиск оснований, природы, статуса космополитической идеи, ее интерпретации становится на данный момент главной задачей сторонников всеобщего гражданства, в то время как цель критиков представленной теории заключается в последовательном критическом анализе современных проектов и самой идеи мирового гражданства.

Определение понятия «космополитизм» и особенности его развития

Что такое «идеология»? Слово «идеология» оказалось отталкивающим для широкой публики: сочетание «идей» и «логик», по-видимому, указывает на вид высокой абстракции, далекой от опыта и языка обычных людей. В англо-американском мире исследователи считают идеологию, созданную для манипуляций, тоталитарным замыслом. В Европе философы знакомы с абстрактным теоретизированием. Идеология, по их мнению, – это недоработанный вид великой теории, особенно связанный с ее бурной историей начала и середины XX в., в которой нацисты столкнулись с коммунистами в попытке доминировать в мире. Интеллектуально рецепция идеологии была вдохновлена теоретиками, которые вслед за Марксом и Энгельсом стали ее заклятыми врагами.

Тем не менее этот термин очень распространен, хотя и не любим, среди ученых, писателей, философов, поскольку печально известен. Если, как утверждал Макс Лернер, идеи – это оружие [8], идеология – это свободная пушка, когда она используется профессионально. Дэниел Белл ссылаясь на «ловушку идеологии», «апокалиптический пыл» и «ужасные результаты», а идеологов считал «ужасными упрощенцами» [9]. Маркс и Энгельс писали об идеологии как о перевернутой сублимации, наборе «рефлексов и отголосков жизненного процесса», «фантомов, сформированных в человеческом мозгу» [5], оторванных от мира. Описывая правящий класс как «концептуальных идеологов, которые делают совершенствование иллюзии класса о самом себе своим главным источником существования, они видели демистификацию и последующую ликвидацию идеологии в зависимости не только от фактического прекращения классового правления, но и от интеллектуального процесса «выхода» идеологии: «Нужно отделить идеи тех, кто правит по эмпирическим причинам, в эмпирических условиях и как эмпирические индивиды, от этих фактических правителей и таким образом признать господство идей или иллюзий в истории» [5, с. 39].

Существует множество определений и интерпретаций термина «Идеология». По мнению автора, идеология – система взглядов, направленная на интеграцию общественных институтов и мнений с целью консолидации общества для стремления к общему «идеалу» в зависимости от политического спектра.

Процессы, проблемы и дилеммы, порожденные глобализацией, формируют новые контуры политики, они очерчивают некоторые из наиболее острых вызовов, с которыми сталкивается современная эпоха. Изучение меняющихся политических обстоятельств проливает свет на то, почему национализм и этатизм предоставляют недостаточные политические ресурсы

для решения проблем, возникающих в эпоху глобализации. Предполагается рассмотреть четыре космополитических принципа и стратегию создания космополитических институтов. Космополитизм – это политический проект такой же актуальный, как теория современного государства, когда она была впервые обнаружена в «Левиафане» [10].

Т. Гоббс работал в эпоху религиозных распрей в Европе, в которой юридически ограниченная суверенная власть могла бы быть отвергнута как совершенно непрактичная. Тем не менее существовали основы, на которых можно было построить это здание, и политические агенты, которые, будучи не в состоянии не учиться, могли начать рефлексивно перестраивать свое политическое окружение. Примерно 250 лет спустя современное государство стало доминирующей формой политической организации не только в европейских государствах, но и в других странах. Конечно, это достижение остается малоавторитетным в некоторых частях мира, и развитие государственного потенциала является неотложной задачей во многих уязвимых странах. Однако этого проекта сегодня недостаточно для создания эффективной администрации, верховенства закона, подотчетности и правосудия; в эпоху, отмеченную глобализацией, политический потенциал необходимо наращивать и в других отраслях.

Что такое космополитизм? Космополитизм стремится раскрыть культурную, этическую и правовую основу политического порядка в мире, где политические сообщества и государства имеют значение, но не исключительное. Это явление восходит, по крайней мере, к описанию стоиками самих себя как космополитов – «людей, живущих в мире людей и лишь случайно являющихся членами государств» [11, с. 25].

Хотя понятие «космополит» было введено еще Диогеном Синопским, который, несмотря на сильное давление со стороны эллинистической культуры, отрицал свою принадлежность к определенной земле и не ассоциировал себя с конкретным полисом, всё же древнегреческий философ не оставил никаких закрепленных положений своего учения. В связи с этим точкой отсчета, или зарождением космополитизма, принято считать стоическое учение. Мысли, содержащиеся в этической концепции стоиков, вполне могут быть названы космополитическими, пусть и не совсем в современном смысле. А.Ф. Лосев определяет стоическую мысль так: «Тот, кто понял свое подлинное положение в мире, тот обязательно чувствует себя гражданином неба; он – космополит» [12, с. 22]. Греческий полис ограничивал своих обычных граждан в некоторых правах. Например, они не имели права быть избранными на руководящие должности. Полис сам диктовал мораль, согласно которой гражданин должен был жить. При этом главной ценностью, соответственно, признавался сам полис: его благополучие ставилось выше благополучия самих граждан [13]. Эпиктет в своих «Беседах» пишет: «ты гражданин мироздания и частица его, не как одна из имеющих целью служить, а как одна из имеющих главное значение» [14]. Если Эпиктет становится на сторону космополитизма, исходя из мысли о том, что человек является родственным богам и способен понимать божественное управление, то Марк Аврелий основывается на идее об общности свойств человеческого ума и естественной (природной) способности к совместной жизни. Однако стоит отметить, что последний указывает на некоторые противоречия и трудности, с которыми сталкиваются, когда принимают космополитические идеалы. Каким образом космополит, который стремится к мудрости (а согласно стоикам, именно это представляет наивысшую ценность для человека), может совмещать свой индивидуальный путь к добродетели и космополитизм как образ жизни, сопряженный с другими? М. Аврелий пишет: «Для моей воли воля ближнего есть нечто столь же безразличное, как и его жизненная сила и тело. И хотя мы и рождены преимущественно друг для друга, однако руководящее начало каждого из нас обладает собственной властью» [15, с. 11].

Космополитизм понимается как обозначение в конечном счете этического и политического пространства, которое определяет круг ведения для признания равной моральной ценности людей, их активной деятельности и того, что необходимо для их автономии и развития;

оно стремится признавать, утверждать и развивать человеческую активность, а также строится на принципах, с которыми все могли бы согласиться. Эта космополитическая точка зрения должна также признавать, что значение таких идей, как равное достоинство, равное уважение и равный учет, не может быть определено раз и навсегда. Значение этих базовых идей невозможно отделить от герменевтической сложности традиций с их временными и культурными структурами. Другими словами, значение космополитических регулирующих принципов не может быть разъяснено независимо от продолжающейся дискуссии в общественной жизни.

Космополитическое государственное устройство само по себе не требует уменьшения государственной власти и потенциала по всему миру. Скорее, она направлена на укрепление и развитие политических институтов на региональном и глобальном уровнях в качестве необходимого дополнения к институтам на уровне государства. Эта концепция политики основана на признании сохраняющейся значимости национальных государств, в то же время в ней выдвигаются аргументы в пользу уровней управления для решения более широких и глобальных вопросов.

Путь к космополитическому обществу осложнен многими задачами человечества. Первостепенная задача – сформировать подотчетную и отзывчивую политику на местном и национальном уровнях наряду с созданием представительных и совещательных собраний в рамках более широкого глобального порядка, то есть политического порядка прозрачных и демократических городов и наций, а также регионов и глобальных сетей.

Институциональные требования политического космополитизма включают:

- многоуровневое управление и рассеянную власть;
- сеть демократических форумов от местных до глобальных;
- повышение прозрачности, подотчетности и эффективности ведущих функциональных организаций; создание новых органов такого типа там, где существует очевидная потребность в большей общественной координации и административном потенциале;
- использование различных форм механизмов для получения доступа к общественным предпочтениям, проверки их согласованности и информирования о формировании общественного мнения;
- создание эффективных, подотчетных международных полицейских/вооруженных сил для применения силы принуждения в качестве крайней меры в защиту космополитического права.

Эти требования утопичны? В XX в. политическая власть претерпела изменения и реконфигурацию. Она была распространена ниже, над национальным государством и рядом с ним. Политическая власть – многоуровневая. Глобализация сблизила большие группы населения мира в пересекающихся сообществах судьбы. На жизненные шансы влияют национальные, международные и транснациональные процессы. Космополитические ценности укоренились в важных секторах международного права, и были созданы новые региональные и международные суды для рассмотрения сообщений о некоторых особо тяжких преступлениях.

принять эти показатели за отправную точку и построить этически обоснованную и политически устойчивую концепцию надлежащего фундамента политического сообщества и отношений между сообществами. Это требует признания по крайней мере четырех фундаментальных принципов.

Во-первых, конечными единицами, вызывающими моральную озабоченность, являются отдельные люди, а не государства или другие особые формы человеческих объединений. Человечество принадлежит к единой моральной сфере, в которой каждый человек в равной степени достоин уважения [16]. Это понятие можно назвать принципом индивидуалистического морального эгалитаризма или просто эгалитарным индивидуализмом. Думать о людях как об обладающих равной моральной ценностью – значит, делать общее утверждение об

основных единицах мира, включающих людей как свободных и равных существ [17]. Эта широкая позиция противоречит точке зрения сторонников морального партикуляризма о том, что принадлежность к данному сообществу ограничивает и определяет моральную ценность индивидов и природу их автономии. Это делается не для того, чтобы отрицать культурное разнообразие и различия, а для того, чтобы подтвердить, что существуют пределы моральной ценности конкретных сообществ – пределы, которые требуют, чтобы с равным уважением относились к достоинству разума и моральному выбору каждого человека [18].

Второй принцип подчеркивает, что статус равной ценности должен быть признан всеми. Это атрибут каждого живого человека и основа, на которой каждый человек должен строить свои отношения с другими [18]. Этот второй элемент современного космополитизма можно назвать принципом взаимного признания.

Третий принцип – принцип согласия – признает, что приверженность равному достоинству и равной моральной ценности требует ненасильственного политического процесса, в рамках которого люди могут вести переговоры и отстаивать свои взаимосвязи, взаимозависимость и различия. Взаимосвязанные жизни, проекты и сообщества требуют таких форм принятия решений, которые учитывают равный статус каждого человека в таких процессах. Принцип согласия составляет основу коллективного соглашения и управления без принуждения.

Четвертый принцип, который называется принципом инклюзивности и субсидиарности, направлен на разъяснение фундаментального критерия проведения надлежащих границ вокруг единиц коллективного принятия решений. В самом простом виде это означает, что те, на кого существенно влияют государственные практики, проблемы или процессы, должны при прочих равных условиях иметь равные возможности, прямо или косвенно через избранных представителей, влиять на них и формировать их. Те, кого затрагивают государственные проекты, должны иметь право голоса при их принятии [19]. Соответственно, коллективный выбор лучше всего происходит тогда, когда право голоса ближе всего к тем, чьи возможности и жизненные шансы определяются значимыми социальными процессами и силами.

Четвертый принцип указывает на необходимость как децентрализации, так и централизации политической власти. Если процесс принятия решений децентрализован настолько, насколько это возможно, это максимизирует возможности каждого человека влиять на социальные условия, которые формируют его жизнь. Но если рассматриваемые идеи носят транслокальный, транснациональный или трансрегиональный характер, тогда политические институты должны не только базироваться на местном уровне, но и иметь более широкий охват и рамки функционирования. В этом контексте создание различных площадок и уровней демократических форумов может оказаться неизбежным. Парадоксально, но это может быть неминуемо по тем же причинам, по которым желательна децентрализация: она предоставляет возможность вовлечения людей, на которых в значительной степени влияет политическая проблема, – в общественную (в данном случае – межобщинную общественную) сферу. Принцип инклюзивности и субсидиарности дает возможность многоуровневого демократического управления; для его надлежащего применения могут потребоваться разнообразные и множественные демократические общественные форумы. Соответственно, нельзя предполагать, что идеальный тип подходящей демократической юрисдикции может принимать только одну форму, как это происходит в теории либерально-демократического национального государства.

Вышеупомянутые четыре принципа определяют ядро космополитической моральной и политической вселенной. С самого начала важно различать две вещи, которые зависят друг от друга: вопрос об истоках принципов и вопрос об их обоснованности или значимости [20]. Если первый проливает свет на этические обстоятельства или мотивацию предпочтения или приверженности какому-либо принципу или набору принципов, то второй является базисом для проверки их интерсубъективной валидности. В этом отношении оправдательное обоснование космополитиче-

ских принципов зависит от двух фундаментальных метапринципов или организующих понятий этического дискурса – одного культурно-исторического, другого философского. Это, соответственно, метапринцип автономии и метапринцип беспристрастного рассуждения.

Двумя наиболее явными минусами космополитизма принято считать потерю индивидуализма и идентичности, а также ослабление национальных и культурных особенностей конкретного государства, которые веками складывались на данной территории. Приверженцы патриотизма относятся к космополитическим идеям негативно, полагая, что они подрывают их ценности.

Транснациональные движения, агентства и корпорации заложили основы глобального гражданского общества. Эти и связанные с ними события создают фундамент для развития космополитической многосторонности. Ее не обязательно начинать с нуля, но она может развиваться на основе четких правовых, политических и гражданских принципов, заложенных в XX в. Очевидно, что есть много причин для пессимизма. Глобализация не просто объединила народы и нации, но и создала новые формы антагонизма. Глобализация коммуникаций не только облегчает установление взаимопонимания, но и часто высвечивает то, чего нет у людей общего.

Доминирующей политической игрой в «транснациональном городе» остается геополитика, и один ключевой игрок (США) в настоящее время хочет переписать правила в соответствии со своими интересами. Этнический эгоцентризм, правый национализм и политика односторонних действий оказывается снова на подъеме, и не только на Западе. Тем не менее обстоятельства и природа политики изменились. Подобно национальной культуре и традициям, космополитизм – это культурный и политический проект, но с одним отличием: он лучше адаптирован к современному региональному и глобальному веку.

Глобализация без космополитизма может потерпеть неудачу. На фоне событий 11 сентября, нынешней односторонней позиции США, отчаянного цикла насилия на Ближнем Востоке и в других регионах пропаганда космополитизма может показаться попыткой бросить вызов силе тяжести или начать «ходить по воде». И, действительно, если бы речь шла о необходимости принятия космополитических принципов и институтов сразу, это было бы безошибочно. Но это не более верно, чем стремление к современному государству – как системе ограниченной власти, отдельной от правителя и управляемой – во времена Гоббса. За последние несколько десятилетий рост многосторонности и развитие международного права создали космополитические якоря в мире. Это основа для дальнейшего укрепления космополитических принципов и институтов. Более того, для дальнейшего продвижения этих достижений могла бы возникнуть коалиция политических группировок, включающая: европейские страны с сильными либеральными и социал-демократическими традициями; либеральные группы в правительстве США, которые поддерживают многосторонность и верховенство закона в международных делах; развивающиеся страны, борющиеся за более свободные и справедливые правила торговли в мировом экономическом порядке; неправительственные организации; те экономические силы, которые стремятся к более стабильному; управляемый глобальный экономический порядок.

Заключение

В статье были изучены феномен современного космополитизма и различные точки зрения на него со стороны исследователей.

Ответив на вопрос, что же такое космополитизм, проследив его истоки и процесс становления, был осмыслен сам фундамент этой идеи, которая сформировалась в современном мировом сообществе. Было установлено, что отправной точкой космополитизма XXI в. стали просвещенческие размышления о вечном мире, в частности принадлежащие немецкому мыслителю Иммануилу Канту [21]. И. Кант понимал, что его проекту нужно время, он не мог быть реализован в то время, поэтому он воспринимался как утопический, государства плохо осознавали взаимосвязи между друг другом, об интеграции, о которой писал немецкий

философ, никто и не размышлял. В настоящее время наблюдается, как частично кантовские идеи осуществлены, а всемирное сообщество всё теснее переплетается между собой.

Это исследование посвящено конкретным аспектам современной, все более глобализирующейся социальной жизни. Хотя утверждается, что «мир» функционирует на уровне глобальной взаимосвязанности и взаимозависимости, вопросы, касающиеся потенциального расширения взглядов и практик людей в глобальном мире, остаются малоизученными. С середины 1990-х гг. социологи вернулись к древнегреческому термину «космополитизм», чтобы ответить на вопросы, касающиеся расширенного «социального воображения» и проистекающие из все более «глобального» характера социальной жизни.

Проблемы космополитизма относятся к двум отдельным, но взаимосвязанным областям академических исследований. Поскольку в работе ставится вопрос о том, как космополитические склонности проявляются во взглядах и практиках людей и в каких сферах общества эти склонности существуют, оно затрагивает основные проблемы в области изучения космополитизма. Статья прослеживает концепцию космополитизма от ее корней в философии киников до ее воплощений в стоицизме и доходит до современных попыток социологизировать дискурс космополитизма. Усилия в рамках этого последнего направления занимают центральное место в настоящем исследовании, поскольку оно опирается на концепцию космополитизма для описания современных «внутренних процессов развития в социальном мире».

Опираясь на «теоретические требования», вытекающие из основных теорий о космополитическом идеальном типе, в статье представлено рабочее определение космополитической предрасположенности как открытости миру во всех моральных, политических и культурных измерениях, проявляющейся во взглядах и практиках людей. Открытый методологический подход, исходящий из этого рабочего определения, утверждается в исследовании, может плодотворно идентифицировать и локализовать «фактически существующий космополитизм» в различных сферах общества. С одной стороны, есть ученые, подчеркивающие тенденцию возникновения космополитических настроений в привилегированных сферах общества, а с другой – есть те, кто утверждает, что космополитизм может возникнуть «в любое время, в любом месте».

Кроме того, исследования необходимо проводить, исходя из более всеобъемлющего понятия космополитизма, которое выходит за рамки сосредоточения на потенциальных моральных реакциях на определенный опосредованный контент.

Современный космополитизм – это многомерное явление, поскольку оно рождает противоречия у человека. Отвечая на такие вопросы, как «почему я должен отказаться от своей национальной идентичности в пользу всемирного гражданского состояния?», «как его совместить с многообразием культур?», «возможно ли чувствовать солидарность со всем человечеством сразу, если мы находимся на разных континентах?», исследователи разделились в своих мнениях к подобной идее. Гражданин мира и его уникальность как отдельного индивида, по его мнению, должны восприниматься как отдельная единица, пребывающая в свободном пространстве, называемом планетой Земля [22]. Так, сторонники всемирного гражданства стремятся распространить эти идеи среди граждан мира.

Можно ли сказать, что космополитический идеал принимается и поддерживается всеми? Нет, поскольку многие ученые указывают на множество противоречий и опасностей в этой концепции. Исследователей беспокоит размытие границ между политически и культурно отличными друг от друга территориями. Например, С.Ф. Хантингтон, вовсе не видит возможности объединения человечества и предсказывает неизбежную войну между цивилизациями [23]. Кроме того, поднимается вопрос о патриотизме и национальной идентичности, которые являются, по мнению некоторых исследователей, важными политическими и социальными феноменами современности, позволяющими гражданам одного государства существовать в мире.

Дать однозначный ответ, действительно ли стремление к космополитизму приведет к установлению всеобщего мира и равенству личностей или же его итогом станут еще более жесткие столкновения между людьми, нельзя, поскольку в человеческой истории проект никогда не был в полной мере реализован. Таким образом, актуальность размышлений о космополитизме очевидна и в ближайшее десятилетие философы и политические теоретики будут изучать этот феномен. Глобализация, всё возрастающее значение прав человека, многообразие культур – всё это тем или иным образом приводит к мыслям о космополитических идеалах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. – М.: РОССПЭН, 2000. – 389 с.
2. Пейн Т. Избранные сочинения. – М.: АН СССР, 1959. – 422 с.
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения в шести томах. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 5–23.
4. Гегель Г.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
5. Маркс К. К еврейскому вопросу // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 500 с.
6. Kant I. Perpetual peace: a philosophical sketch // Kant: Political Writings. Ed. by H. Reiss. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – P. 93–115.
7. Файн Р. Космополитизм эпохи Просвещения: западный или всемирный? // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 4. – С. 117–129.
8. Lerner M. Ideas are weapons: the history and uses of ideas. – New York: Viking Press, 1939. – 284 p.
9. Bell D. The end of ideology: on the exhaustion of political ideas in the fifties. – Cambridge: Harvard University Press, 1962. – 405 p.
10. Hobbes T. Leviathan. – Harmondsworth: Penguin, 1968. – 718 p.
11. Barry B. Statism and nationalism: a cosmopolitan critique // Global Justice. Eds. I. Shapiro, L. Brilmayer. – New York: New York University Press, 1999. – P. 12–66.
12. Лосев А.Ф. Поздние стоики // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. – М.: Республика, 1995. – С. 364–386.
13. Кошеленко Г., Маринович Л. Предисловие // Беседы Эпиктета. – М.: Ладомир, 1997. – С. 5–36.
14. Беседы Эпиктета. – URL: <https://djvu.online/file/kHosnuKLZWrt3?ysclid=ltwtqsdX76915578290> (дата обращения 14.12.2023).
15. Аврелий М. Наедине с собой. Размышления // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. – М.: Республика, 1995. – С. 272–363.
16. Beitz C. Cosmopolitan liberalism and the states system // Political Restructuring in Europe: Ethical Perspectives. Ed. by C. Brown. – London: Routledge, 1994. – P. 123–136.
17. Kuper A. Rawlsian global justice // Political Theory. – 2000. – Vol. 28. – № 5. – P. 640–674. URL: <https://www.jstor.org/stable/192292> (дата обращения 14.12.2023)
18. Nussbaum M. Kant and cosmopolitanism // Perpetual Peace: Essays on Kant's Cosmopolitan Ideal. Eds. J. Bohman, M. Lutz-Bachmann. – Cambridge, MA: MIT Press, 1997. – P. 1–25.
19. Whelan F. Prologue: democratic theory and the boundary problem // Liberal Democracy. – 1983. – Vol. 25. – P. 13–47. URL: <https://www.jstor.org/stable/24219358> (дата обращения 14.12.2023).
20. Weale A. From contracts to pluralism // Impartiality, Neutrality and Justice. Ed. by P. Kelly. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998. – P. 9–34 p.
21. Алексанова Т.С. Иммануил Кант как основоположник современного космополитизма. URL: <https://www.hse.ru/ma/philosophical/students/diplomas/470536784> (дата обращения 14.12.2023).
22. Kwame Anthony Appiah. Cosmopolitanism: ethics in a world of strangers. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.997b65d8-65f8e0b5-95b719c3-74722d776562/https/www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/reviews/cosmopolitanism-ethics-in-a-world-of-strangers-by-kwame-anthony-appiah-410408.html (дата обращения 14.12.2023).
23. Huntington S. The clash of civilizations and the remarking of the world order. – NY: Simon & Schuster, 1996. – 367 p.

Информация об авторах

Владислав Александрович Терлецкий, аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; e-mail: kraylog@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0009-7541-2708>

Поступила в редакцию: 20.01.2024

Поступила после рецензирования: 03.03.2024

Принята к публикации: 29.03.2024

REFERENCES

1. Ferguson A. *Experience in the history of civil society*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 389 p. (In Russ.)
2. Payne T. *Selected works*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959. 422 p. (In Russ.)
3. Kant I. The idea of universal history in the world-civil plan. Moscow, Mysl Publ., 1966. Vol. 6, pp. 5–23. (In Russ.)
4. Hegel G.F. *Philosophy of law*. Moscow, Mysl Publ., 1990. 524 p. (In Russ.)
5. Marx K. On the Jewish question. K. Marx, F. Engels. *Essays*. 2nd ed. Vol. 1. Moscow, State Publ. House of Political Literature, 1955. 500 p. (In Russ.)
6. Kant I. Perpetual peace: a philosophical sketch. *Kant: political writings*. Ed. by H. Reiss. Cambridge, Cambridge University Press, 1991. pp. 93–115.
7. Fine R. Cosmopolitanism of the enlightenment: western or worldwide? *New Literary Review*, 2011, no. 4, pp. 117–129. (In Russ.)
8. Lerner M. *Ideas are weapons: the history and uses of ideas*. New York, Viking Press, 1939. 284 p.
9. Bell D. *The End of ideology: on the exhaustion of political ideas in the fifties*. Cambridge, Harvard University Press, 1962. 405 p.
10. Hobbes T. *Leviathan*. Harmondsworth, Penguin, 1968. 718 p.
11. Barry B. Statism and nationalism: a cosmopolitan critique. *Global Justice*. Eds. I. Shapiro, L. Brilmayer. New York, New York University Press, 1999. pp. 12–66.
12. Losev A.F. Late stoics. *Roman Stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius*. Moscow, Respublika Publ., 1995. pp. 364–386. (In Russ.)
13. Koshelenko G., Marinovich L. Preface. *Conversations of Epictetus*. Moscow, Lodomir Publ., 1997. pp. 5–36. (In Russ.)
14. *Conversations of Epictetus*. (In Russ.) Available at: <https://djvu.online/file/kHosnuKLZWrt3?ysclid=ltwtqsdX76915578290> (accessed 14 December 2023).
15. Aurelius M. Alone with myself. Reflections. *Roman Stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius*. Moscow, Respublika Publ., 1995. pp. 272–363. (In Russ.)
16. Beitz C. Cosmopolitan liberalism and the states system. *Political Restructuring in Europe: Ethical Perspectives*. Ed. by C. Brown. London, Routledge, 1994. pp. 123–136.
17. Kuper A. Rawlsian global justice. *Political Theory*. 2000, vol. 28, no. 5, pp. 640–674. Available at: <https://www.jstor.org/stable/192292> (accessed 14 December 2023).
18. Nussbaum M. Kant and cosmopolitanism. *Perpetual Peace: Essays on Kant's Cosmopolitan Ideal*. Eds. J. Bohman, M. Lutz-Bachmann. Cambridge, MA, MIT Press, 1997. pp. 1–25.
19. Whelan F. Prologue: democratic theory and the boundary problem. *Liberal Democracy*, 1983, vol. 25, pp. 13–47. Available at: <https://www.jstor.org/stable/24219358> (accessed 14 December 2023).
20. Weale A. From contracts to pluralism. *Impartiality, Neutrality and Justice*. Ed. by P. Kelly. Edinburgh, Edinburgh University Press, 1998. pp. 9–34.
21. Aleksanova T.S. Immanuel Kant as the founder of modern cosmopolitanism. Course work for a student at the National Research University Higher School of Economics. (In Russ.) Available at: <https://www.hse.ru/ma/philosophical/students/diplomas/470536784> (accessed 14 December 2023).
22. Kwame Anthony Appiah. *Cosmopolitanism: ethics in a world of strangers*. Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.997b65d8-65f8e0b5-95b719c3-74722d776562/https/www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/reviews/cosmopolitanism-ethics-in-a-world-of-strangers-by-kwame-anthony-appiah-410408.html (accessed 14 December 2023).
23. Huntington S. *The clash of civilizations and the remarking of the world order*. NY, Simon & Schuster, 1996. 367 p.

Information about the authors

Vladislav A. Terletsky, postgraduate student, Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; kraylog@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0009-7541-2708>

Received: 20.01.2024

Revised: 03.03.2024

Accepted: 29.03.2024

УДК 323.2-053.6:378.4

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1757

Шифр специальности ВАК: 5.2.7

Влияние молодежной политики на реализацию программы развития университета

Д.Л. Островкин^{1✉}, Д.Г. Сандлер²

¹Уральский государственный лесотехнический университет, Россия, г. Екатеринбург

²Уральский федеральный университет, Россия, г. Екатеринбург

✉ ostrovkin.denis@yandex.ru

Аннотация. В настоящий момент молодежная политика становится одним из важных направлений развития государства и общества: ей отводится особое место в экономическом росте страны, уделяется внимание в среде высшего образования. Вместе с тем остается недостаточно изученной проблема востребованности потенциала влияния молодежной политики на развитие образовательной организации высшего образования, а также трудностей, возникающих в процессе имплементации молодежной политики в программу развития вуза. **Методы:** экспертное анкетирование, факторный и общий статистический анализы, анализ причинно-следственных связей и нормативно-правовых документов, построение матриц и графиков. Информационную базу составило анкетирование 145 проректоров российских университетов из 52 регионов РФ, проведенное с октября по декабрь 2023 года. В нем рассматриваются практические подходы к реализации молодежной политики. **Цель** исследования сосредоточена на изучении степени и характера влияния молодежной политики на основные направления деятельности вуза, что, в свою очередь, позволит конкретизировать ее роль в достижении стратегических целей университета. **Результаты:** проанализирована роль молодежи в стратегическом и экономическом развитии вуза; выделены наиболее значимые факторы влияния; акцентировано внимание на направлениях молодежной политики, влияющих на повышение узнаваемости вуза, экономическую эффективность и стратегическое планирование. **Выводы:** публикация содержит данные о специфике и значимости молодежной политики, о перспективных направлениях изучения механизмов ее реализации, в том числе для эффективной интеграции в программу развития университета.

Ключевые слова: молодежная политика, университет, вуз, экономика, стратегия, программа развития университета

Для цитирования: Островкин Д.Л., Сандлер Д.Г. Влияние молодежной политики на реализацию программы развития университета // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 79–92. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1757

UDC 338.462

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1757

Youth policy influence on implementation of a university development program

D.L. Ostrovkin^{1✉}, D.G. Sandler²

¹Ural State Forestry University, Ekaterinburg, Russian Federation

²Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

✉ostrovkin.denis@yandex.ru

Abstract. At the moment, youth policy is becoming one of the main priorities for the development of the state and society, it takes a special place in the economic growth of the country, and attention is given to it in the environment of higher education. At the same time, the problem of the demand for the potential influence of youth policy on the development of an educational organization of higher education, as well as the difficulties that arise in implementation of youth policy in a university development program, remains insufficiently studied. **Methods.** Expert questioning, factor analysis and analysis of cause-and-effect relationships, general statistical analysis and analysis of regulatory documents, construction of matrices and graphs. The information base consisted of a survey of 145 vice-rectors of Russian universities from 52 regions of the Russian Federation, conducted from October to December 2023, which examined practical approaches to the implementation of youth policy. **Aim.** To study the degree and nature of youth policy influence on the main directions of the university activities, which, in its turn, will make it possible to specify its role in achieving the strategic goals of the university. **Result.** The role of youth in the strategic and economic development of the university is analyzed, the most significant factors are highlighted, and the influence of the main directions of youth policy on increasing the university recognition, economic efficiency and strategic planning was shown. **Conclusions.** The paper contains the data on specifics and significance of youth policy, promising directions for studying the mechanisms of its implementation, including for effective integration into university development programs.

Keywords: youth policy, university, higher education institution, economy, strategy, university development program

For citation: Ostrovkin D.L., Sandler D.G. Youth policy influence on implementation of a university development program. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 79–92. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1757

Введение

В настоящее время в российских университетах обучается свыше 4 млн студентов на очном и заочном отделениях, ежегодно около миллиона молодых людей становятся первокурсниками, а также выпускниками вуза. Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закреплено понятие «образование», которое является единым целенаправленным процессом воспитания и обучения, общественно значимым благом и осуществляется в интересах человека, семьи, общества и государства.

В связи с этим реализация молодежной политики и воспитательной деятельности становится одним из важных направлений работы образовательных организаций высшего образования и Минобрнауки РФ. На сегодняшний день в стране более 800 университетов, 514 из них являются государственными. Министерством науки и высшего образования, Федеральным агентством по делам молодежи уделяется повышенное внимание сфере молодежной политики в вузах. Так, 2021 г. в каждом университете России была введена должность проректора по молодежной политике (или воспитательной работе), определены основные направления дея-

тельности, проводятся ежегодные форумы и образовательные программы, нацеленные на работу с молодежью с целью выстраивания эффективной системы и единых подходов для повышения уровня молодежной политики в вузах. Вместе с этим установлена позиция регулятора в части включения обязательного раздела о молодежной политике в структуру программы развития вуза в соответствии с Методическими рекомендациями по разработке программ развития образовательной организации высшего образования подведомственных Министерства науки и высшего образования РФ (утвержденных от 11 января 2023 г.).

Кроме того, в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» говорится, что важным элементом, формирующим систему ценностей, является работа со студенческой молодежью, совершенствование форм и методов реализации молодежной политики. Данные положения применяются и в части Указа Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Современные исследователи справедливо указывают, что «в настоящее время встала проблема включения духовно-нравственной парадигмы в экономическую ткань страны ... они служат своеобразной системой координат, в которой утверждается национальная идентичность, проявляется поведение человека в разных сферах его деятельности и существования» [1]. В связи с этим, осознавая важность эффективной реализации государственной молодежной политики в вузе, которая должна обеспечить устойчивый рост числа молодых людей, мотивированных на позитивные действия и разделяющих общечеловеческие, национальные духовные ценности, остается открытым вопрос о влиянии молодежной политики на успех и выполнение целей программ развития университетов.

Теоретический обзор

В настоящий момент в отечественной литературе проблема реализации молодежной политики рассматривается, в основном, с точки зрения социологической и педагогической науки. Так, современные авторы анализируют поколенческие характеристики в контексте социальные стратегии молодежи и механизмы ее саморегуляции [2, 3], обращают внимание на трансформацию среды и смысловых конструкций в сознании молодежи, а также указывают на резкие изменения в жизненных планах и факторных моделях при принятии решений молодежи по отношению к изменениям внешней среды [4, 5]. Кроме того, исследователи отмечают нерешённые, на их взгляд, проблемные ситуации в сфере государственной молодежной политики, такие как: частая смена управленческих структур и команд, разнородность и несистемность общественных объединений и организаций в этой области за последние десятилетия, несовершенство органов управления [6, 7].

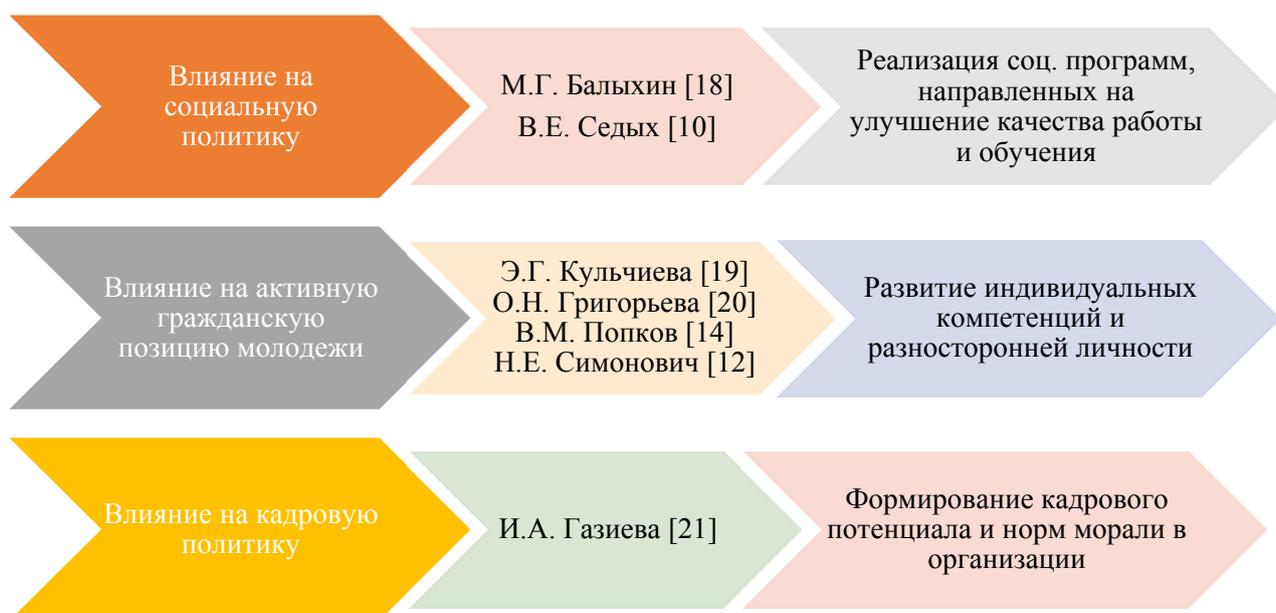
При этом большинство исследователей делают выводы, что молодежный ресурс является одним из главных драйверов на пути решения модернизационных задач внутри российского общества [8, 9].

Однако особый интерес для данной работы представляют публикации, раскрывающие специфические особенности реализации молодежной политики на уровне образовательной организации высшего образования, в частности влияние ее на развитие университета. В этом контексте можно выделить несколько блоков научных статей, связанных с предметом исследования.

Первый – практико-ориентированный подход, в рамках которого, в основном, рассматриваются цели, результаты и проблемы реализации молодежной политики на примере конкретных университетов, представлены ключевые мероприятия и проекты, осуществляемые в вузе [10–14]. Данные публикации чаще всего носят описательный характер и подразумевают глубокую аналитическую часть деятельности по воспитательной работе. Второй подход –

теоретико-методологический – состоит из сравнительно небольшого набора публикаций. Так, коллектив С.П. Куликова и С.В. Новикова [15, 16] в нескольких статьях последовательно раскрывают содержание молодежной политики в вузе, характеризуют обобщенные направления ее исполнения, а также приводят авторские индикаторы оценки эффективности ее реализации в университете. Особую ценность данных работ представляет авторская система показателей, с помощью которых, по мнению исследователей, возможно проследить результативность деятельности в данной сфере. Анализ моделей молодежной политики и воспитательной деятельности в российских университетах провел В.А. Смирнова [17]. В ней автор, на основе глубинных интервью с топ-менеджментом российских вузов, предлагает критерии для оценки эффективности молодежной политики, возможную типологию такой деятельности, а также противоречия для данной сферы деятельности.

В связи с тем, что предметом данной работы является влияние молодежной политики на достижение стратегических задач развития вуза, в отдельную подгруппу определим авторов, которые рассмотрели направления такого воздействия (рис. 1). Можно сделать вывод, что исследователи рассматривают роль воспитательной работы в трех традиционных аспектах: социальная работа, формирование социально-активных молодых людей и подготовка более компетентных кадров.

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

Рис. 1. Направления влияния молодежной политики, выделенные отечественными исследователями

Fig. 1. Directions of youth policy influence according to domestic researchers

В западной литературе проблема реализации молодежной политики рассматривается в первую очередь через социальную призму, а именно анализируется ее роль в общественной жизни государства. Авторы справедливо отмечают, что молодежь, с одной стороны, является драйвером социума, с другой – представляет собой одну из самых чувствительных ее частей. В связи с этим во главе угла исследователями ставятся вопросы реализации государственной молодежной политики на рынке труда и обеспечения социальных гарантий для этой группы [22, 23]. Рассматриваются ценности молодежи, их потребности и ожидания от потенци-

ального работодателя [24, 25]. Кроме того, авторы проводят разбор влияния бренда организации на выбор молодежи в контексте их обучения и последующего трудоустройства [26, 27], а также роль целенаправленной молодежной политики для формирования лояльности молодых людей в отношении своего места работы или его выбора [28–30]. Тема рисков реализации молодежной политики, а также пути их минимизации рассматриваются в публикациях [31–33].

Таким образом, цель данной статьи предопределил ключевой фактор, связанный с тем, что пока вне объективного поля исследователей остается вопрос о влиянии молодежной политики, как отдельного направления деятельности вуза, на успех университета в целом и на реализацию программы развития и достижения целей программы – в частности. Кроме того, авторская гипотеза состоит о том, что эффективное исполнение молодежной политики в вузе может являться существенным обстоятельством, влияющим на конкурентоспособность университета и представляется недооценённым с точки зрения вклада в выполнение программы развития, в особенности в части совершенствования научно-образовательного и кадрового потенциала.

Методология проведённого исследования

Для проверки предложенной гипотезы авторами было проведено анкетирование руководящего состава вузов РФ с целью исследования тенденций и стратегий влияния молодежной политики на выполнение программы развития в современных российских образовательных организациях высшего образования.

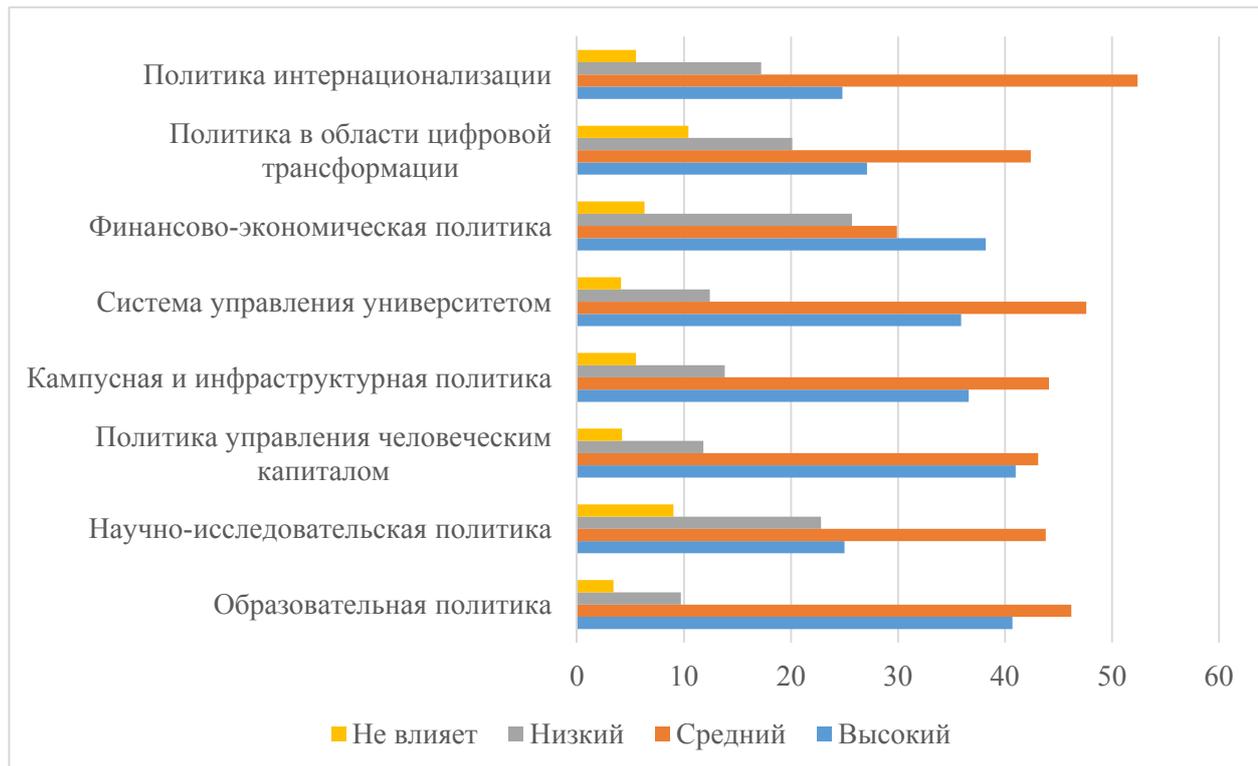
С октября по декабрь 2023 года в анкетировании приняли участие 145 проректоров по различным направлениям деятельности университета (молодежная политика, образовательная деятельность, финансово-экономическая деятельность, научная деятельность) из 52 регионов России. Опрос проводился в электронной форме через сеть Интернет, однако это не повлияло на содержание и качество полученных данных. Выборка исследования формировалась как целевая, на основе экспертных оценок топ-менеджмента российских вузов.

При прохождении опроса респондентам необходимо было ответить на вариативные вопросы с возможностью выбора ответа, вопросы с «открытым» выбором, а также провести ранжирование и выставить оценки. Предоставление различных вариантов при ответе на заданные вопросы, совместно с экспертным мнением руководителей вузов, позволило получить репрезентативные и объективные результаты исследования.

При проведении научной работы авторами были использованы общенаучные (анализ, синтез, обобщение, систематизация, сравнение и сопоставление) и специальные исследовательские методы (факторный и общий статистический анализы, анализ причинно-следственных связей и нормативно-правовых документов, построение матриц и графиков). Таким образом, применение базовых статистических подходов и методики обработки данных обеспечивает наглядность итоговых результатов и репрезентативность проведенного исследования.

Результаты исследования

Одним из главных результатов проведенного анкетирования стали показатели влияния реализации молодежной политики на уровень развития основных политик вуза, которые были определены в соответствии с программой «Приоритет 2030». Данные уровни влияния показывают акценты, связанные с мышлением руководящего состава вузов, и их возможные траектории взаимодействия в будущем. Выявление таких диспозиций представляет обширную информацию: есть возможность сравнить уровни влияния молодежной политики на направления развития вуза, отследить тренды, проанализировать приоритеты для разных политик вуза.

Источник: составлено авторами.

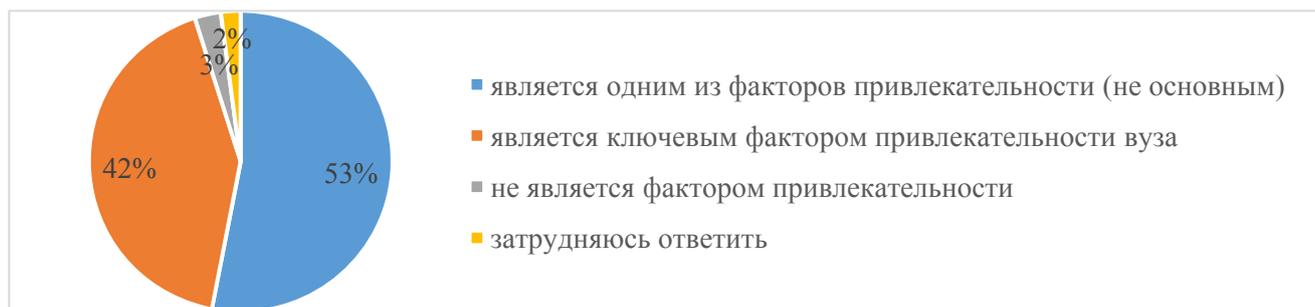
Source: compiled by the authors.

Рис. 2. Степень влияния молодежной политики на уровень развития основных политик вуза
Fig. 2. Degree of influence of youth policy on the level of development of the main policies of the university

Анализируя данные, представленные на рис. 2, можно условно выделить три группы политик. Первая – с высокой степенью влияния. Так, наиболее высокую степень влияния отличают направления, связанные с образовательной политикой и политикой управления человеческим капиталом. Вторая группа – средняя степень влияния. В данной группе лидерами стали политики, направленные на совершенствование системы управления университетом и инфраструктурной деятельности. Наконец, третья группа – противоречивая. Здесь необходимо отметить финансово-экономическую политику, которая показала высокие результаты как по степени влияния, так и полного его отсутствия. По мнению авторов, данный факт свидетельствует о том, что управленческие команды вузов до сих пор не в полной мере осознают, каким образом молодежная политика может стать инструментом повышения финансовых показателей университета.

В целом иные выделенные закономерности (или группы) обусловлены, по мнению авторов, традиционализмом в подходах к пониманию молодежной политики: считается, что социально активный молодой человек самостоятелен и обладает широкими возможностями, что сказывается на качестве его обучения и ответственном отношении к нему. Вместе с этим в рамках управления человеческим капиталом осуществляется деятельность со студентами, которые имеют высокий уровень soft skills, что в дальнейшем может повлиять на увеличение числа специалистов с уникальными навыками. При этом необходимо отметить, что все респонденты средне или высоко оценивают степени влияния молодежной политики на направления деятельности университета, что заставляет по-иному посмотреть на данное направление в контексте выполнения стратегических задач развития.

Если рассматривать молодежную политику как фактор влияния на привлекательность университета (рис. 3) во внешнем пространстве, обращаем внимание на тот факт, что подавляющее большинство заполнявших анкету (95 %) считают, что данное направление является одним из факторов или даже ключевым аспектом привлекательности вуза. Несомненно, на это нужно обратить внимание при выстраивании ориентированности приемной кампании, учитывать при работе с будущими абитуриентами, демонстрируя не только образовательные возможности образовательной организации, но и вариативность общественной жизни молодежных объединений.

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

Рис. 3. Влияние уровня молодежной политики на фактор привлекательности вуза
Fig. 3. Influence of the level of youth policy on the factor of its attractiveness

При рассмотрении влияния молодежной политики на выполнение стратегических задач развития (рис. 4) отмечается преимущественный выбор (74 %) респондентов, которые считают, что МП оказывает серьезное воздействие на развитие университета в целом, а 22 % полагает, что влияние сказывается только в рамках своей профессиональной деятельности. Анализируя вопрос воздействия молодежной политики на экономические показатели вуза 57,2 % опрошенных ответили положительно, 24,8 % затруднились ответить и лишь 18 % считают, что рассматриваемая деятельность не влияет на экономику вуза.

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

Рис. 4. Степень влияния молодежной политики на развитие университета и выполнение стратегических задач
Fig. 4. Degree of influence of youth policy on the development of the university and implementation of strategic development tasks

Важным результатом данного исследования стал анализ «открытых» ответов респондентов в отношении интерпретации того, каким образом молодежная политика влияет на стратегическое и экономическое развитие университета. Можно условно выделить несколько моделей такого влияния.

Первая – увеличение числа абитуриентов, которые планируют обучение, в том числе, на коммерческой основе. Университет за счет интересной и насыщенной студенческой жизни привлекает не только студентов на бюджетные места, но и тех, кто учится с полным возмещением затрат, вследствие чего увеличивается доля внебюджетной составляющей вуза. Реализация обозначенной модели формирует имидж и бренд университета, что также становится одним из основных факторов для выбора места обучения.

Вторая – привлечение грантовых средств. В данном контексте университет, в котором имеется развитая молодежная политика, обладает возможностью зарабатывать дополнительные финансовые субсидии, в том числе посредством коммерциализации развития молодежной науки и научных достижений. В ряде случаев сами студенты, получившие достаточный уровень компетенций, имеют возможность привлекать дополнительные грантовые средства для реализации проектов. В настоящий момент в Российской Федерации сформирован целый пул грантовых возможностей для молодежи. Так, в 2023 г. в рамках Всероссийского конкурса молодежных проектов, который ежегодно Росмолодежь проводит среди вузов, 184 университета стали победителями, а общий объем распределенного между ними финансирования составил 898 871 000 руб. Всего с 2011 г. в рамках грантовых конкурсов Федерального агентства по делам молодежи было выделено более 15 млрд руб. [34].

Третья – повышение привлекательности вуза для социальных партнеров и развитие сотрудничества с органами государственной власти. Данная модель подразумевает рост заинтересованности к университету как со стороны государственных органов власти, так и со стороны социальных партнёров, что влияет на конкурентоспособность образовательной организации. Так, на сегодняшний день имеется рейтинг вузов от проекта «Твой Ход», индекс эффективности молодежной политики от Минобрнауки, которые направлены на оценку результативности воспитательной деятельности в университетах путем выявления мнения студентов и аналитики вовлеченности в государственную молодежную политику. Несомненно, результаты данных рейтингов влияют на доверие к университету, увеличивают его привлекательность и могут быть использованы для позиционирования вуза во внешней среде.

Четвертая – реализация «третьей» миссии университета и лояльности вузу как обучающихся, так и сотрудников. Респонденты отмечают, что через осуществление молодежной политики формируется доля активной молодежи, которая станет «драйвером» для развития самого университета, отдельных сообществ или региона в целом. Вместе с этим выполнение данной модели позволяет формировать коллектив, как студенческий, так и преподавательский, с новыми компетенциями, создавать лояльно расположенное сообщество будущих выпускников, тем самым выстраивается концепция «вуз – на всю жизнь».

Интересен анализ стратификационных направлений молодежной политики, которые являются наиболее актуальными для реализации в университете в рамках повышения рейтинговых позиций вуза, экономической эффективности и стратегического планирования деятельности университета. Основанием стратификации выступили разделы грантового конкурса, проводимого Росмолодежью (рис. 5).

В первую очередь необходимо отметить наименьшие результаты по графе экономической деятельности. Это подтверждает сделанный авторами вывод, по итогам анализа рис. 2, связанный с отсутствием единого понимания влияния молодежной политики на данное направление. Так, крайне низкая степень актуальности, по мнению респондентов, у направления «добровольчество». Вместе с тем волонтерство, наоборот, является тем самым недооценённым экономическим инструментом. К примеру, по данным Российского центра развития

добровольчества, вклад добровольцев в ВВП России превышает 16 млрд руб. в год, что позволяет за счет труда волонтеров экономить значительную часть государственного бюджета страны [35]. Очевидно, что такой же эффект волонтерская деятельность оказывает и на уровне университета.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 5. Актуальные направления молодежной политики для реализации в университете
Fig. 5. Current directions of youth policy for implementation at the university

Анализируя далее рис. 5, отметим, что наиболее востребованными направлениями, по мнению прошедших опрос, с точки зрения повышения рейтинговых позиций вуза, являются патриотическое воспитание и развитие спорта. Среди векторов молодежной политики, влияющих на экономическую эффективность, лидерами стали направления, связанные с развитием социальных лифтов, молодежного предпринимательства, а также вовлечение молодежи в научную деятельность. Наконец, в рамках третьей группы, стратегического планирования, высокие результаты показали сферы молодежной науки и развития патриотизма. Одновременно исследование фиксирует следующую тенденцию: зачастую в каждой из трех рассмотренных групп направления-лидеры остаются одними и теми же, меняется лишь их ранг. Отметим их: патриотическое воспитание; спорт, ЗОЖ, туризм; вовлечение молодежи в научную деятельность; студенческие инициативы, развитие социальных лифтов и предпринимательства, добровольчество. Таким образом, можно сделать вывод, что имеющийся комплекс направлений, которые влияют на разные средовые условия деятельности университета, – та

самая тенденция, когда развитие определенных сфер влияет на ключевые аспекты деятельности вуза.

В предыдущих работах авторы выявили профиль портфеля основных проектов по направлению молодежной политики среди вузов, ставших победителями и претендентами на участие в программе «Приоритет 2030» [36]. В связи с этим сопоставлены экспертные оценки в рамках проведенного анкетирования и имеющиеся проекты в программах развития университетов. Так, в 91,7 % программ вузов имеются проекты, направленные на развитие soft skills, молодежного предпринимательства и создание условий для дополнительной профессиональной самореализации. В 72,7 % случаев существуют проекты по направлению молодежной науки, развитию сети студенческих научных обществ, стартап-студий и поддержке молодых ученых. По 60,3 % проектов связаны со сферой студенческого самоуправления, студенческих инициатив и добровольчества. Вместе с тем нужно отметить противоречие: направления-лидеры по количеству проектов проведенного анкетирования – развитие спорта и здорового образа жизни, а также патриотическое воспитание молодежи – занимают пятое и шестое место по числу проектов в программах развития, будучи представленными в 45,4 и 43,8 % случаев соответственно.

Таким образом, сопоставительный анализ выявил, что в целом управленческие команды вузов уже сегодня используют в программах развития проекты из числа направлений наиболее востребованных в рамках молодежной политики, реализуя инициативы по созданию стартап-студий, студенческих технопарков, центров лидерства и карьеры, а также центров добровольчества.

Заключение

В рамках проведенного исследования были предложены только самые основные блоки получения информации о влиянии молодежной политики на программу развития из данных экспертного анкетирования, при этом авторы статьи не углублялись в сами проекты, а также конкретные примеры их реализации. Ключевое противоречие, выявленное в публикации, заключается в том, что на сегодняшний день и государство, и эксперты подтверждают важность реализации молодежной политики, однако отсутствует понимание механизмов ее осуществления для эффективной интеграции в программы развития, а также ее синергетический эффект от интеграции с другими политиками вуза. По мнению авторов, причиной этого противоречия являются два фактора. Во-первых, разность инструментов и механизмов исполнения молодежной политики по сравнению с другими направлениями. Во-вторых, реализация молодежной политики «другими людьми», в том числе студенческим сообществом, то есть неклассическими сотрудниками вузов с профильным образованием, что становится сдерживающим фактором при взаимодействии. В результате в рамках дальнейших исследований, путем глубинных интервью с топ-менеджментом, авторы планируют проследить взаимосвязь результативности университетов в реализации программ развития и мероприятий молодежной политики вуза.

Вместе с тем большой объем информации, представленный авторами, способен заставить по-другому взглянуть на молодежную политику в вузе – в первую очередь как на эффективный инструмент развития университета, установить прогнозные тренды, простроить приоритетность направлений и мер реализации в образовательной организации высшего образования. Можно сделать вывод, что переход от простого наличия проводимых мероприятий к качественным и измеримым проектам молодежной политики может стать реальным стимулом в развитии вуза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Силин Я.П., Анимица Е.Г. Несколько сюжетов о современном экономическом развитии России // Новая индустриализация России: экономика – наука – человек. Сборник научных трудов VIII Уральских научных чтений профессоров и докторантов общественных наук. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2021. – С. 3–10.
2. Зубок Ю.А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 10–30. EDN: CUCVFI. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 13–41. DOI:10.14515/monitoring.2020.3.1602.
4. Кисленко А.В., Шаповалова И.С. Проектирование жизненного пути или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. – 2023. – № 2. – С. 83–94. DOI: 10.31857/S013216250024385-6.
5. Шаповалова И.С., Заводян И.С. Поколение Z: ценности, диспозиции и социализационные результаты // Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. – С. 25–45.
6. Ромм Т.А., Богданова Е.В. Воспитание. Волонтерство. Молодежь. – Новосибирск: Изд-во СО РАН; НГТУ, 2015. – 383 с.
7. Кибанов А.Я., Ловчева М.В., Лукьянова Т.В. Реализация молодежной политики в Российской Федерации. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 149 с.
8. Тренды молодежной политики в зеркале социальных наук и технологий: монография / под ред. А.В. Пономарева, Н.В. Поповой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 260 с.
9. Прошин М.С., Нестеров А.Ю. Молодежная политика как инструмент формирования социальной базы модернизации и укрепления стабильности России (теория, методология, практика). – М.: ИСПИ РАН, 2015. – 251 с.
10. Седых В.Е. Основные направления реализации государственной молодежной политики в вузе // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». – 2010. – Т. 16. – № 1. – С. 191–194.
11. Абуталипова Л.Н., Суляев Н.И. Современная молодежная политика в вузе // Высшее образование в России. – 2015. – № 5. – С. 86–90.
12. Симонович Н.Е., Маратова А.М. Молодежная политика университета и формирование духовных и моральных ценностей // Аграрное образование и наука. URL: http://www.aon.urgau.ru/images/2017/04/22_04_2017.pdf (дата обращения 23.01.2024).
13. Шапиева А.В. Реализация государственной молодежной политики в вузе (на примере Забайкальского государственного университета) // Молодёжь в меняющемся мире: вызовы современности: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. В 2 вып. Вып. 1. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2017. – С. 229–238. EDN: VYVOUP.
14. Молодежная политика медицинского вуза: концептуальный подход и практика реализации / В.М. Попков, И.О. Бугаева, А.А. Живайкина, В.С. Лойко, Е.А. Андриянова // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2018. – № 14 (1). – С. 100–106.
15. Казакова Е.О., Куликов С.П., Новиков С.В. Молодежная политика вузов: проблемы целеполагания и оценки результатов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 11. – С. 35–39. EDN: ZWDZSL.
16. Мониторинг эффективности реализуемых программ и проектов в области молодежной политики в российских образовательных организациях / С.П. Куликов, С.В. Новиков, Н.В. Просвирина, А.Е. Сорокин // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 10. – С. 76–83.
17. Смирнов В.А. Молодёжная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32. – № 5. – С. 9–20. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20>.
18. Балыхин М.Г., Оленева О.С., Рыбаулина И.В. Молодежная научная политика в современном университете // Инновации, качество и сервис в технике и технологиях. Сборник научных трудов 4-й Международной научно-практической конференции. В 3 т. Т. 2. – Курск: Университетская книга, 2014. – С. 31–33.
19. Кульчиева Э.Г., Батыров А.Е. Система воспитательной работы в современном вузе // Высшее образование в России. – 2015. – № 10. – С. 121–126.
20. Григорьева О.Н. Формирование воспитательного пространства вуза // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 3. – С. 30–33.

21. Газиева И.А. Формирование и реализация ценностно-ориентированной молодежной кадровой политики в образовательном пространстве // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 1. – С. 112–122. DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-1-112-122.
22. Ryan P. The school-to-work transition: a cross-national perspective // Journal of Economic Literature. – 2001. – Vol. 39. – № 1. – P. 34–92.
23. Lodemel I., Trickey H. An offer you can't refuse: workfare in international perspective. – Bristol: Policy Press, 2002. – 384 p.
24. Siegel S. Relationships between current performance and likelihood of promotion for old versus young workers // Human Resources Development Quarterly. – 1993. – Vol. 4. – Iss. 1. – P. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.1002/hrdq.3920040105>.
25. Devlin M. Young people, youth work and youth policy: European developments // Youth Studies Ireland. – 2010. – № 5 (2). – P. 66–82.
26. Gratton L. Living strategy: putting people at the heart of corporate purpose. – London: FT Prentice Hall, 2000. – 256 p.
27. Turbani D.B., Cable D.M. Firm reputation and applicant pool characteristics // Journal of Organizational Behavior. – 2003. – № 24. – P. 733–751.
28. If you're close with the leader, you must be a brownnose: the role of leader – member relationships in follower, leader, and coworker attributions of organizational citizenship behavior motives / W.M. Bowler, R.B. Jonathon, B. Halbesleben, R.B. Jeff // Human Resource Management Review. – 2010. – № 20. – P. 309–316.
29. Grant A. Good soldiers and good actors: prosocial and impression management motives as interactive predictors of affiliative citizenship behaviors // Journal of Applied Psychology. – 2009. – № 94. – P. 900–912.
30. Soane E.C. Leadership and employee engagement // Employee Engagement in Theory and Practice. Eds. C. Trauss, K. Alfes, R. Delbridge, A. Shantz, E.C. Soane. – London: Routledge, 2013. – 336 p. URL: https://books.google.ru/books/about/Employee_Engagement_in_Theory_and_Practi.html?id=dU7hAQAAQBAJ&redir_esc=y (дата обращения 23.01.2024).
31. Dietrich H., Gerner H.D. The determinants of apprenticeship training with particular reference to business expectations // Zeitschrift fur Arbeitsmarkt Forschung. – 2007. – № 40 (2/3). – P. 221–233.
32. Martin G. A portrait of the youth labor market in 13 countries, 1980–2007 // Monthly Labor Review. – 2009. – Vol. 132. – № 7. – P. 3–21.
33. Williamson H. Youth policy // Compendium of Council of Europe approaches to key youth policy and youth work issues. – Strasbourg: Council of Europe, 2012. – P. 47–90.
34. Установлены размеры грантовых фондов для каждой площадки конкурса Росмолодёжь.Гранты. URL: <https://fadm.gov.ru/news/ustanovleny-razmery-grantovykh-fondov-dlya-kazhdoy-ploshchadki-konkursa-rosmolodyezh-granty/> (дата обращения 16.01.2024).
35. Вклад добровольцев в ВВП России равняется 16 млрд рублей в год. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/vklad-dobrovoltsev-v-vvp-rossii-ravnyaetsya-16-mlrd-rublej-v-god-636742> (дата обращения 16.01.2024).
36. Островкин Д.Л., Сандлер Д.Г. Профиль портфеля проектов по молодежной политике в программе стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16. – № 10. – С. 3839–3858. DOI: 10.18334/ce.16.10.116399.

Информация об авторах

Островкин Денис Леонидович, кандидат исторических наук, проректор по социальной и воспитательной работе Уральского государственного лесотехнического университета, Россия, 620032, г. Екатеринбург, ул. Сибирский тракт, 37; ostrovkin.denis@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2637-3898>

Сандлер Даниил Геннадьевич, доктор экономических наук, доцент, первый проректор по экономике и стратегическому развитию, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; d.g.sandler@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5641-6596>

Поступила в редакцию: 14.01.2024

Поступила после рецензирования: 24.03.2024

Принята к публикации: 30.03.2024

REFERENCES

1. Silin Ya.P., Animitsa E.G. Several stories about the modern economic development of Russia. *New industrialization of Russia: economics–science–people. Collection of scientific works of the VIII Ural scientific readings of*

- professors and doctoral students of social sciences*. Ekaterinburg, Ural State Economic University Publ., 2021. pp. 3–10. (In Russ.)
2. Zubok Yu.A. Changing social reality: a reflection on theoretical and empirical aspects of sociological research on youth. *Research result. Sociology and Management*, vol. 8, no. 3, pp. 10–30. (In Russ.) EDN: CUCVFI. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2.
 3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Youth life strategies: implementation of expectations and social moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2020, no. 3, pp. 13–41. (In Russ.) DOI:10.14515/monitoring.2020.3.1602.
 4. Kisilenko A.V., Shapovalova I.S. Designing the course of life or how do youth see their future? *Sociological Studies*, 2023, no. 2, pp. 83–94. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250024385-6.
 5. Shapovalova I.S., Zavodyan I.S. Generation Z: values, dispositions and socialization results. *Generation Z: diversity of identities, orientations, behavior*. Ufa, Bashkir State University Publ., 2021. pp. 25–45. (In Russ.)
 6. Romm T.A., Bogdanova E.V. *Upbringing. Volunteering. The youth*. Novosibirsk, SB RAS Publ. House; NSTU, 2015. 383 p. (In Russ.)
 7. Kibanov A.Ya., Lovcheva M.V., Lukyanova T.V. *Implementation of youth policy in the Russian Federation*. Moscow, INFRA-M Publ., 2012. 149 p.
 8. *Youth policy trends in the mirror of social sciences and technologies*. Eds. A.V. Ponomarev, N.V. Popova. Ekaterinburg, Ural University Publ. House, 2018. 260 p. (In Russ.)
 9. Proshin M.S., Nesterov A.Yu. *Youth policy as a tool for forming a social base for modernization and strengthening the stability of Russia (theory, methodology, practice)*. Moscow, ISPI RAS Publ., 2015. 251 p.
 10. Sedykh V.E. Main directions of implementation of state youth policy at universities. *Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasova. Series "Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics"*, 2010, vol. 16, no. 1, pp. 191–194. (In Russ.)
 11. Abutalipova L.N., Sulyaev N.I. Modern youth policy at universities. *Higher education in Russia*, 2015, no. 5, pp. 86–90. (In Russ.)
 12. Simonovich N.E., Maratova A.M. Youth policy of the university and the formation of spiritual and moral values. *Agrarian education and science*. (In Russ.) Available at: http://www.aon.urgau.ru/images/2017/04/22_04_2017.pdf (accessed 23 January 2024).
 13. Shapieva A.V. Realization of the public youth policy in higher education institution (on the example of the transbaikal state university). *Materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists. Youth in a changing world: challenges of our time*. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2017. Vol. 1, pp. 229–238. (In Russ.) EDN: VYVOUP.
 14. Popkov V.M., Bugaeva I.O., Zhivaykina A.A., Loyko V.S., Andriyanova E.A. Youth policy at Medical University in conceptual and practical realization. *Saratov Journal of Medical Scientific Research*, 2018, no. 14 (1), pp. 100–106. (In Russ.)
 15. Kazakova E.O., Kulikov S.P., Novikov S.V. Youth policy of universities: problems of goal setting and evaluation of result. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 2017, no. 11, pp. 35–39. (In Russ.) EDN: ZWDZSL.
 16. Kulikov S.P., Novikov S.V., Prosvirina N.V., Sorokin A.E. Monitoring of effectiveness of implemented programs and projects in the area of the youth policy in Russian educational institutions. *Regional problems of economic transformation*, 2018, no. 10, pp. 76–83. (In Russ.)
 17. Smirnov V.A. Youth policy and educational activities in Russian universities: stages of development and key contradictions. *Higher education in Russia*, 2023, vol. 32, no. 5, pp. 9–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20>.
 18. Balykhin M.G., Oleneva O.S., Rybaulina I.V. Youth scientific policy in a modern university. *Innovation, quality and service in engineering and technology. Collection of scientific papers of the 4th International Scientific and Practical Conference*. Kursk, University Book Publ., 2014. Vol. 2, pp. 31–33. (In Russ.)
 19. Kulchieva E.G., Batyrov A.E. Pedagogic work system in a modern university. *Higher education in Russia*, 2015, no. 10, pp. 121–126. (In Russ.)
 20. Grigorieva O.N. Formation of the educational space of the university. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2017, no. 3, pp. 30–33. (In Russ.)
 21. Gazieva I.A. Formation and implementation of the value-oriented youth personnel policy in the educational environment. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 112–122. (In Russ.)
 22. Ryan P. The school-to-work transition: a cross-national perspective. *Journal of Economic Literature*, 2001, vol. 39, no. 1, pp. 34–92.
 23. Lodemel I., Trickey H. *An offer you can't refuse: workfare in international perspective*. Bristol, Policy Press, 2002. 384 p.
 24. Siegel S. Relationships between current performance and likelihood of promotion for old versus young workers. *Human Resources Development Quarterly*, 1993, vol. 4, Iss. 1, pp. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.1002/hrdq.3920040105>.

25. Devlin M. Young people, youth work and youth policy: European developments. *Youth Studies Ireland*, 2010, no. 5 (2), pp. 66–82.
26. Gratton L. *Living strategy: putting people at the heart of corporate purpose*. London, FT Prentice Hall, 2000. 256 p.
27. Turbani D.B., Cable D.M. Firm reputation and applicant pool characteristics. *Journal of Organizational Behavior*, 2003, no. 24, pp. 733–751.
28. Bowler W.M., Jonathon R.B., Halbesleben B., Jeff R.B. If you're close with the leader, you must be a brownnose: the role of leader – member relationships in follower, leader, and coworker attributions of organizational citizenship behavior motives. *Human Resource Management Review*, 2010, no. 20, pp. 309–316.
29. Grant A. Good soldiers and good actors: prosocial and impression management motives as interactive predictors of affiliative citizenship behaviors. *Journal of Applied Psychology*, 2009, no. 94, pp. 900–912.
30. Soane E.C. Leadership and employee engagement. *Employee Engagement in Theory and Practice*. Eds. C. Trauss, K. Alfes, R. Delbridge, A. Shantz, E.C. Soane. London, Routledge, 2013. 336 p. Available at: https://books.google.ru/books/about/Employee_Engagement_in_Theory_and_Practi.html?id=dU7hAQAAQBAJ&redir_esc=y (accessed 23 January 2024).
31. Dietrich H., Gerner H.D. The determinants of apprenticeship training with particular reference to business expectations. *Zeitschrift für Arbeitsmarkt Forschung*, 2007, no. 40 (2/3), pp. 221–233.
32. Martin G. A portrait of the youth labor market in 13 countries, 1980–2007. *Monthly Labor Review*, 2009, vol. 132, no. 7, pp. 3–21.
33. Williamson H. Youth policy. *Compendium of Council of Europe approaches to key youth policy and youth work issues*. Strasbourg, Council of Europe, 2012. pp. 47–90.
34. *The size of grant funds has been established for each site of the Rosmolodezh. Grants competition.* (In Russ.) Available at: <https://fadm.gov.ru/news/ustanovleny-razmery-grantovykh-fondov-dlya-kazhdoy-ploshchadki-konkursa-rosmolodyezh-granty/> (accessed 16 January 2024).
35. *The contribution of volunteers to Russia's GDP is 16 billion rubles per year.* (In Russ.) Available at: <https://www.tatar-inform.ru/news/vklad-dobrovoltsev-v-vvp-rossii-ravnyaetsya-16-mlrd-rublej-v-god-636742> (accessed 16 January 2024).
36. Ostrovkin D.L., Sandler D.G. Profile of a portfolio of projects on youth policy in the strategic academic leadership program “Priority 2030”. *Creative Economy*, 2022, vol. 16, no. 10, pp. 3839–3858. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.16.10.116399.

Information about the authors

Denis L. Ostrovkin, Cand. Sc., Vice-Rector for Social and Educational Work, Ural State Forestry University, 37, Siberian tract street, Ekaterinburg 620032, Russian Federation; ostrovkin.denis@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2637-3898>

Daniil G. Sandler, Dr. Sc., Associate Professor, First Vice-Rector for Economics and Strategic Development, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira street, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; d.g.sandler@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5641-6596>

Received: 14.01.2024

Revised: 24.03.2024

Accepted: 30.03.2024

УДК 316.346.32-053.9:332.1:316.422
DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1734
Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Теоретико-методологические основы анализа социально-экономического участия пожилых людей в региональном технологическом пространстве

И.А. Павлова^{1✉}, О.П. Недоспасова², Г.А. Барышева³, Е.И. Клемашева³

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, г. Москва*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, г. Томск*

³ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

✉iapav@mail.ru

Аннотация. Актуальность: понятие технологического пространства определяется современными концептами информационного и одновременно «стареющего» общества, важностью новых цифровых практик и отношений, упорядоченных в пространстве применительно к разным экономическим субъектам, в том числе с учетом уровня использования технологических новшеств и возрастных характеристик. Технологическое пространство представляет собой особый тип пространства, процессы и практики которого укоренены в социально-экономической системе и которое не очерчено формальными географическими, культурными, институциональными или демографическими границами. Технологическое пространство открывает широкие возможности для повышения качества жизни наиболее быстро растущей социальной группы (пожилые люди) и в последнее время становится фактором, влияющим на жизнедеятельность человека и определяющим качество его жизни. Благодаря этому удовлетворённость качеством жизни представляется возможным рассматривать через оценку пожилым человеком своей жизни в целом и отдельных ее условий, созданных в региональном технологическом пространстве.

Цель: теоретико-методологическое обоснование для анализа социально-экономического участия пожилых людей в региональном технологическом пространстве. Эта задача предполагает как системное понимание эффектов, которые оказывают технологическое влияние на жизнь пожилых людей, так и системность методического инструмента оценивания социально-экономического участия и включенности пожилых людей в технологическом пространстве. **Методы:** системный подход для многоуровневого изучения участия пожилых людей в региональном технологическом пространстве в экономических и социальных системах. **Результаты:** выделено пять элементов регионального технологического пространства (потребление товаров и услуг, занятость и коммуникация, образование, здравоохранение и уход, жилье и среда обитания). Представлены примеры первичных и вторичных источников данных для анализа включенности пожилых людей в региональном технологическом пространстве. Приведены типовые показатели, характеризующие каждый элемент регионального технологического пространства. Проанализированы возможные качественные и количественные методы исследования социально-экономического участия пожилых людей отдельно в контексте экономической и социальной систем. Предложено развитие концепции партисипаторности пожилых людей в социально-экономической системе региона. Данная концепция предполагает привлечение пожилых людей к управлению теми или иными элементами технологического пространства. **Выводы.** Элементы технологического пространства, предложенные в данной работе для оценивания социально-экономического участия пожилых людей в региональном технологическом пространстве, не являются жестко очерченными структурно: они могут пересекаться и взаимодействовать. Соответственно, практики социально-экономического участия могут иметь комбинированную природу, что может потребовать нестандартного подхода и применения смешанных методов исследования. Авторы предлагают использовать три основные формы партисипаторности пожилых людей в социально-экономической системе региона: их участие в выдвижении пред-

ложений, разработке альтернативных сценариев, выборе стратегии развития регионального технологического пространства. Доказано, что партисипаторность пожилых людей в социально-экономической системе региона позволяет связать мотивы, стимулы и потребности людей разного возраста и социально-экономического статуса для участия в региональном технологическом пространстве, помогает в большей степени задействовать ресурсный потенциал граждан. На практике все формы партисипаторности пожилых людей в социально-экономической системе региона используются в определенной комбинации, так как они тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга при решении широкого комплекса вопросов о развитии регионального технологического пространства.

Ключевые слова: социально-экономическое участие, партисипаторность, пожилые люди, региональное технологическое пространство

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН № 21-510-92007 «Влияние регионального технологического пространства на качество жизни пожилого населения».

Для цитирования: Теоретико-методологические основы анализа социально-экономического участия пожилых людей в региональном технологическом пространстве / И.А. Павлова, О.П. Недоспасова, Г.А. Барышева, Е.И. Клемашева // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52 – № 1. – С. 93–111. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1734

UDC 316.346.32-053.9:332.1:316.422
DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1734

Theoretical and methodological basis for analyzing socio-economic participation of elderly people in regional technological environment

I.A. Pavlova¹✉, O.P. Nedospasova², G.A. Barysheva³, E.I. Klemasheva³

¹ National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

✉iapav@mail.ru

Abstract. Relevance. The concept of technological environment is determined by modern concepts of information and at the same time "aging" society, the importance of new digital practices and relationships, ordered in space in relation to different economic entities, including taking into account their level of use of technological innovations and age characteristics. Technological environment is a special type of environment with processes and practices being rooted in the socio-economic system and not being limited by formal geographical, cultural, institutional or demographic boundaries. Technological environment opens up great opportunities to improve the quality of life of the fastest growing social group – elderly people. The technological space has recently become a factor that shapes quality of life. Thanks to this, satisfaction with the quality of life may be seen as an assessment by old persons their life as a whole with the individual conditions predetermined by the regional technological environment. **Aim.** Theoretical and methodological substantiation of the analysis of the socio-economic participation of elderly people in regional technological environment. This task requires both a systematic understanding of the effects that technological changes have on the lives of elderly people, and a systematic methodological tool for assessing the socio-economic participation and inclusion of elderly people in the technological space. **Methods.** A systems approach is used to examine the participation of elderly people in the regional technological environment in economic and social systems on a multi-level basis. **Results.** The authors have identified five elements of the regional technological environment (consumption of goods and services, employment and communication, education, health and care, housing and living environment). The paper introduces the examples of primary and secondary data sources for analyzing the inclusion of elderly people in the regional tech-

nological environment. It introduces as well typical indicators characterizing each element of the regional technological environment. The authors analyzed possible qualitative and quantitative methods for studying the socio-economic participation of elderly people separately in the context of economic and social systems. They proposed the development of the concept of participation of elderly people in the socio-economic system of the region. This concept implies involving elderly people in managing certain elements of the technological environment. **Conclusions.** The proposed elements of the technological environment for assessing the socio-economic participation of elderly people in the regional technological environment are not strictly delineated structurally; they can intersect and interact. Accordingly, practices of socio-economic participation may be of a combined nature, which may require a non-standard approach and the use of mixed research methods. The authors propose to use three main forms of elderly people participation in the socio-economic system of the region: their participation in putting forward proposals, developing alternative scenarios, and choosing a strategy for the development of the regional technological environment. The study confirms that elderly people participation in the socio-economic system of the region makes it possible to connect the motives, incentives and needs of people of different ages and socio-economic status in regional technological environment development, and helps to more fully utilize the resource potential of citizens. In practice, all forms of participation of elderly people in the socio-economic system of the region are used in a certain combination, since they are closely interconnected and complement each other well when solving a wide range of tasks related to the development of the regional technological environment.

Keywords: socio-economic participation, participatory approach, elderly people, regional technological environment

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and VAON No. 21-510-92007 "The influence of the regional technological space on the quality of life of the elderly population".

For citation: Pavlova I.A., Nedospasova O.P., Barysheva G.A., Klemasheva E.I. Theoretical and methodological basis for analyzing socio-economic participation of elderly people in regional technological environment. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 93–111. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1734

Введение

Обращение в научном дискурсе к понятию технологического пространства (ТП) определено современными концептами информационного и одновременно «стареющего» общества, важностью новых цифровых практик и отношений, упорядоченных в пространстве применительно к разным экономическим субъектам, в том числе с учетом их уровня использования технологических новшеств и возрастных характеристик. Практики, реализуемые в ТП, укоренены в социально-экономической системе, поэтому формы этих практик зачастую предопределены особенностями социально-экономического развития (стадией развития экономической системы, зрелостью гражданского общества, стадией экономического цикла, культурными особенностями и т. д.). Границы ТП жестко не очерчены пространственно и не совпадают с географическими границами. ТП представляет собой особую среду, для которой характерно пересечение и наложение друг на друга различных культурных, институциональных и других социальных сред, формирование значительных синергетических социальных эффектов, обеспечивающих рост качества жизни населения и благополучия в самом широком смысле.

ТП открывает широкие возможности для повышения качества жизни пожилых людей как наиболее быстро растущей социальной группы и одной из самых уязвимых групп в социально-экономическом плане. Согласно данным Организации Объединенных Наций, к 2100 г. доля граждан старше трудоспособного возраста может превысить 22 % общемирового населения, а в тех странах, которые достигли высокого уровня развития и, как следствие, высокой продолжительности жизни (Япония, Швеция, Италия и др.), доля населения в старшем возрасте уже сейчас составляет более 20 % [1]. Ожидается, что число пожилых людей во всем мире удвоится в течение следующих трех десятилетий, достигнув 1,6 млрд уже в 2050 г., ко-

гда пожилые люди будут составлять более 16 % населения планеты [2]. В этом контексте технологические решения могут стать панацеей для актуальных демографических и социально-экономических вызовов стареющего общества. Следует особо отметить глобальную актуальность данной проблемы, которая касается не только населения высокоразвитых стран, но всех других обществ с разным уровнем экономического развития [3].

Цель данной работы – теоретико-методологическое обоснование для анализа социально-экономического участия пожилых людей в региональном технологическом пространстве (РТП). В силу того, что технологические изменения оказывают влияние на население в любой возрастной группе в любой географической точке, выбор именно такого ракурса целеполагания для данной статьи обусловлен убежденностью членов научного коллектива в том, что ТП в последнее время становится фактором, обеспечивающим жизнедеятельность человека и определяющим качество его жизни. Благодаря этому удовлетворённость качеством жизни представляется возможным рассматривать через оценку пожилым человеком своей жизни в целом и отдельных ее условий, созданных в РТП. Это также требует системного понимания эффектов, которые оказывают технологические влияние на пожилых людей, и системного методического инструмента оценивания социально-экономического участия и включенности пожилых людей в ТП.

Социально-экономическое пространство пожилых людей и технологические решения

Представители научного и экспертного сообщества солидарны в целесообразности выделения нескольких наиболее важных направлений потенциального роста качества жизни пожилых людей, обусловленных внедрением в социально-экономическое пространство их жизни современных технологических решений:

- Улучшение условий проживания и ухода за пожилыми людьми, а также обеспечение автономности/полуавтономности или частичной автономности и безопасности их проживания посредством внедрения цифровых технологий (например, с помощью системы «умный дом»). Такие решения реализуют так называемый социотехнический подход к обеспечению качества жизни пожилых людей в современном социуме, предполагающий взаимное воздействие социальной и технической составляющих среды проживания, объединяющее власть, граждан, организации (бизнес и НКО) с целью удовлетворения особых потребностей пожилых людей в личном и общественном пространстве, а также управления территорией с применением передовых технологических решений [4, 5].
- Расширение возможностей по оказанию медицинской помощи пожилым людям посредством телездравоохранения, включающего в себя широкий спектр технологий и услуг, которые медицинские работники используют для улучшения всей системы оказания медицинской помощи пожилым пациентам: от доклинических услуг (включая проведение совещаний в формате видеоконференции, непрерывное медицинское образование, коучинг) до клинических и медико-просветительских услуг [6].
- Повышение доступности специализированной диагностики в отдаленных районах и в сельской местности посредством внедрения мобильных отделений, оснащенных телемедицинской службой – частью системы телездравоохранения, основная задача которой – наблюдение пациентов после очного приёма врача, лечение хронических состояний, уточнение вопросов о приёме лекарств, консультации специалистов и оказание других услуг, которые могут предоставляться удаленно [7].
- Снижение риска падений пожилых людей – многофакторного гериатрического синдрома, являющегося результатом не только внутренних (физических, сенсорных и когнитивных изменений, связанных со старением), но и внешних причин, обусловленных особенностями среды, не всегда дружественной к нуждам пожилых людей. Современные технологии

помогают устранить причины и с помощью детекторов падений оперативно оповещать о падении, например, в результате инфаркта или инсульта, что особенно актуально для одиноко проживающих пожилых людей. Современные технологии также позволяют разрабатывать специальные физические упражнения и вести мониторинг их результатов. С помощью современных технологических решений пожилые люди могут избежать спотыкания о препятствия, лучше понимать месторасположение окружающих предметов, сократить риск падения в результате недостаточной освещенности и т. д. [8, 9].

- Развитие цифрового гериатрического образования и здравоохранения в условиях, когда телемедицина все активнее доказывает свою перспективность при выявлении у пожилых людей различных функциональных нарушений, особенно на их ранних стадиях (когнитивные изменения, проблемы с двигательной активностью и питанием, ухудшение слуха и зрения, а также признаки депрессии, весьма часто встречающейся у пожилых, но редко выявляемые при обычных медицинских осмотрах или плановой диспансеризации) [6–8]. Например, интерактивное цифровое приложение ICOPЕ Handbook App, разработанное ВОЗ, позволяет гериатрам и соцработникам персонифицировать медицинскую помощь и уход за пожилыми людьми по результатам скрининга их функциональных способностей. Трудно переоценить возможности данного приложения при организации обучения врачей и социальных работников навыкам оказания высокотехнологичной персонализированной помощи пожилым людям [10].
- Развитие сетевых коммуникаций пожилых людей, в том числе их превращение в полноценный ресурс «серебряного» волонтерства силами пожилых людей или площадку выражения их интересов. В настоящее время сетевые коммуникации пожилых людей развиты крайне неравномерно и являются скорее площадкой информирования о происходящих мероприятиях, дублирующей, безусловно, важную для пожилых людей информацию, но по-прежнему приоритетно размещаемую на специальных стендах, в печатном виде или по телефону [11].
- Разумное продление периода трудовой активности. О пользе трудовой занятости в пожилом возрасте свидетельствуют результаты многочисленных исследований. Они показывают, положительное влияние занятости не только на экономическое благополучие человека в старшем возрасте, но и на физическое и психическое здоровье. При этом в расчет принимается не только возраст, но и уровень образования, доходов, семейное положение, а также другие факторы, в том числе наличие у пожилых работников «цифровых разрывов» [12].
- Создание «умной» транспортной инфраструктуры как цифрового переосмысления городской логистики и трафика в интересах старшего поколения предполагает не только учет пробок и отслеживание перемещения общественного транспорта, но и оптимизацию движения людей внутри города, развитие системы умных парковок, каршеринга, инфраструктуры и др. [13].
- Улучшение качества окружающей среды для пожилых людей в контексте внедрения современных технологических решений предполагает, что в качестве основных «инвайронментальных» характеристик ТП изучается транспортная доступность объектов, важных для комфортной жизни пожилых людей; пешеходная доступность парковых и рекреационных зон, эстетическая привлекательность района, комфортность климата, благоприятность экологии и др. Исследования подтверждают важность для физического и ментального здоровья пожилых людей близости места их проживания к открытым публичным пространствам с широкими возможностями проведения досуга, чистоты и безопасности общественных мест, что может стать целевыми характеристиками городского планирования, выгоды от которого в равной мере ценны для граждан любого возраста [14].

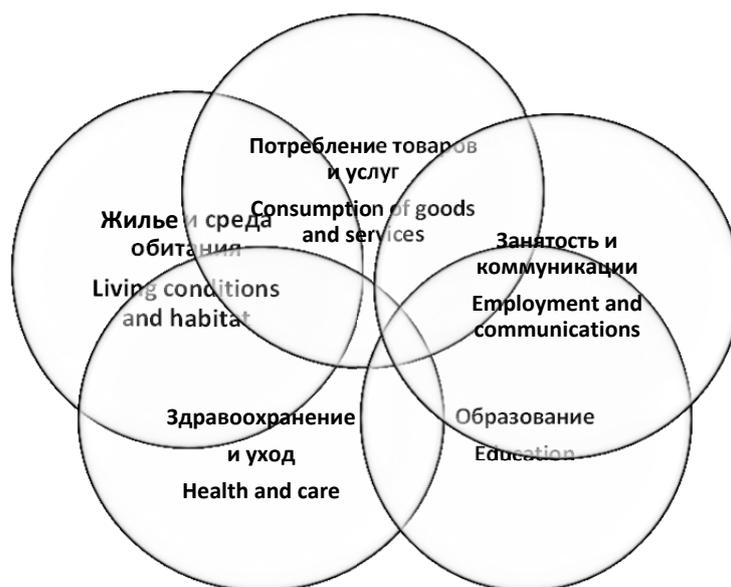
Социальные, экономические, гуманитарные и политические эффекты цифровой трансформации стареющего социума в значительной степени определяются степенью преодоления в обществе так называемых цифровых разрывов: тем, насколько люди старших возрастных групп (1) имеют доступ к ТП; (2) вовлечены в использование цифровых решений и (3) способны извлекать социально-экономические выгоды от пользования ТП. Здесь важно как наличие навыков и компетенций для уверенного применения пожилыми людьми новейших технологий в повседневных практиках, так и достаточность их доходов для приобретения современных технических устройств и оплаты телекоммуникационных услуг. При этом равно важны и доступ к новым инструментам, и цифровые навыки, и адаптированность дизайна современных технологий к особенностям их восприятия пожилыми людьми [15, 16]. Только в этом случае появляется возможность избежать цифрового неравенства пожилых в ТП – цифровых разрывов в общей ткани ТП, обусловленных каждой из перечисленных выше особенностей развития ТП.

Названные типы разрывов неизбежно снижают потенциальные положительные эффекты развития современного ТП. При этом наиболее уязвимой социальной группой оказываются именно пожилые люди, предыдущие этапы жизни которых объективно не были связаны с цифровыми технологиями и уж тем более не были инструментом или способом (сейчас безальтернативного) выполнения рутинных действий и (или) достижения повседневных целей. Минимизация рисков цифровизации ТП для пожилых людей требует панорамного подхода к восприятию цифровой трансформации пожилыми людьми [17–19]. Например, использование цифровых технологий дополненной и виртуальной реальности для улучшения повседневной жизни пожилых людей может быть затруднено, особенно когда пожилые люди не имеют доступа к новым инструментам или цифровым навыкам. Следовательно, рекомендуется предоставлять пожилым людям инструменты обучения, услуги поддержки и цифровые решения, с учетом их разнородного опыта и потребностей [15]. К аналогичным выводам о важности изучения запроса пожилых людей относительно их вовлечения в использование цифровых технологий пришли исследователи, которые подтвердили необходимость учитывать требования учащихся позднего возраста, а также их физиологические и психологические особенности при внедрении приложений для изучения языка и электронного и мобильного здравоохранения [16, 19, 20]. Помимо цифрового неравенства существуют угрозы эйджистских взглядов, влияющих на техноповедение пожилых людей, их социальную включенность и в целом на процесс внедрения цифровых технологий [18, 19].

Структура и содержание концепции технологического пространства

Социально-экономическая активность и качество жизни пожилых людей широко обсуждаются в научном и экспертном сообществе. Ключевыми вопросами здесь являются цифровая трансформация экономики и демографическое старение как взаимосвязанные процессы, формы взаимодействия пожилых людей и технологий, преодоление барьеров и формирование стимулов к инклюзии пожилых людей в ТП, проблемы их адаптации к технологическим изменениям, преодоление цифровых разрывов и обусловленных ими форм неравенства и техноэйджизма, социально-экономическая интеграция пожилых в ТП через повышение дружелюбности их взаимодействия с современными технологиями, развитие особых сегментов рынка технологий для пожилых людей (AgeTech). Данным термином принято называть цифровые товары и услуги, ориентированные на потребности пожилых людей. Важно отметить, что AgeTech – один из самых быстрорастущих глобальных рынков: его ежегодные темпы роста достигают 25 %. Ключевой предпосылкой такого подъема (кроме роста численности пожилого населения) является именно быстрая «цифровизация» целевой группы: ожидается, что доля пользующихся цифровыми сервисами и технологиями пожилых людей в мире вырастет к 2025 г. до 15 % (для сравнения: сейчас этот показатель не превышает

ет 4 %) [21]. Большим потенциалом обладают вопросы, направленные на изучение регионального распределения факторов, отражающих влияние ТП на качество жизни пожилых людей, формирование или трансформацию подходов к освоению новейших технологических достижений пожилыми людьми, взаимосвязи экономической активности людей старших возрастных групп и уровня технологизации среды обитания. Структура ТП может быть представлена функционально в виде пяти элементов [22], которые не являются изолированными, а могут пересекаться и взаимодействовать друг с другом (см. рисунок).

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

Рисунок. Элементы технологического пространства
Figure. Components of technological environment

Оценка и анализ элементов ТП строятся на основе системы, которые возможно декомпозировать по возрастам и регионам.

Согласно предлагаемому подходу, элементы ТП представлены следующим содержанием:

- 1) «*потребление товаров и услуг*» характеризует, какие товары и услуги используются в домохозяйствах и какими финансовыми возможностями оно обеспечено для их приобретения;
- 2) «*занятость и коммуникация*» показывает, как индивид реализует свой человеческий потенциал на рынке труда, участвует ли в общественной жизни посредством членства в каких-либо организациях и движениях, а также как выстраивает социальные контакты и поддерживает взаимодействие со своими социальными группами посредством цифровых технологий;
- 3) «*образование*» описывает уровень образования индивида, а также наличие у него готовности к дополнительному образованию, в частности посредством использования платных образовательных услуг и цифровых технологий;
- 4) «*здравоохранение и уход*» характеризует уровень заболеваемости и субъективную оценку состояния здоровья, получение медицинской помощи и ее доступность, а также включенность в использование цифрового здравоохранения;
- 5) «*жилье и среда обитания*» показывает благоустроенность жилых помещений и субъективную оценку условий проживания в населенном пункте, степень развитости и обеспеченности инфраструктуры (физической, спортивной, социальной и др.).

Системный подход и оценка технологического пространства

Развитие ТП предполагает изменения как в социальной, так и в экономической системе. Экономическая система в классической экономической науке понимается как способ организации хозяйственной жизни общества, представляющий собой установленную и действующую совокупность принципов, правил, законов, определяющих форму и содержание основных экономических отношений, которые возникают в процессе производства, обмена и потребления экономического продукта. Г.Б. Клейнер предполагает, что в системной парадигме экономика страны, с одной стороны, представлена как целое – макросистема, взаимодействующая с другими статусными макросистемами, такими, как государство и общество, с другой – рассматривается как пространственно-временная арена существования экономических систем разного уровня и локализации [23].

Классическое понимание социальной системы триедино и включает в себя следующее: 1) множество субъектов, основу взаимодействия которых составляют общие обстоятельства (город, сельская местность и т. д.); 2) иерархию социальных позиций (статусов) индивидов и их социальных функций (ролей), которые они исполняют в соответствии с социальной позицией; 3) совокупность норм и ценностей, определяющих характер и содержание поведения элементов данной системы. Системный подход к социально-экономическому пространству предполагает его анализ как совокупность подсистем, представленных агентами и институтами, а также как генетический механизм воспроизводства агентских популяций [24, 25]. Я. Корнаи [24] и Г.Б. Клейнер [25] отмечают, что системная парадигма позволяет изучать социально-экономические структуры во взаимосвязи их технологических, экономических, социальных, институциональных, биологических и иных подсистем, составляющих объект научного исследования. При этом предметом исследования является развитие систем, обусловленное взаимодействием ее элементов с учетом влияния внешней среды. В связи с этим методы оценки социального и экономического участия пожилых людей в ТП будут связаны с объектно-предметной сущностью исследования в зависимости от того, в какой плоскости лежит исследовательский вопрос (участие в социальной или экономической системе), а также какие данные имеются или могут быть собраны для его решения.

Методология исследования ТП может быть качественной или количественной, что также зависит от степени зрелости изучаемого процесса. В определенном контексте могут быть накоплены достаточные данные для применения количественных методов в анализе устоявшейся практики социально-экономического участия пожилых людей в РТП. В некоторых случаях для анализа только зарождающихся практик целесообразно применять качественные методы анализа.

Системный подход предполагает возможность анализа на разных уровнях исследования, когда система более низкого уровня «наследует» свойства системы более высокого уровня. Это дает возможность более тщательно анализировать элементы ТП не только на уровне общей политики, но и практик, которые зарождаются на низовых уровнях. Приоритет исследованиям регионального уровня социально-экономических систем отдается в случае наличия гетерогенного характера пространства. В таком случае возможен учет особенностей региональных практик участия, реализуемых в тех социально-экономических условиях, которые складываются в конкретном регионе или территории. Следовательно, элементы ТП будут одинаковы для национального, регионального, локального уровней, но содержательно наполнение практик и включенности в ТП на разных уровнях социально-экономической системы будет отличаться.

Выбор источников для оценки технологического пространства

Любые источники для анализа можно разделить на первичные и вторичные. К первичным относятся данные, собранные по установленной методологии, в целях конкретного исследования для решения научно-практических задач. Так, например, Международная научно-

образовательная лаборатория технологий улучшения благополучия пожилых людей Национального исследовательского Томского политехнического университета (МНОЛ ТУБПЛ НИ ТПУ) [26] при реализации международного российско-вьетнамского проекта [27] по исследованию регионального ТП использовала следующие первичные источники данных:

- 1) социологическое исследование, проведенное группой Ханойского университета науки и технологий в октябре 2021 года с более чем 1000 пожилых людей из 41 провинции и 5 муниципалитетов;
- 2) социологическое исследование «Элементы регионального технологического пространства и качество жизни пожилых людей», проведенного в 2022 г. в Томской области методом стандартизированного телефонного интервью. Общее количество опрошенных составило 300 человек в возрасте 55 лет и старше;
- 3) социологическое исследование (опрос онлайн в Google Form), проведенное группой Ханойского университета науки и технологий в ноябре 2023 года с более чем 550 пожилых людей. Вторичные источники данных – это данные, собранные различными организациями и структурами и представленные в открытом доступе. Ниже приведены примеры и дана характеристика нескольких источников данных для России:

1. КОУЖ – «Комплексное наблюдение условий жизни населения» организуется во всех субъектах Российской Федерации с охватом 60 тыс. домохозяйств в 2022 г. Наблюдение осуществляется на основе личного опроса членов домохозяйств (респондентов) по месту их проживания в составе отобранного для наблюдения домохозяйства. Результаты представлены в виде статистических таблиц (тип – данные выборочного наблюдения) и могут быть использованы для характеристики всех элементов ТП. Данные за период с 2014 по 2022 г. доступны на сайте Росстата. Обследование проводится один раз в два года [28].
2. Сборник «Россия в цифрах». В кратком статистическом сборнике публикуются основные показатели, характеризующие социально-экономическое положение России. Возможно использование данных из статистических таблиц для характеристики элемента ТП «Занятость и коммуникации». В сборнике представлено распределение численности населения по возрастным группам, половозрастная структура населения, распределение численности занятых и безработных по возрастным группам. Так, например, согласно данным сборника, численность занятых в 2019 г. составила 11,1 % для возрастной категории 50–54 лет, 10 % – для группы 55–59 лет, 5,9 % – для группы 60–69 лет и 0,5 % – для возрастной категории от 70 лет и старше. Данные за период с 2003 по 2020 г. доступны на сайте Росстата [29].
3. Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Томской области [30] позволяют дать характеристику всех элементов ТП. В открытом доступе представлены общие показатели по региону за 2013–2022 гг. (в зависимости от показателей).
4. Сборник «Информационное общество в Российской Федерации: статистический сборник», публикуемый совместно Федеральной службой государственной статистики и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики». В сборнике в виде статистических таблиц и графиков с диаграммами представлены результаты обследований, касающиеся использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей; показатели, характеризующие использование информационных и коммуникационных технологий организациями. Здесь также приведены данные о производстве вычислительной техники, программного обеспечения, оказании соответствующих услуг. Информация, представленная в сборнике, обладает высокой ценностью для характеристики всех элементов ТП. Прежде всего это касается данных о частоте использования сети Интернет, влиянии информационных технологий и информационно-коммуникационных сетей на жизнь населения разных возрастных групп и др. Так, в 2019 г. доля населения в возрасте 65–74 лет, использующая сеть Интернет, составила 56,1 %. Данные доступны за период с 2011 по 2020 г. [31].

В табл. 1 представлен пример отобранных индикаторов из КОУЖ для оценки социально-экономического участия старшего поколения по направлениям пяти элементов РТП.

Таблица 1. Описание элементов технологического пространства на примере опросника Комплексного обследования условий жизни населения (Росстат, Россия)
Table 1. Description of the technological environment components on the example of the questionnaire of the Comprehensive Survey of Living Conditions of the Population (Rosstat, Russia)

Элементы технологического пространства Technological environment elements	Показатели Indicators
Потребление товаров и услуг Consumption of goods and services	<ul style="list-style-type: none"> • обеспеченность домохозяйств средствами связи и телевидения provision of households with means of communication and television; • финансовое положение домохозяйств, состоящих из пенсионеров financial situation of households consisting of pensioners; • транспортная инфраструктура и условия передвижения transport infrastructure and travel conditions; • обеспеченность предметами длительного пользования, одеждой, мебелью и т. д. provision of durable goods, clothing, furniture, etc.; • использование Интернета для приобретения товаров и услуг using the Internet to purchase goods and services; • обеспечение безопасных условий жизнедеятельности ensuring safe living conditions
Занятость и коммуникации Employment and communications	<ul style="list-style-type: none"> • участие старшего поколения на рынке труда participation of the older generation in the labor market; • занятость населения в возрасте старше трудоспособного employment of the population over working age; • использование сети Интернет по частоте выхода и целям use of the Internet by frequency and purpose; • использования выхода в Интернет по частоте общения с людьми через Интернет use of Internet access, by frequency of communication with people via the Internet
Образование Education	<ul style="list-style-type: none"> • уровень достигнутого образования level of achieved education; • участие в дополнительном образовании по возрастным группам participation in additional education by age group; • готовность повышать компьютерную и финансовую грамотность willingness to improve computer and financial literacy; • цифровое образование и возможности социально-профессионального развития digital education and opportunities for social and professional development
Здравоохранение и уход Health and care	<ul style="list-style-type: none"> • доступность государственных и муниципальных услуг в сфере медицинского обслуживания в населенном пункте accessibility of state and municipal services in the field of medical care in the locality; • отдаленность аптек в населенном пункте remoteness of pharmacies in the locality
Жилье и среда обитания Housing and habitat	<ul style="list-style-type: none"> • обеспеченность жилых помещений горячим теплоснабжением и наличие перебоев с подачей горячей воды supply of residential premises with heating and the presence of interruptions in the supply of hot water; • обеспеченность домохозяйств основными и дополнительными источниками отопления (по демографическим и социальным группам) provision of households with basic and additional heating sources (by demographic and social groups); • характеристика жилищных условий домохозяйств characteristics of household living conditions; • мнение об условиях проживания в населенном пункте, архитектурное оформление поселений opinion on living conditions in a settlement, architectural design of settlements

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Социально-экономическое участие пожилых людей в региональном технологическом пространстве и концепция партисипаторности

Выделение отдельных граней социально-экономического участия пожилых людей в РТП предполагает структурирование форм их участия в двух видах систем – экономической (в экономических отношениях) и социальной (в социальных отношениях). Участие в этих системах можно соотнести и проанализировать в контексте каждого их пяти элементов ТП при помощи качественных и количественных методов. В табл. 2 представлен пример систематизации подходов к анализу социально-экономического участия пожилых людей в ТП.

Таблица 2. Матрица оценивания социально-экономического участия
Table 2. Socio-economic participation assessment matrix

Тип методов Type of methods	Экономическое участие (экономическая система) Economic participation (economic system)	Социальное участие (социальная система) Social participation (social system)
Потребление товаров и услуг Consumption of goods and services		
Количественные Quantitative	Обследование бюджетов домашних хозяйств – анализ расходов на потребление высокотехнологичных товаров и услуг в структуре бюджета домашних хозяйств (эксплораторный анализ, регрессионный анализ) Survey of household budgets – analysis of expenditures on consumption of high-tech goods and services in the structure of household budgets (exploratory analysis, regression analysis)	Использование высокотехнологичных товаров и услуг отдельными группами на отдельных территориях – как со стороны производителей таких услуг, так и со стороны потребителей (опрос, социальный сетевой анализ) Use of high-tech goods and services by certain groups in certain territories – both on the part of producers of such services and on the part of consumers (survey, social network analysis)
Качественные Qualitative	Изучение особенностей потребления высокотехнологичных товаров и услуг отдельными категориями населения (глубинные интервью, фокус-группы) Studying the characteristics of consumption of high-tech goods and services by certain categories of the population (in-depth focus group interviews)	Изучение готовности использовать высокотехнологичные товары и услуги для решения проблем отдельных социальных групп (интервью, фокус-группы) Studying the readiness to use high-tech goods and services to solve problems of individual social groups (interviews, focus groups)
Занятость и коммуникации Employment and communications		
Количественные Quantitative	Участие пожилых людей на рынке труда – занятость, удовлетворенность условиями труда и т. д. (методы математической статистики) Participation of elderly people in the labor market – employment, satisfaction with working conditions, etc. (methods of mathematical statistics)	Исследование социальных взаимодействий как профессиональных, так и личных (опрос, социальный сетевой анализ) Research of social interactions, both professional and personal (survey, social network analysis)
Качественные Qualitative	Изучение новых форм занятости (наблюдение, кейс-стади) Study of new forms of employment (observation, case study)	Исследование готовности использовать высокотехнологичные способы коммуникаций для поддержания социальных связей (интервью, фокус-группы, экспертные семинары) Study of readiness to use high-tech methods of communication to maintain social connections (interviews, focus groups, expert seminars)

Образование Education		
Количественные Quantitative	Оценка финансовой грамотности населения и уровня цифровых навыков (методы математической статистики) Assessing the financial literacy of the population and the level of digital skills (methods of mathematical statistics)	Оценка роли образования для социально-экономического статуса пожилых людей (обследования, опросы) Assessing the role of education for the socio-economic status of elderly people (examinations, surveys)
Качественные Qualitative	Исследование запроса на новые образовательные услуги со стороны пожилых людей для более эффективного присутствия в цифровой среде (фокус-группы, экспертные интервью) Study of the demand for new educational services from elderly people for a more effective presence in the digital environment (focus groups, expert interviews)	Изучение новых образовательных практик (формальных и неформальных), реализуемых сообществами (кейс-стади, глубинные интервью). Исследование запроса на новые подходы социальной помощи (кейс-стади, глубинные интервью) Study of new educational practices (formal and informal) implemented by communities (case studies, in-depth interviews). Study of requests for new approaches to social assistance (case studies, in-depth interviews)
Здравоохранение и уход Health and care		
Количественные Quantitative	Оценка эффективности высокотехнологичной помощи (доступность, наличие, охват). Математическое моделирование – регрессионный анализ, оболочечный анализ (DEA). Assessing the effectiveness/efficiency of high-tech assistance (accessibility, availability, coverage). Mathematical modeling – regression analysis, Data Envelopment Analysis (DEA)	Изучение использования высокотехнологичных медицинских товаров и услуг (опрос) Study of the use of high-tech medical products and services (survey)
Качественные Qualitative	Изучение перспектив развития национальных медицинских исследовательских центров и инновационных медицинских технологий (кейс-стади, форсайт, инструменты стратегического анализа) Studying the prospects for the development of national medical research centers and innovative medical technologies (case studies, foresight, strategic analysis tools)	Изучение готовности применять высокотехнологичные медицинские товары и услуги (глубинное интервью, фокус-группы) Study of readiness to use high-tech medical products and services (in-depth interviews, focus groups)
Жилье и среда обитания Housing and habitat		
Количественные Quantitative	Обследование условий жизни и качества жизни (методы математической статистики) Survey of living conditions and quality of life (methods of mathematical statistics)	Изучение мер поддержки пожилого населения (опрос, методы математической статистики) Study of measures to support the elderly population (survey, methods of mathematical statistics)
Качественные Qualitative	Исследование запроса на применение технологий умного дома в повседневной жизни (кейс-стади, интервью) Study of the request for the use of smart home technologies in everyday life (case study, interview)	Изучение способов решения социальных проблем, связанных с качеством жизни, через внедрение более технологичных решений в процесс обеспечения социальными услугами (интервью, фокус-группы, кейс-стади) Studying ways to solve social problems related to the quality of life through the introduction of more technological solutions in the process of providing social services (interviews, focus groups, case studies)

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Особого внимания в исследовании социально-экономического участия пожилых людей в РТП заслуживает концепция партисипаторности [32–34] пожилых людей в социально-экономической системе региона.

Данная концепция была выбрана в работе как приоритетная, поскольку предполагает не «объектную» фиксацию на пожилых людях как пользователей и безусловных бенефициарах современного ТП [35–37], но и их активную «субъектность» в данной процессе, право и возможность высказывать и отстаивать свою позицию при обсуждении и принятии значимых для них решений, касающихся направлений и форм развития РТП. Характерный для концепции партисипаторности так называемый «агентский подход» позволяет делегировать часть полномочий по развитию РТП в интересах пожилых людей собственно самим пожилым людям. Концепция базируется на предпосылке, что если человек заинтересованно участвует в такой деятельности и получает от нее удовлетворение, то он более глубоко погружен в тему, что сокращает указанные ранее потенциальные разрывы в содержании ТП, обусловленные (1) различиями в доступе пожилых людей к элементам ТП; (2) различиями в навыках пользования ими; (3) различиями в социально-экономических выгодах от пользования ТП, присваиваемых пожилыми людьми.

В рамках данного исследования предлагается использовать три основные формы партисипаторности пожилых людей в социально-экономической системе региона: их участие в выдвижении предложений, разработке альтернативных сценариев, выборе стратегии развития РТП. Кратко поясним каждую форму:

- Выдвижение предложений обычно не предполагает внесения значительных изменений в существующий формат организации регионального ТП, главное здесь – возможность пожилых людей высказаться, поделиться мнением и (или) обеспокоенностью, а также право быть услышанными. Ярким примером такой формы партисипаторности граждан в социально-экономической системе региона является, например, опыт учительского сообщества из Санкт-Петербурга (в том числе, учителей, вышедших на пенсию) по созданию бесплатного массового онлайн-курса по русской литературе с названием «Призраки Петербурга», включающего видеолекции и видеоэкскурсии. Авторы проекта обеспокоены снижением мотивации учеников, имитационностью читательской деятельности на уроках; неумением школьников пользоваться навыками письменной речи, их низким речевым этикетом. В своем проекте они стремятся найти новые методики формирования интереса к чтению. Такая инициатива была поддержана Фондом президентских грантов в 2019 г. [38]. Другим примером здесь может быть проект Липецка по развитию специального сервиса для онкобольных, который позволяет мониторить и длительно вести онкопациентов онлайн. Благодаря активности Всероссийского союза пациентов, значительная часть которого представлена гражданами старшего возраста, базовый сервис ONCONET «Дистанционный мониторинг пациента онкологом», созданный в Липецке в 2018 г., вышел за пределы области и сейчас он не только все более широко используется, но и включен в тарифы ОМС в нескольких субъектах РФ [39].
- Разработка альтернативных сценариев развития ТП предполагает создание в регионе временных или постоянных инициативных групп, которые выполняют эту работу. Примерами таких образований могут быть общественные советы, в состав которых входят пожилые люди. В качестве успешной практики здесь можно упомянуть трансформацию РТП в Свердловской области, осуществляемую НКО «Выгодный контракт», например, в рамках проекта «Делу – время! Самозанятый пенсионер». Проект предполагает альтернативный сценарий реализации человека в старшем возрасте через раскрытие его предпринимательского потенциала, реализации гражданами старшего возраста, начинающих свое дело, собственных предпринимательских проектов в том числе через создание и развитие региональной технологической среды для кооперации [40].

- Выбор стратегии развития ТП предполагает, что в регионе создаются специальные советы, решения которых (или одобрение предлагаемых ими решений) могут быть обязательными. Например, проект «Дедушки, бабушки, внуки – онлайн», реализуемый в Удмуртии, имеет целью повышение социальной адаптации пожилых людей к современной высокотехнологической среде через обязательное овладение ими основами современных информационных технологий [41]. Это, по замыслу проектостроителей, будет способствовать не только интеграции пожилых в современное ТП, но и повышению взаимопонимания между поколениями, сохранению и укреплению семейных традиций.

На практике все формы партисипаторности пожилых людей в социально-экономической системе региона используются в определенной комбинации, так как они тесно взаимосвязаны и хорошо дополняют друг друга при решении широкого комплекса вопросов о развитии РТП. Таким образом, партисипаторность пожилых людей в социально-экономической системе региона позволяет связать мотивы, стимулы и потребности людей разного возраста и социально-экономического статуса в развитии РТП, помогает полнее задействовать ресурсный потенциал граждан.

Заключение и выводы

ТП является понятием комплексным и многосоставным. Системный подход предполагает, что изучение социально-экономического участия пожилых людей в ТП может быть реализовано на разных уровнях в социальных и экономических системах. Региональный контекст ТП связан с локализацией повседневных практик участия пожилых людей, укоренных в гетерогенном социально-экономическом пространстве. В зависимости от характеристик участия и вовлеченности пожилых людей исследование этих практик может быть реализовано как качественными, так и количественными методами, что зависит от степени зрелости, рутинизации практик, а также накопленной информации о них с использованием как первичных, так и вторичных источников данных. Предложенные в данной статье пять элементов ТП не являются жестко очерченными структурно: они могут пересекаться и взаимодействовать. Соответственно, практики социально-экономического участия могут иметь смешанную природу, что может потребовать нестандартного подхода и применения смешанных методов исследования.

Участие пожилых людей в современном ТП предполагает обоснование и выбор адекватных форм, площадок взаимодействия акторов, достижения общественного консенсуса об источниках и объеме финансирования для достижения заявленных целей. Развитие телездравоохранения и телемедицины, внедрение новых технологических решений в сфере ухода за пожилыми, повышение плотности и качества сетевых коммуникаций пожилых людей, продление периода их трудовой активности, создание «умной» транспортной инфраструктуры и улучшение качества окружающей среды в интересах пожилых людей и другие аспекты развития современного ТП не следует рассматривать исключительно как решения, которые принимает общество, точно знающее, что и как нужно сделать для улучшения ситуации. Крайне важна партисипаторность самих пожилых людей в этих вопросах, отход от технократического подхода к включенности пожилых в современное ТП, который, как «чистая идея» в отрыве от контекста, может быть не вполне понятен и вызывать отторжение у целевой группы. Идея о включенности пожилых людей в современное ТП не должна быть кулуарно созданной «модной» концепцией региональных властей, она должна стать общественно значимым проектом с четкими задачами, понятными результатами и ясными выгодами. Исследование показало, что у российских регионов есть все возможности, чтобы перейти к практической реализации концепции включения пожилых людей в РТП, если в ее центре будет идея о развитии человеческого капитала, более полном раскрытии ресурсного потенциала человека. Донесение

такой идеи до граждан и ее реальное ресурсное подкрепление не может не встретить активной заинтересованности и поддержки пожилых граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Population division. World Population Prospects 2022: Summary of Results // United Nations Department of Economic and Social Affairs. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 12.01.2023).
2. 2023: leaving no one behind in an ageing world // United Nations Department of Economic and Social Affairs Social Inclusion. URL: <https://social.desa.un.org/publications/undesaworldsocialreport2023> (дата обращения 10.01.2024).
3. Mahmood M.N., Dhakal S.P. Ageing population and society: a scientometric analysis // *Quality & Quantity*. – 2023. – Vol. 57. – P. 3133–3150. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-022-01509-3>.
4. Technological services in shared housing: needs elicitation method from home to living lab / P. Rumeau, N. Vigouroux, E. Campo, E. Bougeois, F. Vella, A. van den Bossche, T. Val, J. Ancilotto // *IRBM*. – 2020. – № 7. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.irbm.2020.06.013>.
5. Видясова Л.А. Концептуализация понятия «Умный город»: социотехнический подход // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2017. – № 5 (11). – С. 52–57.
6. The use of telehealth technology to support health coaching for older adults: literature review / C. Markert, F. Sasangohar, B.J. Mortazavi, Sh. Fields // *JMIR Human Factors*. – 2021. – Vol. 8. – № 1. – Article number e23796. DOI: 10.2196/23796.
7. Pilot study to assess the feasibility of a mobile unit for remote cognitive screening of isolated elderly in rural areas / R. Zeghari, R. Guerchouche, M. Tran Duc, F. Bremond, M.P. Lemoine, V. Bultingaire, K. Langel, Z. de Groote, F. Kuhn, E. Martin, P. Robert, A. König // *International journal of environmental research and public health*. – 2021. – Vol. 18. – № 11. – Article number 6108. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18116108>.
8. The effectiveness of e-interventions on fall, neuromuscular functions and quality of life in community-dwelling older adults: a systematic review and meta-analysis / J.K.Y. Chan, P. Klainin-Yobas, Y. Chi, J.K.E. Gan, G. Chow, X.V. Wu // *International journal of nursing studies*. – 2021. – Vol. 113. – Article number 103784. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2020.103784.
9. Падения и другие гериатрические синдромы у пожилых людей с коморбидной патологией / Н.В. Шарашкина, Н.К. Рунихина, Ю.С. Литвина, Л.И. Меркушева, А.В. Лузина, Д.С. Карпенков, О.Н. Ткачева // *Клиническая геронтология*. – 2020. – № 26 (1-2). – С. 9–14. DOI: 10.26347/1607-2499202001-02009-014.
10. Актуальные вопросы развития геронтологии и гериатрии в России и мире / А.В. Алехина, М.В. Силютин, А.В. Чернов, С.Г. Тестова, О.Н. Таранина // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Естественные и технические науки»*. – 2020. – № 5. – С. 126–130. DOI: 10.37882/2223–2966.2020.05.02.
11. Петухова И.С., Щекина И.В. Пожилые люди в сетевом пространстве // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2022. – № 10 (11). – С. 35–40.
12. Козлова О.А., Проворова А.А., Губина О.В. Оценка демографического резерва продления экономической активности населения старших возрастов в северном регионе // *Экономика региона*. – 2022. – Т. 19. – Вып. 3. – С. 729–740. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-9>.
13. Савина С.В. О реализации концепции «умный город» // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. – 2021. – Т. 11. – № 10В. – С. 403–409. DOI: 10.34670/AR.2021.17.93.006.
14. Ядова М.А. Влияние окружающей среды на здоровое и активное старение: систематический обзор // *Успешное старение: Социологические и социogerонтологические концепции: сборник научных трудов*. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. – С. 103–113.
15. Seifert A., Schlomann A. The use of virtual and augmented reality by older adults: potentials and challenges // *Frontiers in Virtual Reality*. – 2021. – Vol. 2. – Article number 639718. DOI: <https://doi.org/10.3389/frvir.2021.639718>.
16. Mobile-assisted language learning in older adults: chances and challenges / C. Puebla, T. Fievet, M. Tsopanidi, H. Clahsen // *ReCALL*. – 2022. – Vol. 34. – № 2. – P. 169–184. DOI: 10.1017/S0958344021000276.
17. Ghorayeb A., Comber R., Goberman-Hill R. Older adults' perspectives of smart home technology: Are we developing the technology that older people want? // *International journal of human-computer studies*. – 2021. – Vol. 147. – Article number 102571. DOI: 10.1016/j.ijhcs.2020.102571.
18. Ivan L., Cutler S.J. Ageism and technology: the role of internalized stereotypes // *University of Toronto Quarterly*. – 2021. – Vol. 90. – № 2. – P. 127–139. DOI: 10.3138/utq.90.2.05.
19. Карапетян Р.В., Лебедева Е.В., Титаренко Л.Г. Техноэйдджизм и техноповедение пожилых горожан: результаты российских и белорусских исследований // *Успехи геронтологии*. – 2021. – Т. 34. – № 2. – С. 311–318. DOI: 10.34922/AE.2021.34.2.019.

20. Social transformation and social isolation of older adults: digital technologies, nursing, healthcare / R.C. Locsin, G.P. Soriano, P. Juntasopeepun, W. Kunaviktikul, L.S. Evangelista // *Collegian*. – 2021. – Vol. 28. – № 5. – P. 551–558. DOI: 10.1016/j.colegn.2021.01.005.
21. Рождественская Е.М. Потенциал развития практик потребления в старшем возрасте // *Векторы благополучия: экономика и социум*. – 2021. – № 4 (43). – С. 32–44. DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/4\(43\)/1045](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/4(43)/1045).
22. Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения для сохранения и накопления капитала здоровья: актуальный опыт и перспективы: монография / Г.А. Барышева, О.П. Недоспасова, И.А. Павлова, Е.М. Рождественская, А.В. Хаперская, В.А. Маланина, Е.И. Клемашева. – Томск: STT, 2023. – 412 с.
23. Клейнер Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // *Вопросы экономики*. – 2013. – № 6. – С. 4–28. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-6-4-28>.
24. Корнаи Я. Системная парадигма // *Вопросы экономики*. – 2002. – № 5. – С. 4–23.
25. Клейнер Г.Б. Новая теория экономических систем и ее приложения // *Журнал экономической теории*. – 2010. – № 3. – С. 41–58.
26. Международная научно-образовательная лаборатория технологий улучшения благополучия пожилых людей // Томский политехнический университет. URL: http://web.tpu.ru/webcenter/portal/lwl/about?_adf.ctrl-state=i4v6r4ovу_4 (дата обращения 14.01.2023).
27. Никитина Ю. Для благополучия пожилых. Ученые Бизнес-школы ТПУ исследуют, как сделать жизнь старшего поколения более комфортной // *Красное знамя: томская областная газета*. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-48087/?ysclid=ltxvlahu3r984656613> (дата обращения 14.01.2023).
28. Комплексное наблюдение условий жизни населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения 14.01.2023).
29. Россия в цифрах // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993> (дата обращения 14.01.2023).
30. Уровень жизни // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. URL: <https://70.rosstat.gov.ru/folder/32181> (дата обращения 14.01.2023).
31. Информационное общество в Российской Федерации. 2020: статистический сборник. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (дата обращения 14.01.2023).
32. Колодий В.В., Колодий Н.А., Чайка Ю.А. Активизм и партисипаторность: социальные технологии сотрудничества с городским населением в процессе «производства» городского пространства // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2017. – № 38. – С. 175–185. DOI: 10.17223/1998863X/38/18.
33. Арпентьева М.Р. Права и обязанности человека: партисипаторность управления сообществами в субъект(ив)ной и интерсубъективной моделях // *Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса: материалы IX социологических чтений памяти В.Б. Голофаства, 3–5 апреля 2017 г.* – СПб.: Норма, 2017. – С. 25–45.
34. Гафарова Ю.Ю. Цифровая антропология в исследованиях города: основные подходы // *Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика: материалы междунар. науч.-практ. конф.* – Минск: БГУ, 2021. – С. 80–84.
35. Куценко Д.О. Трансформационное лидерство и партисипативность государственного и муниципального управления: анализ современных тенденций // *Управленческое консультирование*. – 2020. – № 8 (140). – С. 191–200. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-8-191-200.
36. Колодий Н.А., Иванова В.С., Гончарова Н.А. Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям // *Социологический журнал*. – 2020. – Т. 26. – № 2. – С. 102–123. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7268>.
37. Карпова А.В., Сетраков А.Н. Проблема использования партисипаторного подхода в реализации государственной семейной политики // *Вестник современных исследований*. – 2019. – № 2.1 (29). – С. 35–37.
38. Призраки Петербурга. Онлайн-курс о городе и писателях // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=78476156-4378-40FE-95A4-B84F00BE9E5F> (дата обращения 14.01.2024).
39. Платформа OncoNet для мониторинга состояния онкологических пациентов на дому в постгоспитальный период с интеграцией сервиса пациентского самоконтроля // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=d0c063d0-0e13-4039-9d97-77da1edbe54c> (дата обращения 14.01.2024).
40. Проект «Делу-время! Самозанятый пенсионер» выиграл Президентский грант // *Стартап50+*. URL: <https://startup50.ru/news/prezidentskiy-grant.html> (дата обращения 14.01.2024).
41. Дедушки, бабушки, внуки – онлайн // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=fd224e9e-d094-4e9e-a9a2-657a39c4dbbe> (дата обращения 14.01.2024).

Информация об авторах

Ирина Анатольевна Павлова, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20. irapav@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3620-4278>

Ольга Павловна Недоспасова, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой организационного поведения и управления персоналом Института экономики и менеджмента Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. olgaeconomy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8272-4616>

Галина Анзельмовна Барышева, доктор экономических наук, профессор, профессор Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, проспект Ленина, 30. ganb@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2746-1355>

Елена Игоревна Клемашева, кандидат экономических наук, доцент Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30. eik15@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7344-3927>

Поступила в редакцию: 15.01.2024

Поступила после рецензирования: 01.03.2024

Принята к публикации: 29.03.2024

REFERENCES

1. Population division. World Population Prospects 2022: Summary of Results. *United Nations Department of Economic and Social Affairs*. Available at: <https://population.un.org/wpp/> (accessed 12 January 2023).
2. 2023: leaving no one behind in an ageing world. *United Nations Department of Economic and Social Affairs Social Inclusion*. Available at: <https://social.desa.un.org/publications/undesa-world-social-report-2023> (accessed 10 January 2024).
3. Mahmood M.N., Dhakal S.P. Ageing population and society: a scientometric analysis. *Quality & Quantity*, 2023, vol. 57, pp. 3133–3150. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-022-01509-3>.
4. Rumeau P., Vigouroux N., Campo E., Bougeois E., Vella F., A. van den Bossche, Val T., Ancilotto J. Technological services in shared housing: needs elicitation method from home to living lab. *IRBM*, 2020, no. 7. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.irbm.2020.06.013>.
5. Vidyasova L.A. Conceptualization of the concept of “Smart City”: sociotechnical approach. *International Journal of Open Information Technologies*, 2017, no. 5 (11), pp. 52–57. (In Russ.)
6. Markert C., Sasangohar F., Mortazavi B.J., Fields Sh. The use of telehealth technology to support health coaching for older adults: literature review. *JMIR Human Factors*, 2021, vol. 8, no. 1, Article number e23796. DOI: 10.2196/23796.
7. Zeghari R., Guerchouche R., Tran Duc M., Bremond F., Lemoine M.P., Bultingaire V., Langel K., De Groote Z., Kuhn F., Martin E., Robert P., König A. Pilot study to assess the feasibility of a mobile unit for remote cognitive screening of isolated elderly in rural areas. *International journal of environmental research and public health*, 2021, vol. 18, no. 11, Article number 6108. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18116108>.
8. Chan J.K.Y., Klainin-Yobas P., Chi Y., Gan J.K.E., Chow G., Wu X.V. The effectiveness of e-interventions on fall, neuromuscular functions and quality of life in community-dwelling older adults: a systematic review and meta-analysis. *International journal of nursing studies*, 2021, vol. 113, Article number 103784. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2020.103784.
9. Sharashkina N.V., Runikhina N.K., Litvina Yu.S., Merkusheva L.I., Luzina A.V., Karpenkov D.S., Tkacheva O.N. Falls and geriatric syndromes in older adults with comorbidity. *Clin Gerontol*, 2020, no. 26 (1–2), pp. 9–14. (In Russ.) DOI: 10.26347/1607-2499202001-02009-014.
10. Alekhina A.V., Silyutina M.V., Chernov A.V., Testova S.G., Taranina O.N. Topical issues of gerontology and geriatrics development in Russia and the world. *Modern science: current problems of theory and practice. Series “Natural and Technical Sciences”*, 2020, no. 5, pp. 126–130. (In Russ.) DOI: 10.37882/2223–2966.2020.05.02.
11. Petukhova I.S., Shchekina I.V. Elderly people in the network space. *International Journal of Open Information Technologies*, 2022, no. 10 (11), pp. 35–40. (In Russ.)
12. Kozlov O.A., Provorova A.A., Gubina O.V. Assessment of the demographic reserve to extend the economic activity of the older population in the northern region. *Economy of regions*, 2023, vol. 19, Iss. 3, pp. 729–740. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-9>.
13. Savina S.V. The Smart City Concept. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2021, vol. 11, no. 10B, pp. 403–409. (In Russ.) DOI: 10.34670/AR.2021.17.93.006.

14. Yadova M.A. The influence of the environment on healthy and active aging: a systematic review. *Successful aging: Sociological and sociogerontological concepts. Collection of scientific works*. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020. pp. 103–113. (In Russ.)
15. Seifert A., Schlomann A. The use of virtual and augmented reality by older adults: potentials and challenges. *Frontiers in Virtual Reality*, 2021, vol. 2, Article number 639718. DOI: <https://doi.org/10.3389/frvir.2021.639718>.
16. Puebla C., Fievet T., Tsopanidi M., Clahsen H. Mobile-assisted language learning in older adults: chances and challenges. *ReCALL*, 2022, vol. 34, no. 2, pp. 169–184. DOI: [10.1017/S0958344021000276](https://doi.org/10.1017/S0958344021000276).
17. Ghorayeb A., Comber R., Gooberman-Hill R. Older adults' perspectives of smart home technology: Are we developing the technology that older people want? *International journal of human-computer studies*, 2021, vol. 147, Article number 102571. DOI: [10.1016/j.ijhcs.2020.102571](https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2020.102571).
18. Ivan L., Cutler S.J. Ageism and technology: the role of internalized stereotypes. *University of Toronto Quarterly*, 2021, vol. 90, no. 2, pp. 127–139. DOI: [10.3138/utq.90.2.05](https://doi.org/10.3138/utq.90.2.05).
19. Karapetyan R.V., Lebedeva E.V., Titarenko L.G. Echnoagism and technical behavior of the elderly citizens: results of Russian and Belarusian researches. *Advances in Gerontology*, 2021, vol. 34, no. 2, pp. 311–318. (In Russ.) DOI: [10.34922/AE.2021.34.2.019](https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.2.019).
20. Locsin R.C., Soriano G.P., Juntasopeepun P., Kunaviktikul W., Evangelista L.S. Social transformation and social isolation of older adults: digital technologies, nursing, healthcare. *Collegian*, 2021, vol. 28, no. 5, pp. 551–558. DOI: [10.1016/j.colegn.2021.01.005](https://doi.org/10.1016/j.colegn.2021.01.005).
21. Rozhdestvenskaya E.M. Potential for development of consumption practices in older age. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2021, no. 4 (43), pp. 32–44. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/4\(43\)/1045](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/4(43)/1045).
22. Barysheva G.A., Nedospasova O.P., Pavlova I.A., Rozhdestvenskaya E.M., Khaperskaya A.V., Malanina V.A., Klemasheva E.I. *Institutes for realizing the resource potential of the older generation for the preservation and accumulation of health capital: current experience and prospects*. Tomsk, STT Publ., 2023. 412 p. (In Russ.)
23. Kleyner G. System economics as a platform for development of modern economic theory. *Voprosy Ekonomiki*, 2013, no. 6, pp. 4–28. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-6-4-28>.
24. Kornai Ya. System paradigm. *Voprosy Ekonomiki*, 2002, no. 5, pp. 4–23. (In Russ.)
25. Kleyner G.B. A new theory of economic systems and its applications. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2011, vol. 81, no. 5, pp. 516–532. (In Russ.) DOI: [10.1134/S1019331611040071](https://doi.org/10.1134/S1019331611040071).
26. International scientific and educational laboratory of technologies for improving the well-being of older people. *Tomsk Polytechnic University*. (In Russ.) Available at: http://web.tpu.ru/webcenter/portal/lwl/about?_adf.ctrl-state=i4v6r4ovy_4 (accessed 14 January 2023).
27. Nikitina Yu. For the well-being of the elderly. Scientists from the TPU Business School are researching how to make the life of the older generation more comfortable. *Red Banner: Tomsk regional newspaper*. (In Russ.) Available at: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-48087/?ysclid=ltxvlahu3r984656613> (accessed 14 January 2023).
28. Comprehensive observation of living conditions of the population. *Federal State Statistics Service*. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (accessed 14 January 2023).
29. Russia in numbers. *Federal State Statistics Service*. (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993> (accessed 14 January 2023).
30. Standard of living. *Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Tomsk Region*. (In Russ.) Available at: <https://70.rosstat.gov.ru/folder/32181> (accessed 14 January 2023).
31. *Information society in the Russian Federation. 2020: statistical collection*. (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (accessed 14 January 2023).
32. Kolodii V.V., Kolodii N.A., Chayka Yu.A. Activism and participation: social technologies of cooperation with urban population in the process of "production" of urban space. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, no. 38, pp. 175–185. (In Russ.) DOI: [10.17223/1998863X/38/18](https://doi.org/10.17223/1998863X/38/18).
33. Arpenteva M.R. Human rights and responsibilities: participatory management of communities in subjective and intersubjective models. *Materials of the IX sociological readings in memory of V.B. Golofasta. Social and spatial dimensions of the modern metropolis*. St. Petersburg, Norma Publ., 2017. pp. 25–45. (In Russ.)
34. Gafarova Yu.Yu. Digital anthropology in urban studies: basic approaches. *Materials of the international scientific-practical conference. Social practices and development of the urban environment: urban studies and innovation*. Minsk, BSU Publ., 2021. pp. 80–84. (In Russ.)
35. Kutsenko D.O. Transformational leadership as a source of participatory governance. *Administrative consulting*, 2020, no. 8, pp. 191–200. (In Russ.) DOI: [10.22394/1726-1139-2020-8-191-200](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-8-191-200).
36. Kolodii N.A., Ivanova V.S., Goncharova N.A. Smart city: the concept and its adaptation to the Russian context. *Sociological Journal*, 2020, vol. 26, no. 2, pp. 102–123. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7268>.
37. Karpova A.V., Setrakov A.N. The problem of using a participatory approach in the implementation of state family policy. *Bulletin of modern research*, 2019, no. 2.1 (29), pp. 35–37. (In Russ.)

38. Ghosts of St. Petersburg. Online course about the city and writers. *Presidential Grants Fund*. (In Russ.) Available at: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=78476156-4378-40FE-95A4-B84F00BE9E5F> (accessed 14 January 2024).
39. OncoNet platform for monitoring the condition of cancer patients at home during the post-hospital period with the integration of the patient self-monitoring service. *Presidential Grants Fund*. (In Russ.) Available at: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=d0c063d0-0e13-4039-9d97-77da1edbe54c> (accessed 14 January 2024).
40. Project “It’s time for business! Self-employed pensioner” won the Presidential grant. *Startup50+*. (In Russ.) Available at: <https://startup50.ru/news/prezidentskiy-grant.html> (accessed 14 January 2024).
41. Grandfathers, grandmothers, grandchildren – online. *Presidential Grants Fund*. (In Russ.) Available at: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=fd224e9e-d094-4e9e-a9a2-657a39c4dbbe> (accessed 14 January 2024).

Information about the authors

Irina A. Pavlova, Cand. Sc., Senior Researcher, National Research University “Higher School of Economics”, 20, yasnitskaya street, Moscow, 101000, Russian Federation. iapav@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3620-4278>

Olga P. Nedospasova, Dr. Sc., Professor, Head of the Department of Organizational Behavior and Personnel Management, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation. olgaeconomy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8272-4616>

Galina A. Barysheva, Dr. Sc., Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation. ganb@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2746-1355>

Elena I. Klemasheva, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation. eik15@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7344-3927>

Received: 15.01.2024

Revised: 01.03.2024

Accepted: 29.03.2024

УДК 336.71(470+571)

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1723

Шифр специальности ВАК: 08.00.10

Теоретическое обоснование факторов развития банковской системы РФ

О.А. Синиченко✉

Таганрогский институт управления и экономики, Россия, г. Таганрог

✉o.sinichenko@tmei.ru

Аннотация. Актуальность. Банковская система является ключевой структурой в рыночной экономике, ее определение затрагивает все аспекты ее функционирования: организационную, правовую, институциональную. Данный сектор может эффективно действовать только при соблюдении ряда принципов, которые обосновывают организацию эффективного денежно-кредитного обращения, отвечающего потребностям экономики и ее расширенному воспроизводству. Национальная банковская система существует в экономической среде государства, в которой она функционирует. Следовательно, изучение банковской системы предполагает рассмотрение ее не в отдельности, а в совокупности факторов, оказывающих на нее влияние. **Цель:** обосновать факторы развития банковской системы РФ через сегментирование на уровне макросреды (внешнее косвенное воздействие) и микросреды (внутреннее прямое воздействие). **Методы:** общенаучные методы познания, в том числе компаративизм, сегментирование, обобщение, синтез, детализация. **Задачи:** для достижения поставленной цели была проведена сегментация факторов развития банковской системы РФ с указанием особенностей воздействия. Также были рассмотрены модели детерминированного анализа, которые можно применять для количественной оценки степени влияния. **Результаты:** факторы влияния на банковскую систему условно можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние оказывают прямое воздействие на развитие банковского сектора, внешние могут косвенно влиять, но это ни в коем случае не снижает степень возможного воздействия. Были выделены следующие виды факторов: экономические, социальные, техногенные, управленческие, профессиональные, политические, конкурентные. Оценить влияние того или иного фактора достаточно сложно прежде всего по той причине, что все анализируемые показатели должны быть выражены количественно. Также встает вопрос о степени влияния того или иного фактора, что должно быть выражено через коэффициенты, то есть в любом случае при расчете может иметь место субъективизм оценки, что делает вычисления неоднозначными и, возможно, ошибочными. Оценку влияния исследуемых факторов целесообразно проводить при помощи детерминированных факторных моделей, которые позволят сегментировать систему развития банковской системы и сформулировать стратегии развития банковского сектора и экономики страны. **Выводы:** обоснована необходимость структуризации факторов развития банковской системы с целью их дальнейшей оценки через детерминированный факторный анализ с приведением полученных результатов к численным значениям.

Ключевые слова: факторы развития, банковская система, коммерческий банк, Банк России, денежно-кредитная политика, национальная экономика, детерминированный факторный анализ

Для цитирования: Синиченко О.А. Теоретическое обоснование факторов развития банковской системы РФ // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 112–126. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1723

UDC 336.71(470+571)

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1723

Theoretical substantiation of the factors for developing the banking system in the Russian Federation

Olesya A. Sinichenko✉

Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russian Federation

✉ o.sinichenko@tmei.ru

Abstract. Relevance. The banking system is a key structure in a market economy. The definition of a «banking system» affects all aspects of its functioning: organizational, legal, and institutional. The banking system can function effectively only if a number of principles are fulfilled that justify the organization of effective monetary circulation that meets the needs of the economy and its expanded reproduction. The national banking system exists in the economic environment of the State in which it operates. Therefore, the study of the banking system of the Russian Federation involves considering it not separately, but together with a set of factors influencing it. **Aim.** To substantiate the factors of developing the banking system in the Russian Federation through segmentation at the level of the macroenvironment (external indirect impact) and microenvironment (internal direct impact). **Methods.** General scientific methods of cognition, including comparativism, segmentation, generalization, synthesis, detailing. **Tasks.** In order to achieve this aim, the segmentation of the factors for developing the banking system in the Russian Federation was carried out, indicating the specifics of the impact. The authors have considered the deterministic analysis models that can be applied to quantify the degree of impact. **Results.** The factors influencing the banking system can be conditionally divided into internal and external ones. Internal factors have a direct impact on the banking sector development, external factors may indirectly influence it, but this in no way reduces the degree of possible impact. The factors were grouped according to the following criteria: economic, social, man-made, managerial, professional, political, and competitive. It is quite difficult to assess the influence of one or another factor, first of all, for the reason that all the analyzed indicators must be expressed quantitatively. There is also a question about the degree of influence of one or another factor, which should be expressed in terms of coefficients, that is, in any case, there may be a subjectivity of assessment in the calculation, which makes the calculations ambiguous and possibly erroneous. It is advisable to assess the impact of the studied factors using deterministic factor models that will generate a model for the banking system development and formulate strategies for the development of the banking sector and the country economy. **Conclusions.** The necessity of structuring the factors of banking system development was justified in order to further evaluate them through a deterministic factor analysis in order to bring the results obtained to numerical values.

Keywords: development factors, banking system, commercial bank, Bank of Russia, monetary policy, national economy, deterministic factor analysis

For citation: Sinichenko O.A. Theoretical substantiation of the factors of development of the banking system of the Russian Federation. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 112–126. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1723

Введение

Банковская система любой страны выступает связующим звеном между производственно-торговой сферой и населением. Ее текущее состояние очень чувствительно к различным институциональным факторам, таким как текущее и прогнозируемое состояние национальной экономики. Любой фактор роста или спада непременно окажет влияние на стабильность и устойчивость банковской системы.

Для дальнейшего изучения тематики исследования необходимо рассмотреть терминологию «банковской системы» с позиции некоторых экспертов в сфере банковского дела. По мнению О.И. Лаврушина, банковская система – это такое целостное образование, которое обеспечивает ее устойчивое развитие [1]. По его мнению, она состоит из трех взаимосвязанных друг с другом блоков: фундаментального (включающего банк как денежно-кредитный институт и правила банковской деятельности); организационного (состоящего из различных видов банков и небанковских кредитных организаций – организационной основы банковской деятельности и банковской инфраструктуры); регулирующего (образующего государственное регулирование банковской деятельности, банковское законодательство, акты Банка России и инструктивные материалы, разработанные коммерческими банками в целях регулирования их деятельности). М.С. Марамыгин в своем трактовании банковской системы делает акцент на законодательной базе и определяет ее как организуемую и регулируемую национальным банковским законодательством форму организации деятельности кредитных организаций [2].

По мнению Б.А. Райсберга, банковская система – это совокупность банков и банковских учреждений, реализующих свойственные им функции [3]. Данное определение очень схоже с мнением А.М. Тавасиева, который понимает под данным термином совокупность кредитных организаций, каждая из которых выполняет свою особую функцию [4].

В Российской банковской энциклопедии дается следующее определение: банковская система – это совокупность банков, банковской инфраструктуры, банковского законодательства и банковского рынка, находящихся в тесном взаимодействии друг с другом и с внешней средой [5].

Все перечисленные выше авторы рассматривают банковскую систему с двух параллельных точек зрения. Первый авторский подход заключается в институциональном рассмотрении банковской системы как совокупности функционирующих институтов (Б.А. Райсберг, А.М. Тавасиев), что подразумевает ее разделение на отдельные структурные элементы (банки, кредитные организации и так далее). Вторая точка зрения подразумевает организационный подход, он более широко описывает банковскую систему (О.И. Лаврушин), и помимо самих кредитных организаций включает и дополнительные связи: правила и принципы деятельности, их законодательное регулирование.

Особенностями банковской системы является то, что она была искусственно создана человеком в связи с возникшими у него потребностями финансового характера. Исходя из анализа приведенных выше определений, банковская система состоит из множества элементов и структурных связей, полноценно и эффективно функционирующих как единый механизм [6]. Снижение качества деятельности, например, одного ее элемента негативным образом отразится на работе всей системы. В качестве примера можно привести банкротство коммерческих банков и негативное влияние снижения числа кредитных организаций на функционирование национальной банковской системы.

Банковская система РФ является двухуровневой, то есть иерархичной. Первый уровень представлен Центральным банком РФ, второй состоит из коммерческих банков и небанковских кредитных организаций. Стоит отметить, что большинство стран мира имеют два уровня, так что такую систему принято считать в настоящее время классической [7].

Национальная банковская система является управляемой, то есть обладает свойством изменять свое поведение, переходить в разные состояния под влиянием различных управляющих воздействий [8]. Управляющее воздействие в данном случае оказывает Банк России, который обладает большим перечнем функций, среди которых осуществление денежно-кредитной политики, эмиссия денег, надзор и регулирование деятельности кредитных организаций.

Банковская система все время меняется, «саморазвивается», «самоорганизуется» и совершенствуется за счет изменения входящих в нее элементов. Например, с 2018 г. российские банки разделились на базовые и универсальные в зависимости от размера капитала, что позволило четко разграничить перечень банковских операций и функциональные обязанности каждой из двух групп. Другим фактором дифференциации кредитных организаций стало появление новых связей между элементами (межбанковские кредиты и депозиты, возникновение банковских групп и консорциумов) [9].

Банковская система открыта для взаимодействия с другими системами, например с финансовой, производственной, политической. Порталы статистической информации, Бюро кредитных историй, а также сайты Банка России и коммерческих банков на регулярной основе публикуют данные банковской системы, в том числе бухгалтерскую отчетность. Исключение составил период с апреля 2022 года, когда Банк России разрешил не публиковать отчетность с информацией о рисках и капитале с 31 декабря 2021 года по 1 октября 2022 года. Позже меру продлили до 1 января 2023 года. Это сделано для ограничения рисков кредитных организаций, связанных с введенными западными странами санкциями. С января 2023 года российские банки были обязаны возобновить публикацию финансовой отчетности. Исключение составила чувствительная к санкционным рискам информация. Отчеты за 2022 год также подлежали раскрытию [10].

Как уже было отмечено, функционирование банковской системы базируется на определенном наборе принципов. Иногда в современной банковской литературе принципы часто заменяют правилами, четко полагая, что они тождественны, что, по мнению автора, не верно. Принципы обычно являются более абстрактными, чем правила, и не содержат конкретных инструкций. Вместо этого они служат руководством для принятия решений и действий в ситуациях, которые не всегда определены заранее [11].

Один из принципов банковской системы – прозрачность функционирования (транспарентность). Вся информация, доступная в банковской среде, должна быть понятна ее участникам. Исключение составляет информация, являющаяся банковской тайной. В том случае если участниками банковской системы была предоставлена недостоверная и/или неполная информация, а также если информация не была предоставлена, то они несут ответственность в соответствии с действующим законодательством [12].

Вторым принципом банковской системы является ее согласованность. Национальная банковская система должна гармонично функционировать и соответствовать потребностям экономики государства. Потребности могут выражаться, например, в необходимости появления определенных банковских продуктов или услуг. В июле 2000 г. в России впервые был запущен новый вид банковского продукта – образовательный кредит. Первым банком, который начал предлагать образовательный кредит, стал ПАО Сбербанк. Необходимость появления образовательного кредита была обоснована увеличением коммерческих мест в университетах на фоне снижения числа бюджетных. Руководство страны, Банк России, представители банков должны формировать приоритеты развития национальной экономики на перспективу. Ориентация банковской системы на данные приоритеты позволит более эффективно ее изменять и реформировать. В качестве примера можно привести разработку и внедрение в России СПФС (системы передачи финансовых сообщений), аналога международной системы СВИФТ. Это платформа, с помощью которой банки очень быстро переводят различные платежи, обмениваясь финансовой информацией. Работа осуществляется на базе Центрального банка Российской Федерации. Необходимость ее появления возникла после присоединения Крыма, когда в средствах массовой информации впервые начались разговоры об отключении России от международной системы СВИФТ.

Однородность банковской системы также является одним из ее принципов. В данном случае под однородностью понимается относительная схожесть (структурная, организационная,

функциональная) всех элементов банковской системы [13]. Например, коммерческие банки имеют одинаковый набор функций, лицензию Банка России на право осуществления банковских операций, базовый перечень продуктов и услуг.

Четвертым принципом банковской системы является ее эффективное функционирование. В контексте анализа данного принципа необходимо напомнить о главной цели деятельности любого коммерческого банка, которая заключается в получении прибыли. Эффективное функционирование кредитной организации – это совокупность приобретенной собственной доходности и той, которую получили клиенты.

Банковская система занимает ключевое место в экономике страны. Развитие первого стимулирует рост второго. Взаимообусловленность данных инфраструктур также является принципом банковской системы.

Часть информации кредитной организации относится к банковской тайне (очередной принцип банковской системы). Согласно ст. 26 закона 395-1 «О банках и банковской деятельности» к банковской тайне относится информация об операциях, счетах и вкладах клиентов и корреспондентов [14]. По российскому законодательству кредитная организация гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте. Уголовным кодексом Российской Федерации установлена уголовная ответственность за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ) [15]. На законных основаниях доступ к части банковской тайны клиента имеют суды, налоговая служба, СФР (Социальный фонд России), судебные приставы, полиция, нотариусы, бюро кредитных историй.

Принцип адаптации банковской системы заключается в ее возможности подстраиваться под текущие изменения в стране, чаще всего связанные с политическими и экономическими факторами. В кризисный период основная цель банковской системы состоит в защитной функции, поддержании уровня ликвидности, снижении рисков, происходит переориентация «длинных» денег на «короткие», коммерческие банки сокращают объемы долгосрочного инвестирования и средне/долгосрочных кредитов. При экономическом росте можно наблюдать абсолютно противоположную ситуацию.

Законодательный принцип банковской системы связан с выполнением всеми участниками единых нормативно-правовых требований. Государство должно разрабатывать и регулярно обновлять банковское законодательство, которое должно отражать уровень развития общества и экономики страны [16]. Законы, положения и инструкции Банка России должны затрагивать все аспекты функционирования кредитных организаций. Нормативно-правовые акты не должны противоречить друг другу и содержать информацию двойного толкования.

Как уже отмечено ранее, стабильность национальной экономики во многом зависит от устойчивости банковской системы.

Методы исследования

В декабре 2023 г. в очередной раз за последнее время была поднята ключевая ставка до 16 % годовых. По общепринятому принципу увеличение ключевой ставки – это логичная реакция Банка России на инфляционные риски, которые возникают в данный момент, в том числе из-за валютного курса. Данное решение обосновывает достаточно жесткую денежную кредитную политику не только в настоящее время, но и на среднесрочную перспективу. Основная цель – достижение запланированного уровня инфляции в 4 %.

Банковский сектор уже начал адаптироваться к ужесточению денежно-кредитной политики, но пока она недостаточно отразилась в ценовых условиях и практически не повлияла на динамику кредита. Повышение ключевой ставки значительно ускорит данный процесс.

В ближайшей перспективе можно будет наблюдать повышение ставок по краткосрочным рублевым вкладам, а значит, произойдет переток денежных средств с текущих счетов физических лиц в срочные вклады.

Кредитный рынок будет реагировать более медленными темпами, что связано с временными задержками при проведении кредитных операций. Еще некоторое время коммерческие банки будут выдавать заявки по кредитам, которые были одобрены ранее с более низкими процентными ставками. Часть клиентов сейчас создадут «ложный спрос», то есть будут стараться получить кредит сейчас, полагая, что позже ставки вырастут еще больше. Часть клиентов проводит параллель между уровнем инфляции и размером кредитной ставки. Ожидая в долгосрочной перспективе высокий уровень инфляции и повышения при этом уровня своих доходов, заемщики рассчитывают, что инфляция обесценит их задолженность [17].

Регулятор отмечает, что негативное влияние на эффективность денежно-кредитной политики оказывают льготные программы кредитования, в частности ипотечные, которые поддерживают значительный уровень спроса со стороны заемщиков. Для того чтобы убрать отрицательное влияние данного фактора необходимо либо поднять ставки по льготным программам, либо отменить их совсем.

Важным фактором, оказывающим влияние на кредитные и депозитные ставки, является доходность ОФЗ (облигации федерального займа). В период снижения темпов роста инфляции долгосрочные ставки становятся ниже, чем краткосрочные. Текущие жесткие решения в рамках денежно-кредитной политики усилят рост ставок на краткосрочном депозитном рынке, что позволит в дальнейшем стабилизировать рынок кредитования.

Банк России планирует держать ключевую ставку в диапазоне 12–16 % достаточно долго, что необходимо для устойчивого снижения инфляции и инфляционных ожиданий.

Факторов влияния на национальную банковскую систему очень много. Проведем их группировку и рассмотрим их на рисунке.

Все представленные группы факторов дополняют друг друга. Следует пояснить, что нейтральное влияние – это состояние, при котором тот или иной фактор нельзя однозначно причислить к положительному или отрицательному.

Положительное влияние внутренних и внешних факторов способствует эффективному функционированию национальной банковской системы, обеспечивает его дальнейшее развитие и стабильность.

Выявление факторов, оказывающих отрицательное влияние на банковскую систему, позволяет определить «слабые» места и сформулировать перечень внутренних и внешних мероприятий по их возможному устранению или снижению степени негативности данного воздействия.

Первую группу (внутренние факторы) составляют экономические факторы. Наличие у коммерческого банка собственных ресурсов является обязательным условием его образования и функционирования, имеет первостепенное значение для обеспечения его устойчивости и эффективности деятельности.

В целом все существующие банковские рейтинги позволяют составить общее представление о месте кредитной организации в банковской системе страны, изучить различные аспекты финансового положения. Рейтинги делятся на международные и национальные. Евросоюз запретил с 15 апреля 2022 года оказание услуг со стороны европейских кредитно-рейтинговых агентств любым российским клиентам в рамках очередного пакета санкций против России в ответ на военную операцию на Украине [18].

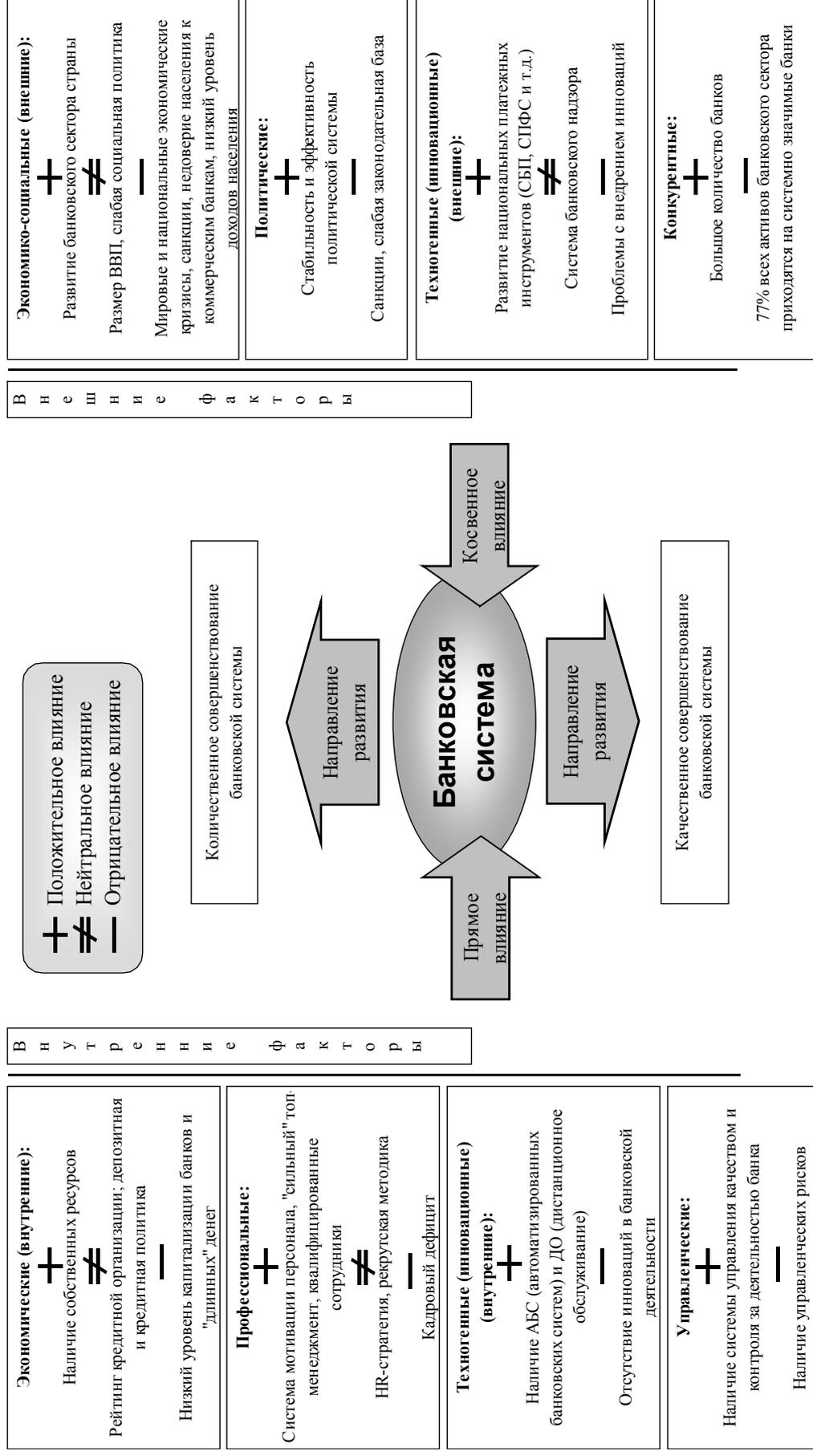

Рисунок. Факторы развития банковской системы РФ
Figure. Factors of the banking system development in the Russian Federation

Источник: составлено автором.
 Source: compiled by the author.

В России оценку банков проводит Банк России, а также национальные рейтинговые агентства: Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АО); АО «Рейтинговое агентство “Эксперт РА”»; ООО «Национальное рейтинговое агентство»; ООО «Национальные Кредитные Рейтинги».

Среди причин низкой капитализации банков основной является уменьшение прибыли, особенно в 2022 г. По итогам 2022 г. банковскому сектору удалось компенсировать полученный в первом полугодии убыток в 1,5 трлн руб. (в основном от валютной переоценки и ПФИ) и получить небольшую прибыль – 203 млрд руб. (доходность на капитал – 1,8 %).

Вторую группу факторов составляют профессиональные, которые связаны с кадровым потенциалом коммерческого банка. Абсолютно каждый коммерческий банк нуждается в квалифицированных сотрудниках, а их недостаток влияет на эффективную работу кредитной организации.

В качестве нейтральных факторов были выделены HR-стратегия и рекрутинговая методика. Обе поведенческие системы направлены на восполнение кадрового дефицита. Сейчас системы управления персоналом в значительной степени автоматизированы, что позволяет рекрутерам более оперативно выбирать себе потенциальных сотрудников из большого массива претендентов, чаще всего просто проставляя необходимые программные фильтры. Грамотно выстроенная HR-стратегия помогает коммерческому банку функционировать как единое целое.

Система мотивации персонала коммерческого банка уникальна для каждой конкретной кредитной организации. Разработка эффективной системы стимулирования сотрудников однозначно является конкурентным преимуществом любого коммерческого банка. Через систему мотивации кредитная организация стремится достичь поставленных целей и удовлетворить свои потребности. Стимулирование работников состоит из материальной и моральной составляющей. Обе составляющие включают как поощрение, так и наказание, что позволяет достичь оптимального баланса системы мотивации персонала [19].

Эффективность работы коммерческого банка зависит не только от талантливого управляющего или владельца и огромного числа штатных сотрудников, но и от топ-менеджеров, которые могут выстроить управленческие процессы внутри кредитной организации, стимулировать ее развитие и поддерживать корпоративную культуру. Подобрать топ-менеджера, которому потом можно будет доверить управленческие функции, очень сложно. Здесь важна и правильная мотивация, и психологическая способность увидеть «нужного» человека.

Техногенные внутренние факторы влияния на банковскую систему прежде всего включают внедрение современных инновационных процессов в деятельность кредитной организации. Инновации также являются для коммерческого банка конкурентным преимуществом, что особенно важно в современных условиях, когда за привлечение каждого клиента нужно «бороться». Переход к цифровому обслуживанию клиентов важен не только самим потребителям банковских услуг, но и банкам: они оптимизируют свои расходы и, соответственно, смогут предложить клиентам различные акции системы лояльности, отслеживать качество своих услуг и более оперативно реагировать на возникшие проблемы.

Управленческие риски имеют место в абсолютно любой деятельности, в том числе и банковской. Данный вид рисков связан с наличием неопределенности в рамках какого-то конкретного вопроса. Чаще всего управленческий риск возникает при недостаточности информации о проблеме, возможном отсутствии альтернативных решений и т. д.

Система управления качества, или СМК (система менеджмента качества), –необходимый элемент эффективной работы любого коммерческого банка. Особенно важно после внедрения СМК в кредитной организации – ее поддержание и обновление. СМК в банке состоит из трех звеньев:

- 1) стандарт качества обслуживания;
- 2) стандарт качества процесса;
- 3) стандарт качества продукта [20].

Совокупность этих трех элементов обеспечивает повышение качества банковской деятельности и удовлетворенности клиентов коммерческого банка.

Далее рассмотрим внешние факторы, оказывающие влияние на развитие банковской системы страны.

Первая группа состоит из экономических и социальных факторов, которые очень тесно связаны, поэтому были объединены в одну категорию.

Невысокий уровень доходов населения снижает объем потребляемых ими банковских продуктов. Снижается уровень депозитных и инвестиционных операций, на фоне уменьшения объемов кредитования может вырасти уровень просроченной задолженности. Недоверие населения к коммерческим банкам зависит от уровня финансовой грамотности населения, в связи с чем с 1 сентября 2022 года учащимся первых и пятых классов российских школ в обязательном порядке начали преподавать «элементы финансовой грамотности». В Банке России пояснили, что обязательное преподавание финансовой грамотности с 1-го по 9-й класс закреплено в разработанных при участии регулятора новых федеральных государственных стандартах начального и основного общего образования.

Санкционная политика США и ЕС очень сильно затронула банковский сектор. Многочисленные ограничения существенно снизили прибыльность банков в 2022 г., вынудили кредитные организации пересматривать свою политику функционирования, адаптироваться к существующим ограничениям.

Политическая ситуация в стране также оказывает влияние на развитие банковской системы страны. Нестабильность политической ситуации в стране во многом повлияла на падение курса рубля по отношению к ключевым валютам. В связи с чем Банк России начал с помощью своих инструментов денежно-кредитной политики поддерживать рубль от дальнейшего ослабления. Слабость банковского законодательства выражается в отсутствии четко прописанных норм по регулированию некоторых банковских продуктов и услуг, мер по наказанию банков за предоставление (не предоставление) качественных (некачественных) услуг [21].

Внешние техногенные факторы оказывают положительное влияние на банковскую систему через многочисленные инновации, которые были успешно внедрены в банковское обслуживание в стране. С 28 января 2019 года в России начала работать Система быстрых платежей (СБП). СБП – сервис, с помощью которого можно совершать межбанковские переводы по номеру мобильного телефона круглосуточно, без праздников и выходных. Комиссии за такие переводы низки или вовсе отсутствуют. К системе уже подключены более 200 банков, включая крупнейшие. СБП также дает возможность оплачивать покупки, в том числе по QR-коду и получать выплаты от организаций. Использование пластиковых карт платежной системы МИР позволило снизить риски, которые возникли, когда VISA и MasterCard объявили о приостановке деятельности в России. Выпущенные в России карты не будут работать за пределами страны, выпущенные за рубежом – в России.

Однако нередко у банков возникают проблемы с внедрением инноваций, чаще всего из-за нехватки ресурсной базы.

Конкурентное влияние на банковскую систему двояко: с одной стороны, большое число кредитных организаций (360 на начало 2024 года) положительно сказывается на конкуренции, так как потенциальные клиенты имеют широкий выбор среди множества коммерческих банков. С другой стороны, в российской банковской системе отчетливо прослеживается олигополизация сектора. Доля активов топ-20 кредитных организаций увеличивается: от общего объема всего банковского рынка составляет 82,89 % (по итогам 2023 года), что уменьшает возможность более мелких и средних банков конкурировать с крупными.

Развитие банковской системы может проходить по двум направлениям. В первом случае – за счет количественного совершенствования банковской системы. В данном контексте подразумевается увеличение кредитования реального сектора экономики, что позволит значительно

увеличить доходность коммерческих банков, простимулирует разработку новых кредитных продуктов, увеличит оборот «кредитных» денег в банковской системе и экономике страны.

Второе направление связано с качественным совершенствованием банковской системы. На уровне банков должны разрабатываться и утверждаться стандарты качества обслуживания клиентов, увеличение числа банковских продуктов и услуг, программ лояльности.

Модели исследования

Для расчета влияния факторов на развитие банковской системы используют различные модели детерминированного факторного анализа. Детерминированный факторный анализ – это метод исследования влияния факторов на результирующий показатель. Предполагается, что связь факторов с результирующим показателем носит функциональный характер, который выражен математической формулой [22].

Детерминированный факторный анализ влияния на развитие банковской системы проводится в несколько этапов:

- 1) проводится отбор факторов или групп факторов. С увеличением их количества происходит увеличение временных затрат на проведение исследования;
- 2) выбранные факторы классифицируются при помощи подходящей группировки и систематизируются;
- 3) моделируются связи между результирующим и факторным показателями;
- 4) оценивается степень влияния каждого фактора и рассчитывается то, как их изменение отразится на размере результирующего показателя;
- 5) окончательно рассчитывается детерминированная факторная модель [23].

Применение детерминированного факторного анализа очень широко распространено в экономических работах, потому что позволяет количественно оценить влияние факторов на исследуемый объект, понять, какой именно фактор и в какой степени нужно изменить, чтобы добиться большей эффективности.

Модели детерминированного факторного анализа представлены в таблице.

В настоящее время детерминированные модели в банковской сфере применяются более локально, чаще всего в рамках одной кредитной организации для анализа влияния того или иного показателя и его дальнейшего прогнозирования. В своей работе С.Н. Коменденко отмечает успешное использование детерминированных моделей в анализе кредитоспособности заемщика [24]. О.В. Баканач применяет детерминированный факторный анализ для оценки финансовых результатов деятельности кредитных организаций, то есть также на ограниченном объекте [25]. С.А. Радионов провел исследование о возможности использования детерминированного анализа ряда показателей банковской системы для получения стохастических прогнозов, через различные шоковые сценарии динамики ключевой ставки и обменного курса [26]. Похожее направления изучения прогнозов в экономике рассматривает С.М. Иващенко путем разработки многосекторной модели динамического стохастического общего экономического равновесия (ДСОЭР) [27].

Однозначным плюсом проведения детерминированного факторного анализа при помощи любой из приведенных выше моделей является возможность количественно оценить влияние того или иного фактора на объект исследования, задать значение постоянных факторов влияния и переменных. Сформулированные автором предложения позволяют сгруппировать показатели по категориям, выявить особенность влияния (положительное, отрицательное, нейтральное) и рассчитать с помощью детерминированных моделей количественное значение степени воздействия того или иного фактора. Зная «размерность» воздействия, можно управлять возможными рисками развития банковской системы в будущем. В результате появится возможность разработать решения на уровне государства и Банка России или на уровне конкретного коммерческого банка.

Таблица. Модели детерминированного факторного анализа
Table. Deterministic factor analysis models

Название модели Model name	Описание модели Model description	Используемые формулы для расчета модели Formulas used to calculate the model
Модель цепных подстановок Model of chain substitutions	Позволяет определить влияние отдельных факторов на изменение величины результативного показателя путем постепенной замены базисной величины на каждого факторного показателя в объеме результативного показателя на фактическую в отчетный период Allows you to determine the influence of individual factors on changes in the value of the performance indicator by gradually replacing the base value of each factor indicator in the scope of the performance indicator with the actual value in the reporting period	$Y_0 = a_0 * b_0 * c_0$; $Y_a = a_1 * b_0 * c_0$; $Y_b = a_1 * b_1 * c_0$; $Y_1 = a_1 * b_1 * c_1$; $\Delta Y = \Delta ya + \Delta yb + \Delta yc$; $\Delta Ya = ya - y_0$; $\Delta Yb = yb - ya$; $\Delta Yc = y_1 - yb$
Модель абсолютных разниц Absolute difference model	Применяется для оценки воздействия отдельно взятых факторов на изменение (прирост) анализируемого итогового показателя. Величина такого воздействия определяется путем умножения абсолютного прироста конкретного фактора на базисную величину тех факторов, которые находятся справа, и на фактическую величину фактора, находящегося слева Used to determine the degree of influence of individual factors on the change (growth) of the analyzed final indicator. The magnitude of such an impact is determined by multiplying the absolute increase in a particular factor by the base value of those factors that are on the right and by the actual value of the factor on the left	$\Delta y (a) = (a_1 - a_0) * b_0 * c_0$ – влияние фактора <i>a</i> <i>influence of factor a</i> ; $\Delta y (b) = a_1 * (b_1 - b_0) * c_0$ – влияние фактора <i>b</i> <i>influence of factor b</i> ; $\Delta y (c) = (c_1 - c_0) * a_1 * b_1$ – влияние фактора <i>c</i> <i>influence of factor c</i>
Модель относительных разниц Model of relative differences	Применяется как многомерный статистический метод, предназначенный для комплексного исследования переменных и их взаимосвязей Used as a multivariate statistical method designed for a comprehensive study of variables and their relationships	$A = (B - C) * D$, где <i>A</i> – анализируемый итоговый показатель; <i>B, C и D</i> – влияющие факторы <i>A</i> – analyzed total indicator, <i>B, C, D</i> – influencing factors
Интегральная модель Integral model	Позволяет получить более точные результаты вычисления влияния факторов по сравнению со способами цепной подстановки, абсолютных и относительных разниц, а также избежать неоднозначной оценки влияния: в данном случае результаты не зависят от местоположения факторов в модели, а дополнительный прирост результативного показателя, возникающий из-за взаимодействия факторов, распределяется между ними поровну Allows you to obtain more accurate results of calculating the influence of factors in comparison with the methods of chain substitution, absolute and relative differences and avoid ambiguous assessment of the influence: in this case, the results do not depend on the location of the factors in the model, but an additional increase in the effective indicator arising from the interaction of factors, distributed equally between them	$\Delta T a = b_0 * \Delta a + \frac{\Delta a * \Delta b}{2}$; $\Delta T a = b_0 * \Delta a + \frac{\Delta b * \Delta a}{2}$; где <i>a, b</i> – факторы; <i>T</i> – результирующий показатель where <i>a, b</i> are the factors; <i>T</i> is the effective indicator.
Модель логарифмирования Logarithm model	Заключается в составлении логарифма на основании показателей прошлого и отчетного периода. Для этого находят сумму всех факторов, затем записывают алгебраическое выражение в виде произведения отношения фактических факторов к плановым, на основании которого составляют логарифм Consists in drawing up a logarithm based on the indicators of the past and reporting period. To do this, the sum of all factors is found, then an algebraic expression is written down in the form of the product of the ratio of actual factors to planned ones. And based on this they make a logarithm	$F = X * Y * Z$; $\Delta F x = \Delta F * \frac{lgix}{lgiF}$; $\Delta F y = \Delta F * \frac{lgiy}{lgiF}$; $\Delta F z = \Delta F * \frac{lgez}{lgiF}$;

Заключение

Состояние банковской системы отражает текущее состояние экономики страны. В последнее десятилетие Россия преодолевает множество различных кризисных явлений, часть которых затронули мировую финансовую систему, а часть – только нашу страну. Национальная экономика остро ощущает проблемы банковского сектора в случае их возникновения, а в противоположной ситуации показывает рост показателей. Выявление факторов влияния на развитие банковской системы позволяет оперативно снижать их негативное воздействие.

В настоящее время банковский сектор еще не до конца пережил кризисную фазу, однако, по мнению представителей Банка России, он успешно адаптировался к современным реалиям и проблемам. В связи с чем при помощи детерминированного факторного анализа и управления факторами воздействия на развитие банковской системы можно будет формировать условия для повышения устойчивости как данного сектора, так и всей национальной экономики. Каждая из рассмотренных моделей детерминированного факторного анализа способствует получению эмпирического результата, что позволяет определить вес или важность того или иного фактора влияния.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сформулировать основные тенденции совершенствования банковской системы на современном этапе развития. Очень важен контроль за всеми коммерческими банками, особенно за системно значимыми, что позволит снизить риск роста числа проблемных кредитных организаций и исключить банкротства. Разработка и внедрение российскими специалистами банковских инноваций будет способствовать улучшению состояния конкурентной среды и уменьшить зависимость от зарубежного программного обеспечения. Повышение уровня капитализации и расширение ресурсной базы банковского сектора позволят повысить его устойчивость и надежность. Рост уровня финансовой грамотности населения увеличит степень доверия их к коммерческим банкам, что приведет к росту объемов вкладов, инвестиций и кредитов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российская банковская энциклопедия / гл. ред. О.И. Лаврушин. – Москва: ЭТА, 1995. – 552 с.
2. Когнитивное моделирование устойчивого развития банковской системы в условиях инновационных трансформаций / Н.И. Ломакин, М.С. Марамыгин, А.Ф. Московцев и др. // *Международная экономика*. – 2023. – № 10. – С. 715–733. DOI: 10.33920/vne-04-2310-06.
3. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь: примерно 12 тысяч терминов. – Москва: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.
4. Тавасиев А.М. Стратегическое управление развитием банковской системы: законодательная база // *Банковское дело*. – 2015. – № 11. – С. 26–31. EDN: VBBSTT.
5. Атаев М., Гурбанов Д. Развитие банковской системы и перспективы ее роста // *Ceteris Paribus*. – 2023. – № 2. – С. 55–58.
6. Georgescua M., Jeflea V. The particularity of the banking information system // *Procedia Economics and Finance*. – 2015. – Vol. 20. – P. 268–276. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00074-X](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00074-X).
7. Зире Р.В., Главацкий В.Б. Основные факторы развития российской банковской системы // *Российское предпринимательство*. – 2014. – № 1 (247). – С. 64–69.
8. Ибрагимов К.Х., Таштамиров М.Р. Периодизация трансформаций банковской системы в современной России // *Вестник Чеченского государственного университета*. – 2020. – № 3 (39). – С. 33–45. DOI: 10.36684/chesu-2020-39-3-33-45.
9. Russian banking system in economic and social development of the country / M. Magomadova, I. Khominich, O. Savvina, E. Asyaeva, T. Chelukhina // *Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*. Vol. 58 / Ed. by D.K. Bataev. – European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Future Academy, 2019. – P. 1000–1006. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.115> (дата обращения 02.12.2023).
10. Синиченко О.А. Роль банковского сектора в развитии экономики страны // *Вестник Таганрогского института управления и экономики*. – 2023. – № 4 (40). – С. 3–10. EDN: OANVOJ.

11. Мануйленко В.В., Хачатурян А.Л. Роль фактора доверия в развитии российской банковской системы в ретроспективе и современных условиях // Актуальные проблемы науки и техники: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2022. – С. 934–936. EDN: KGRITI.
12. Macleod A. Building a better banking system. URL: <https://www.goldmoney.com/research/building-a-better-banking-system> (дата обращения 02.12.2023).
13. Belotelova N., Kukhareno O., Gizyatova A. Modernization of the Russian banking system as a necessary condition for the development of the Russian economy // Economic and social development: Proc. 25th Int. sci. conf. on economic and social development – 17th Int. social congr. (ISC-2017). – Moscow, 30–31 October 2017. – Varazdin: Varazdin Development and Entrepreneurship Agency, 2017. – P. 413–421. URL: https://www.esd-conference.com/upload/book_of_proceedings/Book_of_Proceedings_esdMoscow_2017_Final_online.pdf (дата обращения 02.12.2023).
14. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 04.08.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/?ysclid=lms6rql0b5429245985 (дата обращения 02.12.2023).
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/696074503229a6bf1978651f48895bf3a8831bd8/?ysclid=lms6q7zfjy479154990 (дата обращения 02.12.2023).
16. Никулина И.Е. Банковская система России: проблемы развития и взаимодействия с вузами // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 321. – № 6. – С. 20–25.
17. Lopatin E. Assessment of Russian banking system performance and sustainability // Banks and Bank Systems. – 2019. – № 14 (3). – P. 202–211. DOI: 10.21511/bbs.14(3).2019.17.
18. Тришин А.С. Конкуренция как фактор развития банковской системы РФ: проблемы и ориентиры // Столыпинский вестник. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurenciya-kak-faktor-razvitiya-bankovskoy-sistemy-rf-problemy-i-orientiry> (дата обращения 02.12.2023).
19. Мусханова Х.Ж. Оценка современных тенденций развития современной банковской системы России // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 5-2. – С. 250–254. DOI: 10.17513/vaael.1713.
20. Зеленева Е.С. Развитие банковской системы под влиянием финансовых технологий // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17. – № 2. – С. 661–676. DOI: 10.18334/ce.17.2.117074.
21. Полякова А.А., Кожанчикова Н.Ю. Анализ современного состояния банковского сектора России // Вестник аграрной науки. – 2022. – № 4 (97). – С. 138–143. DOI: 10.17238/issn2587-666X.2022.4.138.
22. Filatov E. Deterministic factor analysis of three-factor Dupont model using Filatov methods // Research Paradigms Transformation in Social Sciences / Eds. I.B. Ardashkin, N.V. Martyshev. – European Proceedings of Social and Behavioural Sciences Future Academy, 2018. – Vol. 50. – P. 364–372. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.12.45>.
23. Ming-Hua Lin, Jung-Fa Tsai, Chian-Son Yu. A review of deterministic optimization methods in engineering and management. URL: <https://www.hindawi.com/journals/mpe/2012/756023/> (дата обращения 02.12.2023).
24. Коменденко С.Н., Купрюшина О.М., Фролов И.В. Использование детерминированных моделей в анализе кредитоспособности заемщика // Современная экономика: проблемы и решения. – 2017. – № 3 (87). – С. 67–80. DOI: 10.17308/meps.2017.3/1636.
25. Баканач О.В., Проскурина Н.В., Корнев В.М. Детерминированный факторный анализ финансовых результатов деятельности кредитных организаций // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2019. – № 2. – С. 96–104.
26. Радионов С.А. О получении стохастических прогнозов в детерминированной модели банковской системы России // Экономический журнал ВШЭ. – 2023. – Т. 27. – № 1. – С.33–48. DOI: 10.17323/1813-8691-2023-27-1-33-48.
27. Иващенко С.М. Многосекторная модель динамического стохастического общего экономического равновесия российской экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5 «Экономика». – 2016. – Вып. 3. – С. 176–202. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.310.

Информация об авторах

Олеся Андреевна Синиченко, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов Таганрогского института управления и экономики, Россия, 347900, г. Таганрог, ул. Петровская, 45. ole.sinichenko@tmei.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9216-4528>

Поступила в редакцию: 04.01.2024

Поступила после рецензирования: 10.03.2024

Принята к публикации: 28.03.2024

REFERENCES

1. *Russian banking encyclopedia*. Ed. by O.I. Lavrushin. Moscow, ETA Publ., 1995. 552 p. (In Russ.)
2. Lomakin N.I., Mamarygin M.C., Moskovtsev A.F. Cognitive modeling of the sustainable development of the banking system under the conditions of innovative transformations. *The World Economics*, 2023, no. 10, pp. 715–733. (In Russ.) DOI: 10.33920/vne-04-2310-06.
3. Rayzberg B.A., Lozovsky L.Sh., Starodubtseva E.B. *Modern economic dictionary: approximately 12 thousand terms*. Moscow, INFRA-M Publ., 2006. 494 p. (In Russ.)
4. Tavasiev A.M. Strategic management of the development of the banking system: legislative framework. *Banking*, 2015, no. 11, pp. 26–31. (In Russ.) EDN: VBBSTT.
5. Ataev M., Gurbanov D. Development of the banking system and its growth prospects modern construction methods and their efficiency. *Ceteris Paribus*, 2023, no. 2, pp. 55–58. (In Russ.)
6. Georgescu M., Jeflea V. The particularity of the banking information system. *Procedia Economics and Finance*, 2015, vol. 20, pp. 268–276. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00074-X](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00074-X).
7. Zire R.V., Glavatsky V.B. Main factors in the development of the Russian banking system. *Russian Entrepreneurship*, 2014, no. 1 (247), pp. 64–69. (In Russ.)
8. Ibragimov K.Kh., Tashtamirov M.R. Periodization of banking system transformations in modern Russia. *Bulletin of the Chechen State University*, 2020, no. 3 (39), pp. 33–45. (In Russ.) DOI: 10.36684/chesu-2020-39-3-33-45.
9. Magomadova M., Khominich I., Savvina O., Asyaeva E., Chelukhina T. Russian banking system in economic and social development of the country. *Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*. Vol 58. Ed. by D.K. Bataev. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Future Academy, 2019. pp. 1000–1006. Available at: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.115> (accessed 2 December 2023).
10. Sinichenko O.A. The role of the banking sector in the national economy. *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 2023, no. 4 (40), pp. 3–10. (In Russ.) EDN: OANVOJ.
11. Manuylenko V.V., Khachatryan A.L. The role of the trust factor in the development of the Russian banking system in retrospect and modern conditions. *Materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference. Current problems of science and technology*. Rostov-on-Don, Don State Technical University Press, 2022. pp. 934–936. (In Russ.) EDN: KGRITI.
12. Macleod A. *Building a better banking system*. Available at: <https://www.goldmoney.com/research/building-a-better-banking-system> (accessed 2 December 2023).
13. Belotelova N., Kukharenko O., Gizyatova A. Modernization of the Russian banking system as a necessary condition for the development of the Russian economy. *Economic and social development. Proc. 25th Int. sci. conf. on economic and social development – 17th Int. social congr. (ISC-2017)*. Moscow, 30–31 October 2017. Varazdin, Varazdin Development and Entrepreneurship Agency, 2017. pp. 413–421. Available at: https://www.esd-conference.com/upload/book_of_proceedings/Book_of_Proceedings_esdMoscow_2017_Final_online.pdf (accessed 2 December 2023).
14. *About banks and banking activities. Federal Law of 02.12.1990 N 395-1* (as amended on 04.08.2023). (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/?ysclid=lms6rq10b5429245985 (accessed 2 December 2023).
15. *Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 № 63-FL* (as amended on August 4, 2023). (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/696074503229a6bf1978651f48895bf3a8831bd8/?ysclid=lms6q7zfy479154990 (accessed 2 December 2023).
16. Nikulina I.E. The banking system of Russia: problems of development and interaction with universities. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 6, pp. 20–25. (In Russ.)
17. Lopatin E. Assessment of Russian banking system performance and sustainability. *Banks and Bank Systems*, 2019, no. 14 (3), pp. 202–211. DOI: 10.21511/bbs.14(3).2019.17.
18. Trishin A.S. Competition as a factor in the development of the banking system of the Russian Federation: problems and guidelines. *Stolypin Bulletin*. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurentsiya-kak-faktor-razvitiya-bankovskoy-sistemy-rf-problemy-i-orientiry> (accessed 2 December 2023).
19. Muskhanova Kh.Zh. Assessment of current trends in the development of the Russian banking system. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2021, no. 5-2, pp. 250–254. (In Russ.) DOI: 10.17513/vael.1713.
20. Zeleneva E.S. The development of the banking system under the influence of financial technology. *Creative economy*, 2023, vol. 17, no. 2, pp. 661–676. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.17.2.117074.
21. Polyakova A.A., Kozhanchikova N.Yu. Analysis of the current state of the banking sector of Russia. *Bulletin of Agrarian Science*, 2022, no. 4 (97), pp. 138–143. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn2587-666X.2022.4.138.
22. Filatov E. Deterministic factor analysis of three-factor Dupont model using Filatov methods. *Research Paradigms Transformation in Social Sciences*. Eds. I.B. Ardashkin, N.V. Martyushev. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences Future Academy, 2018, vol. 50, pp. 364–372. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.12.45>.

23. Ming-Hua Lin, Jung-Fa Tsai, Chian-Son Yu. *A review of deterministic optimization methods in engineering and management*. Available at: <https://www.hindawi.com/journals/mpe/2012/756023/> (accessed 2 December 2023).
24. Komendenko S.N. Kupryushina O.M., Frolov I.V. The use of deterministic models in the analysis of the borrower's creditworthiness. *Modern Economics: Problems and Solutions*, 2017, no. 3 (87), pp. 67–80. (In Russ.) DOI: 10.17308/meps.2017.3/1636.
25. Bakanach O.V., Proskurina N.V., Kornev V.M. Deterministic factor analysis of financial results of credit institutions. *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, 2019, no. 2, pp. 96–104. (In Russ.)
26. Radionov S.A. On the stochastic forecasting in the deterministic model of the Russian banking system. *The HSE Economic Journal*, 2023, vol. 27, no. 1, pp. 33–48. (In Russ.) DOI: 10.17323/1813-8691-2023-27-1-33-48.
27. Ivashchenko S.M. Multiple Sectors DSGE Model of Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 5. "Economics"*, 2016, Iss. 3, pp. 176–202. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.310.

Information about the authors

Olesya A. Sinichenko, cand. Sc., Associate Professor, Taganrog Institute of Management and Economics, 45, Petrovskaya street, Taganrog, 347900, Russian Federation. osinichenko@tmei.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9216-4528>

Received: 04.01.2024

Revised: 10.03.2024

Accepted: 28.03.2024

УДК 338.45-047.58:62-611:604:62-945-021.342

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1759

Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Переработка биоресурсов нефтегазовыми компаниями в рамках ESG-стратегии

О.В. Антипова^{1✉}, О.А. Фатхутдинова¹, И.В. Шарф²

¹ *Альметьевский государственный нефтяной институт, Россия, г. Альметьевск*

² *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

✉ antipova01@yandex.ru

Аннотация. Актуальность. Долгосрочное устойчивое развитие нефтегазовых компаний формирует вектор построения эффективной бизнес-модели в целях обеспечения высокой устойчивости предприятия в изменяющейся макросреде, ключевым фактором трансформации которой является ESG-повестка. **Цель:** социально-экономическая оценка проекта по переработке биоресурсов нефтегазовыми компаниями как одной из программ формирования производства замкнутого цикла в условиях императивов ESG-повестки. **Объект:** бизнес-процессы нефтегазовой компании. **Предмет:** биотехнологии замкнутого цикла как бизнес-сегмент нефтегазовой компании. **Методы:** эмпирический и экономико-статистический. **Результаты:** в работе показан поиск управленческих решений нефтегазовыми компаниями по сохранению инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности в условиях макроэкономической нестабильности. В число направлений диверсификации бизнеса входит внедрение биотехнологического сегмента в бизнес-модель нефтегазовых компаний, которое не рассматривается как перспективное. Реализация экономически низкоэффективного проекта ПАО «Татнефть» с высоким сроком окупаемости по производству биотоплива обусловлена преимущественно социально-экономическими факторами, влияющими как на развитие региона дислокации бизнеса, так и на расширение его социальной ответственности. Данный проект с учетом его научно-технологической функциональной нагрузки является частью программы ПАО «Татнефть» по переходу к экономике замкнутого цикла на основе ESG-принципов.

Ключевые слова: бизнес-модели, биотехнологии, экономика замкнутого цикла, ESG-стратегия, устойчивое развитие, циркулярная экономика, углеродная нейтральность, биотопливо

Для цитирования: Антипова О.В., Фатхутдинова О.А., Шарф И.В. Переработка биоресурсов нефтегазовыми компаниями в рамках esg-стратегии // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 127–138. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1759

UDC 338.45-047.58:62-611:604:62-945-021.342

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1759

Bioresource processing by oil and gas companies as part of ESG strategy

Olga V. Antipova^{1✉}, Olga A. Fatkhutdinova, Irina V. Sharf

¹ *Almetyevsk State Petroleum Institute, Almetyevsk, Russian Federation*

² *Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

✉ antipova01@yandex.ru

Abstract. Relevance. Long-term sustainable development of oil and gas companies forms the vector for building an effective business model in order to ensure high sustainability of the enterprise in a changing macroenvironment, the key factor in the transformation of which is the ESG agenda. **Aim.** Socio-economic assessment of projects for processing bioresources by oil and gas companies as one of the programs for creating a closed-cycle production in the context of the imperatives of the ESG agenda. **Object.** Business processes of an oil and gas company. **Subject.** Closed-cycle biotechnology as a business segment of an oil and gas company. **Methods.** Empirical and economic-statistical. **Results.** The work shows the search for management solutions by oil and gas companies to maintain investment attractiveness and competitiveness in conditions of macroeconomic instability. Areas of business diversification include the introduction of a biotechnology segment into the business model of oil and gas companies, which is not considered promising. The implementation of an economically ineffective project of PJSC Tatneft with a high payback period for the production of biofuels is determined mainly by socio-economic factors that influence both the development of the region where the business is located and the expansion of its social responsibility. This project, taking into account its scientific and technological functional load, is part of PJSC Tatneft program for transition to a circular economy based on ESG principles.

Keywords: business models, biotechnologies, closed-loop economy, ESG strategy, sustainable development, circular economy, carbon neutrality, biofuel

For citation: Antipova O.V., Fatkhutdinova O.A., Sharf I.V. Bioresource processing by oil and gas companies as part of ESG strategy. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 127–138. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1759

Введение

Устойчивым развитием нефтегазовых компаний является выбор вектора построения такой эффективной бизнес-модели в современной макросреде, в которой ключевую роль играет ESG-повестка, ориентирующая бизнес на достижение задач, обозначенных в Парижском соглашении и направленных на удержание прироста глобальной средней температуры на земном шаре ниже 2 °С, что позволит достичь углеродной нейтральности к 2050 г. [1]. Как следствие, в стратегирование нефтегазовых компаний активно внедряются ESG-принципы (Environmental, Social, and Governance).

ESG-принципы определяют программы, нацеленные не только на устойчивое развитие, но и на формирование социально ответственного субъекта рыночной экономики, заботящегося о благополучии общества в настоящем и будущем, тем самым подчеркивая свою значимость в долгосрочном пребывании на отраслевом рынке [2–4]. Реализация ESG-принципов базируется, с одной стороны, на внедрении инноваций в технологический процесс от геологоразведки до производства нефтепродуктов, с другой – на производстве альтернативного топлива, обеспечивающего снижение выбросов CO₂.

Активизация деятельности нефтегазовых компаний в части проектов по производству альтернативных источников энергии обусловлена также стремлением к диверсификации бизнеса, технологическому лидерству в этой области и повышению эколого-социальной ответственности в отношении регионов нефтегазодобычи [5, 6]. Одним из направлений перехода к возобновляемым источникам энергии является производство биотоплива, а также ценных химических продуктов и соединений из растительной биомассы [7]. Таким образом, цель настоящего исследования – проведение социально-экономической оценки проекта по переработке биоресурсов нефтегазовыми компаниями, что способствует к переходу ими на производство замкнутого цикла.

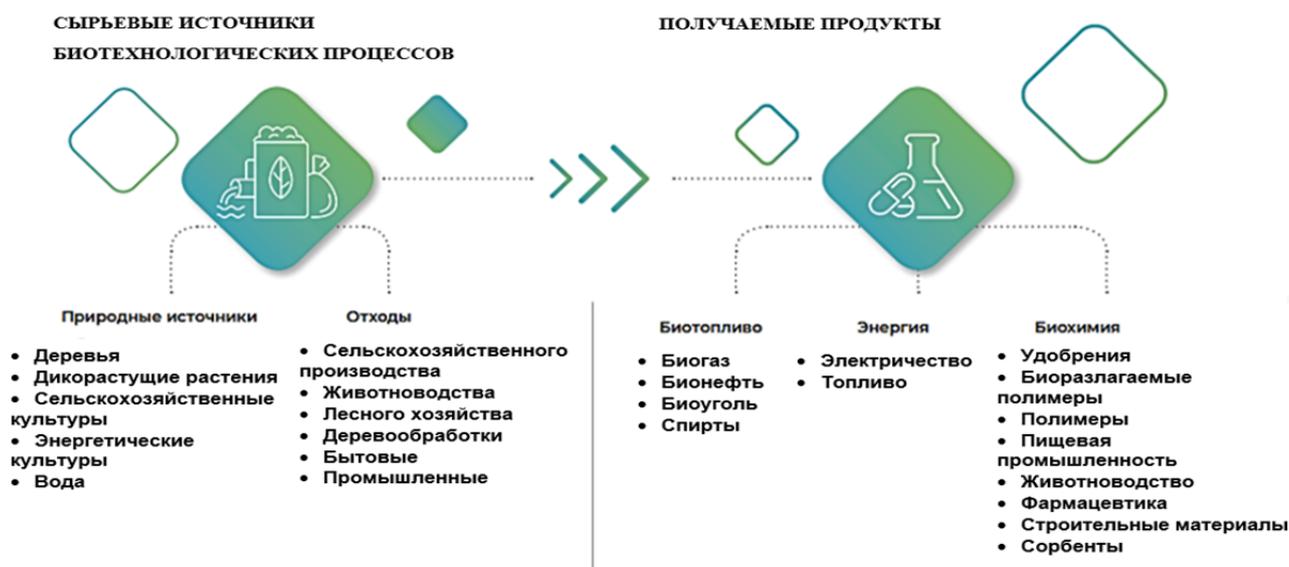
Материалы и методы

Исследование проведено на основании официальных данных государственных структур, рейтинговых агентств, отчетной документации нефтегазовых компаний, обработанных эмпирическими и экономико-статистическими методами.

Результаты исследования

Зарубежный опыт переработки биоресурсов

Интерес нефтегазовых компаний к переработке биоресурсов обусловлен широким ассортиментом природных источников и получаемых продуктов (рис. 1) [8–10]. Согласно технологическим прогнозам компании Global Date за 2002–2022 гг. было подано 486 патентов в области технологий производства биотоплива. В частности, только французской компанией Total Energies SE – 60 патентов [7].

Источник: составлено авторами по [21].

Source: compiled by the authors based on [21].

Рис. 1. Схема потребляемых биоресурсов и получаемых продуктов
Fig. 1. Scheme of consumed biological resources and resulting products

Биотехнологические процессы реализуются различными методами. Пиролиз относится к наиболее ресурсоэффективным методам термической переработки биомассы, так как в результате его производства можно получить жидкие продукты, неконденсируемые газы и углеродистый остаток [11]. Кроме того, пиролиз обладает высокой эффективностью, хорошей управляемостью и масштабируемостью, а также замкнутым циклом переработки. Благодаря этому его применение широко представлено в различных энерготехнологических видах работ [12]. Переработка древесной щепы с целью получения биотоплива решает проблематику образования отходов в сельском хозяйстве и вопросы экологии относительно вредных выбросов в атмосферу.

Переработка древесной биомассы способствует выбору технологии для последующей переработки биоресурсов на НПЗ с получением биокомпонентов моторных топлив, основным из которых является биодизель. Можно выделить следующие компании, которые заняли нишу в данном бизнес-сегменте:

Valero Energy Corporation – один из крупнейших в мире нефтеперерабатывающих заводов с производительной мощностью 3,15 млн барр/сут и ведущий производитель возобновляемого топлива в Северной Америке [13]. При этом в своем отчете об устойчивом развитии компания заявляет, что по причине конкурентного характера не намерены раскрывать данные в сегменте производства и спецификации биотоплива.

Marathon Petroleum Corporation – американская компания, которая 136 лет на энергетическом рынке Северной Америке занимают весомую нишу в переработке, ежесуточные производственные мощности по переработке которой составляют 2,9 млн барр. сырой нефти и 12 млрд фут³ природного газа, а объемы выпуска биотоплива на основе этанола – 475 млн галлонов ежегодно [8].

Группа Esopetrol ведет деятельность в США и Бразилии. Добыча нефти выросла с 517,5 млн барр/сут в 2021 г. до 541 млн барр/сут в 2021 г., газа – 734,5 млн фут³ и 815,64 млн фут³ соответственно. Производство биодизеля выросло с 40,22 млн галлонов в 2021 г. до 41,76 млн галлонов в 2022 г. [9].

EniGroup имеет заводы в Венеции и Гела (Сицилия), в США (штат Луизиана) по производству биотоплива из использованного растительного и пищевого масла, а также животного жира. Данная компания активна в направлении, связанном с поставками биосырья, выращенного на заброшенных и деградированных землях. В целом объемы переработки биосырья в компании 2022 г. составили 1,1 млн т., к 2030 г. планируется увеличить его переработку до 5 млн т [10].

В зарубежной практике нефтегазовый сектор разделен на две группы компаний в нефтегазовой отрасли. Первые занимают нишу в сегментах upstream и dawnstream, другие – только в dawnstream. Бизнес-сегмент по производству биотоплива реализуется в сегменте dawnstream [14].

Можно обозначить два ключевых мотива внедрения биотехнологического сегмента в традиционную бизнес-модель нефтегазовых компаний. Во-первых, это сохранение долгосрочной ниши конкурентоспособности в быстроменяющихся условиях деятельности, характеризующихся высокой неопределенностью вследствие давления ESG-повестки. Во-вторых, в настоящее время инвесторы крупных фондов готовы вкладывать в долгосрочной перспективе только в компании, которые следуют ESG-принципам устойчивого развития. Более 50 % глобальных инвестиций осуществляется на основе ESG-критериев [15, 16]. Объем инвестиций под управлением фондов, следующих принципам ответственного инвестирования (PRI), вырос с 2007 г. в 15 раз, достигнув 103 трлн долл. Количество инвесторов, разделяющих принципы ответственного инвестирования ООН (UN PRI), выросло за 5 лет в два раза и превысило 3000.

Деятельность российских нефтегазовых компаний в области устойчивого развития

Основными направлениями в реализации ESG-стратегий в деятельности нефтегазовых компаний являются экологические программы, цель которых – рациональное и бережное использование природных ресурсов, а также формирование условий по охране окружающей среды.

ПАО «НК «Роснефть» реализует ряд специализированных экологических программ по строительству объектов инфраструктуры природоохранного назначения с внедрением наилучших доступных технологий. Уникальной является программа по ликвидации накопленного экологического ущерба в части переработки нефтешламов, буровых отходов, рекультивации нефтезагрязненных земель «исторического наследия», образованных в результате деятельности прошлых недропользователей [14].

Оптимизация бизнес-процессов в ПАО «Сургутнефтегаз» обусловила внедрение системы экологического менеджмента, что позволяет снижать экологические риски и сокращать издержки в условиях ожесточающегося государственного и международного регулирования в сфере охраны окружающей среды. В связи с этим экологичность производства становится серьезным фактором конкурентоспособности компании [14].

В ПАО «Татнефть» внедрена система газосбора и технологии улавливания лёгких фракций углеводородов [17], что кратно сокращает выбросы парниковых газов в атмосферу в процессе производственной деятельности.

В ПАО «Газпром нефть» внедрено масштабное направление по созданию сквозной промышленной экосистемы управления производством от добычи до реализации, сфокусированный на минимизации углеродного следа во всех сегментах технологической цепочки.

Общими для всех нефтегазовых компаний в части устойчивого развития являются мероприятия по утилизации попутного нефтяного газа, энергосбережению, рекультивации земель. Однако данные программы – стандартные, то есть ESG-повестка российскими ВИНК рассматривается преимущественно с экологической позиции, а социальная ответственность бизнеса ориентирована на повышение благосостояния работников, зарубежные нефтегазовые компании стремятся диверсифицировать бизнес с целью сохранения конкурентоспособности с учетом ориентации потенциальных инвесторов на взаимодействие и взаимодополнение экологических и социальных аспектов ESG по достижению климатических задач [18–20].

Проект ПАО «Татнефть» по переработке биоресурсов

ПАО «Татнефть» видит свое преимущество в сохранении инвестиционной привлекательности в условиях императива ESG-принципов в реализации проектов, функционально позволяющих одновременно решать задачи в области социальной ответственности бизнеса, социально-экономического развития региона и климатических изменений. Отметим, что ESG-стратегия ПАО «Татнефть» формировалась под влиянием следующих факторов, помимо вышеназванных:

- 1) разработка большинства месторождений, находящихся на поздней стадии жизненного цикла, характеризуемой высокой выработанностью, что обуславливает добычу 42 % нефти посредством методов искусственного воздействия на пласт;
- 2) ведение деятельности преимущественно на территории Республики Татарстан, которая отличается высокой плотностью населения и множеством населенных пунктов, жители которых – работники данной компании.

Фундаментом ESG-стратегии ПАО «Татнефть» является формирование бизнес-модели, основанной:

- на интеграции в бизнес-процессы целей устойчивого развития;
- реализации задач по декарбонизации;
- внедрении циркулярной экономики;
- создании благоприятной окружающей и социально-инфраструктурной среды [21].

Внедрение циркулярной экономики на всех стадиях технологической цепочки – от добычи нефти до реализации нефтепродуктов – предполагает решение задач по производству чистой энергии, ресурсоэффективности, защите экосистем суши, рациональному водопользованию, инновационному развитию и устойчивому росту региона. Как следствие, компания реализует множество социальных и экологических проектов [17]. ПАО «Татнефть» ведет системную работу в области энерго- и ресурсоэффективности: накоплен значительный опыт и обширные компетенции по программам построения производства замкнутого цикла, которые могут быть использованы и вне компании [21]. Концепция устойчивого экономического развития в компании реализуется через плоскость конкретных мероприятий в направлении стратегий по применению технологий, способствующих снижению потребления топливно-энергетических ресурсов (ТЭР), а следовательно, воздействию на окружающую среду.

Макроэкономические и институциональные условия ведения бизнеса определяют для нефтегазовых компаний, в том числе ПАО «Татнефть», реализацию таких стратегических решений, которые направлены на повышение их конкурентоспособности и местоположения

в ESG-рейтингах, технико-технологического развития основного производства, в том числе посредством внедрения высокотехнологичных нетопливных направлений, в частности энерго- и ресурсоэффективных биотехнологий и биокompозитных материалов, перспективы которых анализируются в пилотных проектах.

Отметим, что в компании применяется карта ключевых ESG-целей, интегрированных в корпоративную систему мониторинга и контроля достижения производственных и финансовых показателей, а также являющихся частью стратегии ее устойчивости. В частности, ПАО «Татнефть» ставит «задачу содействия социальному развитию», что предполагает реализацию разнообразных проектов, способствующих росту местных экономик, в том числе с неотъемлемым «повышением качества жизни на территориях своей деятельности для всех» [21].

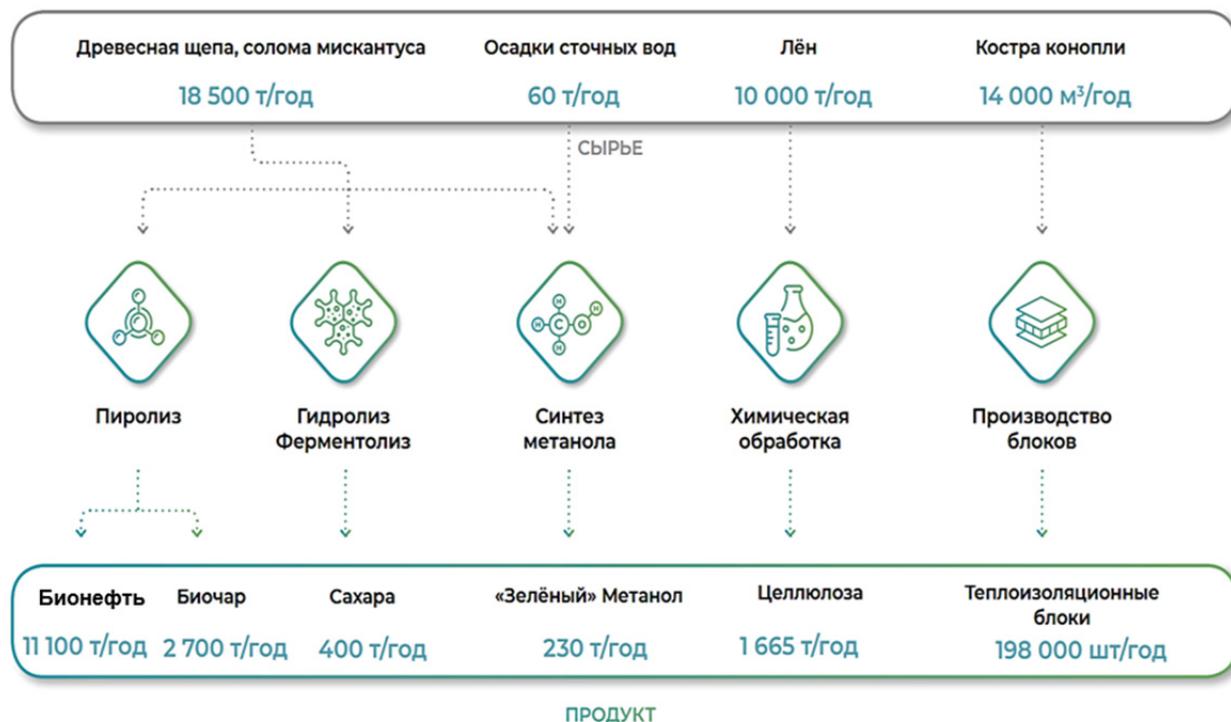
Идеи в «Татнефти» по применению биотехнологий на благо общества накапливались постепенно, в результате вместе они сложились в масштабный проект создания устойчивого автономного энергоэффективного поселения на базе поселка городского типа Актюбинский Азнакаевского района Республики Татарстан. Можно выделить следующие предпосылки развития производства биотоплива (бионефть) в данном населенном пункте:

- повышение рейтинга компании для потенциальных инвесторов;
- участие нефтегазовой компании в социально-экономическом развитии региона нефтегазодобычи, в том числе вследствие:
 - территориальной приближенности населенного пункта к основному производству нефтегазовой компании и работа части жителей в компании;
 - необходимости решения задачи снижения безработицы по причине нехватки рабочих мест;
 - наличия действующих производств с имеющимися источниками для биотехнологических процессов, а именно в районе развито животноводство и растениеводство, созданы условия для выращивания опытных плантаций с целью обеспечения сырьевой базы;
 - проблемы утилизации отходов в сельском хозяйстве, приводящих к росту выбросов CO₂ [22].

По мнению руководства компании, создание производства по переработке биоресурсов в данном регионе станет дополнительным стимулирующим фактором формирования мультипликативного эффекта в социально-экономическом развитии региона, направленным на строительство производственных мощностей, отличающихся высокими показателями ресурсной и экологической эффективности [23].

ПАО «Татнефть» в поселке планируется создать комплекс современных биотехнологических производств. Например, из остатков конопли будут выпускать теплоизоляционные материалы, из льна – целлюлозу, из растительных отходов – непищевые сахара.

ПАО «Татнефть» намерена производить бионефть – сырье для производства биотоплив второго поколения, биочар – высокоэкологичный мелкодисперсный древесный уголь, производимый посредством пиролиза с очень малым доступом кислорода, используемый как компонент удобрений, который улучшает свойства почв, спиртов. В качестве исходного материала предполагается применение древесной щепы, которую получают из оставшихся лесных материалов, веток деревьев и т. д. при очистке площадки для работы нефтяных скважин, лесопосадок вокруг населенных пунктов с целью снижению риска возгорания, а также с целью санации для стимулирования роста молодых саженцев. Парк пилотных установок с используемым сырьем приведен на рис. 2 [21, 24].

Источник: составлено авторами по [21].
 Source: compiled by the authors based on [21].

Рис. 2. Возможные способы переработки растительного сырья
Fig. 2. Possible methods of processing plant raw materials

На модульной установке быстрого пиролиза (МУБП) предполагается организовать переработку древесной биомассы с последующей переработкой полученных биоресурсов на нефтеперерабатывающем заводе (НПЗ) с получением биокомпонентов для моторных топлив.

Первую и на данный момент единственную в Российской Федерации блочно-модульную перемещаемую установку быстрого пиролиза биомассы производительностью >2 т/сут (ABRI-Tech) компания собрала по лицензии канадской фирмы и установила на производственной площадке в районе поселка, что позволит начать переработку уже осенью 2024 г.

Предварительные расчеты показывают (табл. 1), что установка будет перерабатывать биомассу (сухой древесной щепы) объемом 6,5 тыс. т/год. При этом производство бионефти составляет – 2,4 тыс. т/год (61,1% выхода), а биочара – 1,53 тыс. т/год (38,9 % выхода). Прогнозная цена реализации бионефти 2024 г. ~20 тыс. руб/т.

Вход/Entrance	кг/ч/kg/h	мас. %/wt %	Выход/Yield	кг/ч/kg/h	мас. %/wt %
волокно/fiber	1041,5	58,01	Бионефть/Bio oil	383,7	21,37
вода/water	754,0	41,99	Биочар/Biochar	243,8	13,58
Итого/Total	1795,5	100,00	Зола/Ash	0,0	0,00
			Дымовые газы+водяной пар Flue gases+water vapor	1168,0	65,05
			Итого/Total	1795,5	100,00

Источник: составлено авторами.
 Source: compiled by the authors.

Рис. 3. Сводный материальный баланс производства бионефти и биочара
Fig. 3. Summary material balance of biooil and biochar production

Отметим, что данная установка была приобретена до геополитических изменений. Проведенный анализ существующего рынка показал, что появились российские аналоги, разработанные ООО «ЭЛП Групп» (г. Казань), ассоциацией предприятий БМП (г. Вологда), а также аналоги, предлагаемые китайскими компаниями, которые имеют важное преимущество – более низкую стоимость оборудования с реальными перспективами его сервисного обслуживания.

Проведенная оценка экономической эффективности данного инвестиционного проекта показала, что проект имеет большой срок окупаемости (>15 лет) при 100%-й загрузке производственной мощности. Следовательно, высоки риски проекта, а в настоящее время нет серьезных оснований для снижения себестоимости выпускаемой продукции (табл. 2).

Таблица 2. Результаты расчета эффективности проекта по модульной установке быстрого пиролиза

Table 2. Results of calculating the efficiency of the project for a modular fast pyrolysis plant

Наименование Name	Ед. изм. Unit change	100 %-я загрузка установки 100% installation loading
Инвестиции/Investments		208,002
Чистый дисконтированный доход (ЧДД) Net present value (NPV)	млн р. million roubles	25,3
Индекс доходности дисконтированных затрат (ИДДЗ) Discounted Cost Return Index (DCYI)	ед./units	1,034
Индекс доходности (ИД)/Yield Index (YI)		1,1
Внутренняя норма доходности (ВНД) Internal rate of return (IRR)	%	11,71
Срок окупаемости/Payback period	лет/years	15,02

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

У проекта, несомненно, большой срок окупаемости, к тому же возникает вопрос «Каковы перспективы долгосрочного получения сырья – древесины для работы модульной установки?». По оценкам специалистов только в Альметьевской и Черемшанской экономических зонах более 12 % потенциала стареющего лесного массива, подлежащего санации, который может быть вовлечен в хозяйственный оборот [25]. Республика Татарстан занимает лидирующие позиции не только в сегменте добычи и переработки углеводородного сырья в региональном разрезе, но и характеризуется значимыми масштабами развития сельского хозяйства, что в целом также будет способствовать расширению загруженности логистического бизнеса. Как следствие, можно говорить о формировании кластера циркулярной экономики в рамках одного региона.

Обсуждение

Мотивацией ПАО «Татнефть» к реализации проекта, несмотря на очень низкие показатели экономической эффективности, служит следующее:

1. Проект имеет социальную значимость, несмотря на то, что невозможно в настоящее время оценить положительные денежные потоки от получения мультипликативных эффектов в силу их многогранности и специфики [26], в том числе формировании благоприятной комфортной среды для жителей поселка, часть из которых работники компании.
2. Проект является полигоном для отработки совершенствования биотехнологий, что положительно влияет на перспективы конкурентоспособности в долгосрочной перспективе и повышение рейтинговых позиций компании в краткосрочный период, что в конечном сче-

те влияет на инвестиционную привлекательность компании в условиях императива потенциальных инвесторов в части диверсификации производства энергии.

3. Проект позволяет получить дополнительную прибыль за счет смешивания альтернативного топлива с традиционным топливом, например биодизеля и обычного дизельного топлива за счет сокращения транспортных расходов.
4. Предлагаемый проект возможен к реализации в других регионах России, но с учетом доработки, дополнительной оценки его преимуществ, выраженных в положительном денежном потоке. Вместе с тем, по мнению авторов, данные проекты в Западной и Восточной Сибири, где низкая плотность населения, значительная удаленность населенных пунктов друг от друга, минимально развитая сельскохозяйственная деятельность в силу природно-климатических условий, в среднесрочной перспективе не будут востребованы. Однако для нефтедобывающих регионов европейской части России, наоборот, положительный опыт ПАО «Татнефть» может вызвать определенный интерес.
5. Успешность и перспективность пилотного проекта позволит стать обоснованием для корректировки налогового законодательства, так как в настоящее время есть льготирование при реализации проектов с применением наилучших доступных технологий, которые отражены в информационно-технических справочниках по направлениям производственной деятельности, однако переработка биоресурсов в этих справочниках отсутствует.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить следующее:

1. Императивы Парижского соглашения ориентируют нефтегазовые компании на поиск решений, находящихся вне сферы традиционного ведения бизнеса, но перспективных для сохранения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности в условиях макроэкономической нестабильности.
2. В настоящее время внедрение биотехнологического сегмента в бизнес-модель нефтегазовых компаний не рассматривается как перспективное. Реализация экономически низкоэффективного проекта ПАО «Татнефть» с высоким сроком окупаемости по производству биотоплива обусловлена, с одной стороны, социально-экономическими факторами, влияющими на развитие региона дислокации бизнеса и расширение его социальной ответственности, с другой – данный проект является технико-технологическим полигоном по отработке технологий, востребованных в рамках ESG-повестки и довлеющих ее императивов, и формирует первый кластер, связывающий нефтегазовую и сельскохозяйственную отрасли, а также обладающий широким мультипликативным эффектом.
3. Полученные бонусы от проекта будут наглядны через несколько лет, когда заработает обложение углеродным налогом продукции нефтегазовой отрасли при экспорте в другие страны. Данный проект с учетом его научно-технологической функциональной нагрузки является частью программы ПАО «Татнефть» по переходу к экономике замкнутого цикла на основе ESG-принципов.

Список литературы

1. Paris Agreement // UNFCCC. UNITED NATIONS, 2015. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (дата обращения 01.06.2023).
2. Research on sustainability management in the Arab world: a systematic citation-based literature review / N. Ahmad, H. Smaich, R. Palalich, S. Al-Riyami // Management & Sustainable Development: Arabic Review. – 2022. – Vol. 1. – № 1. – P. 14–37. DOI: 10.1108/MSAR-01-2022-0004.
3. Buallay A., Hamdan A. Guest editorial: sustainability reporting in different institutional and regulatory environments // Competitiveness Review. – 2023. – Vol. 33. – № 1. – P. 1–6. DOI: 10.1108/CR-12-2022-191.
4. Krasodomska Y., Zeniuk P., Kostrzewska J. Reporting on sustainability goals in the European Union: what influences companies' decisions? // Competitiveness Review. – 2023. – Vol. 33. – № 1. – P.120–146. DOI: 10.1108/CR-12-2021-0179.

5. Kirby D.A., El-Kaffass I., Healy-Benson F. A new harmonized approach to sustainable development: implications for entrepreneurial leadership in the Middle East and around the world // *Governance and Strengthening; Sustainable Development: An Arabic Review*. – 2022. – Vol. 1. – № 2. – P. 127–138. DOI: 10.1108/MSAR-02-2022-0014.
6. Cho E. Time-varying preferences for ESG investments: evidence from an emerging market // *Journal of Derivatives and Quantitative Studies: 선물연구*. – 2023. – Vol. 31. – № 2. – P. 121–138. DOI: 10.1108/JDQS-11-2022-0025.
7. Europe: top biofuels patents holders in the oil & gas sector (2002–2022) // *GlobalData*. 2022. URL: <https://www.globaldata.com/data-insights/oil-gas/europe-top-biofuels-patents-holders-in-the-oil---gas-sector-2129399/> (дата обращения 23.01.2024).
8. Challenging ourselves to lead in sustainable energy: sustainability report 2022 // *Marathon Petroleum Corporation*. – 2022. – 61 p. URL: https://www.marathonpetroleum.com/content/documents/Responsibility/Sustainability_Report/2022_SustainabilityReport.pdf (дата обращения 23.01.2024).
9. Sustainability accounting standards board (SASB) metrics report 2022 // *Ecopetrol Group*. – 2022. – 110 p. URL: <https://files.ecopetrol.com.co/web/eng/sasb-2022.pdf> (дата обращения 23.01.2024).
10. Bioenergy, energy from biogenic raw materials // *Eni, an integrated energy company*. – 2022. URL: <https://www.eni.com/en-IT/actions/energy-sources/bioenergy.html> (дата обращения 23.01.2024).
11. Обзор развития и применения технологий пиролиза для переработки отходов / О.А. Мишустин, В.Ф. Желтобрюхов, Н.В. Грачева, С.Б. Хантимирова // *Молодой ученый*. – 2018. – № 45 (231). – С. 42–45.
12. Пиролиз как современный метод получения альтернативных источников энергии / А.В. Тихонов, М.Г. Сульман, Ю.Ю. Косивцов, Ю.В. Луговой // *Вестник Тверского государственного университета*. – 2015. – № 2. – С. 45–51.
13. Environmental, social and governance report 2022 // *Valero*. – 2022. – 112 p. URL: https://www.valero.com/sites/default/files/valerodocuments/ESG_Report%20August_2022_FINAL_SinglePages.pdf (дата обращения 23.01.2024).
14. Грачев В.А., Поздняков А.П., Мугалев И.И. Экологическая политика нефтяных компаний // *Геозкология. Инженерная геология, гидрогеология, геокриология*. – 2018. – № 5. – С. 3–11. DOI: 10.1134/S0869780318040038.
15. Arul R.R., Sabherwal S., Villupuram S.V. ESG, operating performance and operating performance: evidence from real estate investment trusts // *Management Finance*. – 2022. – Vol. 48. – № 8. – P. 1206–1220. DOI: 10.1108/MF-12-2021-0593.
16. Kaiser L., Welters J. The risk-reducing impact of ESG on portfolio dynamics // *Journal of Risk Finance*. – 2019. – Vol. 20. – № 5. – P. 542–555. DOI: 10.1108/JRF-05-2019-0075.
17. Авилова В.В. Циркулярная экономика как вектор инновационной трансформации бизнес-модели промышленных предприятий // *Экономика. Информатика*. – 2021. – Т. 48. – № 3. – С. 446–454. DOI: 10.52575/2687-0932-2021-48-3-446-454.
18. Environmental, Social and Governance (ESG) metrics do not serve services customers: a missing link between sustainability metrics and customer perceptions of social innovation / L. Aksoy, A.J. Buoye, M. Fors, T.L. Keiningham, S. Rosengren // *Journal of Service Management*. – 2022. – Vol. 33. – № 4/5. – P. 565–577. DOI: 10.1108/JOSM-11-2021-0428.
19. The impact of audit committee attributes on the quality and quantity of Environmental, Social and Governance (ESG) disclosures / M. Arif, A. Sajjad, S. Farooq, M. Abrar, A.S. Joyo // *Corporate Governance*. – 2021. – Vol. 21. – № 3. – P. 497–514. DOI: 10.1108/CG-06-2020-0243.
20. Chouaibi S., Chouaibi J., Rossi M. ESG and corporate financial performance: the mediating role of green innovation: UK common law versus Germany civil law // *EuroMed Journal of Business*. – 2022. – Vol. 17. – № 1. – P. 46–71. DOI: 10.1108/EMJB-09-2020-0101.
21. Официальный сайт ПАО «Татнефть». 2023. URL: <https://www.tatneft.ru> (дата обращения 01.06.2023).
22. Актюба: автономное устойчивое энергоэффективное поселение // *Tatneft*. 2022. URL: https://www.tatneft.ru/userfiles/files/Презентация_Актюбэ_финальная_сборка.pdf (дата обращения 01.06.2023).
23. Итоги реализации Стратегии – 2030 и внесение в нее изменений // *Министерство экономики Республики Татарстан*. – URL: https://mert.tatarstan.ru/file/pub/pub_1646746.pdf (дата обращения 23.01.2024).
24. Кудрявцева О.В., Яковлева Е.Ю. Биотехнологические отрасли в России и в мире: типология и развитие // *Современные технологии управления*. – 2014. – № 7 (43). – URL: <https://sovman.ru/article/4307/> (дата обращения 10.06.2023).
25. Сафина А.В. Структурные преобразования лесопромышленного комплекса республики Татарстан в сфере глубокой переработки древесины // *Деревообрабатывающая промышленность*. – 2012. – № 4. – С. 45–47.
26. Alghababsheh M., Gallea D. Social sustainability in the supply chain: a literature review of implementation, approaches and (un)intended outcomes // *Management & Sustainability: An Arabic Review*. – 2022. – Vol. 1. – № 1. – P. 84–109. DOI: 10.1108/MSAR-01-2022-0003.

Информация об авторах

Ольга Валерьевна Антипова, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления предприятием Альметьевского государственного нефтяной институт Альметьевский государственный нефтяной институт, Россия, 423462, г. Альметьевск, ул. Ленина, 2. antipova01@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1238-2897>

Ольга Александровна Фатхутдинова, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления предприятием Альметьевский государственный нефтяной институт, Россия, 423462, г. Альметьевск, ул. Ленина, 2. fathutdinova0a@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3715-3524>

Ирина Валерьевна Шарф, доктор экономических наук, профессор отделения нефтегазового дела Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050 г. Томск, пр. Ленина, 30. irina_sharf@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1333-1234>

Поступила в редакцию: 03.02.2024

Поступила после рецензирования: 20.03.2024

Принята к публикации: 29.03.2024

REFERENCES

1. Paris Agreement. *UNFCCC. UNITED NATIONS*, 2015. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (accessed 1 June 2023).
2. Ahmad N., Smaich H., Palalich R., Al-Riyami S. Research on sustainability management in the Arab world: a systematic citation-based literature review. *Management & Sustainable Development: Arabic Review*, 2022, vol. 1, no. 1, pp. 14–37. DOI: 10.1108/MSAR-01-2022-0004.
3. Buallay A., Hamdan A. Guest editorial: Sustainability reporting in different institutional and regulatory environments. *Competitiveness Review*, 2023, vol. 33, no. 1, pp. 1–6. DOI: 10.1108/CR-12-2022-191.
4. Krasodomska Y., Zeniuk P., Kostrzevska J. Reporting on sustainability goals in the European Union: what influences companies' decisions? *Competitiveness Review*, 2023, vol. 33, no. 1, pp. 120–146. DOI: 10.1108/CR-12-2021-0179.
5. Kirby D.A., El-Kaffass I., Healy-Benson F. A new harmonized approach to sustainable development: implications for entrepreneurial leadership in the Middle East and around the world. *Governance and Strengthening; Sustainable Development: An Arabic Review*, 2022, vol. 1, no. 2, pp. 127–138. DOI: 10.1108/MSAR-02-2022-0014.
6. Cho E. Time-varying preferences for ESG investments: evidence from an emerging market. *Journal of Derivatives and Quantitative Studies: 선물연구*, 2023, vol. 31, no. 2, pp. 121–138. DOI: 10.1108/JDQS-11-2022-0025.
7. Europe: top biofuels patents holders in the oil & gas sector (2002–2022). *GlobalData*, 2022. Available at: <https://www.globaldata.com/data-insights/oil-gas/europe-top-biofuels-patents-holders-in-the-oil---gas-sector-2129399/> (accessed 23 January 2024).
8. Challenging ourselves to lead in sustainable energy: sustainability report 2022. *Marathon Petroleum Corporation*, 2022. 61 p. Available at: https://www.marathonpetroleum.com/content/documents/Responsibility/Sustainability_Report/2022_SustainabilityReport.pdf (accessed 23 January 2024).
9. Sustainability accounting standards board (SASB) metrics report 2022. *Ecopetrol Group*, 2022. 110 p. Available at: <https://files.ecopetrol.com.co/web/eng/sasb-2022.pdf> (accessed 23 January 2024).
10. Bioenergy, energy from biogenic raw materials. *Eni, an integrated energy company*, 2022. Available at: <https://www.eni.com/en-IT/actions/energy-sources/bioenergy.html> (accessed 23 January 2024).
11. Mishustin O.A., Zheltobryukhov V.F., Gracheva N.V., Khantimirova S.B. Review of the development and application of pyrolysis technologies for waste processing. *Young scientist*, 2018, no. 45 (231), pp. 42–45. (In Russ.)
12. Tikhonov A.V., Sulman M.G., Kosivtsov Yu.Yu., Lugovoy Yu.V. Pyrolysis as a contemporary method for alternative energy sources. *Bulletin of Tver State University*, 2015, no. 2, pp. 45–51. (In Russ.)
13. Environmental, social and governance report 2022. *Valero*, 2022. 112 p. Available at: https://www.valero.com/sites/default/files/valerdocuments/ESG_Report%20August_2022_FINAL_SinglePages.pdf (accessed 23 January 2024).
14. Grachev V.A., Pozdnyakov A.P., Mugalev I.I. Environmental policy of oil companies. *Geoekologiya. Inzhenernaya geologiya. Gidrogeologiya. Geokriologiya*, 2018, no. 5, pp. 3–11. (In Russ.) DOI: 10.1134/S0869780318040038.
15. Arul R.R., Sabherwal S., Villupuram S.V. ESG, operating performance and operating performance: evidence from real estate investment trusts. *Management Finance*, 2022, vol. 48, no. 8, pp. 1206–1220. DOI: 10.1108/MF-12-2021-0593.
16. Kaiser L., Welters J. The risk-reducing impact of ESG on portfolio dynamics. *Journal of Risk Finance*, 2019, vol. 20, no. 5, pp. 542–555. DOI: 10.1108/JRF-05-2019-0075.

17. Avilova V.V. Circular economy as a vector of innovation transformation of the business model of industrial enterprises. *Economics. Information technologies*, 2021, vol. 48, no. 3, pp. 446–454. (In Russ.) DOI: 10.52575/2687-0932-2021-48-3-446-454.
18. Aksoy L., Buoye A.J., Fors M., Keiningham T.L., Rosengren S. Environmental, Social and Governance (ESG) metrics do not serve services customers: a missing link between sustainability metrics and customer perceptions of social innovation. *Journal of Service Management*, 2022, vol. 33, no. 4/5, pp. 565– 577. DOI: 10.1108/JOSM-11-2021-0428.
19. Arif M., Sajjad A., Farooq S., Abrar M., Joyo A.S. The impact of audit committee attributes on the quality and quantity of Environmental, Social and Governance (ESG) disclosures. *Corporate Governance*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 497–514. DOI: 10.1108/CG-06-2020-0243.
20. Chouaibi S., Chouaibi J., Rossi M. ESG and corporate financial performance: the mediating role of green innovation: UK common law versus Germany civil law. *EuroMed Journal of Business*, 2022, vol. 17, no. 1, pp. 46–71. DOI: 10.1108/EMJB-09-2020-0101.
21. *Official website of PJSC TATNEFT*. 2023. (In Russ.) Available at: <https://www.tatneft.ru> (accessed 1 June 2023).
22. Aktobe: an autonomous sustainable energy-efficient settlement. *Tatneft*, 2022. (In Russ.) Available at: https://www.tatneft.ru/userfiles/files/Презентация_Актюбэ_финальная_сборка.pdf (accessed 1 June 2023).
23. Results of the implementation of Strategy – 2030 and amendments to it. *Ministry of Economy of the Republic of Tatarstan*. (In Russ.) Available at: https://mert.tatarstan.ru/file/pub/pub_1646746.pdf (accessed 23 January 2023).
24. Kudriavtseva O.V., Yakovleva E.Iu. Biotechnological industries in Russia and in the world: typology and development. *Modern Management Technology*, 2014, no. 7 (43). (In Russ.) Available at: <https://sovman.ru/article/4307/> (accessed 10 June 2023).
25. Safina A.V. Structural transformation of timber industry complex of Tatar Republic in wood processing. *Woodworking industry*, 2012, no. 4, pp. 45–47. (In Russ.)
26. Alghababsheh M., Gallear D. Social sustainability in the supply chain: a literature review of implementation, approaches and (un)intended outcomes. *Management & Sustainability: An Arabic Review*, 2022, vol. 1, no. 1, pp. 84–109. DOI: 10.1108/MSAR-01-2022-0003.

Information about the authors

Olga V. Antipova, Dr. Sc., Professor, Almetyevsk State Petroleum Institute, 2, Lenin street, Almetyevsk, 423462, Russian Federation. antipova01@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1238-2897>

Olga A. Fatkhutdinova, Cand. Sc., Associate Professor, Almetyevsk State Petroleum Institute, 2, Lenin street, Almetyevsk, 423462, Russian Federation. fathutdinovaoa@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3715-3524>;

Irina V. Sharf, Dr. Sc., Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation. irina_sharf@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1333-1234>

Received: 03.02.2024

Revised: 20.03.2024

Accepted: 29.03.2024

УДК 339.1/.3:004.738.5

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1737

Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Аспекты управления и оценка экономической эффективности цифровых системообразующих компаний

С.В. Разумова[✉]

Институт предпринимательской деятельности, Республика Беларусь, г. Минск

[✉]swrasum@yandex.ru

Аннотация. Актуальность: развитие цифровых экосистем значительно ускорилось за последние 3–5 лет под воздействием глобальных экономических, социальных и технологических изменений. Цифровые платформы завоевали первенство по объемам продаж и уровню капитализации в таких областях, как реклама, развлечения, торговля, коммуникации, информационные технологии, и значительно изменили финансовый сектор и туристический. Однако в научной литературе отсутствует экономический анализ ведущих цифровых экосистем: представлено лишь описание их бизнес-моделей, не в полной мере позволяющее отметить ключевые пики экономической активности и сравнить уровень успешности. **Цель:** обзор теоретических подходов к управлению цифровыми экосистемами и проведение сравнительного анализа владельцев лидирующих цифровых экосистем по доступным экономическим показателям. **Методы:** методологической основой исследования послужила концепция экономических экосистем и теория менеджмента. В качестве методов использовались структурно-логический и сравнительный анализы, метод построения матриц. Информационной базой являются данные, представленные исследовательскими компаниями Fortune 500 и Interbrand. **Результаты:** проведен анализ научных публикаций на тему управления цифровыми экосистемами с выделением уровней и объектов управления, а также роли владельца (создателя) экосистемы, представлена характеристика основных экономических показателей владельцев ведущих мировых цифровых экосистем в b2c- и b2b-сегментах. Выделены лидеры по ряду показателей, включая стоимость бренда. Самой успешной цифровой экосистемой является Apple. В большей мере реализующие экосистемные продукты Amazon, Meta¹, Google, Alibaba при сравнимом уровне продаж отстают и по уровню капитализации, и по стоимости бренда. B2b-экосистемы менее доходны в сравнении с b2c, но имеют более устойчивую тенденцию к росту. Проведенный анализ подчеркивает необходимость более глубокой оценки каждой цифровой экосистемы на уровне ее владельца, платформы и участников.

Ключевые слова: платформенная экосистема, цифровая экосистема, цифровая системообразующая компания, суперприложение, стоимость бренда экосистемы, цифровые экосистемы b2c и b2b

Для цитирования: Разумова С.В. Аспекты управления и оценка экономической эффективности цифровых системообразующих компаний // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 139–162. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1737

¹ Запрещенная в России организация, деятельность которой признана экстремистской.

UDC 339.1/.3:004.738.5

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1737

Management aspects and assessment of the economic efficiency of digital ecosystem companies

S.V. Razumova✉

Institute of Entrepreneurship, Minsk, Republic of Belarus

✉swrasum@yandex.ru

Abstract. Relevance. Development of digital ecosystems has accelerated significantly over the past three to five years, driven by global economic, social, and technological changes. Digital platforms took the lead in sales and capitalization in areas such as advertising, entertainment, trade, communications, information technology and significantly changed the financial and tourism sectors. However, the scientific literature lacks an economic analysis of the leading digital ecosystems, presenting only a description of their business models, which does not fully allow noting the key peaks of economic activity and compare the level of success. **Aim.** To review theoretical approaches to the management of digital ecosystems and conduct a comparative analysis of owners of leading digital ecosystems on affordable economic indicators. **Methods.** Methodological basis of the study is the concept of economic ecosystems and management theory. We use in the article the methods of structural-logical and comparative analysis. We analyze the Fortune 500 and Interbrand databases. **Results.** We considered scientific publications on the theme of digital ecosystems management with allocation of levels and objects, underling the owner role, and provides analysis of the main economic indicators of the world leading digital ecosystems in b2c and b2b-segments. Our results allowed identifying the leaders on several indicators, including the brand value. The assessment across several parameters identified Apple as a business model demonstrating better results in the digital ecosystem category. With comparable sales, Amazon, Google, Alibaba, and Meta products lag in both capitalization and brand value. B2b ecosystems are less profitable than b2c, but tend to grow more steadily. We examined the need for a deeper assessment of each digital ecosystem at the level of its owner, platform, and participants.

Keywords: platform ecosystem, digital ecosystem, digital ecosystem orchestrator, superapp, ecosystem brand value, b2c and b2b-digital ecosystems

For citation: Razumova S.V. Management aspects and assessment of the economic efficiency of digital ecosystem companies. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 139–162. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1737

Введение

В последнее время уделяется большое внимание цифровым экосистемам, отмечается их возрастающая роль в формировании национальных экономик, особенно подчеркивается актуальность платформенных решений и растущее влияние лидирующих мировых цифровых экосистем (Google, Apple, Meta¹, Microsoft, Tencent, Alibaba) и российских (Сбербанк, Yandex, Mail.ru Group). Ряд исследователей отмечает ключевые преимущества цифровых экосистем: совместный доступ участников к сформированной базе знаний и данных о клиентах, расширенные возможности инновационной деятельности, создание комплексных продуктов и решений, обеспечивающих синергетический эффект в формировании потребительской полезности, рост уровня сервиса и удовлетворенности пользователей, снижение операционных издержек и маркетинговых затрат, автоматизация и стандартизация ряда бизнес-процессов, высокий уровень защиты информации и безопасности [1–3]. Другие обращают внимание на некоторые риски, связанные с монополизацией, ограничением развития несистемных игроков, возрастающим давлением на поставщиков и новых игроков, ростом из-

держек переключения для пользователей, ограничением потребительского выбора в перспективе [4, 5].

Предпосылкой развития экосистем является цифровая трансформация, которая, в свою очередь, также усиливается благодаря экосистемным игрокам. Цифровая трансформация приводит к взаимосвязанным изменениям в продуктах, услугах, стратегиях, бизнес-процессах и взаимоотношениях между предприятиями и сегментами рынка. Умное производство в дальнейшем не способно эффективно развиваться в виде изолированных проектов, так как происходит в контексте целых секторов рынка. Разработка сложных инновационных продуктов возможна благодаря объединению усилий ряда компаний, экосистема которых становится глобальной и многосекторальной средой [6]. Такие настройки наиболее легко реализуемы в случае цифровых бизнесов, хотя также требуют интеграции технологий и слияния продуктовых решений. Цифровые платформы позволяют быстрее и эффективнее осуществлять взаимодействия, обеспечивая комплементарность (создание большей потребительской стоимости при формировании дополненного предложения товаров или услуг и достижении синергетического эффекта от взаимодействия компаний-партнёров) и win-win-эффект (большая выгода для создателя экосистемы, ее участника и потребителя благодаря указанной комплексности продукта, условий его предоставления и особенностей обслуживания клиента в едином канале) [7].

Исследуя особенности становления шеринг-экономики, Е.В. Попов, А.Ю. Веретенникова, А.П. Мокрушникова [8] отмечают особую роль цифровых экосистем из сферы туризма Uber, Airbnb в формировании платформенного этапа, основанного на широком покрытии скоростного Интернета, развитии цифровых форм оплаты и других финансовых инструментов. Современный «продвинутый» (после пандемии 2020 г.) этап авторы представили как экосистемный. Для него характерно появление новых привычек и моделей поведения, рост человеческого капитала и развитие информационной среды. Развертывание экосистемного этапа тесно связано с распространением так называемых суперприложений, которые при возрастающем потреблении мобильного Интернета становятся важнейшим каналом привлечения и удержания экосистемных пользователей. Многие суперприложения берут свое начало от финансовых сервисов, совмещают множество социальных, финансовых, сервисных и развлекательных функций [9]. Согласно отчету Future Market Insights по итогам 2023 г. объем рынка суперприложений составит 78,16 млрд долл. США, а к 2033 г. увеличится до 887,30 млрд долл. со среднегодовым темпом роста в 27,5 % [10].

Относительно будущего цифровых экосистем компания PWC в своем прогнозе «Global business ecosystems 2030» [11] отмечает, что 2/3 глобальной экономической деятельности будет осуществляться 1/3 экосистемных доменов. Ведущими экосистемными решениями окажутся: инфраструктурные (18 %), кастомизированные и способствующие быстрому удовлетворению спроса (15 %), обеспечивающие персональное благосостояние и правовую защиту (14 %), общее благополучие (13 %) и адаптивное развитие (6 %). Наиболее быстрорастущими PWC сочла b2b-экосистемы. В этом сегменте, по прогнозам уже компании Gartner, к 2027 г. более 70 % предприятий будут использовать отраслевые облачные платформы для ускорения реализации своих бизнес-инициатив против менее чем 15 % в 2023 г. Такие системы объединят сервисы SaaS, PaaS и IaaS в единую среду с компонуемыми функциями [12].

В России настоящее время особенно быстро развиваются цифровые экосистемы в отрасли телекоммуникаций – Mail.ru, Яндекс, Tele2, ВымпелКом, МегаФон, Ростелеком, МТС; развлечений – стриминговые платформы Twitch, Trovo (Tencent), VK Play (mail.ru), RuTube (Газпром-медиа) и онлайн-кинотеатры – IVI, КиноПоиск (Яндекс), ОККО, Amediateka; финансов – Тинькофф, Сбербанк; онлайн-торговли – Lamoda, Wildberries, Azon. Особое внимание российские авторы уделяют описанию экосистем ПАО Сбербанк, АО «Тинькофф Банк», Банка ВТБ (ПАО) [13]. Среди суперприложений наиболее популярны Яндекс Go, «Мой МТС», «ВКонтакте».

В российском b2b-сегменте по итогам 2022 г., по мнению экспертов J'son and Partners Consulting, наиболее перспективными являются: онлайн-коммуникации, голосовые помощники, контакт-центры, чат-боты, облачные платформы, использование искусственного интеллекта (ИИ), кибербезопасность, рекламные услуги, усиление направления финансовых услуг в экосистемах IT-компаний, юридические и бухгалтерские сервисы, сервисы по работе с персоналом. Важным фактором роста b2b-экосистем видятся возможности предоставления комплексных решений: Интернет и связь, IT-инфраструктура, офисное ПО, облачные услуги, мессенджеры и чат-боты, а также кибербезопасность, предоставление полного банковского обслуживания [14]. Слияния и поглощения, как и ранее, остаются залогом роста цифровых экосистем в b2c- и b2b-сегментах [5].

По данным исследовательской компании J'son & Partners Consulting в 2022 г. российский рынок экосистемных подписок вырос на 24 % в сравнении с 2021 г. и составил 58,1 млрд руб. Крупнейшей экосистемой стала компания «Яндекс» с долей рынка в 38 %. На второй позиции находится МТС – 21 %, а на третьей «Сбер» – 18 %. Помимо тройки лидеров заметными игроками рынка экосистемных подписок являются и названные ранее Тинькофф, Mail.ru, Tele2, МегаФон, Газпромбанк, Ozon и X5 [15].

При значительно возросшем количестве публикаций на тему цифровых экосистем все еще недостаточно внимания уделено аспектам их управления и выделению роли системообразующей компании – владельца (создателя), оценке экономического потенциала цифровых экосистем в сравнении с традиционными бизнес-моделями.

Цель данной статьи – обзор теоретических подходов к управлению цифровыми экосистемами и проведение сравнительного анализа владельцев лидирующих цифровых экосистем по доступным экономическим показателям.

Для достижения поставленной цели *решены следующие задачи*: рассмотрены теоретические аспекты формирования цифровых экосистем, особенностей их управления и функционирования; выделены показатели и уровни оценки цифровых экосистем; проанализированы основные показатели роста владельцев цифровых экосистем за последние 9 лет с выделением лидеров в области продаж, капитализации и стоимости бренда; интерпретированы полученные результаты и сформулированы ключевые выводы относительно феномена цифровых экосистем в сравнении с традиционными бизнес-моделями.

Научный обзор: особенности управления и оценка результативности цифровых экосистем

Цифровые экосистемы, часто платформенного типа (метаорганизации или «организации организаций»), являются менее формальными и менее иерархическими структурами, чем традиционные компании, и тем не менее более тесно связанными, чем традиционные рынки [16]. Они представляют собой систему систем, каждая из которых имеет свои собственные цели и вносит частичный вклад в достижение общих целей. Кроме того, осуществляется обмен стратегиями. В цифровой экосистеме клиенты становятся поставщиками, поскольку они предоставляют информацию о своих потребностях, привычках и финансовых данных, а поставщики становятся клиентами этих данных [17]. Владельцы экосистемной платформы поощряют третьи стороны разрабатывать дополнительные инновации, и в результате сети компаний демонстрируют значительную взаимозависимость и взаимодополняемость [16].

Цифровые экосистемы выполняют такие функции, как обработка, синхронизация и интеграция данных, управление синхронизацией и интеграцией бизнес-процессов, разработка правил, их распространение и проверка соответствия правилам действий и процессов, поставка и объединение целей участников, гарантирование доступа продуктов и услуг всем субъектам экосистемы, соблюдение требований безопасности [17].

Компании, входящие в цифровые экосистемы, могут играть различные роли: «ускорителя» – цифровой платформы, создателя новой технологии, материала, инициатора инновационного проекта или стартапа; интегратора – института, инновационной структуры, хаба, аккумулирующего знания, компетенции и необходимый международный опыт; разработчика – научно-исследовательского института, инженерной структуры, научной лаборатории, стартапа; исполнителя – предприятия, реализующего проекты на своей территории; промоутера – организации, занимающийся продвижением передовых идей и производств, рекламодателя [18]. Для успешного функционирования экосистем требуется координация действий множества участников, не все интересы которых совпадают [19], что определяет и особенности управления экосистемами.

Управление экосистемой предполагает управление многоуровневой конфигурационной совместной эволюцией компании-организатора (владельца), экосистемы (ее участников) и цифровой платформы [20]. Оно сосредоточено на выявлении, формировании и регулировании отношений с компаниями-партнерами [21] и реализуется посредством управления стабильностью и оркестровки экосистемного обучения [20]. Управление экосистемой требует от ее владельца новых знаний и умений для адаптации участников, установления и организации правил, ролей и обязанностей, согласования целей и стимулов, координации деятельности и ресурсов. Особое внимание уделяется правовым аспектам, вопросам времени, ресурсов и формализации. Нужны новые процедуры формализации, коммерциализации и расширения сотрудничества [21].

Условия взаимодействия в рамках цифровой экосистемы определяются переговорной силой владельцев зарождающихся платформ и стадией жизненного цикла отрасли, которую обслуживает экосистема. Первоначальные механизмы управления, которые создаются внутри экосистемы, влияют на способность владельцев платформ изменять эти механизмы, когда возникающие в результате отношения и взаимозависимости становятся более устойчивыми [22]. Владелец в последующем выступает в качестве организатора или контролирующей силы, ограничивающей некоторые свободы компаний-участников, находящихся в зависимости от установленных экосистемных правил и требований.

Несмотря на ряд преимуществ подключения к платформе (доступ к новым технологиям, сервисным и аналитическим решениям, клиентским базам данных), партнеры вынуждены конкурировать между собой и в ряде случаев с сервисами и продуктами создателя экосистемы, часто разрабатывают собственные конкурентные и маркетинговые стратегии [23]. Более сильные партнеры с высоким уровнем технологической и инновационной подготовки впоследствии развивают свои платформы, тогда как другие могут поглощаться экосистемным игроком. Однако функция контроля в цифровой экосистеме достаточно сложно реализуема. Партнерские связи, сформированные с помощью цифровых технологий, не особенно сильны, имеют тенденцию быть подвижными и добровольными. Партнеры могут быстро приходить и уходить, взаимодействуя внутри экосистемы без вмешательства организаторов. Владельцы (организаторы) могут быть не в состоянии идентифицировать или знать о присутствии всех партнеров, преследующих собственные цели и реализующих свои инновационные стратегии [24]. Следует также отметить, что участники одной цифровой платформы могут быть в то же время и участниками другой. Например, в целях развития каналов продаж компания может подключаться к торговым площадкам и классифайд-платформам, а для реализации маркетинговых и коммуникационных стратегий – использовать возможности социальных и видеоплатформ. Разработчик мобильного приложения зачастую размещает две версии продукта – в Apple store и Google market.

Помимо схожести цифровых платформ в части партнерства как основного способа расширения системы, реализации принципа единого эккаунта для пользователей, комплексности и дополняемости предлагаемых продуктов и услуг, единства инфраструктурных решений

для всех партнёров-участников системы, наличия общих технических регламентов и стандартов имеется и ряд различий, требующих применения соответствующих управленческих подходов. Они определяются инфраструктурными особенностями и отраслевой принадлежностью и лежат в таких областях, как стратегическое проектирование, управление отношениями и партнерством, интеграция ресурсов, технологическая подготовка и инновационная практика. Организатору цифровой платформы наряду с вопросами ресурсного характера необходимо выстроить деловые, партнёрские отношения часто с совершенно различными по масштабу деятельности, корпоративным и маркетинговым стратегиям участниками, обеспечив при этом равные технологические, инфраструктурные и инновационные возможности [25]. Имеет значение и фокус, дифференцирующая идея платформы. Например, схожие по отраслевому признаку маркетплейсы eBay и Amazon по-разному формируют свои ценностные предложения. Главная ценность Amazon – обеспечение возможностей онлайн-транзакций за счет решения логистических задач, выстраивание полного пути клиента от поиска информации о товаре до доставки. eBay больше сосредоточился на информационных проблемах, связанных с транзакциями – асимметрией информации о качестве и надежности продавцов, и предоставляет ряд инструментов, включая прямое общение продавца и покупателя и механизмы разрешения споров [26]. Huawei и Apple, также оперирующие на сходных рынках, являются организаторами (оркестраторами) своих бизнес-экосистем, владеют большими объемами капитала, эксклюзивными технологиями и продуктами, но имеют ряд отличий в области бизнеса и маркетинга: на уровне ключевых видов деятельности, стратегической сегментации, открытости систем для партнеров [27]. Более закрытая и сфокусированная на представлении рынку уникальных дорогих решений Apple при значительно меньшем количестве каналов продаж и маркетинговых бюджетах достигает гораздо большего уровня прибыли и дохода в расчете на одного сотрудника. Стоимость бренда Apple в 17,6 раз превосходит стоимость бренда Huawei по расчетам компании Interbrand [28]. Бизнес-модель Apple – это предложение интегрированных между собой элементов в виде «электронных устройств, программных продуктов и цифровых сервисов, поддерживаемых доступом к платформам – магазинам приложений или цифрового контента». Такая бизнес-модель является деловой экосистемой решений, поскольку ценностное предложение для пользователей обеспечивается не только компанией Apple, но и наличием широкого круга партнеров, играющих важную роль в инновационном развитии [29].

Перед владельцем цифровой экосистемной платформы стоят следующие управленческие задачи: экосистемное прогнозирование, включая экосистемную разведку (поиск новых направлений и партнеров, способных увеличить потребительскую ценность экосистемных продуктов в перспективе), развитие процедур налаживания отношений с новыми партнерами, поиск и инициация новых возможностей и форм сотрудничества; разработка процедур, связанных с межфункциональной интеграцией партнеров, налаживанием гибких партнерств и координацией совместного создания ценностей; развитие потенциала управления, включающее проактивный менеджмент, экосистемный мониторинг и экосистемное обучение; стимулирование инновационных возможностей и поддержка инновационной активности входящих в экосистему и потенциальных участников [21]. Таким образом, традиционные управленческие функции – планирование, прогнозирование, координация, организация и контроль – по-новому реализуются в рамках цифровых экосистем, а на компании-владельце (организаторе) лежит основная ответственность за такие объекты управления, как сетевое партнерство и межфункциональные взаимодействия; экосистемный продукт и инновации; экосистемная информация и система ее распределения; система взаимоотношений с клиентами; экосистемная инфраструктура и ресурсы; инвестиционная и деятельность в области слияний и поглощений.

Пользователи в платформенных экосистемах являются важной регулирующей силой посредством выражения своих запросов и предложений по совершенствованию предлагаемых цифровых продуктов и услуг. Развитые системы цифровой клиентской аналитики, обеспечивающие высокий уровень мотивации клиентов и построение долгосрочных отношений, формируют конкурентные преимущества экосистем для вступающих в нее участников. Интеграция клиентов в процесс создания ценности позволяет достигать более высокой степени приверженности бренду экосистемы и продуктам компаний-участников, увеличивает барьеры переключения на конкурирующие предложения [30, 31].

Осознавая роль пользователя, ряд исследователей фокусирует внимание не столько на эффективности, сколько на гибкости цифровой экосистемы – способности соответствовать меняющимся предпочтениям потребителей. Гибкость обеспечивается открытостью и качеством платформы (удобством для пользователя и качеством предлагаемых услуг), ее дизайном, развитием сетевых эффектов и сетевой интерактивности [23]. Некоторые авторы обращают внимание на уровень защиты персональной информации, предоставляемый цифровыми платформами, и определяют неузвимость цифровых платформ как важный фактор сохранения их репутации и удержания пользователей. Случаи утечки пользовательской информации с платформ Facebook, Apple привели не только к серьезным правовым, но и имиджевым последствиям, что заставило платформы внедрить дополнительные инструменты и способы ее защиты [32].

Следует отметить постепенное расширение цифровых экосистем до уровня метаэкосистем, когда деятельность одной экосистемы пересекает границы другой (например, торговая онлайн-платформа взаимодействует с платформой цифровых маркетинговых услуг). Управление в таком случае становится более сложно реализуемым, требует дополнительной оркестровки цифровых продуктов и услуг [33]. В таком случае владелец экосистемы осуществляет управление на трех уровнях:

- мета – управление взаимоотношениями двух и более пересекающихся экосистем (во взаимодействии с владельцами других экосистем);
- мезо – управление процессами и взаимоотношениями в рамках одной экосистемы (в экосистемах вертикального типа единолично, вертикального типа – с привлечением партнёров-участников);
- микро – управление компанией (единолично в рамках собственной стратегии роста).

Роль регулятора цифровых экосистем и метаэкосистем обычно отводится государственным органам, отраслевым ведомствам, общественным организациям, сообществам экспертов. Государственные органы призваны решать проблемы безработицы, монополизации, ценового давления, защиты персональной информации [34], которые сталкиваются со значительными сложностями в определении привычных для контроля и регулирования отраслевых границ. В государственном секторе Российской Федерации и Республики Беларусь понятие «экосистема цифровой экономики» подразумевает партнерство всех видов экономических агентов на основе цифровой среды [35]. Экосистема цифровой экономики – это среда, обеспечивающая взаимодействие и развитие всех трех уровней экосистем при участии государственных, общественных, образовательных, инфраструктурных и других институтов. Итогом формирования этой среды выступает цифровое государство, представляющее новые цифровые возможности и условия своим гражданам и субъектам хозяйствования. Фокус внимания цифрового государства сосредоточен на развитии цифрового общества, цифрового регулирования, цифрового правительства, цифровой инфраструктуры, цифрового кадрового потенциала, информационной безопасности, цифровых услуг и сервисов [36].

Таблица 1. Управленческие функции владельца экосистемы и области оценки результативности экосистемы
Table 1. Management functions of the ecosystem owner and areas for assessing ecosystem performance

Уровень управления и роль владельца экосистемы Management level and role of the ecosystem owner	Объект управления Control object	Функции владельца экосистемы Ecosystem owner functions	Области оценки результативности и примерный перечень показателей Areas of performance assessment and a sample list of indicators
<p>Метауровень Meta level Партнер/Partner</p>	<p>Взаимоотношения и бизнес-процессы двух и более пересекающихся экосистем Relationships and business processes of two or more intersecting ecosystems</p>	<p>Формирование взаимосвязей с потенциальными партнерскими экосистемами Подготовка и реализация партнерских соглашений Координация и оптимизация партнерских экосистемных бизнес-процессов Управление экосистемными кадрами Планирование и контроль совместной инновационной и инвестиционной деятельности Организация партнерской деятельности в области цифровой аналитики Контроль показателей результативности совместной деятельности Forming relationships with potential partner ecosystems Preparation and implementation of partnership agreements Coordination and optimization of partner ecosystem business processes Ecosystem Human Resources Management Planning and control of joint innovation and investment activities Organization of partnership activities in the field of digital analytics Monitoring performance indicators of joint activities</p>	<p>Финансовые – дополнительный доход от партнерских продуктов, рентабельность продаж продуктов Клиентские – уровень удовлетворенности, прирост среднего чека и частоты покупок за счет партнерских продуктов Процессные – уровень согласованности экосистем (уменьшение затрат на разработку и продвижение продуктов), снижение ошибок синхронизации систем Развитие – уровень удовлетворенности персонала от сотрудничества, уровень затрат на совмещение инфраструктур Financial – additional income from affiliate products, profitability of product sales Customer – level of satisfaction, increase in average check and frequency of purchases due to partner products Process – level of ecosystem consistency (reducing costs for developing and promoting products), reducing system synchronization errors Development – level of staff satisfaction from cooperation, level of costs for combining infrastructures</p>

<p>Мезоуровень Meso level</p> <p>Оркестратор экосистемы (создатель, регулятор, организатор, контролер) Ecosystem orchestrator (creator, regulator, organizer, controller)</p>	<p>Взаимоотношения и бизнес-процессы экосистемы Ecosystem relationships and business processes</p>	<p>Создание и управление экосистемной инфраструктурой Разработка экосистемных правил, регламентов, процедур Организация и контроль экосистемных бизнес-процессов Организация и координация взаимодействий с партнерами (поставщиками, аутсорсинговыми, консалтинговыми и другими компаниями) Интеграция и сопровождение экосистемных участников, их продуктов и услуг Управление экосистемным персоналом Координация деятельности в области сбора, обработки и предоставления информации Creation and management of ecosystem infrastructure Управление взаимоотношениями с клиентами экосистемы Прогнозирование и планирование развития экосистемы Контроль эффективности и результативности экосистемных бизнес-процессов Управление экосистемными рисками Стратегическое маркетинговое планирование экосистемы Development of ecosystem rules, regulations, procedures Organization and control of ecosystem business processes Organization and coordination of interactions with partners (suppliers, outsourcing, consulting and other companies) Integration and support of ecosystem participants, their products and services Ecosystem Personnel Management Coordination of activities in the field of collection, processing and provision of information Ecosystem Customer Relationship Management Forecasting and planning for ecosystem development Monitoring the efficiency and effectiveness of ecosystem business processes Ecosystem Risk Management Strategic Marketing Ecosystem Planning</p>	<p>Финансовые – дополнительный доход от реализации экосистемных продуктов, подключения участников, рентабельность и окупаемость экосистемных инвестиций, продуктов Инфраструктурные – время обработки экосистемных сделок, объем ошибок на количество операций, уровень сложности проведения экосистемных операций, уровень максимальной загрузки на инфраструктуру Клиентские – уровень удовлетворенности, прирост среднего чека и частоты покупок за счет экосистемных продуктов, уровень лояльности, удержания клиентов, пролонгаций подписки, перекрестные продажи, средний чек, уровень затрат на удержание 1 клиента, стоимость привлечения 1 нового клиента Развитие – уровень удовлетворенности участников, затраты на их привлечение и синхронизацию, показатели работы персонала экосистемы Имиджевые – уровень репутации экосистемы, уровень упоминаемости, количество положительных откликов, рекламаций Financial – additional income from ecosystem products, connection of participants, profitability and payback of ecosystem investments, products. Infrastructure – processing time for ecosystem transactions, volume of errors per transaction number, level of complexity of ecosystem transactions, level of maximum load on infrastructure Customer – level of satisfaction, increase in average check and frequency of purchases due to ecosystem products, level of loyalty, customer retention, subscription renewals, cross-selling, average check, level of costs to retain 1 client, cost of attracting 1 new client Development – level of satisfaction of participants, costs of attracting and synchronizing them, performance indicators of ecosystem personnel Image – level of reputation of the ecosystem, level of mentions, number of positive responses, complaints</p>
---	--	---	---

<p>Микроуровень Micro level</p> <p>Владелец экосистемы, участник экосистемы Ecosystem owner, ecosystem participant</p>	<p>Бизнес-процессы компании Company business processes</p>	<p>Планирование, прогнозирование деятельности компании</p> <p>Организация и координация деятельности персонала, функциональных подразделений, проектных команд</p> <p>Мониторинг и контроль показателей деятельности компании</p> <p>Управление репутацией, брендинг компании и ее продуктов</p> <p>Разработка и продвижение продуктов компании (включая экосистемные)</p> <p>Интеграция бизнес-процессов в экосистемные процессы</p> <p>Планирование маркетинговой деятельности компании</p> <p>Planning, forecasting company activities</p> <p>Organization and coordination of the activities of personnel, functional departments, project teams</p> <p>Monitoring and control of company performance indicators</p> <p>Reputation management, branding of the company and its products</p> <p>Development and promotion of company products (including ecosystem products)</p> <p>Integration of business processes into ecosystem processes</p> <p>Planning the company marketing activities</p>	<p>Стандартная система показателей: финансовые, клиентские, процессные, проектные, по развитию Standard system of indicators: financial, client, process, project, development</p>
--	--	--	--

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Методика исследования

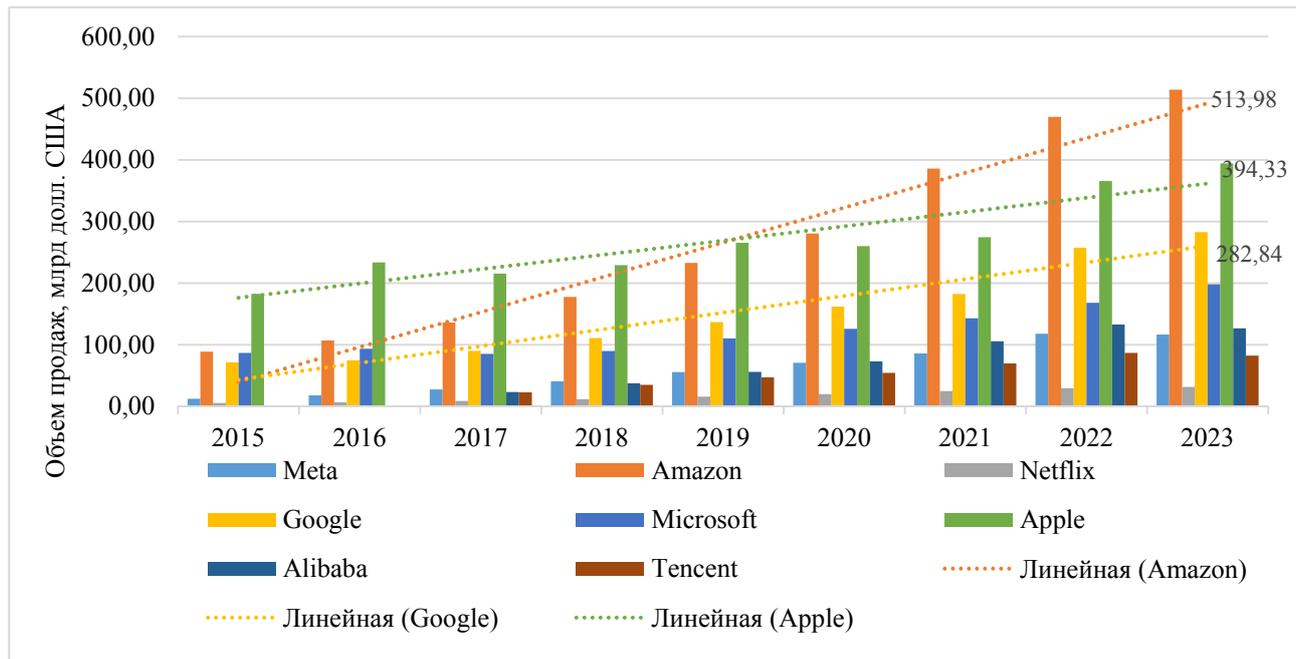
Объектом изучения являются ведущие владельцы экосистем, предметом – финансовые показатели их деятельности за последние девять лет. Исследование включало несколько этапов: описание современного состояния проблемы развития цифровых экосистем; изучение научной литературы, раскрывающей особенности управления цифровыми экосистемами и определения их экономической эффективности; сравнительная оценка некоторых финансовых и рыночных показателей ведущих цифровых экосистем в сегментах b2c и b2b для понимания отличий в этапах и особенностях их развития. Для сравнительной оценки приведены динамические показатели объемов продаж, капитализации, прибыли, стоимости брендов, объема продаж в расчете на одного сотрудника, что дало возможность выявить группы схожих в части развития цифровых экосистем и отметить наиболее успешных из них по выявленным параметрам. Сопоставление показателей динамики продаж с мировыми лидерами, представляющими традиционные бизнес-модели, позволило отметить значительно более быстрые темпы роста и уровни капитализации, свойственные цифровым экосистемам.

В качестве объектов для изучения взяты владельцы цифровых экосистем, вошедшие в список Fortune 500 из разных отраслей и индустрий. Для сравнения цифровых экосистем по показателю «стоимость бренда» использованы данные компании Interbrand.

Для оценки результативности цифровых экосистем предлагаются разные подходы: одни авторы используют такие критерии, как рыночная доля потребителя, рыночная доля поставщика, количество партнерских отношений / степень сетевых связей, ценность бренда создателя экосистемы, уровень основной потребительской ценности, уровень дополнительной ценности, уровень дохода и разнообразие предоставляемых продуктов и сервисов [37]; другие разрабатывают систему сбалансированных показателей (kpi), где в категории бизнес-процессов оценивают соответствие экосистемных процессов принципам менеджмента качества, бережливого производства, проектного менеджмента, экономической безопасности, в категории клиентов – уровень лояльности, скорость реагирования на запросы, долгосрочность отношений, в категории цифровой зрелости – уровень цифровых компетенций персонала, цифровизация бизнес-процессов и процессов управления; в категории роста и инноваций – уровень правовой защиты, финансовую и проектную подготовку, уровень квалификации и мотивации персонала [18]. С точки зрения автора оценку результативности деятельности цифровых экосистем необходимо проводить по выявленным ранее мета-, мезо- и микро-уровням управления. Как было сказано ранее, управление осуществляет системообразующая компания (владелец цифровой экосистемы). Описание объектов управления и соответствующих им областей оценки результативности представлены в табл. 1.

Результаты исследования: анализ экономических показателей владельцев ведущих мировых цифровых экосистем

Для оценки современного экономического состояния ведущих мировых цифровых экосистем необходимо провести сравнительный анализ их основных экономических показателей с традиционными лидерами по объемам продаж и рыночной капитализации, входящими в список Fortune 500 [38]. На рис. 1 представлена динамика продаж самых популярных владельцев цифровых экосистем b2c за последние 9 лет. Очевидно, у каждой компании свой темп роста, а наиболее высокие показатели дохода у Amazon, Google и Apple. Рекордные темпы роста за 9 лет продемонстрировали Meta¹, которой удалось нарастить объем продаж более чем в 9 раз, Amazon и Netflix – более чем в 5,5 раз.

Темп роста, %	Amazon	Alibaba	Google	Apple	Microsoft	Meta ¹	Tencent	Netflix
За 9 лет	577,6		395,6	215,7	228,3	935,4		574,3
За 5 лет	220,7	225,9	206,7	148,5	179,7	208,8	174,4	200,2
За 3 года	133,1	119,8	155,0	143,6	138,6	135,6	118,0	126,5
2023 г. к 2022 г.	109,4	95,4	109,8	107,8	118,0	98,9	94,9	106,5

Источник: составлено автором по [38].

Source: compiled by the author according to [38].

Рис. 1. Темпы роста продаж ведущих цифровых b2c-экосистем с 2015 по 2023 г.

Fig. 1. Sales growth rates of leading digital b2c ecosystems from 2015 to 2023

Являясь платформенной экосистемой, которая предоставляет клиентам возможность строить социальные сети/отношения с другими, а маркетологам – общаться с пользователями и получать доступ к маркетинговым данным, Facebook (Meta¹) внедряет инновации в сфере услуг и придерживается маркетинговой стратегии дифференциации, основанной на уникальном позиционировании в каждом сегменте – сегменте пользователей, рекламодателей, разработчиков приложений и рекламных площадок. Важным преимуществом платформы является структурная гибкость, контролируемая структурная целостность, стремление к снижению когнитивного диссонанса (работа с мнениями и отношением к платформе) [39].

По темпу роста продаж за 5 лет лидерами оказались Alibaba и Amazon – цифровые торговые площадки. Amazon приводится в ряде публикаций как пример компании, выстроившей новую цифровую бизнес-модель, которая позволила значительно опередить отрасль розничных продаж [17]. В экосистему Amazon включены, кроме онлайн-ритейла, музыкальные, облачные, медицинские, финансовые сервисы, медиа, развлечения, ряд сервисов для партнеров в области логистики, брендинга, лендинга, и пр. Точками роста компании стало значительное расширение ее офлайн-присутствия, инвестирование и ускоренное развитие системы логистики, работа над комплексным ценностным предложением, значительная диверсификация и эффективное сопровождение экосистемных процессов [40]. Amazon присутствует в более чем 200 странах, в общем объеме продаж более 50 % приходится на продажи товаров и цифрового контента онлайн, около 20 % – комиссии с продажи и платные сервисы для продавцов (участников экосистемы), около 6 % – подписки [41]. Для участников экосистема предоставляет услуги fulfillment и обладает достаточно сильным доверием среди покупателей. Рост рассмотренных экосистем предсказуемо ускорился в период пандемии (уровень дохода

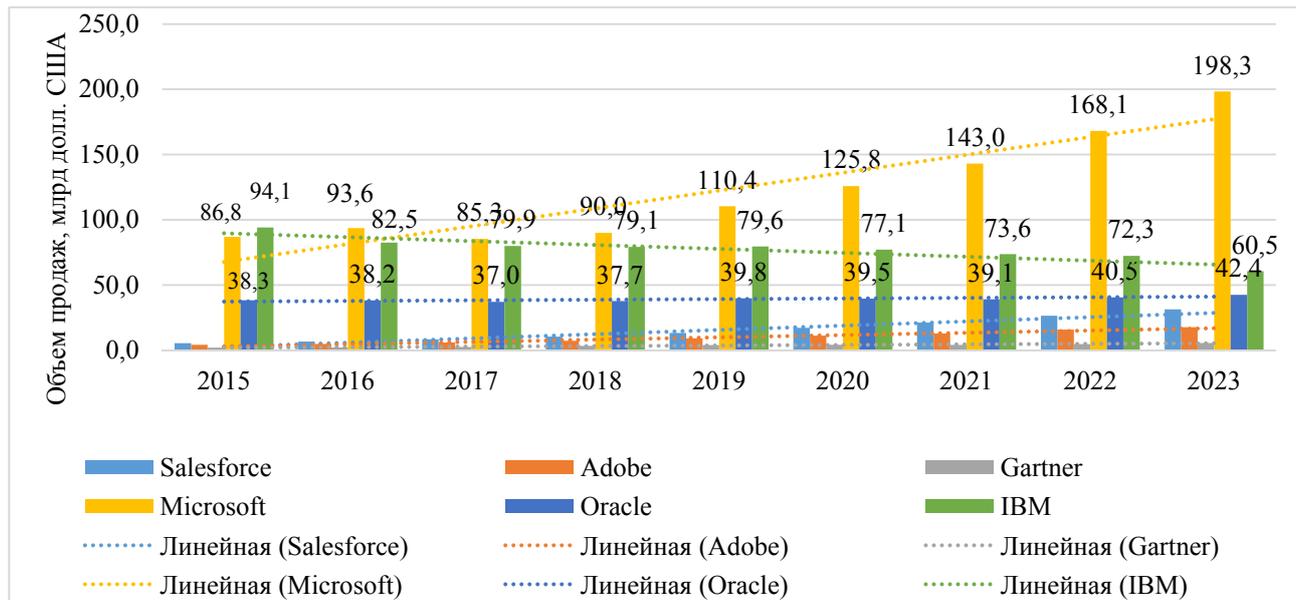
вырос более чем в 2 раза), но они не смогли удержать лидерство в дальнейшем. Среди представителей традиционных бизнес-моделей самыми высокими темпами роста за 5 лет отметились Pfizer (здравоохранение) с темпом в 187 %, Saudi Aramco (ресурсы) – 169,6 %, Home Depot (ретейл) – 145,5 %, State Grid (электроэнергия), Pepsi Co (FMCG) – 133,6 %, BMW Group – 130,4 %. Однако все представленные компании сделали большие усилия в области цифровизации и оптимизации собственных бизнес-моделей. Пятилетние темпы роста других лидеров рынка, вошедших в список Fortune 500, не были столь значительными и сильно уступали цифровым экосистемам. Например, сделавшая огромные усилия в части реализации стратегии «Direct to Customer» Nike достигла темпа роста 128,3 % за последние 5 лет. Скромными оказались результаты у автомобильных компаний Mitsubishi (109,7 %), Volkswagen (105,5 %) и Toyota Motor (100,7 %) с традиционно большей ставкой на материальные активы.

Лидирующими по темпам продаж в 2023 г. в сравнении с 2021 г. стали Google (155 %), Apple (143,6 %), Microsoft (138,6 %). Китайские Alibaba и Tencent оказались на низших позициях с темпом роста в 120 и 118 % соответственно. Примечательно, что сервис Netflix, продемонстрировавший значительный темп роста в сравнении с низкой базой 2015 г., за последние 3 года с темпом роста в 126,5 сравнялся с Walt Disney – традиционной экосистемой, которая значительно скорректировала свою стратегию в направлении цифровизации. 2023 г. показал замедление темпов роста цифровых платформ, представленных в анализе, объемы продаж сократились по сравнению с 2022 г. у Alibaba, Meta¹ и Tencent, низкие темпы роста отмечены у Apple, Netflix, Amazon. Ускоренные темпы прироста с 2015 г. отмечались у Apple и Google. Пик по темпам прироста для Google, Meta¹ и Apple пришелся на 2022 г. в сравнении с 2021-м (от 30 до 40 %) и уже в 2023 г. не превысил и 10 %, у Netflix – 6,5 %, а у Meta¹ оказался отрицательным – –1,1%. У представителей традиционного бизнеса, входящего в лидеры по доходу, темпы роста в 2023 г. по сравнению с 2022-м были на уровне: Walmart – 106,5 % (ниже Amazon), Saudi Aramco – 150,8 % (ресурсы), State Grid (ресурсы) – 115,1 %, China National Petroleum (ресурсы) – 117,3 %, Volkswagen (авто) – 99,3 %, Berkshire Hathaway (инвестиции) – 109,4 %. Цифровые экосистемы, очевидно, не стали лидерами 2023 г. по темпам роста, уступив место ресурсным компаниям.

Динамика объемов продаж цифровых экосистем, относящихся к категории b2b, представлена на рис. 2.

По показателю продаж в абсолютном выражении указанные компании в несколько раз меньше Amazon, Google и Apple. Экосистема Microsoft, в значительной мере присутствующая в сегменте b2b-решений, продемонстрировала высокие темпы роста. За рассмотренные 9 лет (2023 к 2015 г.) наиболее быстро растущими стали Salesforce (с темпом в 583 %), Adobe (424,5 %) и Gartner (271 %), сконцентрированные на предоставлении комплексных b2b-решений. IBM, анонсировавшая несколько лет назад запуск экосистемы ПО для квантовых вычислений, пока снижает свою доходность: темп роста продаж за последние 9 лет не превысил 85 % [42]. На достаточно стабильном уровне, без особенных пиков роста, осуществляет свою деятельность Oracle.

В продолжение анализа цифровых экосистем необходимо рассмотреть показатель стоимости бренда наиболее популярных из них, сопоставив этот показатель с уровнем капитализации и уровнем их продаж в 2023 г. (рис. 3). Матрица построена по данным табл. 2.

Темп роста, %	Salesforce	Adobe	Gartner	Microsoft	Oracle	IBM
За 9 лет	583,4	424,5	271,0	228,3	110,9	64,3
За 5 лет	236,0	195,0	137,7	179,7	106,6	76,1
За 3 года	147,5	136,8	133,6	138,6	108,6	82,2
2023 г. к 2022 г.	118,3	111,5	115,7	118,0	104,8	83,7

Источник: составлено автором по [38].

Source: compiled by the author according to [38].

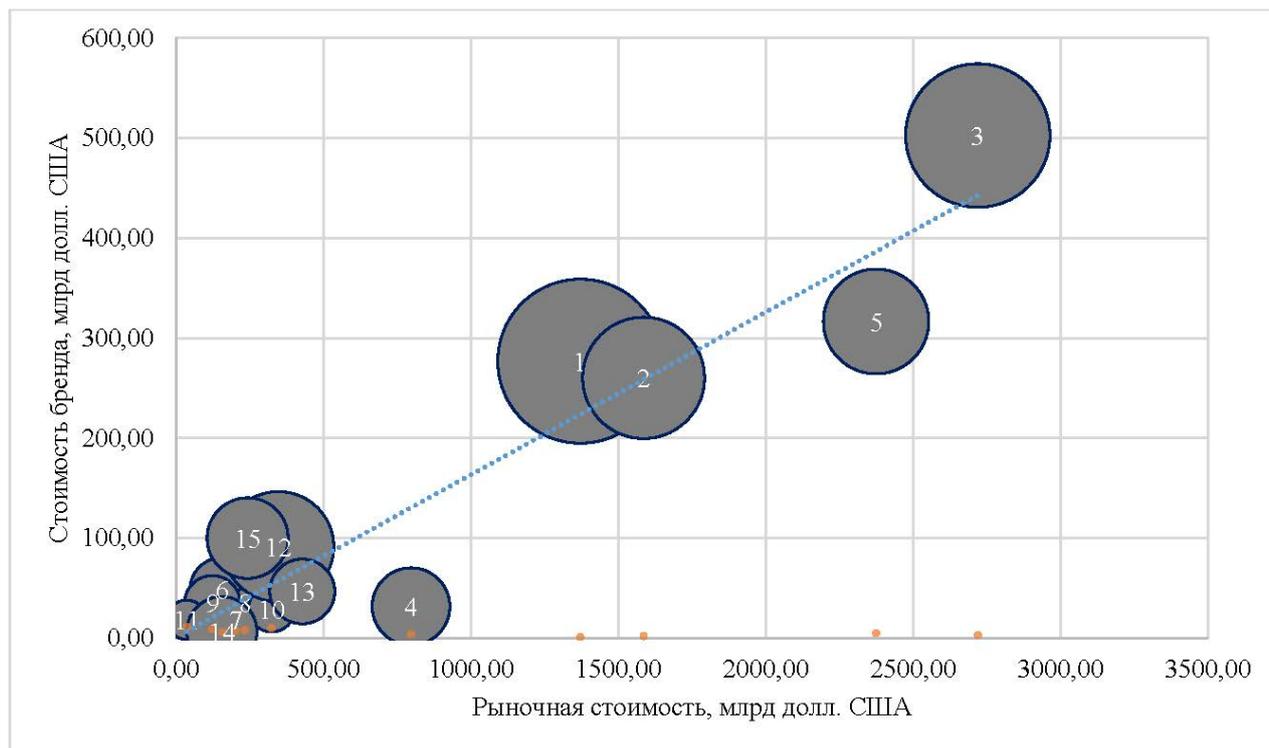
Рис. 2. Темпы роста продаж ведущих цифровых b2b-экосистем с 2015 по 2023 г.
Fig. 2. Sales growth rates of leading digital b2b ecosystems from 2015 to 2023

Таблица 2. Экономические показатели цифровых экосистем в 2023 г.
Table 2. Economic indicators of digital ecosystems in 2023

Компания Company	Уровень капитализации Capitalization level	Стоимость бренда Brand value	Уровень дохода Income level	Уровень дохода/ уровень капитализации Income level/ capitalization level	Стоимость бренда/ уровень дохода Brand value/ income level
	млрд долл./billion dollars				
Amazon	1370,37	276,93	513,98	0,38	0,54
Google	1585,27	260,26	282,84	0,18	0,92
Apple	2719,26	502,68	394,33	0,15	1,27
Meta ¹	796,04	31,63	116,61	0,15	0,27
Microsoft	2374,03	316,66	211,92	0,09	1,49
Walt Disney	156,34	48,26	82,72	0,53	0,58
Netflix	200,07	17,92	31,62	0,16	0,57
Adobe	232,16	34,99	17,71	0,08	1,98
IBM	121,90	34,92	60,53	0,50	0,58
Oracle	322,70	29,12	42,44	0,13	0,69
Salesforce	34,83	18,32	31,35	0,90	0,58
Samsung Electronics	346,00	91,41	234,13	0,68	0,39
Tencent	427,00	46,65	82,44	0,19	0,57
Huawei	154,24	6,51	95,49	0,62	0,07
Alibaba	241,47	100,00	126,81	0,53	0,79

Источник: составлено автором по [28, 38].

Source: compiled by the author according to [28, 38].

Источник: составлено автором по [28, 38].

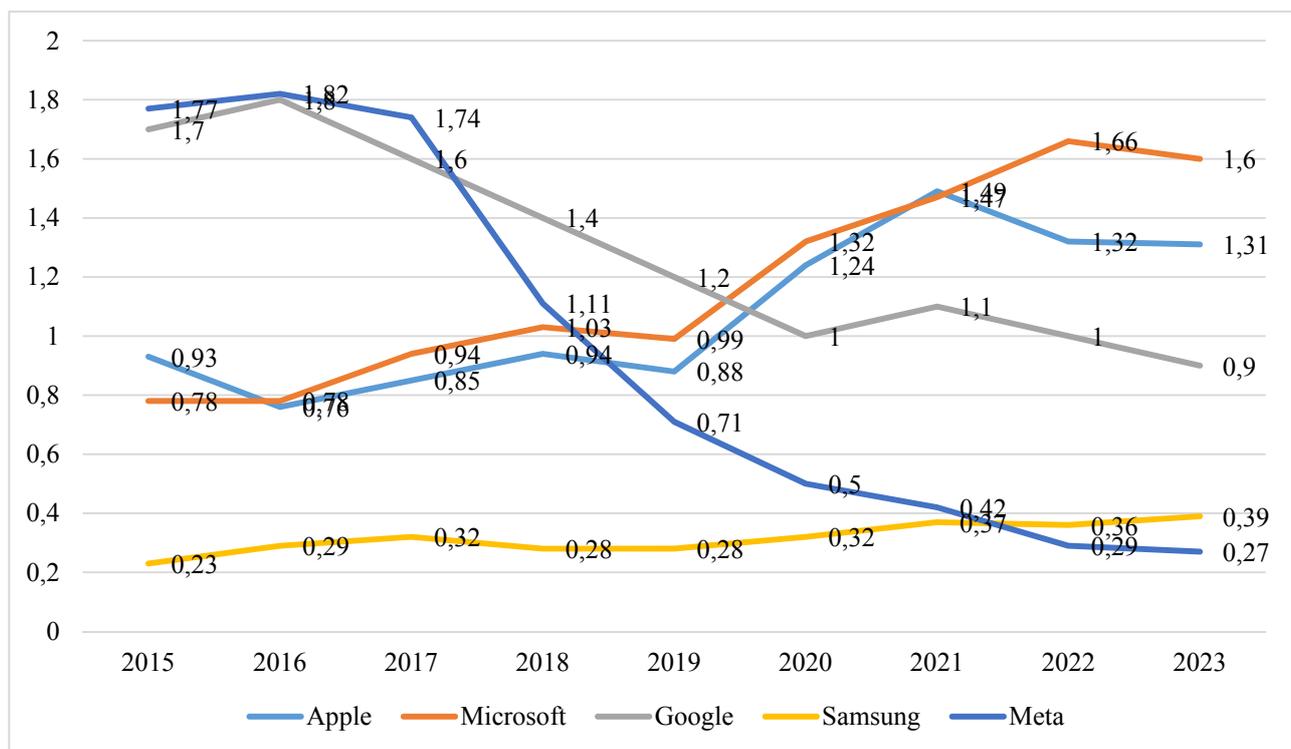
Source: compiled by the author according to [28, 38].

Рис. 3. Позиции цифровых экосистем в матрице «уровень капитализации – стоимость бренда»: 1 – Amazon; 2 – Google; 3 – Apple; 4 – Meta¹; 5 – Microsoft; 6 – Walt Disney; 7 – Netflix; 8 – Adobe; 9 – IBM; 10 – Oracle; 11 – Salesforce; 12 – Samsung Electronics; 13 – Tencent (вместо рыночной стоимости представлены данные по стоимости активов); 14 – Huawei; 15 – Alibaba. Диаметр окружности – уровень дохода в 2023 г.

Fig. 3. Positions of digital ecosystems in the capitalization level-brand value matrix: 1 – Amazon; 2 – Google; 3 – Apple; 4 – Meta¹; 5 – Microsoft; 6 – Walt Disney; 7 – Netflix; 8 – Adobe; 9 – IBM; 10 – Oracle; 11 – Salesforce; 12 – Samsung Electronics; 13 – Tencent (Asset value is presented instead of market values); 14 – Huawei; 15 – Alibaba. The diameter of the circle is the revenue level in 2023

Самым дорогим экосистемным брендом на протяжении многих лет является Apple. Стоимость бренда, обеспечившего в 2023 г. годовой объем продаж в 394,3 млрд долл., оценивается в более 500 млрд долл. и за 5 лет выросла более чем в 2 раза. Доминирующую роль в продуктовом портфеле Apple играют интеллектуальные устройства (hardware), которые обеспечивают чуть более 80 % продаж. Особенно высока доля продаж iPhone – 54,73 % в 2018 г. и 52,11 % в 2022 г. Доля сервисов за 4 последних года возросла незначительно – с 17,79 % в 2018 г. до 19,81 % в 2022 г., то есть на 2 %. В противовес мнению, что компания Apple из поставщика электронных устройств превратилась в поставщика цифровых сервисов, анализ данных продаж показывает, что именно продажи устройств создают основу для функционирования и развития экосистемы Apple, где услуги являются производными от смарт-устройств (hardware). Экосистема Apple – это до сих пор экосистема решений, в основе которых лежат смарт-устройства, а не услуги [29]. Однако бренд компании Amazon, оцененный в 276,9 млрд долл. заработал в 2023 г. почти 514 млрд долл., также прирастив брендовую стоимость в более чем 2 раза. Google с доходом в 282,8 млрд долл. стал брендом со стоимостью в чуть более 260 млрд долл.

Уровень капитализации двух компаний – Apple и Microsoft – превысил 2000 млрд долл., а стоимость бренда оказалась самой высокой из представленных цифровых экосистем. Amazon, лидируя по уровню продаж, значительно уступает Apple и по уровню капитализации, и по стоимости бренда. Сравним Google по данным показателям. При значительном уровне капитализации в 796,04 млрд долл. стоимость бренда Meta¹ составляет всего 31,63 млрд долл. Судя по отношению уровня дохода к уровню капитализации и стоимости бренда, Apple, Microsoft и Adobe ценятся высоко инвесторами и обладают в значительной степени весомыми брендами, подкрепляющими завышенные ожидания клиентов и инвесторов. При коэффициенте «стоимость бренда/уровень дохода» в 0,07 Huawei, 0,27 Meta¹, 0,39 Samsung видятся недооцененными и не реализовавшими свой брендинговый потенциал в полной мере. Очевидно, что продукты данных экосистем пользуются большим спросом, но эксперты склонны присваивать меньший вес их нематериальным активам, понижая инвестиционные ожидания и нивелируя успехи компаний в освоении новых рынков. Если проанализировать динамику изменения коэффициента (стоимость бренда/уровень дохода) (рис. 4), то очевидно его поступательное повышение у Microsoft и Apple практически в 2 раза с 2015 г., незначительное у Samsung – с 0,23 в 2015 до 0,39 в 2023 г. и падение у Google и Meta¹.

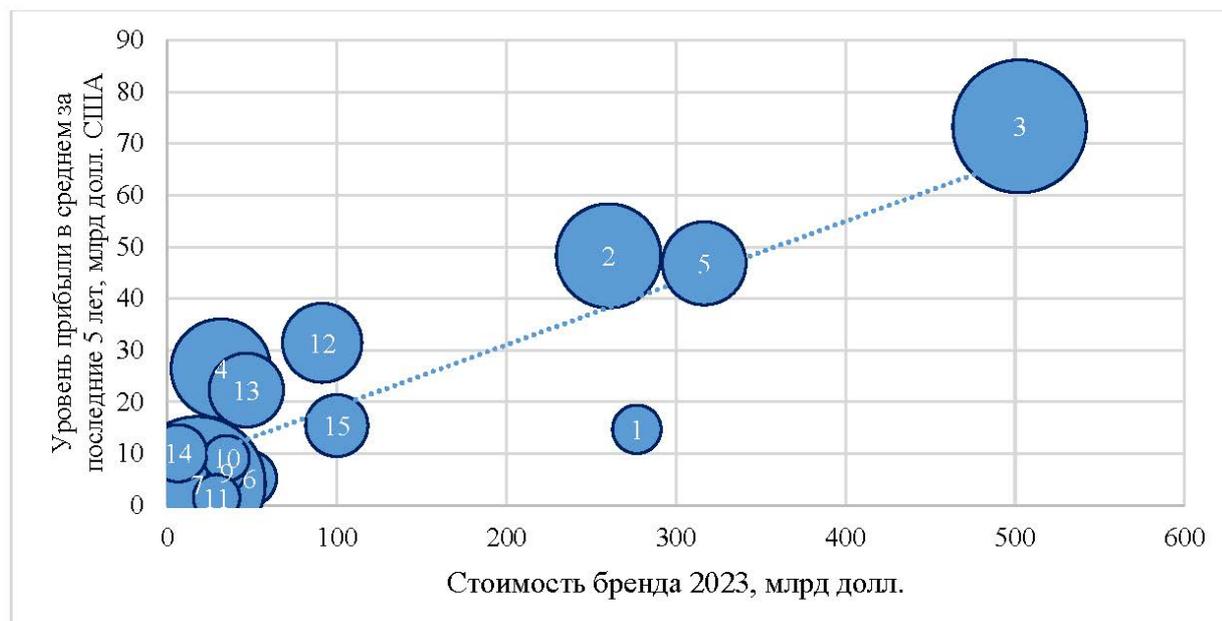

Источник: составлено автором по [28, 38].

Source: compiled by the author according to [28, 38].

Рис. 4. Динамика соотношения стоимости бренда к уровню дохода компаний
Fig. 4. Dynamics of the ratio of brand value to company income levels

На следующем рис. 5 представлены позиции анализируемых цифровых экосистем по уровню прибыли – стоимости бренда. Площадь круга пропорциональна доходу компании, полученному в расчете на одного сотрудника в 2023 г. Матрица построена по данным табл. 3.

Источник: составлено автором по [28, 38].

Source: compiled by the author according to [28, 38].

Рис. 5. Позиции цифровых экосистем в матрице «уровень прибыли – стоимость бренда»: 1 – Amazon; 2 – Google; 3 – Apple; 4 – Meta¹; 5 – Microsoft; 6 – Walt Disney; 7 – Netflix; 8 – Adobe (нет сопоставимых данных); 9 – IBM; 10 – Oracle; 11 – Salesforce (уровень прибыли представлен в среднем за 4 года); 12 – Samsung Electronics; 13 – Tencent; 14 – Huawei; 15 – Alibaba. Диаметр круга – уровень дохода в расчете на одного сотрудника в 2023 г.

Fig. 5. Dynamics of the ratio of brand value to company profit levels: 1 – Amazon, 2 – Google, 3 – Apple, 4 – Meta¹, 5 – Microsoft, 6 – Walt Disney, 7 – Netflix, 8 – Adobe (no comparable data available), 9 – IBM, 10 – Oracle, 11 – Salesforce (profit levels are presented as a 4-year average), 12 – Samsung Electronics, 13 – Tencent, 14 – Huawei, 15 – Alibaba. Circle diameter – income per employee in 2023

Apple занимает лидирующие позиции по изученным показателям, демонстрируя высокий уровень прибыльности, стоимости бренда и дохода в расчете на одного сотрудника. Компания, являясь одной из первых масштабных цифровых экосистем выстраивает свою стратегию вокруг ключевого продукта и своего ПО. Высокий уровень репутации и технологичности ключевых продуктов дает возможность использовать ценовую стратегию «снятия сливок» за счет значительных улучшающих инноваций.

Занимающая вторую позицию в данном рейтинге компания Google незначительно уступает в уровне дохода на одного сотрудника и уровне прибыли, тогда как должна в большей мере работать над репутацией и брендом. Третью позицию за счет высоких показателей стоимости бренда и прибыльности заняла компания Microsoft, четвертую – южнокорейская Samsung Electronics. Среди китайских цифровых экосистем Alibaba занимает седьмую итоговую позицию и пятую по стоимости бренда, Tencent – восьмую, Huawei – лишь 11-ю ввиду низкой стоимости бренда при сравнимых с другими китайскими компаниями уровне прибыли и доходу в расчете на одного сотрудника. Значительно уступая Walt Disney по ряду показателей, Netflix, однако, показал самый высокий уровень дохода в расчете на одного сотрудника. Являясь наиболее доходной с высоким уровнем капитализации компанией Amazon, уступает по уровню прибыли (в среднем 14,7 млрд в год) и доходу в расчете на одного сотрудника (0,33 млн долл. в год) практически всем представителям ИТ-направления, но

опережает своего конкурента по отрасли и самую крупную компанию по доходу в мире Walmart с показателями 12,08 и 0,29 соответственно, и демонстрирует схожие показатели с Home Depot (13,75 млрд долл. – средняя прибыль за 5 лет и 0,33 млн долл. в расчете на 1 сотрудника в 2023 г.), в значительной мере сосредоточенной на развитии онлайн-направления.

Таблица 3. Рейтинг цифровых экосистем по стоимости бренда, прибыльности и уровню дохода на одного сотрудника

Table 3. Rating of digital ecosystems by brand value, profitability, and income per employee

Компания Company	Стоимость бренда, млрд долл. Brand value, billion dollars	Рейтинг по стоимости бренда Ranking by brand value	Уровень прибыли в среднем за 5 лет, млрд долл. Average profit level over 5 years, billion dollars	Рейтинг по уровню прибыли Ranking by profit level	Доход на 1 сотрудника в 2023, млн долл. Revenue per employee in 2023, million dollars	Рейтинг по доходу на 1 сотрудника Rating by income per employee	Общий рейтинг Overall rating
Amazon	276,93	3	14,7	8	0,3335	11	5
Google	260,26	4	48,27	2	1,4868	3	2
Apple	502,68	1	73,34	1	2,4044	2	1
Meta ¹	31,63	10	26,46	5	1,3484	4	6
Microsoft	316,66	2	46,82	3	0,9589	5	3
Walt Disney	48,26	7	5,19	12	0,4225	10	10
Netflix	17,92	13	4,12	13	2,47	1	9
IBM	34,92	9	6,23	11	0,1997	14	12
Oracle	29,12	11	9,1	10	0,2968	13	12
Salesforce	18,32	12	1,46	14	0,3058	12	13
Samsung Electronics	91,41	6	31,43	4	0,866	6	4
Tencent	46,65	8	22,28	6	0,7603	7	8
Huawei	6,51	14	10,06	9	0,4613	9	11
Alibaba	100,00	5	15,42	7	0,5391	8	7

Источник: составлено автором по данным [28, 38, 43, 44].

Source: compiled by the author according to [28, 38, 43, 44].

Обсуждение

Изучение теоретических подходов к управлению цифровыми экосистемами показало недостаточную зрелость концепции экономических экосистем. Требуется дальнейшее осмысление и выстраивание принципов и функций экосистемного управления. Владельцы цифровых экосистем могут выступать в качестве партнеров при построении метасистем и оркестраторов (координаторов, организаторов, контролёров и проектировщиков) при построении собственной экосистемы. Такие компании должны выстраивать собственную стратегию роста, включающую экосистемные инициативы, но не ограничивающуюся ими. Для оценки результативности и эффективности реализации экосистемных функций можно использовать уточненную систему сбалансированных показателей, в которой кроме финансовых, клиентских и процессных показателей также следует обратить внимание на важные инфраструктурные. Роль владельца экосистемы может меняться от ведущей до достаточно сдержанной – поддерживающей.

В первом случае речь идет об экосистемах, выстроенных на известности и клиентской репутации владельца, часто развивающего свою экосистему на базе уже популярных продуктов и решений. Владелец способен достаточно жестко регулировать условия вступления и устанавливать высокие входные требования для компаний-участниц, которые, подключаясь к данной экосистеме, кроме информационного ресурса и сформированной клиентской базы получают возможность использовать хорошо развитую технологичную инфраструктуру, интегрироваться в отлаженные бизнес-процессы и инновационную практику владельца. Управление на мета-, мезо- и микро – уровнях осуществляется владельцем экосистемы для сохранения своего влияния, репутации и силы бренда. Участники вертикальных экосистемы редко становятся самостоятельными сильными брендами: они вынуждены смириться с политикой владельца экосистемы (пример Apple, Microsoft, Сбера, Salesforce). В горизонтальных экосистемах (часто инфраструктурных) участники являются клиентами (Google, Meta, Alibaba), но и в этом случае ограничены экосистемной политикой и правилами. Владелец такой экосистемы максимально проявляет себя на макро- и мезоуровне, отождествляя свою компанию с созданной платформой. В таком случае роль бренда компании или ее продуктов уходит на второй план, уступая место функциональности. Проведенный экономический анализ ряда ведущих экосистем подтверждает данный вывод, так как представители первой категории характеризуются большим уровнем капитализации, стоимости бренда и прибыльности при сравнимой производительности и уровне годового дохода компаний второй категории. В целом цифровые экосистемы демонстрируют более высокие темпы роста за изученный период как на уровне продаж, так и стоимости брендов, хотя 2023 г. начинает отсчет стадии зрелости и переосмысления роли цифровых экосистем в мировой экономике.

Анализ эффективности работы экосистем не только по финансовым показателям их владельцев, но и по показателям взаимодействия и системных эффектов, эффективности отдельных участников, позволил бы значительно усилить дальнейшие исследования. В последующих публикациях планируется подробно рассмотреть и стратегии роста, и маркетинговые стратегии представленных цифровых экосистем.

Заключение

Изучение теоретических подходов и исследование экономических результатов деятельности ведущих мировых экосистем позволили прийти к следующим выводам:

1. Развитие цифровых экосистем происходит достаточно быстрыми темпами, оказывая значительное влияние на мировую экономику. В таких секторах, как ИТ, финансы, коммуникации, e-commerce, экосистемные игроки уже играют ведущую роль. Наиболее быстрыми темпами роста за последние 9 лет характеризуются b2c-экосистемы Apple, Google, Amazon, Meta¹, b2b – Salesforce и Adobe. Данные экосистемы значительно опережали традиционные бизнес-модели, однако темпы прироста стали падать начиная с 2022 г., что может говорить о наступлении стадии зрелости и необходимости поиска новых направлений и точек роста.

2. С точки зрения прибыльности и дохода в расчете на одного сотрудника цифровые экосистемы показали более высокие результаты, уступив лишь нескольким компаниям с традиционными бизнес-моделями из ресурсной отрасли. Apple остается наиболее прибыльной из цифровых экосистем, обладает высокой стоимостью бренда и уровнем капитализации, свидетельствующим о высокой степени доверия компании со стороны инвесторов и клиентов.

3. Отмечаются совершенно разные позиции изученных цифровых экосистем по ряду экономических показателей. Одни из них в большей мере ориентированы на свои ключевые продукты, другие делают ставку именно на развитие самой системы. Говорить о едином подходе в части развертывания систем не приходится, как и преждевременно оценивать цифровые экосистемы как способные полностью превзойти традиционные бизнес-модели. Анализ эффективности взаимодействия указанных компаний с участниками их экосистем

позволил бы углубить понимание действительных выгод и преимуществ экосистемного подхода.

4. Управление репутацией, продуманные стратегии роста и маркетинговые стратегии, наряду со значительными усилиями в области брендинга, демонстрируют важность традиционных подходов ведения бизнеса и в данных компаниях. При наличии общих экосистемных черт каждая успешная цифровая экосистема уникальна и реализует собственную модель управления и собственные стратегии роста, определяющие результативность и эффективность экосистемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Voronova O.V., Khnykina T.S., Karaptan D.N. The digital ecosystem of a healthcare organization // *Technoeconomics*. – 2022. – Vol. 2 (2). – P. 47–63. DOI: <https://doi.org/10.57809/2022.2.2.5>.
2. Хромова И.Н., Буркот Е.Н., Гореликова А.С. Цифровые экосистемы как инструмент цифровой трансформации бизнеса // *Вестник Академии знаний*. – 2023. – № 4 (57). – С. 336–339.
3. Галазова С.С. Цифровые экосистемы банков: сравнительный анализ и регулирование конкуренции в России // *Journal of New Economy*. – 2023. – Т. 24. – № 4. – С. 82–106. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-4-5. EDN: LDBQFA.
4. Ivankova G.V., Mochalina E.P., Dubolazova Yu.A. Digital ecosystem: trend in strategic development of Russian companies // *π-Economy*. – 2023. – Vol. 16 (1). – P. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.16101>.
5. Stavniychuk A.Y., Markova O.A. “Acquire and leave”: effects of startups acquisitions by digital ecosystems // *Управленец*. – 2023. – Т. 14. – № 5. – P. 83–105. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-5-6. EDN: LLABZC.
6. Maiorova K.S., Balashova E.S. Digital transition of industrial enterprises to “smart” ecosystem // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2021. – № 12 (114). – Ч. 4. – С. 80–86. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.132>.
7. Морозов М.А., Морозова Н.С. Парадигма развития туристской индустрии как цифровой экосистемы в контексте нацпроекта «Цифровая экономика» // *Профессорский журнал. Серия «Рекреация и туризм»*. – 2020. – № 3 (7). – С. 3–10. DOI: 10.18572/2686-858X-2020-3-7-3-10.
8. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Мокрушникова А.П. Эволюция развития шеринг-экономики // *Journal of New Economy*. – 2023. – Т. 24. – № 4. – С. 6–21. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-4-1. EDN: QYTCLD.
9. Азарян Е.М., Возиянов Д.Э. Цифровой маркетинг и цифровые экосистемы на современных потребительских рынках // *Торговля и рынок*. – 2021. – № 1 (57). – С. 55–63.
10. Super Apps Market Snapshot // Future market insights Inc. URL: <https://www.futuremarketinsights.com/reports/super-apps-market> (дата обращения 18.12.2023)
11. Global business ecosystems 2030. URL: <https://www.pwc.de/en/corporate-innovation/pwc-global-business-ecosystems-2030-market-size-and-potential.pdf> (дата обращения 18.12.2023).
12. Gartner Top strategic technology trends. URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/insights/top-technology-trends> (дата обращения 18.12.2023).
13. Обоснование стратегии цифровой конвергенции и создания экосистемы банковской деятельности / Т.А. Кузюкова, Е.М. Архипова, Ю.А. Кретова, И.М. Шаравов // *Экономика и качество систем связи*. – 2021. – № 3. – С. 34–49. EDN: YXNPFf.
14. Соколов М. Корпоративно-экосистемный подход // *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6298496> (дата обращения 18.12.2023).
15. Фуколова Ю. В интересах трафика // *Ведомости. Технологии*. URL: https://www.vedomosti.ru/technologies/industries_and_markets/articles/2023/11/07/1003753-v-interesah-trafika (дата обращения 18.12.2023).
16. Cozzolino A., Corbo L., Aversa P. Digital platform-based ecosystems: the evolution of collaboration and competition between incumbent producers and entrant platforms // *Journal of Business Research*. – 2021. – Vol. 126. – P. 385–400. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.12.058> (дата обращения 18.12.2023).
17. Kornysheva E., Boutal L., Benramdane M.K. Digital business ecosystems: organizational model, roles, and governance towards flexibility // *Procedia Computer Science*. – 2023. – Vol. 225. – P. 4621–4630. URL: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2023.10.460> (дата обращения 18.12.2023).
18. Tolstykh T.O., Temirov T.O., Abdulov R.E. The role of modern business ecosystems in economic security and in sustainable development of companies in conditions of the world economy digitalization // *Procedia Computer Science*. – 2022. – Vol. 213. – P. 651–655. URL: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2022.11.117> (дата обращения 18.12.2023).

19. Platform ecosystems as meta-organizations: Implications for platform strategies / T. Kretschmer, A. Leiponen, M. Schilling, G. Vasudeva // *Strategic Management Journal*. – 2022. – Vol. 43. – P. 405–424. DOI: 10.1002/smj.3250.
20. The emergence of the ecosystem management function in B2B firms / L.A.V. de Gomes, A.L.F. Facin, L.F. Leal, E.S. de Zancul, M.S. Salerno, F.M. Borini // *Industrial Marketing Management*. – 2022. – Vol. 102. – P. 465–487. URL: <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2021.12.015> (дата обращения 18.12.2023).
21. Sjödin D., Liljeborg A., Mutter S. Conceptualizing ecosystem management capabilities: Managing the ecosystem-organization interface // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2024. – Vol. 200. – P. 123187. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.123187> (дата обращения 18.12.2023).
22. Uzunca B., Sharapov D., Tee R. Governance rigidity, industry evolution, and value capture in platform ecosystems // *Research Policy*. – 2022. – Vol. 51. – Iss. 7. – P. 104560. URL: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2022.104560> (дата обращения 18.12.2023).
23. Krivý M. Digital ecosystem: the journey of a metaphor // *Digital Geography and Society*. – 2023. – Vol. 5. – P. 100057. URL: <https://doi.org/10.1016/j.diggeo.2023.100057> (дата обращения 18.12.2023).
24. Priyono A., Hidayat A. Fostering innovation through learning from digital business ecosystem: A dynamic capability perspective // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. – 2024. – Vol. 10. – Iss. 1. – P. 100196. URL: <https://doi.org/10.1016/j.joitmc.2023.100196> (дата обращения 18.12.2023).
25. Ecosystem orchestration practices for industrial firms: a qualitative meta-analysis, framework development and research agenda / L. Shen, Q. Shi, V. Parida, M. Jovanovic // *Journal of Business Research*. – 2024. – Vol. 173. – P. 114463. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2023.114463> (дата обращения 18.12.2023).
26. Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. Externalities and complementarities in platforms and ecosystems: From structural solutions to endogenous failures // *Research Policy*. – 2024. – Vol. 53. – Iss. 1. – P. 104906. URL: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104906> (дата обращения 18.12.2023).
27. Юлдашева О.У., Шубаева В.Г., Huang Ni, Халиков Г.В. Сравнительный анализ бизнес-экосистем Huawei и Apple // Концептуальный феномен и технологии проектирования деловых экосистем: сборник материалов стратегической сессии, организованной кафедрой маркетинга СПбГЭУ. Санкт-Петербург, апрель 2022 / под ред. О.В. Фирсановой, О.У. Юлдашевой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – С. 6–11.
28. Best global brands 2023 // *Interbrand*. URL: <https://interbrand.com/best-global-brands> (дата обращения 18.12.2023).
29. Юлдашева О.У., Бекузарова З.В., Чжан С. Стратегии построения деловых экосистем компаний Apple и Huawei: кейс-стади // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. – 2023. – Т. 3. – Вып. 2. – С. 204–231. DOI: 10.34130/2070-4992-2023-3-2-204.
30. Customers as knowledge partners in a digital business ecosystem: From customer analytics towards knowledge partnerships / N. Lettner, S. Wilhelm, S. Guldenberg, W. Güttel // *Journal of Digital Economy*. – 2022. – Vol. 1. – Iss. 2. – P. 130–140. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jdec.2022.08.001> (дата обращения 18.12.2023).
31. Accountability of platform providers for unlawful personal data processing in their ecosystems—A socio-technological analysis of Facebook and Apple's iOS according to GDPR / Ch. Kurtz, F. Wittner, M. Semmann, W. Schulz, T. Böhmang // *Journal of Responsible Technology*. – 2022. – Vol. 9. – P. 100018. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2021.100018> (дата обращения 18.12.2023).
32. Fluidity and the customer experience in digital platform ecosystems / A. Ramasundaram, N. Pandey, Y. Shukla, Sh. Alavi, J. Wirtz // *International Journal of Information Management*. – 2023. – Vol. 69. – P. 102599. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2022.102599> (дата обращения 18.12.2023).
33. The evolution of the digital service ecosystem and digital business model innovation in retail: the emergence of meta-ecosystems and the value of physical interactions / M. Palmié, L. Miehé, P. Oghazi, V. Parida, J. Wincent // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2022. – Vol. 177. – P. 121496. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.121496> (дата обращения 18.12.2023).
34. Звягин Л.С. Цифровая экосистема и глобальное цифровое пространство как инструменты современных IT-решений // *Экономика и управление: проблемы, решения*. – 2020. – Т. 1. – № 4. – С. 126–134. EDN: DIVAVJ.
35. Филимонов И.В. Роль государства в развитии экосистемы цифровой экономики // *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. – 2023. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 29–49. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-29-49.
36. Формирование облика экосистемы цифровой экономики // *ГИПРО СВЯЗЬ*. URL: <chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglclefindmkaj/http://bsac.by/sites/default/files/content/basic/2022/2368/files/10-10/12-novikov-agiprosvaz.pdf> (дата обращения 18.12.2023).
37. Eisape D. Comparing platform business models: a balanced scorecard approach based on the platform business model canvas // *Nordic Journal of Media Management*. – 2020. – Vol. 1. – № 3. – P. 401–432. URL: <https://doi.org/10.5278/njmm.2597-0445.5842> (дата обращения 18.12.2023).

38. Global 500. 2023 // Fortune. URL: <https://fortune.com/ranking/global500/search/> (дата обращения 18.12.2023).
39. Using R-A theory and the optimal distinctiveness perspective to understand the strategic marketing approaches used by platform-based organizations: The cases of Facebook and Twitter in digital ecosystems / M.T. Newaz, V. Chandna, M. Dass, D. Arnett // Journal of Business Research. – 2023. – Vol. 167. – P. 114192. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2023.114192> (дата обращения 18.12.2023).
40. Omnichannel battle between Amazon and Walmart: is the focus on delivery the best strategy? / R.P. Jindal, D.K. Gauri, W. Li, Y. Ma // Journal of Business Research. – 2021. – Vol. 122. – P. 270–280. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.08.053> (дата обращения 18.12.2023).
41. Как Amazon стал главной мировой экосистемой в e-commerce: на чем зарабатывает и какие направления развивает. URL: https://handh.ru/post/amazon_ecosystem (дата обращения 18.12.2023).
42. IBM представила дорожную карту развития открытой экосистемы ПО для квантовых вычислений. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2021-02-04_ibm_predstavila_dorozhnyuyu_kartu (дата обращения 18.12.2023).
43. Salesforce – Прибыль 2023 ф/г, завершился 31.01.2023г: \$208 млн против прибыли \$1,444 млрд г/г. URL: <https://smart-lab.ru/blog/882686.php> (дата обращения 18.12.2023).
44. Экосистема Tencent: обзор бизнеса и ключевых сервисов ведущей цифровой корпорации Китая. URL: <https://vc.ru/asiapacific/633467-ekosistema-tencent-obzor-biznesa-i-klyuchevykh-servisov-vedushchey-cifrovoy-korporacii-kitaya> (дата обращения 18.12.2023).

Информация об авторах

Разумова Светлана Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бизнеса и управления Института предпринимательской деятельности, Республика Беларусь, 220033, г. Минск, ул. Серафимовича, 11. swrasum@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6918-8510>

Поступила в редакцию: 20.01.2024

Поступила после рецензирования: 15.03.2024

Принята к публикации: 30.03.2024

REFERENCES

1. Voronova O.V., Khnykina T.S., Karaptan D.N. The digital ecosystem of a healthcare organization. *Technoeconomics*, 2022, vol. 2 (2), pp. 47–63. DOI: <https://doi.org/10.57809/2022.2.2.5>.
2. Khromova I.N., Burkot E.N., Gorelikova A.S. Digital ecosystems as a tool for digital business transformation. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2003, no. 4 (57), pp. 336–339. (In Russ.)
3. Galazova S.S. Digital banking ecosystems: comparative analysis and competition regulation in Russia. *Journal of New Economy*, 2023, vol. 24, no. 4, pp. 82–106. (In Russ.) DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-4-5. EDN: LDBQFA.
4. Ivankova G.V., Mochalina E.P., Dubolazova Yu.A. Digital ecosystem: trend in strategic development of Russian companies. *π-Economy*, 2023, vol. 16 (1), pp. 7–20. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.16101>.
5. Stavniychuk A.Y., Markova O.A. “Acquire and leave”: effects of startups acquisitions by digital ecosystems. *The Manager*, 2023, vol. 14, no. 5, pp. 83–105. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-5-6. EDN: LLABZPP.
6. Maiorova K.S., Balashova E.S. Digital transition of industrial enterprises to “smart” ecosystem. *International research journal*, 2021, no. 12 (114), Iss. 4, pp. 79–86. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.132>.
7. Morozov M.A., Morozova N.S. The paradigm for the development of the tourism industry as a digital ecosystem in the context of the digital economy national project. *Professor's journal. Series “Recreation and tourism”*, 2020, no. 3 (7), pp. 3–10. (In Russ.) DOI: 10.18572/2686-858X-2020-3-7-3-10.
8. Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Mokrushnikova A.P. The evolutionary development of sharing economy. *Journal of New Economy*, 2023, vol. 24, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.) DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-4-1. EDN: QYTCLD.
9. Azaryan E.M., Voziyanov D.E. Digital marketing and digital ecosystems in today's consumer markets. *Trade and Market*, 2021, no. 1 (57), pp. 55–63. (In Russ.)
10. Super Apps Market Snapshot. *Future market insights Inc.* Available at: <https://www.futuremarketinsights.com/reports/super-apps-market> (accessed 18 December 2023).
11. *Global business ecosystems 2030*. Available at: <https://www.pwc.de/en/corporate-innovation/pwc-global-business-ecosystems-2030-market-size-and-potential.pdf> (accessed 18 December 2023).
12. *Gartner Top strategic technology trends*. Available at: <https://www.gartner.com/en/information-technology/insights/top-technology-trends> (accessed 18 December 2023).

13. Kuzovkova T.A., Arkhipova E.M., Kretova Yu.A., Sharavov I.M. Substantiation of the strategy of digital convergence and the creation of ecosystems banking. *Economics and quality of communication systems*, 2021, no. 3, pp. 34–49. (In Russ.) EDN: YXNPF.
14. Sokolov M. Corporate-ecosystem approach. *Kommersant*. (In Russ.) Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6298496> (accessed 18 December 2023).
15. Fukolova Yu. In the interests of traffic. *Vedomosti. Technologies*. (In Russ.) Available at: https://www.vedomosti.ru/technologies/industries_and_markets/articles/2023/11/07/1003753-v-interesah-trafika (accessed 18 December 2023).
16. Cozzolino A., Corbo L., Aversa P. Digital platform-based ecosystems: the evolution of collaboration and competition between incumbent producers and entrant platforms. *Journal of Business Research*, 2021, vol. 126, pp. 385–400. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.12.058>.
17. Kornysheva E., Boutal L., Benramdane M.K. Digital business ecosystems: organizational model, roles, and governance towards flexibility. *Procedia Computer Science*, 2023, vol. 225, pp. 4621–4630. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2023.10.460>.
18. Tolstykh T.O., Temirov T.O., Abdulov R.E. The role of modern business ecosystems in economic security and in sustainable development of companies in conditions of the world economy digitalization. *Procedia Computer Science*, 2022, vol. 213, pp. 651–655. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2022.11.117>.
19. Kretschmer T., Leiponen A., Schilling M., Vasudeva G. Platform ecosystems as meta-organizations: Implications for platform strategies. *Strategic Management Journal*, 2022, vol. 43, pp. 405–424. DOI: 10.1002/smj.3250.
20. De Gomes L.A.V., Facin A.L.F., Leal L.F., De Zancul E.S., Salerno M.S., Borini F.M. The emergence of the ecosystem management function in B2B firms. *Industrial Marketing Management*, 2022, vol. pp. 465–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2021.12.015>.
21. Sjödin D., Liljeborg A., Mutter S. Conceptualizing ecosystem management capabilities: Managing the ecosystem-organization interface. *Technological Forecasting and Social Change*, 2024, vol. 200, pp. 123187. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.123187>.
22. Uzunca B., Sharapov D., Tee R. Governance rigidity, industry evolution, and value capture in platform ecosystems. *Research Policy*, 2022, vol. 51, Iss. 7, pp. 104560. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2022.104560>.
23. Krivý M. Digital ecosystem: the journey of a metaphor. *Digital Geography and Society*, 2023, vol. 5, pp. 100057. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.diggeo.2023.100057>.
24. Priyono A., Hidayat A. Fostering innovation through learning from digital business ecosystem: A dynamic capability perspective. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 2024, vol. 10, Iss. 1, pp. 100196. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joitmpp.2023.100196>.
25. Shen L., Shi Q., Parida V., Jovanovic M. Ecosystem orchestration practices for industrial firms: A qualitative meta-analysis, framework development and research agenda. *Journal of Business Research*, 2024, vol. 173, pp. 114463. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2023.114463>.
26. Jacobides M.G., Cennamo P.P., Gawer A. Externalities and complementarities in platforms and ecosystems: From structural solutions to endogenous failures. *Research Policy*, 2024, vol. 53, Iss. 1, pp. 104906. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104906>.
27. Yuldasheva O.Yu., Shubaeva V.G., Huang N., Khalikov G.V. Comparative analysis of business ecosystems of Huawei and Apple. *A collection of materials of the strategic session organized by the Department of Marketing of SPbSEU. Conceptual Phenomenon and Technologies of Business Ecosystem Design*. Eds. O.V. Firsanova, O.U. Yuldasheva. St. Petersburg, SPbSEU Press, 2022. pp. 6–11. (In Russ.)
28. Best global brands 2023. *Interbrand*. (In Russ.) Available at: <https://interbrand.com/best-global-brands> (accessed 18 December 2023).
29. Yuldasheva O.U., Bekuzarova Z.V., Zhang S. Strategies for building business ecosystems by Apple and Huawei: case study. *Corporate Governance and Innovative Development of the Economy of the North: Bulletin of the Corporate Law Research Center, management and venture capital of Syktyvkar State University*, 2023, Vol. 3, Iss. 2, pp. 204–231. (In Russ.) DOI: 10.34130/2070-4992-2023-3-2-204.
30. Lettner N., Wilhelm S., Guldenberg S., Güttel W. Customers as knowledge partners in a digital business ecosystem: From customer analytics towards knowledge partnerships. *Journal of Digital Economy*, 2022, vol.1, Iss. 2, pp. 130–140. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdepp.2022.08.001>.
31. Kurtz Ch., Wittner F., Semmann M., Schulz W., Böhm T. Accountability of platform providers for unlawful personal data processing in their ecosystems – a socio-techno-legal analysis of Facebook and Apple's iOS according to GDPR. *Journal of Responsible Technology*, 2022, vol. 9, pp. 100018. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2021.100018>.
32. Ramasundaram A., Pandey N., Shukla Y., Alavi Sh., Wirtz J. Fluidity and the customer experience in digital platform ecosystems. *International Journal of Information Management*, 2023, vol. 69, pp. 102599. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2022.102599>.

33. Palmié M., Miehé L., Oghazi P., Parida V., Wincent J. The evolution of the digital service ecosystem and digital business model innovation in retail: the emergence of meta-ecosystems and the value of physical interactions. *Technological Forecasting and Social Change*, 2022, vol. 177, pp. 121496. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.121496>.
34. Zvyagin L.S. Digital ecosystem and global digital space as a tools for modern IT solutions. *Economics and management: problems, solutions*, 2020, no. 4, Iss. 1, pp. 126–134. (In Russ.) EDN: DIVAVJ.
35. Filimonov I.V. The Role of the State in the development of the digital economy ecosystem. *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*, 2023, vol. 15, no. 3, pp. 29–49. (In Russ.) DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-29-49.
36. Shaping the appearance of the digital economy ecosystem. *GIPRO SVIAZ*. (In Russ.) Available at: <chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglclefindmkaj/http://bsac.by/sites/default/files/content/basic/2022/2368/files/10-10/12-novikov-agiprosvaz.pdf> (accessed 18 December 2023).
37. Eisape D. Comparing platform business models: a balanced scorecard approach based on the platform business model canvas. *Nordic Journal of Media Management*, 2020, vol. 1, no. 3, pp. 401–432. DOI: <https://doi.org/10.5278/njmm.2597-0445.5842>.
38. Global 500. 2023. *Fortune*. Available at: <https://fortune.com/ranking/global500/search/> (accessed 18 December 2023).
39. Newaz M.T., Chandna V., Dass M., Arnett D. Using R-A theory and the optimal distinctiveness perspective to understand the strategic marketing approaches used by platform-based organizations: the cases of Facebook and Twitter in digital ecosystems. *Journal of Business Research*, 2023, vol. 167, pp. 114192. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2023.114192>.
40. Jindal R.P., Gauri D.K., Li W., Ma Y. Omnichannel battle between Amazon and Walmart: is the focus on delivery the best strategy? *Journal of Business Research*, 2021, vol. 122, pp. 270–280. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.08.053>.
41. *How Amazon became the world's main e-commerce ecosystem: how it makes money and what areas it is developing*. (In Russ.) Available at: https://handh.ru/post/amazon_ecosystem (accessed 18 December 2023).
42. *IBM presented a roadmap for the development of an open software ecosystem for quantum computing*. (In Russ.) Available at: https://www.cnews.ru/news/line/2021-02-04_ibm_predstavila_dorozhnuyu_kartu (accessed 18 December 2023).
43. *Salesforce – FY 2023 profit, ended 01/31/2023: \$208 million versus profit of \$1.444 billion y/y*. (In Russ.) Available at: <https://smart-lab.ru/blog/882686.php> (accessed 18 December 2023).
44. *Tencent ecosystem: overview of the business and key services of China's leading digital corporation*. (In Russ.) Available at: <https://vc.ru/asiapacific/633467-ekosistema-tencent-obzor-biznesa-i-klyuchevyh-servisov-vedushchey-cifrovoy-korporacii-kitaya> (accessed 18 December 2023).

Information about the authors

Svetlana V. Razumova, Cand. Sc., Associate Professor, Institute of Entrepreneurship, 11, Serafimovich street, Minsk, 220033, Republic of Belarus. swrasum@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6918-8510>

Received: 20.01.2024

Revised: 15.03.2024

Accepted: 30.03.2024

УДК 005.35:502.12:338.2

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1714

Шифр специальности ВАК: 5.2.1

Воздействие корпоративной социальной ответственности на переход к зелёной экономике

М.А. Козлова✉

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации, Россия, г. Москва*

✉michandy@mail.ru

Аннотация. *Актуальность* исследования определяется важностью перехода к зелёной экономике как на государственном уровне, так и на уровне отдельных фирм. **Цель:** изучить влияние корпоративной социальной ответственности на переход к зелёной экономике. **Методы исследования:** абстрактно-логический подход на основе системного анализа воздействия корпоративной социальной ответственности на переход к зелёной экономике в России и других странах. Также был рассмотрен ESG-рэнкинг и опыт внедрения корпоративных нефинансовых отчётов в российских компаниях, в том числе выделено количество экологических отчётов. Была проведена разбивка экологических отчётов по отраслям и изучено изменение их количества за последние годы. **Результаты:** к особенностям влияния корпоративной социальной ответственности на зелёную экономику можно отнести экономию природных ресурсов, внедрение принципов экодизайна и развитие экопотребностей у клиентов. По количеству экологических отчётов и более высокому ESG-рейтингу в России лидируют нефтегазовая отрасль, энергетика, банковская сфера, производство агрохимикатов, чёрная металлургия. **В выводах** даётся рекомендация о необходимости государственной поддержки фирм.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, зелёная экономика, влияние корпоративной социальной ответственности на переход к зелёной экономике, сокращение выбросов, переход к циркулярной экономике, нефинансовая отчётность, ESG-рэнкинг

Для цитирования: Козлова М.А. Воздействие корпоративной социальной ответственности на переход к зелёной экономике // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 163–172. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1714

UDC 005.35:502.12:338.2

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1714

Impact of corporate social responsibility on transition to a green economy

М.А. Kozlova✉

*Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

✉michandy@mail.ru

Abstract. Relevance. Determined by the importance of transition to a green economy both at the state level and at the level of individual firms. **Aim.** To study the impact of corporate social responsibility on transition to a green economy. **Methods.** An abstract-logical approach was used based on a systematic analysis of the corporate social responsibility impact on transition to a green economy in Russia and in other countries. ESG-ranking and experience in introducing corporate non-financial reports, including the number of environmental reports in Russian companies were also analyzed. A breakdown of environmental reports by industry was carried out and the change in the number of these reports in recent years was studied. **Results.** The peculiarities of the impact of corporate social responsibility on the green economy include saving of natural resources, introduction of eco-design principles and development of eco-needs among customers. The Russian leaders publishing environmental reports and having a higher ESG rating include the oil and gas industry, energy, banks, production of agrochemicals, black metallurgy. **Conclusions.** The state support of the firms is recommend in introducing the principles of corporate social responsibility.

Keywords: corporate social responsibility, green economy, impact of social responsibility on transition to a green economy, emissions reduction, transition to a circular economy, non-financial reporting, ESG-ranking

For citation: Kozlova M.A. Impact of corporate social responsibility on transition to a green economy. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 163–172. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1714

Введение

В настоящее время переход к зелёной экономике является одним из важных приоритетов экономического развития. В соответствии с определением UNEP зелёная экономика – это экономика, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, при этом существенно снижая риски для окружающей среды. Программа ООН по окружающей среде характеризует зелёную экономику как «низкоуглеродную, ресурсоэффективную и социально инклюзивную экономику» [1]. Важную роль в переходе к зелёной экономике играет государство, однако не менее важную роль должны играть также частные фирмы, в том числе за счёт внедрения практик корпоративной социальной ответственности.

Корпоративная социальная ответственность (КСО) – понятие, которое затрагивает многие аспекты деятельности [2]. Основоположителем данного понятия можно считать Г. Боуэна, который в 1953 г. в книге «Социальная ответственность бизнесмена» определяет КСО как политику, проведение которой желательно для целей и ценностей общества [3]. Как отмечает Е.В. Завьялова [4], в 1950–70-е гг. ряд учёных, в том числе Т. Левитт, М. Фридман, Р. Фримен, Дж. Гелбрейт, К. Девис, способствовали развитию этой концепции, отмечая, что фирмы, с одной стороны, отражают ценности, присущие обществу, с другой – и сами формируют эти цели.

В 1979 г. А. Керолл даёт следующее определение: корпоративная социальная ответственность отражает экономические, правовые и филантропические ожидания общества от компании [5]. К 1990-м гг. возникает «теория заинтересованных сторон», в соответствии с которой фирмы должны учитывать интересы стейкхолдеров, к числу которых относятся и акционеры, и инвесторы, и поставщики, и местное сообщество, и защитники окружающей среды, и общественные организации [6].

Вместе с тем в первых определениях не делается акцент на воздействии корпоративной социальной ответственности на переход к зелёной экономике, хотя сейчас именно этот аспект считается очень важным и значимым. К 1980-м гг. формируется понятие «корпоративной устойчивости» компании. Дж. Элкингтон отмечает, что компания должна нести ответственность по трём направлениям: экономическому, социальному и экологическому, где экологическое воздействие оказывается одним из основных [7].

В настоящее время ряд западных и российских авторов рассматривают вопросы о воздействии корпоративной социальной ответственности на переход к зелёной экономике [8–11].

Методология

Использовался абстрактно-логический подход на основе системного анализа воздействия корпоративной социальной ответственности на переход к зелёной экономике в России и в других странах.

Был проанализирован ESG-рэнкинг и опыт внедрения корпоративных нефинансовых отчётов в российских компаниях, в том числе выделено количество экологических отчётов. Была проведена разбивка экологических отчётов по отраслям и изучено изменение их количества за последние годы.

Также были рассмотрены примеры российских компаний, показывающие основные направления деятельности в области воздействия на переход к зелёной экономике.

Результаты

Рассмотрим, как внедрение корпоративной социальной ответственности может способствовать переходу к зелёной экономике. Как отмечают Д.В. Войко и А.В. Войко [12], уже на стадии внедрения системы корпоративной социальной ответственности необходимо учитывать ряд аспектов, связанных с устойчивым развитием.

Во-первых, организация может уделять большее внимание экономному использованию ресурсов. Этому также способствуют внедрение Интернета вещей и цифровизация производства.

Во-вторых, социально ответственные компании сокращают количество выбросов в окружающую среду.

В-третьих, компании внедряют принципы циркулярной экономики (экономики замкнутого цикла), направленной на повторное использование отходов и их переработку [13].

Циркулярная экономика предполагает применение принципов 4R:

- reuse (повторное использование);
- remanufacture (восстановление);
- recycle (переработка);
- reduce (сокращение потребления ресурсов).

В-четвёртых, особое внимание уделяется выбросу выхлопных газов в связи с необходимостью коллективно решать проблему с изменением климата.

В-пятых, важное значение имеет сохранение биоразнообразия. В соответствии с целями устойчивого развития природные ресурсы должны расходоваться с учётом интересов будущих поколений, при этом необходимо уделять внимание не только меньшему их применению, но и восстановлению и консервации (высаживание лесов, чередование сельскохозяйственных культур и т. д.).

В-шестых, при создании товаров нужно внедрять принципы экодизайна, чтобы на протяжении всего своего жизненного цикла экологический след от использования данных товаров был минимален. В этом случае необходимо проводить анализ, чтобы и при применении уже созданного товара, и при его утилизации экологические потери были бы минимальными.

В-седьмых, компании должны учитывать интересы потребителей, в том числе и экологически активных, заботящихся об окружающей среде. Более того, компании и сами могут способствовать развитию и образованию своих клиентов, прививая им актуальные и современные требования в сфере защиты окружающей среды [14]. В частности, о важной роли образования говорится в Зелёной книге ЕС.

В разных странах существуют разные особенности внедрения моделей корпоративной социальной ответственности [15]. Например, в американской модели большее внимание уделяется развитию человеческого потенциала, при этом к приоритетам компаний относится и защита окружающей среды, включающая в себя переход к возобновляемым источникам энер-

гии, применение экологически чистых продуктов и «зелёное движение». В японской модели важна роль государства, но очень важна степень ответственность компаний перед обществом, большое значение при этом придаётся и охране природного окружения. Для европейской модели происходит равноправное взаимодействие компаний со всеми заинтересованными сторонами, а для латиноамериканской модели характерна широкая осведомлённость общества о работе компаний через СМИ. Тем не менее защита окружающей среды является значимой составляющей моделей КСО во всех моделях.

Р. Орсато отмечает, что компании могут использовать следующие четыре модели внедрения стратегий, направленных на переход к зелёной экономике [16]. Первый тип стратегий – экоэффективность – предполагает низкую стоимость производства продукции и стремление к безотходности производства за счёт постоянного внедрения экоинноваций, сокращение выбросов, повторное использование и переработку. Примером может служить компания Toyota.

Вторая стратегия предполагает диверсификацию продукции и экологичное производство. Для этого фирмы могут применять систему управления окружающей средой. В качестве примера можно привести компанию Nestle, заботящуюся о безопасности и качестве продукции и о её диверсификации.

Третья стратегия – стратегия экологически низких издержек. В качестве примера можно привести компанию Икеа, которая снижает издержки за счёт более простого дизайна продукции и возможностей самосборки, что позволяет уменьшить размер упаковки и снизить издержки на логистику. Кроме того, данная компания использует экологически чистые материалы.

Четвёртая стратегия – экобрендинг. Примером может служить компания Patagonia, сертифицирующая свою продукцию и известная применением в производстве выращенного в стране органический хлопка, а также переработанного пуха, шерсти и нейлона из отслужившей свой срок мебели, подушек и одеял.

Рассмотрим, как российские компании внедряют мероприятия, направленные на переход к зелёной экономике. К.А. Петухов отмечает, что к числу основных мероприятий относятся сокращение объёма выбросов загрязняющих веществ, сбережение ресурсов, восстановление окружающей среды от неблагоприятного воздействия, исследование экологических рисков при осуществлении масштабных проектов, техническое перевооружение на более экологичное оборудование [17]. Например, в Сбербанке осуществляются следующие меры. Во-первых, проводится ряд мероприятий, направленных на снижение потребления ресурсов (применение энергосберегающей оргтехники, электронного документооборота и электронного архивирования, бесконтактных смесителей и других мер по снижению потребления воды, использование энергосберегающих LED-светильников, электромобилей и гибридных автомобилей, вторичная переработка бумаги). Во-вторых, ведутся мероприятия по снижению количества отходов и по ответственному обращению с ними. Например, бумага передаётся на повторную обработку, а опасные отходы (картриджи, люминесцентные лампы, аккумуляторы и т.д.) сдаются на обезвреживание или на переработку. В-третьих, проводится пропаганда охраны окружающей среды. Одним из направлений здесь стала организация «Зелёного марафона», а также посадка деревьев. «Росатом» занимается созданием инфраструктуры для обращения с отходами I и II класса и ликвидацией объектов накопленного вреда. «Роснефть» проводит меры по минимизации воздействия на окружающую среду за счёт повышения эффективности процессов утилизации отходов, рекультивации земель, очистки сточных вод и выбросов, внедрения принципов «экономики замкнутого цикла», защиты и сохранения экосистем и биоразнообразия.

Для оценки успешности деятельности компаний в сфере достижения экологических и ESG-целей используются рейтинги компаний, который публикуют MSCI, Refinitiv, GDP, S-Ray,

Bloomberg. В России ESG-индексы составляют РБК и НКР, RAEX. Например, перечисленные выше мероприятия позволили Сбербанку стать первой в России компаний финансово-кредитного сектора, которой НРА присвоила максимальный рейтинг AA.esg, а рейтинговое агентство АК&М присвоило наивысший рейтинг его нефинансовой отчётности RESG1 [18].

На примере ESG-рэнкинга компании RAEX посмотрим, какие отрасли в России являются лидерами в данной области. Проранжируем рейтинги следующим образом: М (наихудший рейтинг) – 1 балл, С – 2 балла, СС – 3 балла, ССС – 4 балла, В – 5 баллов, ВВ – 6 баллов, ВВВ – 7 баллов, А – 8 баллов, АА – 9 баллов. Высший балл получили только четыре компании по состоянию на 01.12.2023: Сбербанк, «ФосАгро», группа «Татнефть» и «Полиметалл». Далее умножим рейтинг на число компаний определённой отрасли с таким рейтингом, а дальше сложим для отрасли показатели с различными рейтингами. Всего было оценено 160 компаний. Сводные коэффициенты по отраслям представлены в табл. 1 (показаны лидирующие 12 отраслей).

Таблица 1. Сводные показатели ESG-рэнкинга российских компаний по отраслям на основе рейтинга RAEX

Table 1. Summary indicators of the ESG-ranking of Russian companies by industry based on the RAEX rating

Отрасль Industry	Общее число компаний Total number of companies	Сводный коэффициент Summary coefficient
Банки/Banks	20	77
Интегрированные нефтегазовые компании Integrated oil and gas companies	14	66
Чёрная металлургия/Ferrous metallurgy	11	60
Агрохимикаты/Agrochemicals	9	43
Драгоценные металлы Precious metals	9	38
Электроэнергетика/Electric power industry	5	27
Розничная торговля продуктами питания Food retail	7	26
Угольная промышленность/Coal industry	7	26
Целлюлозно-бумажная промышленность Pulp and paper industry	6	25
Сельскохозяйственная продукция Agricultural products	6	24
Строительство/Construction	4	20
Беспроводные телекоммуникационные услуги Wireless telecommunications services	3	18

Источник: рассчитано автором на основе [19].

Source: calculated by the author based on [19].

Таким образом, по ESG-рэнкингу лидируют предприятия банковской сферы, интегрированные нефтегазовые компании, чёрная металлургия, производство агрохимикатов и драгоценных металлов. Также можно выделить лидирующие отрасли на основе анализа отчётов по экологии. Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) регулярно публикует Национальный регистр корпоративных нефинансовых отчётов. По состоянию на 23 ноября 2023 г. в регистре, который ведётся с 2000 г., есть данные по 253 компаниям, представившим 1460 отчётов. В их число входят экологические отчёты (ЭО) – 111, социальные отчёты (СО) – 388, отчёты в области устойчивого развития (ОУР) – 572, интегрированные отчёты (ИО) – 389. Воздействие на переход к зелёной экономике в наибольшей степени отражают экологические отчёты, поэтому в табл. 2 указаны компании по отраслям, представившие экологические отчёты.

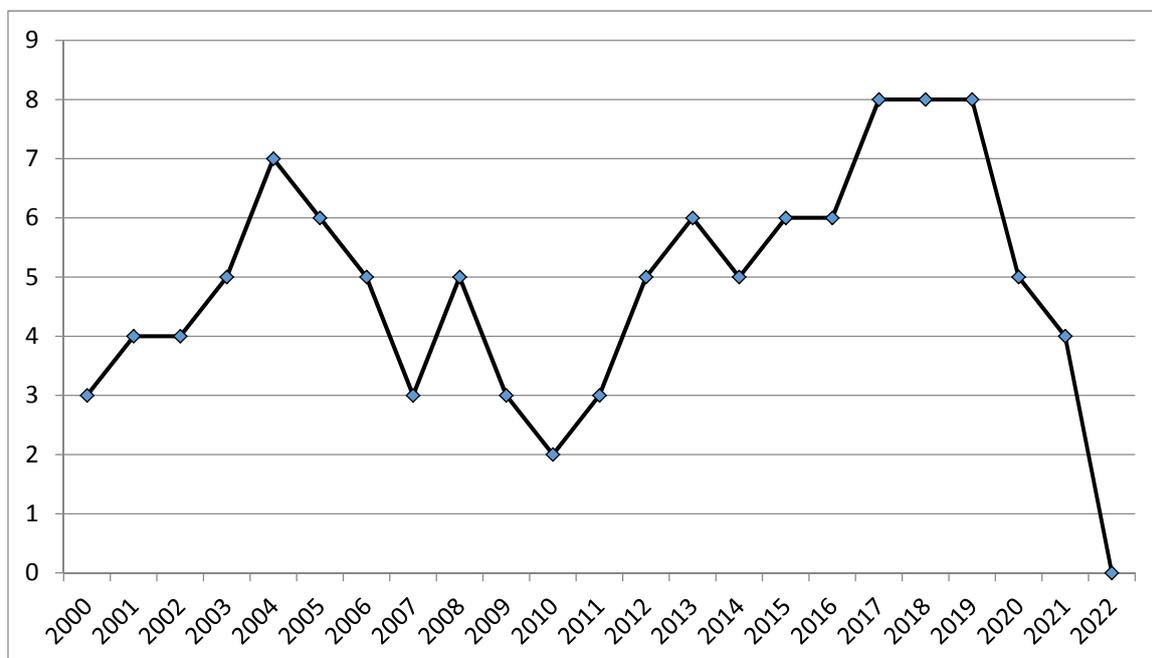
Таблица 2. Распределение экологических отчётов по отраслям с 2000 по 2023 г.
Table 2. Distribution of environmental reports by industry for the period from 2000 to 2023

Отрасль Industry	Количество ЭО Number of Environmental Reports (ER)	Доля от общего числа ЭО, % Share of the total number of ER, %
Нефтегазовая/Oil and gas	30	27,03
Энергетика/Energy	36	32,43
Металлургическая и горнодобывающая Metallurgical and mining	3	2,7
Химическая, нефтехимическая, парфюмерная Chemical, petrochemical, perfumery	16	14,41
Деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная Woodworking, pulp and paper	18	16,22
ЖКХ и бытовое обслуживание Housing and communal services and consumer services	1	0,9
Транспорт, дорожное строительство и логистические услуги Transport, road construction and logistics services	6	5,41
Строительство/Construction	1	0,9
Итого/Total	111	100

Источник: рассчитано автором на основе [20].

Source: calculated by the author based on [20].

Лидируют по числу отчётов энергетика и нефтегазовая отрасль. За последние годы количество экологических отчётов, представляемых российскими компаниями, немного увеличилось, но потом снова сократилось. На рисунке показана динамика подачи экологических отчётов за 2000–2022 гг.

Источник: составлено автором на основе [20].

Source: compiled by the author based on [20].

Рисунок. Количество экологических отчётов за 2000–2022 гг.
Figure. Number of environmental reports for 2000–2022

Как видно из рис. 1, наибольшее количество отчётов пришлось на 2017–2019 гг. Здесь следует иметь в виду, что ряд компаний продолжили подавать отчёты, но стали подавать уже интегрированные отчёты, поэтому здесь не следует говорить об отказе от подачи отчётов в целом. Если отчёты подавались за несколько лет одновременно, здесь их включили в каждый из отчётных годов. За последние годы снижение количества отчётов может быть связано с введением санкций, в результате которых были нарушены международные связи с компаниями из других стран, которые мотивировали компании ориентироваться и на интересы зарубежных покупателей.

Среди компаний, подавших наибольшее количество экологических отчётов, можно выделить ОАО «Сургутнефтегаз», ОАО «Севернефтегазпром», ОАО «Газпром Трансгаз Ухта», ПАО «Газпром», ОАО «Рязанская ГРЭС», АО «СХК», АО «Уральский электрохимический комбинат», АО «Группа «Илим», ООО «Неманский целлюлозно-бумажный комбинат», Международный аэропорт Шереметьево, ОАО «Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат».

Вместе с тем следует сказать, что не всегда воздействие корпоративной социальной ответственности на экономику оказывается существенным. Выделяется также такое понятие, как *greenwashing* – PR-технология, которая вводит в заблуждение общественность, которая ожидает, что компания будет заниматься природоохранной практикой или добавлять экологические преимущества производимому товару или услуге, но это не соответствует действительности [21]. Ю.Э. Юровская выделяет семь признаков «гринвошинга» [22]: сокрытие недостатков, отсутствие доказательств, неопределённость высказываний, несуществующие маркировки, бесполезность характеристик (подсолнечное масло с витамином Е, хотя этот витамин есть в любом подсолнечном масле), «меньшее из двух зол», прямая ложь.

В качестве наиболее известного примера можно назвать скандал Дизельгейт (Dieselgate) в 2015 г., когда компания Фольксваген установила на своих автомобилях программное обеспечение, которое значительно занижало количество вредных газов при тестировании. В результате это выяснилось, а компании пришлось заплатить крупный штраф, при этом заработанный ей ранее социальный капитал был потерян, а доверие потребителей было утрачено.

В качестве других примеров «зелёного отбеливания» можно привести случай с McDonalds в 2019 г., когда вместо пластиковых стали использовать бумажные трубочки для питья, но потом оказалось, что их нельзя перерабатывать. Общественность почувствовала себя обманутой, поскольку здесь был дан сигнал о заботе об окружающей среде, хотя фактически это было не так, ещё и возник вопрос о необходимости вырубке деревьев для изготовления трубочек. В 2021 г. подали иск на Nefty Recycling Bags за неверное позиционирование своего товара. В рекламе говорилось, что сумки предназначены для хранения всех видов вторсырья, но потом выяснилось, что они не только сами не подлежат переработке, но ещё и загрязняют хранящиеся в них вещи. В 2023 г. был подан иск на авиакомпанию Delta Airlines за то, что в своих рекламных проспектах она объявила о своей углеродной нейтральности. Безусловно, компания выделила большие деньги на сокращение использования топлива и уменьшение карбонового следа, но поскольку авиаперелёты пока невозможны без выброса углекислых газов, данное утверждение вызвало у пассажиров ряд вопросов.

Примеры гринвошинга в России – фирма «Эко-Нива АПК», производящая молочную продукцию без подтверждающих компонентов об экологичности, компания «Слобода», разместившая на упаковках с маслом, соусами и молочной продукцией листок с надписью «Живая еда» без соответствующих документов, вода Waterful, производящая свою продукцию в тетрапаке (проблема заключается в том, что экологичную продукцию ещё сложнее переработать, поскольку пунктов по приёму тетрапака в России сейчас крайне мало).

В 2023 г. Ассоциация развития интерактивной рекламы провела исследование, где у экологически активной аудитории спрашивали про их отношение к гринвошингу. Было опрошено 1028 человек, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге. В соответствии с результа-

тами исследования 83 % заявили, что знают о проблеме гринвошинга и сталкиваются с ним чаще, чем два раза в месяц, при этом 63 % отметили, что откажутся от бренда, если узнают о применяемом им «зелёном отбеливании» [23]. При опросе покупатели указали, что сталкивались с гринвошингом чаще всего при выборе товара в офлайн-магазинах (92 %), в онлайн-магазинах (499 %), в Интернет-рекламе (45 %), на сайтах и в социальных сетях брендов (32 %), в наружной рекламе (30 %), у блогеров и лидеров мнений (30 %), в телерекламе (18 %), в ТВ-передачах (6 %), в рекламе на радио (2 %).

Таким образом, общественность не только призывает предприятия к активному внедрению экологических методов на производстве, но и активно следит за результатом перехода к зелёной экономике. При этом большая часть аудитории считает, что этот процесс должно контролировать государство.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что введение корпоративной социальной ответственности приводит к тому, что компании больше внимания начинают уделять экологическим вопросам. В частности, фирмы, которые внедряют в свою практику меры корпоративной социальной ответственности, публикуют отчёты о воздействии компаний на окружающую среду, в том числе экологические и отчёты в области устойчивого развития. Среди российских компаний можно выделить фирмы в таких отраслях, как нефтегазовая отрасль, энергетика, металлургическая и химическая промышленность. Вместе с тем следует отметить, что в последние годы в связи с санкциями у некоторых фирм снизились стимулы для внедрения этих принципов, поскольку ранее они ориентировались на экспорт и сотрудничество с западными компаниями, где требования к экологичности продукции выше. Кроме того, после введения санкций в 2022 г. были введены послабления в природоохранном регулировании, на два года отложили сроки обязательного получения комплексного экологического разрешения для ряда объектов. Также переход к экологичности связан с высокими затратами и не всегда сразу окупается, поэтому требуется помощь государства. Однако если смотреть на долгосрочную перспективу, безусловно, необходимо принимать меры по поддержке фирм для внедрения корпоративной социальной ответственности, поскольку это стимулирует фирмы учитывать мнение общества и способствует переходу к зелёной экономике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности – обобщающий доклад для представителей властных структур // Программа ООН по окружающей среде. URL: https://www.mkurca.org/wp-content/uploads/2013/06/%D0%BD%D0%B0-%D0%B2%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%87%D1%83-%D0%B7%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD_ru.pdf (дата обращения 11.12.2023).
2. Благов Ю.Е. Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление // Российский журнал менеджмента. – 2004. – № 3. – С. 17–34.
3. Bowen H.R. Social responsibilities of the businessman. – N.Y.: Harper & Row, 1953. – 298 p.
4. Завьялова Е.Б. Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей // Финансовый бизнес. – 2018. – № 2 (193). – С. 26–31. EDN: YUSUNF.
5. Carroll A. A tree-dimensional conceptual model of corporate social performance // Academy of Management Review. – 1979. – № 4 (4). – P. 497–505.
6. Stakeholder theory: the state of the art / B.L. Parmar, R.E. Freeman, J.S. Harrison, A.C. Wicks, L. Purnell, S. de Colle // Academy of Management Annals. – 2010. – № 1. – P. 403–445. DOI: 10.1080/19416520.2010.495581.
7. Elkington J. Towards the sustainable corporation: win-win-win business strategies for sustainable development // California Management Review. – 1994. – Vol. 36. – Iss. 2. – P. 90–100. DOI: <https://doi.org/10.2307/41165746>.
8. Ryszawska R. The role of CSR in the transition to a green economy // Corporate Social Responsibility in Poland / Eds. A. Długopolska-Mikonowicz, S. Przytuła, C. Stehr. – Cham: Springer, 2019. – P. 105–119. DOI: 10.1007/978-3-030-00440-8_8.

9. Гулюк Н.В., Новичкова И.В. Эффективность применения КСО и развитие «зелёного» бизнеса в России // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2018. – № 3. – С. 28–30.
10. Макаров И.Н., Осипова И.В. Корпоративная ответственность: экономическая ответственность бизнеса в условиях зелёной экономики // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16. – № 2. – С. 449–462. EDN: RPDWBK. DOI: 10.18334/ce.16.2.114224.
11. Green economy: the contribution of social corporate economy / P. Nicolopoulou-Stamati, N. Xiangli, I. Matiatos, C. Kotampasi, P. Stamatis, A.G. Sasko, L. Hens // Mechanism of economic regulation. – 2013. – № 2. – P. 30–44.
12. Войко Д.В., Войко А.В. Корпоративная социальная ответственность и устойчивое развитие в условиях экологических проблем // Вестник университета. – 2022. – № 4. – С. 13–19. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-4-13-19>.
13. Рязанова О.Е., Золотарева В.П. Циркулярная экономика. – М.: КНОРУС, 2022. – 182 с.
14. Pop O., Dina G.Ch., Martin C. Promoting the corporate social responsibility for a green economy and innovative jobs // Procedia Social and Behavioral Sciences. – 2011. – Vol. 15. – P. 1020–1023. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.03.232.
15. Беляева Е.А., Панасейкина В.С. Инструменты реализации социальной ответственности бизнеса при переходе прибрежных территорий к «зелёной» экономике // Московский экономический журнал. – 2019. – № 11. – С. 386–396.
16. Orsato R. Competitive environmental strategies: when does it pay to be green? // California Management Review. – 2006. – Vol. 48. – Iss. 2. – P. 127–143. DOI: <https://doi.org/10.2307/41166341>.
17. Петухов К.А. Экологические инициативы российских компаний в сфере корпоративной социальной ответственности // Russian Journal of Education and Psychology. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-initsiativy-rossiyskih-kompaniy-v-sfere-korporativnoy-sotsialnoy-otvetstvennosti-1> (дата обращения 11.12.2023). DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-5-19>.
18. ESG-дайджест. Удвоение спроса на зелёную электроэнергию, инвестиции в климат и новые глобальные альянсы // СБЕР Про. URL: <https://sber.pro/publication/esg-daidzhest-udvoenie-sprosa-na-zelyonuyu-elektroenergiyu-investitsii-v-klimat-i-novie-globalnie-alyansi/> (дата обращения 11.12.2023).
19. ESG-рэнкинг российских компаний (декабрь 2023 г.). Сайт рейтинговой группы RAEX https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2023.12/ (дата обращения 11.12.2023).
20. Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчётов. Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: https://rspp.ru/sustainable_development/registr/ (дата обращения 12.12.2023).
21. Heras-Saizarbitoria I., Urbieto L., Boiral O. Organizations' engagement with sustainable development goals: From cherry-picking to SDG-washing? // Corporal Social responsibility and Environmental Management. – 2022. – Vol. 29. – Iss. 2. – P. 316–328. DOI: <https://doi.org/10.1002/csr.2202>.
22. Юровская Ю.Э. Проблема «greenwashing» в современной экономике // Культура и экология – основы устойчивого развития России. Культурные и экологические императивы современной экономики. Часть 1: материалы Международного форума (Екатеринбург, 13–15 апреля 2020 г.). – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2020. – С. 311–314. EDN: NVZZPW.
23. Взгляд экологически активной аудитории на гринвошинг. URL: https://interactivead.ru/wp-content/uploads/2023/03/arir23_greenwashing_b2c.pdf (дата обращения 11.12.2023).

Информация об авторах

Козлова Мария Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Московского государственного института международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, Россия, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76. michandy@mail.ru

Поступила в редакцию: 28.12.2023

Поступила после рецензирования: 10.03.2024

Принята к публикации: 29.03.2024

REFERENCES

1. Towards a "green" economy: ways to sustainable development and poverty eradication – a summary report for representatives of government agencies. *UN Environment Program*. (In Russ.) Available at: https://www.mkurca.org/wp-content/uploads/2013/06/%D0%BD%D0%B0-%D0%B2%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%87%D1%83-%D0%B7%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B9%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD_ru.pdf (accessed 11 December 2023).
2. Blagov Yu.E. Concept of corporate social responsibility and strategic management. *Russian Journal of Management*, 2004, no. 3, pp. 17–34. (In Russ.)

3. Bowen H.R. *Social responsibilities of the businessman*. N.Y., Harper & Row, 1953. 298 p.
4. Zavyalova E.B. Corporate social responsibility: evolution of approaches and ideas. *Financial business*, 2018, no. 2 (193), pp. 26–31. (In Russ.) EDN: YUSUNF.
5. Carroll A. A tree-dimensional conceptual model of corporate social performance. *Academy of Management Review*, 1979, no. 4 (4), pp. 497–505.
6. Parmar B.L., Freeman R.E., Harrison J.S., Wicks A.C., Purnell L., De Colle S. Stakeholder theory: the state of the art. *Academy of Management Annals*, 2010, no. 1, pp. 403–445. DOI: 10.1080/19416520.2010.495581
7. Elkington J. Towards the sustainable corporation: win-win-win business strategies for sustainable development. *California Management Review*, 1994, vol. 36, Iss. 2, pp. 90–100. DOI: <https://doi.org/10.2307/41165746>
8. Ryszawska R. The role of CSR in the transition to a green economy. *Corporate Social Responsibility in Poland*. Eds. A. Długopolska-Mikonowicz, S. Przytuła, C. Stehr. Cham, Springer, 2019. pp. 105–119. DOI: 10.1007/978-3-030-00440-8_8.
9. Gulyuk N.V., Novichkova I.V. The effectiveness of CSR application and the development of “green” business in Russia. *Business education in the economics of knowledge*, 2018, no. 3, pp. 28–30. (In Russ.)
10. Makarov I.N., Osipova I.V. Corporate responsibility: economic responsibility of business in a green economy. *Creative Economy*, 2022, Vol. 16, no. 2, pp. 449–462. (In Russ.) EDN: RPDWBK. DOI: 10.18334/ce.16.2.114224.
11. Nicolopoulou-Stamati P., Xiangli N., Matiatos I., Kotampasi C., Stamatias P., Sasko A.G., Hens L. Green economy: the contribution of social corporate economy. *Mechanism of Economic regulation*, 2013, no. 2, pp. 30–44.
12. Voyko D.V., Voyko A.V. Corporate social responsibility and sustainable development in the context of environmental challenges. *Vestnik Universiteta*, 2022, no. 4, pp. 13–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-4-13-19>.
13. Ryazanova O.E., Zolotareva V.P. *Circular economics*. Moscow, KNORUS Publ., 2022. 182 p. (In Russ.)
14. Pop O., Dina G.Ch., Martin C. Promoting the corporate social responsibility for a green economy and innovative jobs. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 2011, vol. 15, pp. 1020–1023. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.03.232.
15. Belyaeva E.A., Panaseykina V.S. Tools for the implementation of social responsibility of business in the transition of coastal territories to a "green" economy. *Moscow Economic Journal*, 2019, no. 11, pp. 386–396. (In Russ.)
16. Orsato R. Competitive environmental strategies: when does it pay to be green? *California Management Review*, 2006, vol. 48, Iss. 2, pp. 127–143. DOI: <https://doi.org/10.2307/41166341>.
17. Petukhov K.A. Environmental initiatives of Russian companies in sphere of corporate social responsibility. *Russian Journal of Education and Psychology*. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-initsiativy-rossijskih-kompaniy-v-sfere-korporativnoy-sotsialnoy-otvetstvennosti-1> (accessed 11 December 2023). DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-5-19>.
18. ESG digest. Doubling demand for green electricity, climate investment and new global alliances. *SBER Pro*. (In Russ.) Available at: <https://sber.pro/publication/esg-daidzhest-udvoenie-sprosa-na-zelyonuyu-elektroenergiyu-investitsii-v-klimat-i-novie-globalnie-alyansi/> (accessed 11 December 2023).
19. ESG ranking of Russian companies (December 2023). *Website of the rating group RAEX*. (In Russ.) Available at: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2023.12/ (accessed 11 December 2023).
20. National Register of Corporate Non-Financial Reports. *Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs*. (In Russ.) Available at: https://rspp.ru/sustainable_development/registr/ (accessed 12 December 2023).
21. Heras-Saizarbitoria I., Urbietta L., Boiral O. Organizations' engagement with sustainable development goals: From cherry-picking to SDG-washing? *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2022, vol. 29, Iss. 2, pp. 316–328. DOI: <https://doi.org/10.1002/csr.2202>.
22. Yurovskaya Y.E. The greenwashing problem in the modern economy. *Materials of the International Forum. Culture and ecology are the foundations of sustainable development in Russia. Cultural and environmental imperatives of modern economics. Part I*. Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin Publ., 2020. pp. 311–314. (In Russ.) EDN: NVZZPW.
23. *The view of an environmentally active audience on greenwashing*. (In Russ.) Available at: https://interactivead.ru/wp-content/uploads/2023/03/arir23_greenwashing_b2c.pdf (accessed 11 December 2023).

Information about the authors

Mariya A. Kozlova, Cand. Sc., Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Vernadsky avenue, Moscow, 119454, Russian Federation. michandy@mail.ru

Received: 28.12.2023

Revised: 10.03.2024

Accepted: 29.03.2024

УДК 271.2-786:124.42:316.45.051.62
DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1736
Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Структурно-функциональный анализ православной общины как традиционного общества в современных условиях

А.В. Атаманов[✉]

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, г. Томск*

[✉]atamanovtomske@gmail.com

Аннотация. В статье проведен социально-философский анализ православной религиозной общины как традиционного общества в современных условиях. В настоящее время российское общество – сложная система, представленная различными группами традиционной, религиозной, индустриальной и пост-индустриальной культуры. Достаточно широкое распространение имеют религиозные структуры Русской Православной Церкви, зафиксированные юридически чаще всего как Местная религиозная организация Православный Приход Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). **Цель:** анализ и осмысление функций структурных компонентов приходской общины, заложенных ее Уставом. **Методы:** в исследовании социальной системы приходской общины применяется структурно-функциональный подход Р. Мертона и юнгианское понимание архетипа как поведенческой модели. **Результаты:** выделены структурные акторы приходской общины – храм, клир, причт, прихожане, воскресная школа, богадельня, братство, кладбище, приходская больница и подобные приходские организации. Каждый структурный компонент прихода характеризуется своим функционалом. Описанные функции данных компонентов изучаемого общества сгруппированы по основным критериям, которые отражают цели и задачи существования данного социума – морально-этические, религиозно-мировоззренческие, культурно-просветительские, социально-политические и системообразующие. Анализ основных моделей поведения акторов прихода выявил некоторые противоречия в структурных связях общины, что позволит при дальнейшем изучении данного феномена определить пути его развития и трансформации. Отмечен возрастающий интерес к религиозным общинам с присущими им глубокими историческими и социальными предпосылками. Формат современной православной общины – малопривлекательный, поскольку имеет недостатки управленческой структуры, приводящие к формализации различных сфер деятельности. Следствием этого является трансформация религиозных функций и отсутствие горизонтальных социальных связей.

Ключевые слова: православная община, приход, Устав прихода, настоятель, Приходское собрание, Приходской совет, миряне, архетип

Для цитирования: Атаманов А.В. Структурно-функциональный анализ православной общины как традиционного общества в современных условиях // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 173–186. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1736

UDC 271.2-786:124.42:316.45.051.62
DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1736

Structural and functional analysis of the Orthodox community as a traditional society in modern conditions

A.V. Atamanov✉

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

✉atamanovtomske@gmail.com

Abstract. The article provides a socio-philosophical analysis of the Orthodox religious community as a traditional society in modern conditions. At present, Russian society is a complex structured system represented by various groups of traditional, religious, industrial and post-industrial culture. Religious structures of the Russian Orthodox Church, represented legally most often as Local Religious Organization Orthodox Parish of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), are quite widespread. The aim of the study was to analyze and comprehend the functions of the structural components of this society laid down in its Charter. In the study of the social system of the parish community the structural-functional approach of R. Merton and Jungian understanding of archetype as a behavioral model are applied. The following structural actors of the parish community are identified: church, clergy, parishioners, Sunday school, almshouse, brotherhood, cemetery, parish hospital and similar parish organizations. Each structural element of the parish is characterized by its own functionality. The described functions of the structural components of the society under study are grouped according to the main criteria that reflect the goals and objectives of the existence of this society, such as moral and ethical, religious and attitudinal, cultural and educational, socio-political and system-forming. The analysis of the main models of behavior of parish actors revealed some contradictions in the structural relations of the community, which will allow further study of this phenomenon to determine the ways of its development and transformation. The growing interest in religious communities with their inherent deep historical and social prerequisites has been noted. The format of the modern Orthodox community is unattractive, as it has shortcomings in the management structure, leading to the formalization of various spheres of activity. The consequence is the transformation of religious functions and the absence of horizontal social ties.

Keywords: Orthodox community, parish, Parish Charter, rector, Parish Assembly, Parish Council, laity, archetype

For citation: Atamanov A.V. Structural and functional analysis of the Orthodox community as a traditional society in modern conditions. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 173–186. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1736

Введение

Современное общество состоит из множества социальных групп, одной из которых, несомненно, является такая традиционная форма, как православная община, представляющая собой структурную часть многочисленной корпорации Православной Церкви. В свою очередь, православие олицетворяет собой одну из ветвей христианства. Община, получившая позже свое название «прихода», – микросоциальная группа макросоциальной структуры. И следователями прихода являются П.С. Стефанович [1], Т.А. Бернштам [2], М.Е. Добрускин [3], Л.А. Беглов [4], Т.С. Пронина [5], Г.С. Горбачук [6], И.П. Рязанцев [7], О. Бреская [8], А.С. Агаджанян [9], А.А. Ожиганова [10], Н.А. Митрохин [11]. К проблеме приходской общины обращены как коллегиальные решения Русской Православной Церкви

от Стоглавого собора 1551 года до Священного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., так и современные церковные постановления. В периодической литературе, издающейся Русской Православной Церковью, проблема устройства и функционирования общины постоянно актуализируется, что свидетельствует о важности понимания устройства и деятельности данной социальной группы. К церковным исследователям проблемы прихода можно отнести П. Адельгейма [12], А. Меня [13], Г. Кочеткова [14], В. Цыпина [15] и др.

Методология исследования

Методологической основой данного исследования является структурно-функциональный анализ, предложенный Р. Мертоном как один из методов изучения социальных систем [16]. Задача указанного метода – установление жизнеобеспечивающих функций, необходимых для существования системы и более детальное описание структуры самой системы с ее механизмами функционирования [16]. Р. Мертон считает, что функциональный анализ – это установление «систематического учета статусов и социальных взаимоотношений тех, кто осуществляет поведение, ставшее предметом исследования» [16, с. 152], причем необходимо выделение как позитивных, так и альтернативных, а также латентных функций и дисфункций.

Анализ функционала структурных компонентов прихода

Анализ исследовательской литературы позволяет рассматривать приход с различных ракурсов. Во-первых, община, или приход, должна пониматься как реальное существующая определенная социальная группа в определенный исторический момент. Во-вторых, с точки зрения богословско-вероучительного церковного сознания приход – это Церковь как общество людей, объединенных одной верой [17]. В-третьих, приход как организация с юридической точки зрения современного законодательства.

Анализ структуры и исполняемых функций прихода в данном исследовании проводится по Типовому уставу Местной религиозной организации православного прихода, принятому Священным синодом Русской православной церкви 10 октября 2009 года [18].

Структурными элементами прихода являются прежде всего храм, клир, причт, прихожане, воскресная школа, богадельня, братство, кладбище, приходская больница и подобные приходские организации. Храм часто выполняет функцию образования прихода, поскольку служит местом совершения регулярного богослужения, при котором присутствуют все существующие структуры общины. Но в современных условиях, при отсутствии постоянного или временного здания храма, приход может формироваться инициативной группой в соответствии с действующим законодательством только как юридическое лицо в виде местной религиозной некоммерческой организации, которая со временем обрастает всеми жизненными компонентами.

Устав прописывает цели, задачи и функции приходской общины. Как любое общество, приход имеет свою систему, соответствующую устройству человеческой группы, со своими статусами, социальными ролями и взаимоотношениями. Поскольку приход является религиозной группой, находящейся в соподчинённом положении с большей конгломерацией – епархией и далее всей Русской Православной Церковью, то ему присущи все нормы, ценности, установки перечисленных объединений. Мировоззренческую и вероучительную сторону данное исследование не ставит предметом своего изучения – остановимся лишь на самой социальной структуре прихода как объединения людей и функциях, приписанных у его членов. Данные функции возможно объяснить с точки зрения социальных ролей и психических архетипов.

Любое социальное объединение людей имеет свою иерархическую систему. В приходе это органы управления и контроля. В IV параграфе Устава написано:

«4.1 Органами управления Прихода являются:

- Епархиальный архиерей;
- Настоятель;
- Приходское собрание;
- Приходской совет;
- Председатель Приходского совета.

4.2 Органом контроля за деятельностью Прихода является Ревизионная комиссия.

4.3 Структурные подразделения Прихода (без прав юридического лица) создаются (упраздняются) по решению Приходского совета с письменного разрешения (благословения) Епархиального архиерея» [18].

Таким образом, во главе прихода предполагается епархиальный архиерей. Чаще всего такое главенство осуществляется через административный надзор и отчетность, а также является своего рода моментом легитимизации прихода как структурного компонента всей Русской Православной Церкви как корпорации. О рисках и противоречиях такого функционала скажем позже. Функции координирования, развития и обеспечения жизнедеятельности приходского общества возложены на настоятеля. Часть этих полномочий и функций может быть делегирована председателю Приходского совета. Так, пункт 6.3 приходского Устава среди обязанностей настоятеля указывает на его учительскую функцию – настоятель «организует катехизаторскую, благотворительную, церковно-общественную, образовательную и просветительскую деятельность Прихода» [18]; координационно-управленческую функцию – «возглавляет Приходское собрание, созывает его и председательствует на нем», «руководит причтом», «имеет право приостанавливать исполнение решений Приходского собрания и Приходского совета по вопросам канонического, внутрицерковного и вероучительского характера», «осуществляет официальную церковную переписку»; а также отчетно-подотчетную [18]. Сухой юридический язык документа закрепляет за настоятелем функцию руководителя и посредника между приходом и епархиальным архиереем, которому подотчетен и приход, и настоятель прихода, а также представительную функцию и доверительную [18].

Приходскому собранию посвящен VII параграф Устава, где определены его состав, обязанности и функции. Приходское собрание является коллегиальным постоянным органом прихода, функционирующим в роли исполнительной власти. Пункты 7.1–7.3 утверждают состав Приходского собрания в лице настоятеля, как его Председателя (за редким исключением), действующих клириков, если таковые имеются в приходе, а также выбранных граждан из числа прихожан с нравственным обликом, соответствующим православному христианству. Пункт 7.4 прописывает следующие обязанности членов Приходского собрания: соблюдение правил и внутренних постановлений Русской Православной Церкви, принятие участия в заседаниях собрания, исполнение решений как самого собрания, так и настоятеля, а также епархиального архиерея. Этот же пункт указывает на безвозмездное членство в составе Приходского собрания.

Пункты 7.5–7.8 Устава определяют функции Приходского собрания. К ним можно отнести координационно-иерархическую, юридическую, экономическую, планирующую, апелляционную функции, а также функцию самосохранения прихода в лице его коллегиального, легитимного органа. Устав прихода закрепляет за Приходским собранием необходимость сохранять единство с РПЦ, осуществление приема новых членов собрания и контроль за их участием в деятельности, назначение старосты, казначея и ревизоров, утверждение штатного расписания и размеров оплаты труда сотрудникам прихода, распоряжение имуществом и финансами прихода, подачу жалоб и представлений епархиальному архиерею на своих членов, отчетность протоколами о проведенной деятельности перед вышестоящей инстанцией (епархиальным архиереем). Пункты 7.7, 7.8 Устава касаются юридического оформления постановлений Приходского собрания. Стоит отметить пункт 7.9 Устава, который касается ле-

гитимности принятия решений Приходским собранием. Этот пункт гласит: «Решения (протоколы) заседаний Приходского собрания направляются на утверждение Епархиальному архиерею. Решения (протоколы) Приходского собрания вступают в силу и подлежат обязательному исполнению после утверждения их Епархиальным архиереем» [18]. Таким образом, данный коллегиальный орган не в состоянии принимать самостоятельные решения, которые не соответствуют требованиям и ожиданиям епархиального архиерея.

Следующим структурным компонентом прихода и его исполнительным органом является Приходской совет, чей состав, структура и функции обозначены VIII–IX параграфами Устава [18]. Согласно указаниям Устава, Приходской совет должен быть постоянно действующим в общине органом, поскольку ему вменяется «реализация решений Епархиального архиерея, Настоятеля и Приходского собрания» [18]. Структура Приходского совета представлена тремя членами: настоятелем, его помощником, именуемым церковным старостой, и казначеем (бухгалтером-экономистом). Главенствующая власть в данном органе принадлежит настоятелю, но вполне возможно отстранение последнего от поста решением епархиального архиерея, и передача полномочий Председателю Приходского совета, назначенному старосте, «либо другому лицу, в том числе клирику прихода, с введением его в состав Приходского собрания и Приходского совета» [18]. Должности старосты и казначея прихода, хотя и являются выборными Приходским собранием, но поскольку решения последнего утверждаются епархиальным архиереем, то архиерей вправе наложить вето на данное назначение. Устав упоминает об этом следующим образом: «8.4 Помощник Настоятеля (церковный староста) и казначей избираются Приходским собранием из числа его членов сроком на три года без ограничения числа переизбраний и утверждаются в должности Епархиальным архиереем» [18].

Раздел 8.6 Устава определяет следующие функции Приходского совета: исполнительную, отчетную, финансовую, охранную, хозяйственную, созидательную, юридическую, информационную, коммерческую, структурирующую, обеспечивающую. Каждая из перечисленных функций исполняется с одобрения Приходского совета и легитимизируется большинством голосов его членов [18].

Функции казначея представлены Уставом только как юридическая и бухгалтерско-банковская [18]. Обязанности старосты согласно Уставу должны быть утверждены решением Приходского собрания [18].

Отдельными пунктами Устав прописывает юридическую стороны обязанностей Председателя Приходского совета в случае исполнения этой роли не настоятелем.

Таким образом, Приходской совет является постоянно действующим коллегиальным органом Прихода, выполняющим его хозяйственно-экономические задачи. Самостоятельность Приходского совета ограничена как решениями вышестоящих инстанций, которые должны быть им реализованы, так и самоличным решением епархиального архиерея, распространяющимися вплоть до переназначения личного состава Приходского совета.

Отражение участие мирян в Уставе номинальное: они упоминаются лишь в определении прихода как «добровольного объединения совершеннолетних граждан Российской Федерации, объединившихся в целях совместного исповедания и распространения православной веры», и предполагаются как внутренние структуры, не имеющие прав юридического лица [18]. Также миряне могут стать членами органов управления прихода: Приходского собрания, Приходского совета и Ревизионной комиссии. На отсутствие упоминания мирян в Уставе прихода указывает О.Б. Молодов [19]. Эту же проблему затрагивает исследователь прихода как общества Т.С. Пронина, которая утверждает, что с точки зрения современных официальных документов приход – это прежде всего клир с церковным имуществом [5].

Функции Епархиального архиерея как канонической главы прихода отражены в V параграфе Устава и представлены наблюдением, назначением, контролем, утверждением, уволь-

нением. Пункт 12.3 приписывает ему также функцию ликвидации общины как юридического лица. Заметим, что деятельность архиерея на приходе чаще всего совершается удаленно, либо эпизодически через участие в богослужениях и проведении всевозможных комиссий. Таким образом, Епархиальный архиерей является главным внесистемным актором, легитимизирующим все решения приходских структур и имеющим возможность ликвидации, при этом Устав не предполагает их оспаривания.

Резюмируя вышеизложенное, из сухого юридического документа Устава прихода выделим его следующие функции: 1) богослужебная; 2) убедительная; 3) миссионерская; 4) благотворительная; 5) образовательная; 6) обучающая; 7) социальная; 8) организационная; 9) издательско-производственная; 10) охранительная; 11) предпринимательская; 12) экономическая; 13) созидательная; 14) культурно-просветительская; 15) юридическая. Функции настоятеля прихода: 1) руководящая; 2) координирующая; 3) управленческая; 4) развивающая; 5) жизнеобеспечивающая; 6) надзорная; 7) отчетно-подотчетная; 8) учительская; 9) воспитательная; 10) представительская; 11) посредническая; 12) богослужебная. К функциям Приходского собрания можно отнести следующие: 1) координационно-иерархическая; 2) юридическая; 3) экономическая; 4) планирующая; 5) апелляционная; 6) функция самосохранения. Приходской совет выполняет следующие функции: 1) исполнительную; 2) отчетную; 3) финансовую; 4) охранную; 5) хозяйственную; 6) созидательную; 7) юридическую; 8) информационную; 9) коммерческую; 10) структурирующую; 11) обеспечивающую; 12) бухгалтерско-банковскую.

Г.Н. Горбачук, анализируя приходскую общину как микрообщность, выделяет следующие функции: морально-этическую, религиозно-мировоззренческую, культурно-просветительскую, социально-политическую, благотворительную [6]. Кроме этого, указывается историческая возможность исполнения функций гражданского и полицейского характера, что, по мнению автора, связано с социальным взаимодействием прихода как основой его функционирования. Основные функции возможно использовать как критерии группировки, добавив системообразующую и финансово-экономическую.

Приведем сравнительный анализ перечисленных функций (табл. 1).

Таблица 1. Функции прихода
Table 1. Parish functions

Функции прихода, отраженные в современном Уставе Parish functions reflected in the modern Charter	Основные виды функций прихода Main types of parish functions
Убедительная/Convincing Благотворительная/Charity Образовательная/Educational Обучающая/Educational Воспитательная/Educational	Морально-этическая Moral and ethical
Богослужебная/Liturgical Миссионерская/Missionary Обучающая/Educational Развивающая/Developmental Учительская/Teacher's Воспитательная/Educational	Религиозно-мировоззренческая Religious and ideological
Издательско-производственная/Publishing and production Культурно-просветительская/Cultural and educational Информационная/Information	Культурно-просветительская Cultural and educational

Представительская/Representative Посредническая/Mediation Исполнительная/Executive Созидательная/Creative Социальная/Social Организационная/Organizational Структурирующая/Structuring Охранительная/Security Юридическая/Legal Апелляционная/Appeal Информационная/Information	Социально-политическая Socio-political
Благотворительная/Charity	Благотворительная/Charity
Юридическая/Legal Руководящая/Leading Иерархическая/Hierarchical Исполнительная/Executive Координирующая/Coordinating Управленческая/Management Бухгалтерско-банковская/Accounting and banking Планирующая/Planning Надзорная/Supervisory Отчетно-подотчетная/Reporting and accountability Структурирующая/Structuring Самосохранение/Self-saving Обеспечивающая/Providing	Системообразующая System-forming
Экономическая/Economic Коммерческая/Commercial Планирующая/Planning Отчетная/Reporting Финансовая/Financial Хозяйственная/Economic Предпринимательская/Entrepreneurial Бухгалтерско-банковская/Accounting and banking	Финансово-экономические Financial and economic

Отметим, что некоторые функции отнесены к нескольким классификациям. Это связано с разносторонним функционированием всех структурных компонентов прихода как общества.

Анализ архетипичных моделей поведения

Любое общество характеризуется своей жизнеспособностью, деятельностью, эволюцией и социальными связями. Единство общества создается в том числе коллективной социальной памятью, а выражением которой может быть архетип – коллективное бессознательное. О.Т. Лойко [20] указывает на выделенные Юнгом архетипы как на структурные социальные связи, характеризующиеся устойчивостью. Поскольку «архетипы, будучи основой личностного мира человека» трансформируются в «метатип, воспроизводящий наиболее существенные, глубоко укорененные в памяти архетипы поведения» [20, с. 65], то анализ поведенческих моделей позволит лучше понять структуру общества и ее внутренние связи.

Архетипы как бессознательные стереотипы поведения впервые были описаны К.Г. Юнгом. Данная теория получила свое развитие в трудах М. Элиаде, Е.В. Мелетинского, Э. Ноймана и других исследователей. Об архетипах в религиозных и традиционных структурах пишут современные ученые К. Asper [21], Э.М. Спирина [22], А.Ш. Джабраилова [23], Ц.П. Короленько [24], Е.С. Балашова [25] и др.

Поскольку религиозное мировоззрение отвечает на основные вопросы человека о себе, то архетип, по мнению Юнга, должен соответствовать догмам и выполнять регулирующие функции, как и сама религия отражает социальную жизнь [26]. М. Элиаде подтверждает репрезентацию религией архетипов как своих источников. «Не существует религиозной формы, которая бы не стремилась к возможно большему приближению к своему подлинному архетипу, другими словами, очищению от “исторических” добавлений и наслоений” [27]. Стоит предположить, что архетип и культура оказывают обоюдное влияние друг на друга и архетип находит свое отражение в поведении любого члена общества. Приход как религиозная община и социальная группа остается в современном мире самым ярким примером традиционного общества, в котором древние архетипы находят свое воплощение в поведении, действиях и ролях ее представителей. К.Г. Юнг пишет: «Архетипы являются формами восприятия и осмысления действительности. Они повторяют, разрабатывают сходный опыт переживаний в разных поколениях» [26, с. 2]. Вслед за ним М. Элиаде определяет архетип как модель поведения человека в социуме [28]. Таким образом, можно предположить, что структурно-функциональный анализ прихода как современного традиционного общества возможен в виде сопоставления функций архетипа с личностными функциями основных акторов данной социальной группы.

К.Г. Юнг выделил архетипы Отца, Матери, Персоны, Анимы и Анимуса, Самости и Тени [26]. Отечественный психоаналитик В.В. Зеленский предлагает широкий список архетипичных фигур, выстраивая их в определенную иерархию: Эго, Персона, Тень, Эрос, Анима, Самость, Великая Мать, Великий Отец, Ребенок, Дева, Герой, Мудрый Старец, Гермес, Трикстер [29]. Для данного исследования из постоянно расширяющегося списка выбраны наиболее персонализированные архетипы, которые могут ярко выражаться в действиях и поведении индивида как актора.

Архетип Великой Матери связан с такими функциями, как зарождение, возникновение, источник жизни, сочувствие, заботливость, доброта, мудрость, воскрешение, исцеление и перерождение. Нужно отметить, что исследователи указывают и на возможные структурные компоненты данного архетипа. Так, Великая Мать может быть представлена как в роли дающей жизнь природы, так и исцеляющей, любящей силы [21].

Следующий архетип носит имя Великого Отца, воплощая в себе функции отца и политика, а также господства, всезнания, разума, силы, покровительства и прощения [30]. Данный архетип К. Пирсоном и М. Марком представлен в образе правителя, желающего помочь своим подчиненным [31].

Архетип Мудрой старухи, являясь противопоставлением Матери, выполняет функции ритуальной смерти, необходимой для последующего возрождения. Мудрый Старец, по утверждению К. Г. Юнга [32], – архетип ума и знания, конечного идеала Отца, но имеющего и отрицательные коннотации, поскольку мудрость может даровать и разрушительную власть. К его функциям И. Давыдов относит педологическую, успокаивающую и консервирующую [30]. Архетипы Девы и Младенца наделены автором теории К. Г. Юнгом весельем, эмоциональностью, любовью, надежной и возможностью смены поколений [32]. Архетип Гермеса ярко выражен в функциях инициации и посредничества [26]. Архетип Героя наделен смелостью, стойкостью, силой, мужеством и энергичностью, воинственностью. Являясь самым известным архетипом, Герой выполняет функции лидера, защитника и некоего идеала для подражания, настраивая людей на великие свершения. Антиподом Героя нужно считать архетип Врага, чьими функциями выступает причинение зла и порождение конфликтов. Данный архетип характеризуется безликостью. К.Г. Юнг от архетипа Врага отличает Трикстера, многогранный и противоречивый образ которого выражает иррациональность бессознательно-го [27]. Функции Трикстера – это противоречивость, опровержение норм, разрушение основ, достижение собственной выгоды, амбиции, уничтожение. Трикстер является противопоставлением животного и человеческого в сознании [33].

Можно предположить, что перечисленные функции выполняются различными акторами приходского общества, поскольку архетипы заложены моделями поведения в любое традиционное общество. Акторами, действующими лицами, исполняющими те или иные функции приходской жизни, следует считать Епархиального архиерея, настоятеля прихода, клир (всех приходских священнослужителей), старосту (помощника настоятеля), казначея, всевозможных церковнослужителей (псаломщик, певец, учитель воскресной школы, катехизатор, помощники настоятеля по учебно-образовательной, социальной, миссионерской, информационной деятельности и др. [34]). Все перечисленные должности должны быть прописаны в действующем Уставе прихода.

Сопоставим выделенные функции прихода с функциями архетипа в табл. 2. Из списка функций приходской общины оставим только те, которые коррелируются с архетипичными функциями.

Таблица 2. Сравнительный анализ функций прихода и архетипов
Table 2. Comparative analysis of parish functions and archetype functions

Функции прихода Parish functions	Функции архетипа Archetype functions
Благотворительная/Charity Социальная/Social	Зарождение/Origin Возникновение/Emergence Источник жизни/Life source Сочувствие/Sympathy Заботливость/Caring Доброта/Kindness Мудрость/Wisdom Воскрешение/Resurrection Исцеление/Healing Перерождение/Rebirth
Богослужебная/Liturgical	Ритуальной смерти/Ritual death Функция инициации/Initiation function Посредничество/Mediation
Миссионерская/Missionary Убедительная/Convincing	Убеждение/Belief
Обучающая/Educational Развивающая/Developmental Учительская/Teacher's Воспитательная/Educational Образовательная/Educational Обучающая/Educational	Педагогическая/Pedagogical Успокаивающая/Calming Консервирующая/Preservative
Управленческая/Management Надзорная/Supervisory Представительская/Representative Посредническая/Mediation Исполнительная/Executive Юридическая/Legal Созидательная/Creative Организационная/Organizational Структурирующая/Structuring	Отцовство/Paternity Политика/Policy Господство/Dominance Всезнание/Omniscience Разум/Intelligence Сила/Force Покровительство/Patronage Лидерство/Leadership Защитничество/Protectiveness Функция идеала для подражания/Function of the ideal to follow

Охранительная/Security	Прощение/Forgiveness
Юридическая/Legal Руководящая/Supervising Иерархическая/Hierarchical Исполнительная/Executive Координирующая/Coordinating Апелляционная/Appeal	Посредничество/Mediation
Самосохранения/Self-saving Обеспечивающая/Providing	Возможность смены поколений Possibility of generational change
Соответствий нет No matches	Веселье/Fun Эмоциональность/Emotionality Любовь/Love Надежда/Hope Возможность смены поколений/Possibility of generational change
Соответствий нет No matches	Причинение зла/Causing harm Порождение конфликтов/Generating conflicts Противоречивость/Controversy Опровержение норм/Refuting norms Разрушение основ/Destruction of foundations Достижение собственной выгоды/Achieving your own benefit Амбиции/Ambitions Уничтожение/Destruction
Соответствий нет No matches	Разрушение основ/Destruction of foundations Достижение собственной выгоды/Achieving your own benefit Амбиции/Ambition Уничтожение/Destruction

В результате сравнения видно, что представленные в первой строке функции архетипа, присущие Великой Матери, перечисленные выше не находят себя соответствия в перечисленных функциях прихода. По мнению автора, эти функции описывают фигуру Бога как причину и источник бытия с точки зрения православного христианства. Данное соотношение функций и качеств женского архетипа и образа Бога вполне возможно, поскольку Бог, согласно православному богословскому пониманию, есть бестелесный Дух [35]. Со второй строки таблицы по восьмую отражены функции настоятеля и делегированных его обязанностей Приходскому совету и Приходскому собранию. Этим функциям соответствуют архетипы Великого Отца, Мудрой Матери, Старца, Гермеса и Героя, что позволяет утверждать поведенческие модели священнослужителя и активных акторов приходской общины.

Функционал Девы и Врага, представленный в девятой и десятой строках таблицы, не нашел своего отражения в приходских должностях, но данные архетипы перманентно воплощаются действиями прихожан, с точки зрения автора. Кроме того, заметна дихотомия «Дева–Враг», чему соответствует пара «праведник–грешник».

Проявление фигуры Трикстера (последняя строка таблицы) указывают на заложенные Уставом прихода риски в функционале епархиального архиерея, поскольку последний выполняет только удаленный надзор, согласование, легитимизацию отчетов и постановлений прихода, имеет возможность безапелляционного принятия решений и устранения приходской общины.

Обсуждение

Данное исследование опиралось только на должности, отраженные юридическим документом – типовым Уставом прихода. Но приходская община, несомненно, состоит не только из священнослужителей и мирян, имеющих официальные должности, но она как живая система имеет сложную функциональную структуру с множественными внутренними и внешними связями. Описать всех членов общества и зафиксировать их деятельность из-за постоянного ее изменения невозможно. В рамках статьи отмечены только некоторые роли приходской общины, чаще всего ярко представленные в настоящее время. Любой современный приход включает в себя кроме епархиального архиерея и настоятеля еще и активно функционирующих недолжностных лиц, к которым отнесем прежде всего жену священника, часто исполняющую множество обязанностей, например, учителя Воскресной школы, псаломщика или певца, казначея, катехизатора и пр. Стоит выделить также такого актора, как духовник, которым может быть настоятель прихода, а также кто-либо из имеющихся в штате священников, либо духовное лицо, не являющееся членом данного сообщества, но оказывающее влияние как на отдельно взятого человека, так и на группу прихожан. Отметим, что духовников может быть несколько, поскольку православным христианином он выбирается лично, а современная физическая и информационная мобильность способствует этому. Активным членам прихода может быть мирянин, как исполняющий должность церковнослужителя, так и не исполняющий ее. Во-первых, это церковный староста (помощник настоятеля), причем старостой может быть как мужчина, так и женщина; во-вторых, уважаемый в общине человек, часто являющийся лидером; в-третьих, если приход новый, то лицо, активно принимавшее участие в его формировании и становлении; в-четвертых, очень часто в приходской общине существующие попечители, благотворители и пр. Возможно наличие таких членов прихода, которые исполняют де-конструкторские и триггерные функции. Таким образом, структурно-функциональный анализ архетипичных моделей поведения всех членов прихода представляется не только достаточно сложным и пространным, но и возможным только при рассмотрении отдельно взятого реального прихода в определенный период его существования, что делает актуальным дальнейшее структурно-функциональное исследование общин как социальных систем.

Заключение

Подводя итог, отметим возрастающий интерес к религиозным общинам, вызванный присутствием устойчивых традиционных обществ в современном мире, имеющих глубокие исторические и социальные начала. Формат современной православной общины остается малопривлекательным для широкого круга людей, поскольку существует бюрократизация управленческих структур, приводящая к формальному исполнению деятельности в различных сферах жизни прихода. Следствием этого является трансформация религиозных функций в обществе и отсутствие горизонтальных социальных связей. Философское осмысление такого явления, как приход, и подобных социальных структур представляется важным, потому что затрагивает интересы довольно большого количества людей и способствует формированию национального менталитета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. – М.: Индрик, 2002. – 352 с.
2. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 415 с.
3. Добрусин М.Е. О социальных функциях церкви (на материалах Русской Православной Церкви) // Социологические исследования. – 2002. – № 4. – С. 76–86.

4. Беглов А.Л. Объединения православных верующих в СССР в 1920–1930-е годы: причины возникновения, типология и направления развития // *Российская история*. – 2012. – № 3. – С. 91–104.
5. Пронина Т.С. В поисках прихожан: православный приход в размышлениях и дискуссиях XX–XXI вв. // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина*. – 2022. – № 3. – С. 170–181. DOI: 10.35231/18186653_2022_3_170.
6. Горбачук Г.Н. Церковный приход как микросоциальная группа: организационные основы и тенденции функционирования // *Современные проблемы науки и образования*. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21670> (дата обращения 13.12.2023).
7. Рязанцев И.П. Куда идет приход? Слово научного редактора // *Альманах Лодка*. URL: <https://sreda.org/loдка/kuda-idet-prihod> (дата обращения 13.12.2023).
8. Бреская О. Православные приходы в городском пространстве Бреста: от образов к типологии // *Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности*. – М.: Весь мир, 2011. – С. 212–233.
9. Агаджанян А.С. Приход и община в русском православии: современные процессы в ретроспективе последнего столетия // *Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности*. – М.: Весь мир, 2011. – С. 15–36.
10. Ожиганова А.А., Филиппов Ю.В. Новая религиозность в современной России: учения, формы и практики. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2006. – 229 с.
11. Митрохин Н.А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. – М.: Новое лит. обозрение, 2006. – 650 с.
12. Адельгейм П. Жизнь Церкви в канонах и практике: приглашение к диалогу // *Вестник русского христианского движения*. – 2002. – № 184 (II). – С. 323–360.
13. Мень А.В. История религии: в поисках Пути, Истины и Жизни: В 7 т. Т. 1. Истоки религии. – М.: СП «Слово», 1991. – 287 с.
14. Кочетков Г. «В начале было Слово»: Катехизис для просвещаемых. – 4-е изд., перераб. – М.: Свято-Филаретовский институт, 2022. – 512 с.
15. Цыпин В. История Русской церкви. В 9 кн. Кн. 9 кн. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. – 830 с.
16. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
17. Основы канонического устройства и литургической жизни Православной Церкви / под общ. ред. митрополита Волоколамского Илариона. – М.: Познание, 2020. – 384 с.
18. Типовой устав Местной религиозной организации православного прихода: принят Священным Синодом Русской Православной Церкви, 10 октября 2009 года // *Азбука веры*. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/tipovoj-ustav-mestnoj-religioznoj-organizatsii-pravoslavnogo-prihoda/> (дата обращения 13.12.2023).
19. Молодов О.Б. Реформа приходского управления Русской православной церкви 2009 г. // *Управление и экономика в условиях модернизации: история и современность: материалы научно-практической конференции*. – Вологда, Северо-Западная академия государственной службы, Филиал в г. Вологде, 2011. – С. 284–290.
20. Лойко О.Т. Миф – архетип – текст – литургия: бытие социальной памяти. – Томск: Дельтаплан, 2018. – 193 с.
21. Asper K. *Verlassenheit und selbstentfremdung. Neue zugänge zum therapeutischen verständnis*. – 7 auflage. – München: Deutscher taschenbuch verlag, 1999. – 333 s.
22. Спирова Э.М. Архетипы в житейской повседневности // *Знание. Понимание. Умение*. – 2009. – № 4. – С. 146–151. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipy-v-zhiteyskoj-povsednevnosti> (дата обращения 18.12.2023).
23. Джабраилова А.Ш. Архетипы в религии: функции и методы исследования // *Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipy-v-religii-funktsii-i-metody-issledovaniya> (дата обращения 14.12.2023). DOI: 10.21515/1990-4665-127-071.
24. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Основные архетипы в классических юнгианских и современных представлениях // *Медицинская психология в России*. – 2018. – Т. 10. – № 1. – С. 3. DOI: 10.24411/2219-8245-2018-11030. http://www.mprj.ru/archiv_global/2018_1_48/nomer00.php (дата обращения 12.04.2024)
25. Современные аспекты теории архетипов К.-Г. Юнга / Е.С. Балашова, С.В. Грибанов, С.М. Мальцева, О.И. Носкова // *АНИ: педагогика и психология*. – 2019. – Т. 8. – № 3 (28). – С. 320–322. DOI: 10.26140/anip-2019-0803-0082.
26. Человек и его символы / под ред. В.В. Зеленского. – М.: Серебряные нити; СПб.: АСТ, 1997. – 367 с.
27. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Ладомир, 1999. – 488 с.
28. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб.: Алетейя, 1998. – 249 с.

29. Зеленский В.В. Базовый курс аналитической психологии, или Юнгианский бревиарий. – М.: Добросвет: Городец, 2016. – 254 с.
30. Давыдов И.П. Структурно-функциональный анализ архетипов коллективного бессознательного // Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия». – 2016. – № 6. – С. 82–97.
31. Марк М., Пирсон К. Герой и Бунтарь. – СПб.: Питер, 2005. – 335 с.
32. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Минск: Харвест, 2004. – 400 с.
33. Циркин Б.Ю. Мифы Древней Греции. – М.: Астрель: АСТ, 2000. – 560 с.
34. Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви» от 4 февраля 2011 года. URL: <https://pravobraz.ru/opredelenie-osvyashhennogo-arxierejskogo-sobora-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-o-voprosax-vnutrennej-zhizni-i-vneshnej-deyatelnosti-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-ot-4-fevralya-2011-goda/> (дата обращения 18.12.2023).
35. Закон Божий: для семьи и школы / сост. прот. Серафим Слободской. – Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. – 720 с.

Информация об авторах

Александр Владимирович Атаманов, аспирант кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; atamanovtomske@gmail.com

Поступила в редакцию: 06.01.2024

Поступила после рецензирования: 25.02.2024

Принята к публикации: 29.03.2024

REFERENCES

1. Stefanovich P.S. *Parish and parish clergy in Russia in the 16–17th centuries*. Moscow, Indrik Publ., 2002. 352 p. (In Russ.)
2. Bernshtam T.A. *Parish life of the Russian village: essays on church ethnography*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2007. 415 p. (In Russ.)
3. Dobruskin M.E. On the social functions of the church (based on materials from the Russian Orthodox Church). *Sociological Studies*, 2002, no. 4, pp. 76–86. (In Russ.)
4. Beglov A.L. The organization of the Orthodox believers in the USSR in 1920–1930s: the origins, typology and ways of development. *Russian history*, 2012, no. 3, pp. 91–104. (In Russ.)
5. Pronina T.S. In search of parishioners: Orthodox parish in the XX–XXI century reflections and discussions. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2022, no 3, pp. 170–181. (In Russ.). DOI: 10.35231/18186653_2022_3_170.
6. Gorbachuk G.N. Church parish as a microsocial group: organizational framework and trends of functioning. *Modern problems of science and education*. (In Russ.) Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21670> (accessed 13 December 2023).
7. Ryazantsev I.P. Where is the parish going? Word of the scientific editor. *Almanac Boat*. (In Russ.) Available at: <https://sreda.org/lodka/kuda-idet-prihod> (accessed 13 December 2023).
8. Breskaya O. Orthodox parishes in urban space of Brest: from the images to typology. *Parish and community in modern Orthodoxy: the root system of Russian religiosity*. Moscow, Ves Mir Publ., 2011, pp. 212–233. (In Russ.)
9. Agadzhanian A.S. Parish and community in Russian Orthodoxy: modern processes in retrospect of the last century. *Parish and community in modern Orthodoxy: the root system of Russian religiosity*. Moscow, Ves Mir Publ., 2011. pp. 15–36. (In Russ.)
10. Ozhiganova A.A., Filippov Yu.V. *New religiosity in modern Russia: teachings, forms and practices*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS Publ., 2006. 229 p. (In Russ.)
11. Mitrokhin N.A. *Russian Orthodox Church: current state and current problems*. Moscow, Novoe Literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 650 p. (In Russ.)
12. Adelgeim P. Life of the Church in canons and practice: an invitation to dialogue. *Bulletin of the Russian Christian Movement*, 2002, no. 184 (II), pp. 323–360. (In Russ.)
13. Men A.V. *History of religion. In search of the Path, Truth and Life*. Moscow, Slovo Publ., 1991. Vol. 1, 287 p. (In Russ.)
14. Kochetkov G. *“In the beginning was the Word”: Catechism for the Enlightened*. Moscow, St. Philaret Institute Press, 2022. 512 p. (In Russ.)
15. Tsyplin V. *History of the Russian Church*. Moscow, Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery Publ. House, 1997. B. 9, 830 p. (In Russ.)

16. Merton R. *Social theory and social structure*. Moscow, AST Publ., 2006. 873 p. (In Russ.)
17. *Fundamentals of the canonical structure and liturgical life of the Orthodox Church*. Ed. by Metropolitan Hilarion of Volokolamsk. Moscow, Poznanie Publ., 2020. 384 p. (In Russ.)
18. Model charter of a Local religious organization of an Orthodox parish: adopted by the Holy Synod of the Russian Orthodox Church, October 10, 2009. *ABC of Faith*. (In Russ.) Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/tipovoj-ustav-mestnoj-religioznoj-organizatsii-pravoslavnogo-prihoda/> (accessed 13 December 2023).
19. Molodov O.B. Reform of parish administration of the Russian Orthodox Church in 2009. *Management and economics in the context of modernization: history and modernity: proceedings of the International scientific and practical conference*. Vologda, North-Western Academy of Public Administration, Branch in Vologda, 2011. pp. 284–290. (In Russ.)
20. Loyko O.T. *Myth–archetype–text–liturgy: the existence of social memory*. Tomsk, Deltaplan Publ., 2018. 193 p. (In Russ.)
21. Asper K. *Abandonment and self-alienation. New approaches to therapeutic understanding*. Munich, Deutscher paperback publishing house, 1999. 333 p. (In Germ.)
22. Spirova E.M. Archetypes in everyday humdrum. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2009, no. 4, pp. 146–151. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipy-v-zhiteyskoy-povsednevnosti> (accessed 18 December 2023).
23. Dzhabrailova A.Sh. Archetypes in religion: functions and methods of research. *Scientific journal of the Kuban State Agrarian University*. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipy-v-religii-funktsii-i-metody-issledovaniya> (accessed 14 December 2023). DOI: 10.21515/1990-4665-127-071.
24. Korolenko C.P., Dmitrieva N.V. The basic archetypes in Classical Jungian and contemporary considerations. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, 2018, vol. 10, no. 1, p. 3. (In Russ.) DOI: 10.24411/2219-8245-2018-11030. Available at: http://www.mprj.ru/archiv_global/2018_1_48/nomer00.php (accessed 11 April 2023).
25. Balashova E.S., Gribanov S.V., Maltseva S.M., Noskova O.I. Modern aspects of the theory of archetypes K.G. Young. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2019, vol. 8, no. 3 (28), pp. 320–322. (In Russ.) DOI: 10.26140/anip-2019-0803-0082.
26. *Man and his symbols*. Ed. by V.V. Zelensky. Moscow, Silver threads Publ.; St. Petersburg, AST Publ., 1997. 367 p. (In Russ.)
27. Eliade M. *Selected works. Essays on comparative religion*. Moscow, Ladomir Publ., 1999. 488 p. (In Russ.)
28. Eliade M. *Survival of the Myth of Eternal Return. Archetypes and repetition*. St. Petersburg, Aletheia Publ., 1998. 249 p. (In Russ.)
29. Zelensky V.V. *Basic course of analytical psychology, or Jungian Breviary*. Moscow, Dobrosvet Publ., Gorodets Publ., 2016. 254 p. (In Russ.)
30. Davydov I.P. Structural-functional analysis of the archetypes of the collective unconscious. *Bulletin of Moscow University. Series 7 “Philosophy”*, 2016, no. 6, pp. 82–97. (In Russ.)
31. Mark M., Pearson K. *Hero and Outlaw*. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 335 p. (In Russ.)
32. Jung K.G. *Soul and myth. Six archetypes*. Minsk, Harvest Publ., 2004. 400 p. (In Russ.)
33. Tsirkin B.Yu. *Myths of Ancient Greece*. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2000. 560 p. (In Russ.)
34. *Determination of the Consecrated Council of Bishops of the Russian Orthodox Church “On issues of the internal life and external activities of the Russian Orthodox Church” dated February 4, 2011*. (In Russ.) Available at: <https://pravobraz.ru/opredelenie-osvyashennogo-arxierejskogo-sobora-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-o-voprosax-vnutrennej-zhizni-i-vneshnej-deyatelnosti-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-ot-4-fevralya-2011-goda/> (accessed 18 December 2023).
35. *The Law of God: for study at home and school*. Compiled by Archpriest Seraphim Slobodskaya. Minsk, Belarusian Exarchate Publ. House, 2011. 720 p. (In Russ.)

Information about the authors

Alexander V. Atamanov, Postgraduate Student, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation. atamanovtomske@gmail.com

Received: 06.01.2024

Revised: 25.02.2024

Accepted: 29.03.2024

УДК 101.8:316.7:005.212

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1717

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Менеджмент «лица» в практиках современной деловой культуры Китая

О.А. Скальная^{1✉}, Н.А. Лукьянова²

¹ *Центр исследований Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона,
Тихоокеанский университет, Перу, г. Лима*

² *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

✉ phdlife2030@gmail.com

Аннотация. Интерес к современной китайской культуре связан с процессами активизации политических, экономических и культурных связей между Россией и Китаем. Для успешного делового сотрудничества с Китаем необходимо понимать специфику китайской деловой культуры, в связи с чем увеличивается количество исследований по данной тематике. Целесообразно изучать китайские бизнес-практики, в том числе в цифровом контексте, основываясь на социокультурных традициях китайского общества. **Актуальность** исследования заключается в том, что культурный концепт «лица» имеет центральное место в китайской системе ценностей, являясь ключом к пониманию национального характера китайцев, культурных и деловых практик Китая. Различные коммуникативные стратегии и культурные практики в современном китайском обществе, в том числе и в бизнесе, базируются на смысловых традициях концепции «лица», органично вписанных в коллективный интеллект китайского народа. В цифровом мире межкультурные деловые коммуникации переходят в новые форматы, создавая иную субкультуру, в которой менеджмент «лица» также видоизменяется. Данные онлайн-практики «работы над лицом» становятся неотъемлемой частью современной китайской деловой культуры и заслуживают особого внимания. **Цель:** на основе анализа практик в китайской деловой культуре определить сущность и формы менеджмента «лица» и рассмотреть влияние цифровых трансформаций на деловые практики «работы с лицом». **Результаты:** описаны универсальные и специфичные аспекты феномена «лица» в социальных и деловых коммуникациях. Показано, что управление «лицом» – сложный коммуникативный механизм, которому присущи ситуативность и динамичность. Выявлено, что концепт «лица» имеет в цифровой культуре важное значение в глобальном контексте делового взаимодействия. В процессах цифровизации менеджмент «лица» обнаруживает новые форматы, например бизнес-коммуникации в WeChat, однако традиционные культурные практики, связанные с «лицом», по-прежнему оказывают существенное влияние на деловое общение. **Вывод:** сложность овладения навыками менеджмента «лица» в процессах кросс-культурных коммуникаций вызвана наличием различных неписаных социальных ритуалов, связанных с «лицом», которые иностранцу вне контекста китайской социальной среды могут быть непонятны.

Ключевые слова: лицо, мяньцзы, китайская деловая культура, деловые коммуникации, онлайн-коммуникации, цифровизация, WeChat

Для цитирования: Скальная О.А., Лукьянова Н.А. Менеджмент «лица» в практиках современной деловой культуры Китая // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 187–197. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1717

UDC 101.8:316.7:005.212

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1717

“Face” management in the practices of modern business culture in China

O. A. Skalnaya^{1✉}, N.A. Lukianova²

¹ Center for China and Asia-Pacific Studies, Universidad del Pacífico, Lima

² National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

✉ phdlife2030@gmail.com

Abstract. Interest in modern Chinese culture is associated with the processes of intensifying political, economic and cultural ties between Russia and China. For successful business cooperation with China, it is imperative to understand the specifics of Chinese business culture, and therefore the number of studies on this topic is increasing. It is recommended to study Chinese business practices, including in the digital context, based on the sociocultural traditions of Chinese society. **Relevance.** The fact that the cultural concept of “face” has a central place in the Chinese value system, being the key to understanding the national character of the Chinese, cultural and business practices of China. Various communication strategies and cultural practices in modern Chinese society, including business, are based on the semantic traditions of the concept of “face,” organically integrated into the collective intelligence of the Chinese people. In the digital world, intercultural business communications evolve into new formats, creating a different subculture in which the management of the “face” is also changing. These online practices of “face work” are becoming an integral part of modern Chinese business culture and deserve special attention. **Aim.** Based on the analysis of practices in Chinese business culture to reveal the essence and forms of “face” management, considering the impact of digital transformations on business practices of “face work”. **Results.** The paper describes the universal and specific Chinese aspects of the “face” phenomenon in social and business communications. It is shown that “face” management is a complex communicative mechanism, and it is characterized by situational factors and dynamism. It was demonstrated that the concept of “face” is important in digital culture in the globalization context of business interaction. In digitalization processes, “face” management is revealed in new formats, such as business communications in WeChat, but traditional cultural practices related to “face” still have a significant impact on business interaction. It is concluded that the difficulty of mastering the skills of “face” management in cross-cultural communications is caused by the presence of various unwritten social rituals associated with the “face”, which may be incomprehensible to a foreigner, being outside the context of the Chinese social environment.

Keywords: face, mianzi, Chinese business culture, business communications, online communications, digitalization, WeChat

For citation: Skalnaya O.A., Lukianova N.A. “Face” management in the practices of modern business culture in China. *Journal of wellbeing technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 187–197. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1717

О многогранности концепта «лица» в китайской культуре

Менеджмент «лица» является общепринятой формой социального взаимодействия в Китае, основой которой выступает социальная гармония, мораль и ритуал, а не простое выражение вежливости, понимаемой в западных коммуникациях. И.Г. Нагибина определяет «лицо» как важнейшую культурно-коммуникативную единицу в китайском обществе [1]. Автор перечисляет 11 распространенных форм коммуникаций «лица» в социальном взаимодействии, такие как, например, «откровенная демонстрация лица», «множественность лица», «пренебрежение лицом», «разрыв отношений» и др. В китайском языке тезаурус, связанный с концепцией «лица», действительно многообразен. Например, «лицо» можно «дать», «при-

умножить», «умалить», «потерять», «нанести ему ущерб», его можно «любить» и даже «обменять», «занять» или «купить»; или, к примеру, можно иметь «большое лицо» или «маленькое». «Лицо» в китайской коллективистской культуре имеет первостепенное значение ввиду своей вездесущности – присутствует на коллективном уровне как «лицо» нации, в общественных отношениях как «социальное лицо», или «мяньцзы», а также в личном контексте как «моральное лицо», или «лянь». В данной статье менеджмент «лица» будет рассмотрен в двух измерениях: как понятие, означающее публичный образ себя («мяньцзы», кит. – 面), что в русской и западной культурах ближе всего к понятию «репутации», и индивидуальный образ себя («лянь», кит. – 脸).

Китайское «лицо» относится к категории социальной этики, так как учитывает сохранение не только своего «лица», но и «лица» другого – так называемого «обоюдного» лица. Известный российский синолог В.В. Малявин дает следующее определение: «Главное понятие китайской этики – это “лицо”, которое есть сумма социальных претензий индивида, признаваемых обществом» [2, с. 15]. Чжун-Ин Чэн указывает на связь практик менеджмента «лица» с принципами конфуцианства в аспектах личной и социальной этики [3]. В первую очередь «лицо» – показатель социального успеха индивида, что коррелируется с результатами его работы над собой, над совершенствованием его личных моральных качеств и опирается на принципы добродетели и следование ритуалу. Во-вторых, будучи социальной репрезентацией человека в обществе, «лицо» находится в выраженной зависимости от отношений с другими. Для выстраивания гармоничных межличностных отношений необходимо придерживаться правил пяти ключевых отношений «у-лунь» (кит. – 五倫): правитель–подчиненный, отец–сын, муж–жена, старший и младший брат, друг–друг. Согласно Чжун-Ину Чэн, «Лицо как «лянь» является самой основой пяти отношений человека в процессе его социального роста и самосовершенствования» [3, с. 341]. В-третьих, общественный порядок является первостепенным в конфуцианстве и ритуалы управления «лицом» нацелены на поддержание гармонии в социуме. Например, авторами Чжун-Ин Чэн, и Вэнь-Шань Цзя подчеркивается связь «лица» с конфуцианской концепцией «исправления имен» – соответствие «лица» реальному социальному положению, что является основой китайского социума [3, 4].

Обратимся к более детальному рассмотрению сущности концепта «лица». «Лицо» в китайской культуре включает публичный («мяньцзы») и индивидуальный («лянь») образ себя или, другими словами, может быть разделено на два типа – «социальное лицо» («мяньцзы») и «моральное лицо» («лянь») [5, 6]. «Социальное лицо» говорит о достижениях и престиже в обществе, в то время как «моральное лицо» несет в себе оценку нравственно-этического аспекта поведения человека. В то время как «социальное лицо» имеет универсальную характеристику [7] и является эквивалентом социального влияния, социального статуса в западных обществах, понятие же «морального лица» специфично для китайской культуры и основано на принципах личной этики в конфуцианстве. «Моральное лицо» говорит о публичном доверии человеку на основе его нравственности. Кроме того, человек имеет только одно «моральное лицо», или «лянь», но может иметь несколько социальных лиц, или «мяньцзы», поэтому потеря «морального лица» для китайца без преувеличения катастрофична.

«Мяньцзы», в отличие от «лянь», является внешним измерением и тем самым доступно управлению с помощью так называемой «работы над лицом». Один из первых западных исследователей понятия «лица» Э. Гоффман, заимствовавший теорию китайского «лица» для изучения социального «лица» в западных культурах, писал, что «работа над лицом» – это действия, предпринимаемые человеком для того, чтобы все, что он делает, соответствовало лицу [8], что подчеркивает холистичность, целостность данной социокультурной поведенческой практики. Э. Гоффман отмечал, что «работа над лицом» – это комплекс социальных техник, который используется для защиты своего лица и лица других людей в человеческих взаимодействиях [9], указывая на техники защиты «лица» другого, не только своего. Дина-

мика «работы над лицом» может рассматриваться в горизонтальном и вертикальном векторах [10]. В горизонтальной «работе над лицом» учитывается поддержание своего «лица» и «лица» другого – сохранение лица, предотвращение «потери лица», а также «давание лица» другому, основываясь на принципах взаимности. Вертикальный вектор работы подразумевает стратегию «улучшения лица» (от англ. – *face enhancement*), нацеленную на производство впечатления (от англ. – *impression management*) для привлечения необходимых ресурсов, таких как, например, социальные связи. В. Англес определяет распространенную манеру поведения китайского начальства как мегаломанию, или манию величия, выраженную в демонстрации материального богатства – грандиозные банкеты, автомобили, предметы роскоши – как эквивалента социального влияния, что особенно заметно при взаимодействии с западными инвесторами и бизнесменами, когда преследуются потенциальные выгоды от будущего сотрудничества [11].

Другое важное отличие «китайского лица» – последствия взаимодействия с «лицом» распространяются и на окружение. Другими словами, человек воспринимается неотделимо от его социального круга: «Я», по Р. Бэлку, «расширяется» через других [12]. Люди, входящие в «расширенное Я» человека, однозначно влияют на него. Как подчеркивал гонконгский социолог Сунь Лунци, «...с самого рождения китаец вовлечен в сеть межличностных отношений, которая определяет и организует его существование, контролирует его сознание...» [2, с. 16]. С.А. Просеков отмечает: «“Лицо”, его обретение и поддержание обеспечивается выполнением социальных норм и связано с социальным доверием» [13, с. 195]. Таким образом, можно утверждать о «взаимозависимом Я» в коллективистской китайской культуре. Китайский Я-образ, основанный на общественных ожиданиях, зависимый от оценки других, несет ответственность за «лицо» человека из своего окружения, за его социальное поведение, и в особенности это касается семейных контактов. Из этого следует, что связи необходимо выстраивать качественно и с осторожностью, основываясь на фундаменте глубокого доверия, тем самым оберегая свое «социальное лицо». Также имеет место и «коллективное лицо», когда индивид представляет группу или даже страну и на нем лежит большая ответственность за успешные результаты.

В целом феномен «лица» ввиду ситуативности, амбивалентности, а также выраженной зависимости от социального окружения, относится к сложному коммуникативному механизму в китайском обществе. Так, российский китаист Т.В. Ивченко привел исчерпывающее определение феномену «лица»: «лицо» – это понятие столь же очевидно осязаемое, сколь и неуловимое, именно в силу своей вездесущности и своего «всеприсутствия» [14]. Или, по мнению Линь Юйтана, лицо «нельзя умыть и нельзя относиться к нему с пренебрежением, оно абстрактно и неуловимо» [15, с. 199]. «Работа над лицом» присутствует во многих контекстах жизнедеятельности китайского общества, и область деловых отношений не является исключением.

Менеджмент «лица» как неотъемлемая часть бизнес-коммуникаций

«Лицо» и связанные с ним ментальные установки и коммуникативные паттерны – неотъемлемая социокультурная характеристика китайского делового общества, что отмечается в работах российских и зарубежных авторов. Под влиянием культурного феномена «лица» сформировались специфичные для Китая правила межличностного делового этикета и коммуникативные стратегии при деловом взаимодействии. Например, в статье В.А. Павловой об особенностях ведения торговых переговоров с китайцами перечисляются ситуации, которые могут привести к «потере лица» делового партнера [16]. Согласно типологии Р.Д. Льюиса, в реактивных культурах, к которой относится китайская, «терять лицо» нельзя [17]. Одними из ключевых правил коммуникации с учетом правильного менеджмента «лица» являются невербальность и неконфликтность. Согласно кросс-культурным исследованиям, невербаль-

ность китайской культуры, по Э. Холлу, усложняет процесс кодификации и декодификации информации, так как необходимо понимать контекст ситуации, в том числе и деловой: невербальные знаки, бэкграунд, жесты и символы, фразеологизмы и скрытые смыслы [18]. Для наглядности приведем ряд примеров. Например, избегание общественной критики другого или, наоборот, открытая, порой чрезмерная похвала во время деловой встречи. Также не принято высказывать свое мнение во избежание обнаружения недостаточной компетенции или высказывать мнение, противоречащее начальству. Во время переговоров имеют место неоднозначность и размытость высказываний. Деловые переговоры в Китае отличаются непрямойностью и неконфликтностью, однако местом принятия важнейших решений оказывается неформальная среда – часто ресторан. Все данные тактики объединяет общая цель – они направлены или на избежание «потери лица» или на «прибавление лица», своего или другого человека.

Существуют разные способы анализа «лица»: количественный, через индивидуальные достижения субъекта, и позиционный, когда «лицо» определяется социальными связями [10, 19]. Примером количественного измерения «социального лица» служит карьерный успех. Согласно Г. Хофстеде, китайское общество является маскулинным (стремящимся к конкуренции) и культурологически ориентированным на долгосрочность [20]. Ориентированность на долгосрочность, будущее, или «конфуцианский динамизм», характеризует наличие прагматизма и упорства, и китайская культура занимает одну из самых высоких позиций в мире по данному культурному измерению. Как следствие, в китайской деловой этике ценится трудолюбие, так как успешная карьера и, как результат, материальное благосостояние, позитивно сказываются на размере «лица». Социальные связи, или «гуаньси» (кит. – 关系), непосредственно связаны с влиятельностью «лица» и служат мерой позиции «лица» в обществе. В деловом контексте «гуаньси» – негласный *modus operandi* делового мира в Китае. Связи – это нематериальный ресурс человека или компании, рассматривающийся как конкурентное преимущество компании и снижающий транзакционные расходы и риски, тем самым позитивно влияя на деятельность компании [21]. Бизнес-гуаньси – инструментальные, часто служат источником финансирования для роста бизнеса, источником других ресурсов, особенно информации, а также играют роль регулятора проблем с правительственными структурами. Влиятельные бизнес-гуаньси как показатель социального «лица» играют определяющую роль в успехе развития бизнеса.

«Лицо» – это самое важное, чем обладает бизнесмен. «Количество лица» сильно зависит от бизнес-связей, определяющих степень его влияния. В бизнесе «игра в лицо» неизбежна с начала построения взаимодействия до прекращения деловых отношений. Ради «сохранения» своего лица или лица другого бизнес-партнера компания готова нести финансовые убытки, ориентируясь на приоритет долгосрочности отношений над прибылью. Учитывая риски, которые в себе несет потеря лица, бизнесмены используют ряд деловых стратегий. Одной из них является привлечение медиатора для регулирования спорных вопросов или в ситуациях неопределенности.

При решении какого-либо конфликта или для его предотвращения приглашается медиатор, или посредник [22, 23]. Это один из способов разрешения конфликтов согласно теории «поддержания лица» в переговорах, предложенной С. Тинг-Туми: привлечение помощи третьих лиц к деловым коммуникациям [23]. Обычно у медиатора «много» лица и, таким образом, влияния. Общаясь через такого посредника, стороны избегают прямой конфронтации, то есть снижают риск «потери лица». Опосредованный способ делового взаимодействия направлен на мирное разрешение конфликтов, так как судебные разбирательства не приветствуются в силу своей неэффективности, которая объясняется превалированием межличностных связей, или «гуаньси», над законом, над юридической силой контракта в китайской «экономике отношений» (кит. – 人制). Также привлечение посредника имеет место при ам-

бивалентности понимания «размера лица» или позиции человека, что усложняет деловые переговоры и опять же рассматривается как риск потери или умаления своего лица или чужого. Другая стратегия избежания «потери» лица – проведение важных переговоров в неформальной обстановке и в доверительном окружении. Иногда необходимо несколько подобных встреч, обычно в ресторане, – только потом результат переговоров фиксируется документально и начинается деловое сотрудничество. Поэтому яркий пример потери «лица» в деловом кругу – отказ от приглашения на ужин в ресторане или отказ от социального мероприятия, сигнализирующие нежелание вступать в доверительные отношения. Серьезным поводом потери «лица» может послужить отказ от оказания взаимного одолжения, или «жэньцин» (кит. – 人情), так как «лицо» и одолжение формируют другую важную концепцию «лица» – «цинмянь» (кит. – 情面), или взаимный обмен услугами и «лицом» (давать «лицо»), в котором необходимо соблюдать баланс. В случае же реальной потери «лица» в результате делового взаимодействия в китайском обществе предусмотрены механизмы восстановления «лица», одним из которых также является привлечение посредника.

Практикой «прибавления» лица могут послужить ритуалы во время делового банкета, например тактика самоуничижения. При обращении к партнеру намеренно используется более высокий, нежели имеющийся, титул, и, таким образом, намеренно понижается свой статус. Также принято произносить хвалебные тосты друг другу, особенно руководству, или устраивать бурные дискуссии «напоказ» по оплате счета в ресторане: оплачивая счет, бизнесмен тем самым «прибавляет» себе «лицо». «Прибавление лица» происходит и через внешние атрибуты. В деловом контексте – это красивый офис, дорогие автомобили, помпезный ресторан. Взаимность уважения к лицу друг друга прослеживается и через культуру дарения подарков. Преподнесение подарков – другая социальная коммуникативная практика в деловом мире для «прибавления лица» другому. Подарки выступают «расширением» индивида, символизируя не только уровень уважения к лицу другого человека, но и показывая то, что его «лицо», «лицо» дарящего, также соответствует дорогому подарку. Однако дарение чего-либо может привести как к «прибавлению лица» другому или себе, так и к возможной «потере лица» в случае ошибочного выбора подарка или угощения.

Можно утверждать о существовании устойчивой системы ритуалов менеджмента лица в китайской бизнес-культуре. Коммуникативные формы взаимодействия с «лицом» в бизнес-контексте, как и в социальных интеракциях, делятся на два вида – на «прибавление лица» и на «сохранение лица» и состоят из различных повседневных ритуалов, но имеют специфику применительно к деловому контексту, проиллюстрированную через вышеприведенные примеры. Учитывая характеристику китайской экономики как «экономики отношений», для успешного функционирования в бизнес-среде наряду с правильным менеджментом лица необходимо формирование доверительных деловых «гуаньси». Далее рассмотрим другой немаловажный фактор, также определяющий успех в деловой среде, – выстраивание деловых коммуникаций в Китае с учетом цифровых трансформаций.

Менеджмент «лица» в практиках бизнес-коммуникаций в цифровой среде

Традиционно ритуалы взаимодействия с окружающими выстраивались на основе живого общения с присущими китайской культуре характеристиками – невербальностью, неконфликтностью и символичностью. Однако какова манифестация практик «сохранения лица», «прибавления лица» в цифровой среде? Насколько возможно учесть нюансы такого сложного коммуникативного взаимодействия, как, например, «сохранение» «обоюдного лица», в онлайн-формате? Какова специфика практик «работы над лицом» в деловом пространстве современного Китая?

Китайское «взаимозависимое Я» в гуманистической культуре Китая сильно зависит от социального одобрения, и поэтому в онлайн-взаимодействии может быть еще более уязвимым.

Например, возможен еще больший риск недопонимания, что, в свою очередь, несет угрозу «потери лица». Другой пример: скорость передачи информации в социальных сетях молниеносна и может значительно испортить репутацию человека или компании, бренда. Однако есть и безусловный позитивный эффект в онлайн-коммуникациях: возможно достичь эффективного, а также эффектного «прибавления социального лица» индивида или компании с помощью менеджмента социального имиджа.

В Китае самой популярной площадкой виртуального взаимодействия является приложение WeChat – как для социальных отношений, так и деловых. Функции данного приложения разработаны специально для китайской аудитории, с учетом коммуникативной специфики в китайской культуре [24]. Разберем некоторые функции WeChat, имеющие прямую связь с характером взаимодействия с «лицом» онлайн. Во-первых, китайскому обществу присущи коллективизм и ориентация на группу. Например, функция «красный пакет» (аналогия с красным конвертом – денежным подарком во время Китайского Нового года) позволяет подарить виртуальный подарок – виртуальные деньги в форме кредитов – целой группе, сумма далее поровну распределяется между участниками. Безусловно, такое действие «прибавляет лицо» дарящему – члену семьи, социальной группы или директору компании. Во-вторых, важным является поддержание социальной гармонии, что, в свою очередь, способствует «сохранению лица» пользователей. В приложении можно ограничить публикацию комментариев от незнакомых людей, администратор группы имеет право фильтровать комментарии перед публикацией, а также существует широкий спектр функций управления конфиденциальностью для создания безопасного коммуникативного поля. И, в-третьих, так как WeChat является крупнейшей платформой, есть возможность активного расширения связей, или «гуаньси», в том числе и деловых, что позитивно сказывается на влиятельности «лица». Учитывая китайские традиции коллективизма, обмена подарками, важность поддержания гармонии, необходимые для «сохранения лица», данное приложение усиливает преимущество китайских ценностей в онлайн-среде.

Сяоли Тянь, гонконгский социолог в области онлайн-коммуникаций, в одном из своих качественных исследований указала на проблему принужденного соблюдения иерархии между подчиненными и начальством в процессе коммуникаций в WeChat [25]. По Г. Хофстеде, в китайской культуре с выраженной дистанцией власти и строгой конфуцианской иерархией в социальных отношениях подчиненные сильно зависимы от начальства, а в китайской «экономике отношений» карьерный успех часто определяется уровнем доверия и близости с руководством. В корпоративных группах в WeChat под давлением риска потери «лица» по отношению к начальству сотрудники вынуждены постоянно отслеживать свои виртуальные реакции. Приведем пример из исследования Сяоли Тянь. При получении во время празднования Китайского Нового года виртуального красного пакета (обычно с символической суммой) от руководителя необходимо оперативно получить подарок и вежливо поблагодарить в группе, иначе деньги будут возвращены обратно начальнику, члены группы это также увидят и будет нанесен урон «лицу» начальника и своему «лицу» [25]. Однако поддержание активного контакта с начальством и прибавление ему «лица» комментариями, похвалой, лайками может служить цели налаживания с ним связей дополнительно к взаимодействию офлайн, лицом к лицу. И, конечно, другой позитивный аспект – в каком-то смысле сохранение энергии, времени и эмоций при осуществлении менеджмента «лица» онлайн и работе над деловыми отношениями с начальством.

В другом исследовании Сяоли Тянь утверждает о переносе характеристик традиционного китайского «сообщества знакомых» (от англ. – *acquaintance community*), базирующегося на правилах социального этикета, в сферу онлайн-сообщества WeChat [26]. Пользователями приложения даже создан специализированный этикет WeChat с прописанным кодом поведения онлайн, в котором центральным принципом выступает уважение к «лицу» другого:

«Тщательно выбирайте слова, смайлы и стикеры. Избегайте тех, которые могут иметь саркастический подтекст» или «Не отвечайте выборочно на комментарии под публикацией WeChat Moments, если полученные комментарии были написаны контактами в той же сети. Отвечайте всем» [26]. Таким образом, для пользователей WeChat для социальных и деловых коммуникаций прописан универсальный этикет, который служит механизмом «защиты лица».

Онлайн-коммуникации и офлайн-интеракции сформировали гибридную форму взаимодействия в китайском обществе, которая в целом способствует сохранению традиционных коммуникационных практик – уважение лица друг друга, поддержание социальной гармонии, ритуальность. Что касается практик сохранения «лица» конкретно в деловом контексте, то, вероятно, трудности трансфера ритуалов менеджмента «лица» в онлайн-среду объясняют малочисленность исследований по данной теме, особенно в работах китайских ученых. Например, в силу тонкостей практики «сохранения» лица при разрешении бизнес-конфликта с помощью медиатора и с целью избежания недопонимания, неопределенности необходима офлайн-среда. Однако какие-то способы «прибавления» и «сохранения лица» перешли в онлайн-пространство и преимущественно в приложение WeChat. Кроме того, с помощью WeChat происходит активная интеграция традиционных «гуаньси» в виртуальную сферу, однако в онлайн-формате, например, эффективнее происходит формирование только «слабых» связей, начального этапа взаимодействия и «инструментальных отношений» как в социальном, так и деловом контексте. Что касается эмоционального компонента, то в онлайн-пространстве построить эмоционально близкие, крепкие связи или передать эмоции при контакте с «лицом» другого крайне сложно. Следовательно, ввиду невозможности полной передачи эмоционального сообщения, можно констатировать сложность формирования доверия в онлайн-коммуникациях, что является основой любого бизнес-сотрудничества.

Заключение

Авторы статьи подчеркнули как универсальные, так и специфичные для Китая характеристики социокультурного феномена «лица». Например, китайскому «лицу» свойственно разделение на «социальное лицо» и «моральное» и страх потерять «моральное лицо» для китайца приравнивается закону – настолько сильна его сдерживающая сила. В целом «работа над лицом» – сложный коммуникативный механизм, так как ему присущи ситуативность и динамичность. Концепт «лица» имеет важное значение и в глобальном контексте делового взаимодействия, однако сложность овладения навыками управления «лицом» в процессах кросс-культурных коммуникаций вызвана наличием различных неписаных социальных ритуалов, связанных с «лицом», которые иностранцу, вне контекста китайской социальной среды, непонятны.

В деловой культуре правильное оперирование «лицом» в бизнесе, в особенности в процессе переговоров и при регулировании конфликтов, критически важно. Одна из рассмотренных в статье тактик – привлечение посредника, которого необходимо корректно подобрать. Кроме того, «лицо» считается одним из ключевых структурных элементов социального феномена «гуаньси» – центрального в бизнес-контексте. Практики «работы над лицом» и менеджмента «гуаньси» базируются на сформированных столетиями ритуалах и нормах, в совокупности позволяющих успешную интеграцию индивида в деловое сообщество.

Можно утверждать об активном формировании новой субкультуры – цифровой культуры делового общения, имеющей свою специфику. Так, на примере WeChat рассмотрены некоторые онлайн-практики, используемые для «сохранения лица» или «прибавления лица», интересные для дальнейших исследований. Для раскрытия темы «работы над лицом» в гибридном формате – онлайн и офлайн, а также проблемы взаимовлияния менеджмента «лица» и работы над «гуаньси» в современной цифровой деловой среде могли бы быть интересными качественные исследования в форме глубоких интервью или фокус-группы. Понимание дан-

ных коммуникативных тактик необходимо для эффективного выстраивания онлайн-диалога с представителями китайской культуры в международном бизнесе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нагибина И.Г. Формирование дискурсивно-коммуникативной парадигмы в китайском языкознании: от теории к социальной практике: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2017. – 24 с.
2. Малявин В.В. Китай управляемый: старый добрый менеджмент. – М.: Европа, 2005. – 304 с.
3. Cheng C.Y. The concept of face and its Confucian roots // *Journal of Chinese philosophy*. – 1986. – Vol. 13 (3). – P. 329–348. DOI: <https://doi.org/10.1163/15406253-01303007>.
4. Jia W. Facework as a Chinese conflict-preventive mechanism: a cultural/discourse analysis // *Intercultural Communication Studies*. – 1998. – Vol. 7. – P. 43–62.
5. Hu H. The Chinese concepts of “Face” // *American Anthropologist*. – 1994. – Vol. 46. – P. 45–64.
6. Earley P. Face, Harmony, and social structure: an analysis of organizational behaviour across Cultures. – New York: Oxford University Press, 1997. – 244 p.
7. Qi X. Face: a Chinese concept in a global sociology // *Journal of Sociology*. – 2011. – Vol. 47 (3). – P. 279–295. DOI: <https://doi.org/10.1177/144078331140769>.
8. Goffman E. On face-work: an analysis of ritual elements in social interaction // *Psychiatry*. – 1955. – Vol. 18 (3). – P. 213–231. DOI: <https://doi.org/10.1080/00332747.1955.11023008>.
9. Leung T.K.P., Wong Y.H., Tam C.T.W. Face work in Chinese culture: its role in Chinese business // *Proceedings of the Academy of Business & Administrative Sciences*. – Brussels, Belgium, July 11–13, 2003. – P. 1–43.
10. Hwang K. Face and favor: the Chinese power game // *American Journal of Sociology*. – 1987. – Vol. 92 (4). – P. 944–974. DOI: <https://doi.org/10.1086/228588>.
11. Anglès V. Doing business in China: challenges and opportunities // *Global Business and Organizational Excellence*. – 2019. – Vol. 38. – № 2. – P. 54–63. DOI: <https://doi.org/10.1002/joe.21910>.
12. Belk Russell W. Possessions and the extended self // *Journal of consumer research*. – 1988. – Vol. 15 (2). – P. 139–168. DOI: <https://doi.org/10.1108/JHRM-06-2014-0018>.
13. Просеков С.А. «Лицо» китайца: содержание понятия // *Знание. Понимание. Умение*. – 2020. – № 3. – С. 191–201. DOI: [10.17805/zpu.2020.3.15](https://doi.org/10.17805/zpu.2020.3.15).
14. Ивченко Т.В. «Лицо» китайца // *Отечественные записки*. – 2014. – № 1 (58). – С. 240–250. URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/lico-kitayca.html> (дата обращения 24.11.2023).
15. 林语堂 (Линь Юйтан). *中国人 (Китайцы. Моя страна и мой народ)*. – 北京: 人民文学出版社, 1994. – 460 p.
16. Павлова В.А. Особенности ведения торговых переговоров с представителями деловых кругов Китая // *Практический маркетинг*. – 2023. – № 7. – С. 21–27. DOI: [10.24412/2071-3762-2023-7313-21-27](https://doi.org/10.24412/2071-3762-2023-7313-21-27).
17. Гунвон Ц., Кочеткова Д.Д. Кросс-культурный анализ управленческих и культурных ценностей России и Китая // *Управленческие науки*. – 2023. – Т. 13. – № 2. – С. 96–108. DOI: [10.26794/2304-022X-2023-13-2-96-108](https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-2-96-108).
18. Hall E.T. *Beyond culture*. – New York: Garden city: Anchor Press, 1976. – 256 p.
19. Leung T.K.P., Chan, R.Y. Face, favour and positioning – a Chinese power game // *European Journal of Marketing*. – 2003. – Vol. 37 (11/12). – P. 1575–1598. DOI: <https://doi.org/10.1108/03090560310495366>.
20. Hofstede G., Bond M.H. The Confucius connection: from cultural roots to economic growth // *Organizational dynamics*. – 1988. – Vol. 16 (4). – P. 5–21. DOI: [https://doi.org/10.1016/0090-2616\(88\)90009-5](https://doi.org/10.1016/0090-2616(88)90009-5).
21. Tsang W.K. Can Guanxi be a source of sustained competitive advantages for doing business in China? // *The Academy of Management Executive*. – 1998. – Vol. 12 (2). – P. 64–73. DOI: <https://doi.org/10.5465/ame.1998.650517>.
22. Cardon P.W., Scott J.C. Chinese business face: communication behaviors and teaching approaches // *Business communication quarterly*. – 2003. – Vol. 66 (4). – P. 9–22. DOI: <https://doi.org/10.1177/108056990306600402>.
23. A typology of facework behaviors in conflicts with best friends and relative strangers / J.G. Oetzel, S. Ting Toomey, Y. Yokochi, T. Masumoto, J. Takai // *Communication Quarterly*. – 2000. – Vol. 48 (4). – P. 397–419. DOI: <https://doi.org/10.1080/01463370009385606>.
24. Vodanovich S., McKenna B., Cai W. Cultural values inherent in the design of social media platforms: a case study of WeChat // *30TH Bled eConference: Digital Transformation – From Connecting Things to Transforming Our Lives*. – Bled, Slovenia, June 18–21, 2017. – P. 617–628. URL: <https://aisel.aisnet.org/bled2017/8> DOI: [10.18690/978-961-286-043-1.43](https://doi.org/10.18690/978-961-286-043-1.43) (дата обращения 28.11.2023).
25. Tian X. An interactional space of permanent observability: WeChat and reinforcing the power hierarchy in Chinese workplaces // *Sociological Forum*. – 2021. – Vol. 36 (1). – P. 51–69. DOI: <https://doi.org/10.31235/osf.io/8r7q3>.
26. Tian X., Guo Y. An online acquaintance community: the emergence of Chinese virtual civility // *Symbolic Interaction*. – 2021. – Vol. 44 (4). – P. 771–797. DOI: <https://doi.org/10.1002/symb.537>.

Информация об авторах

Оксана Анатольевна Скальная, аффилированный исследователь Центра исследований Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона Тихоокеанского университета, Перу, 15072, г. Лима, ул. Луис Санчес Серро, 2050. phdlife2030@gmail.com

Наталья Александровна Лукьянова, доктор философских наук, директор Школы общественных наук, заведующий кафедрой – руководитель отделения социально-гуманитарных наук Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30. lukianova@tpu.ru

Поступила в редакцию: 25.12.2023

Поступила после рецензирования: 03.03.2024

Принята к публикации: 30.03.2024

REFERENCES

1. Nagibina I.G. *Formation of the discursive-communicative paradigm in Chinese linguistics: from theory to social practice*. Cand. Dis. Abstract. Krasnoyarsk, 2017. 24 p. (In Russ.)
2. Malyavin V.V. *China managed: good old management*. Moscow, Evropa Publ., 2005. 304 p. (In Russ.)
3. Cheng C.Y. The concept of face and its Confucian roots. *Journal of Chinese philosophy*, 1986, vol. 13 (3), pp. 329–348. DOI: <https://doi.org/10.1163/15406253-01303007>.
4. Jia W. Facework as a Chinese conflict-preventive mechanism: a cultural/discourse analysis. *Intercultural Communication Studies*, 1998, vol. 7, pp. 43–62.
5. Hu H. The Chinese concepts of “Face”. *American Anthropologist*, 1994, vol. 46, pp. 45–64.
6. Earley P. *Face, harmony, and social structure: an analysis of organizational behaviour across cultures*. New York, Oxford University Press, 1997. 244 p.
7. Qi X. Face: A Chinese concept in a global sociology. *Journal of Sociology*, 2011, vol. 47 (3), pp. 279–295. DOI: <https://doi.org/10.1177/144078331140769>.
8. Goffman E. On face-work: an analysis of ritual elements in social interaction. *Psychiatry*, 1955, vol. 18 (3), pp. 213–231. DOI: <https://doi.org/10.1080/00332747.1955.11023008>.
9. Leung T.K.P., Wong Y.H., Tam C.T.W. Face work in Chinese culture: its role in Chinese business. *Proceedings of the Academy of Business & Administrative Sciences*. Brussels, Belgium, July 11–13, 2003. pp. 1–43.
10. Hwang K. Face and favor: the Chinese Power game. *American Journal of Sociology*, 1987, vol. 92 (4), pp. 944–974. DOI: <https://doi.org/10.1086/228588>.
11. Anglès V. Doing business in China: challenges and opportunities. *Global Business and Organizational Excellence*, 2019, vol. 38, no. 2, pp. 54–63. DOI: <https://doi.org/10.1002/joe.21910>.
12. Belk Russell W. Possessions and the extended self. *Journal of consumer research*, 1988, vol. 15 (2), pp. 139–168. DOI: <https://doi.org/10.1108/JHRM-06-2014-0018>.
13. Prosekov S.A. “Face” of the Chinese: the content of the concept. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2020, no. 3, pp. 191–201. (In Russ.) DOI: 10.17805/zpu.2020.3.15.
14. Ivchenko T.V. “Face” of the Chinese. *Domestic notes*, 2014, no. 1 (58), pp. 240–250. (In Russ.) Available at: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/lico-kitayca.html> (accessed 24 November 2023).
15. 林语堂 (Lin Yutang). *中国人 (Chinese. My Country and My People)*. 北京, 人民文学出版社, 1994. 460 p.
16. Pavlova V.A. Features of conducting trade negotiations with representatives of Chinese business circles. *Practical marketing*, 2023, no. 7, pp. 21–27. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-3762-2023-7313-21-27.
17. Gunvon C., Kochetkova D.D. Cross-cultural analysis of managerial and cultural values of Russia and China. *Management Sciences*, 2023, vol. 13, no. 2, pp. 96–108. (In Russ.) DOI: 10.26794/2304-022X-2023-13-2-96-108.
18. Hall E.T. *Beyond culture*. New York, Garden city, Anchor Press, 1976. 256 p.
19. Leung T.K.P., Chan R.Y. Face, favour and positioning – a Chinese power game. *European Journal of Marketing*, 2003, vol. 37 (11/12), pp. 1575–1598. DOI: <https://doi.org/10.1108/03090560310495366>.
20. Hofstede G., Bond M.H. The Confucius connection: from cultural roots to economic growth. *Organizational dynamics*, 1988, vol. 16 (4), pp. 5–21. DOI: [https://doi.org/10.1016/0090-2616\(88\)90009-5](https://doi.org/10.1016/0090-2616(88)90009-5).
21. Tsang W.K. Can Guanxi be a source of sustained competitive advantages for doing business in China? *The Academy of Management Executive*, 1998, vol. 12 (2), pp. 64–73. DOI: <https://doi.org/10.5465/ame.1998.650517>.
22. Cardon P.W., Scott J.C. Chinese business face: communication behaviors and teaching approaches. *Business communication quarterly*, 2003, vol. 66 (4), pp. 9–22. DOI: <https://doi.org/10.1177/108056990306600402>.
23. Oetzel J.G., Ting-Toomey S., Yokochi Y., Masumoto T., Takai J. A typology of facework behaviors in conflicts with best friends and relative strangers. *Communication Quarterly*, 2000, vol. 48 (4), pp. 397–419. DOI: <https://doi.org/10.1080/01463370009385606>.

24. Vodanovich S., McKenna B., Cai W. Cultural values inherent in the design of social media platforms: a case study of WeChat. *30TH Bled eConference: Digital Transformation – From Connecting Things to Transforming Our Lives*. Bled, Slovenia, June 18–21, 2017. pp. 617–628. Available at: <https://aisel.aisnet.org/bled2017/8> DOI: 10.18690/978-961-286-043-1.43 (accessed 28 November 2023).
25. Tian X. An interactional space of permanent observability: WeChat and reinforcing the power hierarchy in Chinese workplaces. *Sociological Forum*, 2021, vol. 36 (1), pp. 51–69. DOI: <https://doi.org/10.31235/osf.io/8r7q3>.
26. Tian X., Guo Y. An online acquaintance community: the emergence of Chinese virtual civility. *Symbolic Interaction*, 2021, vol. 44 (4), pp. 771–797. DOI: <https://doi.org/10.1002/symb.537>.

Information about the authors

Oksana A. Skalnaya, Affiliated Researcher, Center for China and Asia-Pacific Studies, Universidad del Pacífico, 2050, Luis Sánchez Cerro street, Lima, 15072, Peru. phdlife2030@gmail.com

Natalia A. Lukianova, Dr. Sc., Director of the School of Social Sciences, Head of Department of Social Sciences and Humanities, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation. lukianova@tpu.ru

Received: 25.12.2023

Revised: 03.03.2024

Accepted: 30.03.2024

УДК 005.94:005.21

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1786

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Роль спиралевидной модели развития и знания в современных управленческих стратегиях

Г.В. Смолонский[✉]

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск*

[✉]SGV-070@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается содержание одной из составляющих процесса управления знанием – порождение знаний в организации. Предпринимается попытка выявить механизм этого порождения, раскрыть потенциал его эффективности. Показано, что знание для организации обладает статусом особого ресурса: оно имеет свою динамику появления и требует специфических управленческих действий. Использован опыт компаний Японии, посвященный применению четырехфазной спиралевидной модели формирования нового знания в организации, когда знание переводится в реальные технологии и продукты. Создание нового знания в буквальном смысле означает «переустроить компанию и каждого ее сотрудника в непрерывном процессе личного и организационного самообновления». В исследовании представлена площадка «ба», которая интерпретирована как система, в которой знания активизируются как творческий ресурс и как контекст, в котором процесс взаимодействия явного и неявного знания развивается по спирали. Предложена модель SECI, описывающая такие способы преобразования знаний. Через обращение к таким организованным процессам, как создание знаний и обмен ими, анализируются механизмы, обеспечивающие передачу знаний в организации. Сделан вывод о том, что процессы передачи знаний – своего рода ключ к редкой возможности понять, в чем заключены для компании предпосылки ее конкурентных преимуществ. Механизм разрешения этой парадоксальной ситуации могут сформировать лишь управленцы, представляющие креативный класс.

Ключевые слова: «ба-площадка», спиралевидная модель развития и знания, управленческая стратегия, явное и неявное знание, экстернализация, интернализация, комбинирование знаний, механизм развития знания, управление

Для цитирования: Смолонский Г.В. Роль спиралевидной модели развития и знания в современных управленческих стратегиях // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 1. – С. 198–206. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1786

UDC 005.94:005.21

DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1786

Role of the spiral model of development and knowledge in modern management strategies

G.V. Smolonsky[✉]

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

[✉]SGV-070@yandex.ru

Abstract. The article reveals the content of one of the components of knowledge management – knowledge generation in an organization. An attempt is being made to identify the mechanism of this generation and to reveal the potential for its effectiveness. It is shown that knowledge for an organization has the status of a special resource: it has its own dynamics of emergence and requires specific management actions. The experience of Japanese companies is used in applying a four-phase spiral model of new knowledge formation in an organization, when knowledge is translated into real technologies and products. Creating new knowledge literally means “reshaping the company and each of its employee in a continuous process of personal and organizational self-renewal”. The study presents the “ba” platform, which is interpreted as a system in which knowledge is activated as a creative resource and as a context in which interaction between explicit and tacit knowledge develops in a spiral. A SECI model is proposed. It describes such methods of knowledge transformation. By addressing organized processes such as knowledge creation and exchange, the mechanisms that ensure the transfer of knowledge in organizations are analyzed. It is concluded that knowledge transfer is a kind of key to a rare opportunity to understand what the prerequisites for a company competitive advantages are. A mechanism for resolving this paradoxical situation can only be formed by managers representing the creative class.

Keywords: “ba-platform”, spiral model of development and knowledge, management strategy, explicit and implicit knowledge, externalization, internalization, combination of knowledge, mechanism of knowledge development, management

For citation: Smolonsky G.V. Role of the spiral model of development and knowledge in modern management strategies. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 1, pp. 198–206. DOI: 10.18799/26584956/2024/1/1786

В середине XX в. наука обратилась к терминам «цивилизация» и «миры знания». В условиях формирующегося общества знания (усиленной версии информационного общества) стал очевиден факт превращения знания в доминирующую ценность и важнейший стратегический ресурс Knowledge Society. Эта трансформация статуса знания явилась предпосылкой использования знания в качестве инструмента и средства креативности. Результатом и продуктом этого процесса явилась инновационность, играющая роль «креативного разрушителя» (Й. Шумпетер) и формирующая вектор социального развития.

Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что на рубеже XX–XXI вв. общество знания стало предметом многочисленных дискуссий, вызванных необходимостью создания комплексной теории, раскрывающей природу Knowledge Society. Однако теории подобного рода до сих пор не существует, хотя новым обществом нужно управлять эффективно. Последнее трудно выполнимо в силу того, что проведенный анализ обнаружил множество «белых пятен». К примеру, до сих пор по-разному решаются вопросы, касающиеся сегмента когнитивного управления в обществе знания, в котором должны быть органично соединены процессы управления производством знания и управления посредством произведенного знания.

Проблема заключается в обосновании и анализе способов объединения векторов этих процессов в ценности когнитивного управления.

Цель исследования – раскрыть с помощью использования так называемой спиралевидной модели развития и управления знанием **механизм порождения** знания в организационной среде, того знания, которое является доминирующим ресурсом создания и поддержания конкурентного преимущества. Эта цель, по мнению автора, может быть достигнута к потенциалу подходов, реализуемых в различных сегментах анализа: инженерия знаний, экономика знаний и стратегическое управление, организационное направление проблем управления знаниями. Именно последнему – организационному аспекту – автор отдает предпочтение.

Парадигма и методология определены автором посредством обращения к работам таких авторов, как Н. Конно, И. Нонака, Л. Арготэй, П. Инграм, Н. Бонтис, К. Гаравелли, Б. Скотт, М. Горгаглионе, Д. Гарвин, Р. Грант, А. Дагфуз, Д. Делонг, Л. Фейхи, П. Друкер, М. Зак,

Т. Давенпорт, Дж. Кун, Ф. Андерсон, С. Финкельштейн. Их исследования позволили построить логику анализа, придать этой логике статус доминирующего вектора. В статье применен также потенциал системной методологии, методологии комплексного подхода, потенциал метода аналогизирующего переноса.

Как осуществляется процесс формирования знаний в организации? И. Нонака и Н. Конно в исследовании «Концепция “ба”»: как заложить фундамент для создания знаний?», используют для построения спиралевидной модели знаний концепцию «ба» («ба» – «место»; некое общее место для возникновения новых отношений – физическое, виртуальное, ментальное: офис, бизнес-пространство; электронная почта, телеконференции; совместный опыт, идеи, идеалы). «Ба-площадка» развития индивидуального и/или коллективного знания – в экзистенциальном дискурсе это контекст, в пространстве которого возникает знание. У И. Нонака и Н. Конно знание представлено как встроенное в «ба»; именно в «ба» знанием овладевают через получение своего опыта и анализируя опыт других. Отделенное от «ба» знание превращено в информацию: «...Внутри организации рабочие группы или проекты, создающие знания, играют ключевую роль в создании ценности. Создание ценности в компаниях – создателях знания происходит из взаимодействия внутри общей «ба», но не ограничивается только физической «ба». Концепция «ба» объединяет вещественные, виртуальные и ментальные пространства. «Ба» – это мир, в котором индивид осознает себя как часть окружающей среды, от состояния которой зависит его жизнь. Участие в «ба-пространстве» означает вовлечение и возможность выйти за пределы собственной ограниченной перспективы. Этот поиск необходим, чтобы иметь возможность пользоваться «магическим синтезом» рациональности и интуиции, ведущим к творчеству. Тогда внутри организации индивид может испытывать трансцендентность в «ба» и при этом оставаться аналитически рациональным, беря лучшее от обоих миров» [1, с. 276].

Анализируя создание знаний как процесс выхода за пределы личности (self-transcendental process), И. Нонака и Н. Конно обращаются к модели SECI, разводя понятие явного и неявного знания. Авторы, различая эти формы знания, обращаются к категориальному ряду экстернализация, интернализация, комбинирование знаний как системы понятий, посредством которых описаны процессы преобразования знаний. Проектные группы рассмотрены как «ба» для создания знаний.

В различении явного знания и неявного И. Нонака и Н. Конно исходят из понимания неявного знания как знания в высшей степени индивидуального. То, что оно не имеет определенной формы, приводит к сложностям в его передаче. В числе аспектов неявного знания – аспект технический (неформализованные навыки и изменения (ноу-хау)) и аспект когнитивный (представления, идеалы, ценности, схемы и ментальные модели, укорененные и принимаемые как то, что само собой разумеется [1, 2].

В модели SECI получение знания осуществляется через взаимодействие явного и неявного знания. Авторы модели пишут о спиралевидной эволюции трансформации знаний, в которой преобразование явного и неявного знания связано с комбинированием, экстернализацией, интернализацией: «Модель SECI описывает динамичный процесс, в котором явное и неявное знание меняются местами и трансформируются. Четыре этапа создания знаний позволяют нам осмыслить воплощение знаний в социальных институтах через серию последовательных выходов за пределы личности (series of self-transcendental processes). «Ба» предлагает нам интегрирующую концептуальную метафору для модели SECI, описывающей динамичную трансформацию знаний. В пределах «ба-пространства» создание знаний в режиме реального времени достигается путем расширения их границ» [1, с. 281].

Каждая «ба», как полагают И. Нонака и Н. Конно, ориентировано на трансформацию знаний, которая ускоряет за счет этой направленности производство знания. Рассмотрим роль «ба», в которых осуществляется возникновение знаний: это «ба» первоначальная, «ба» взаи-

модействующая, «ба» виртуальная и «ба» практическая. Первоначальная «ба» (originating ba) – мир чувств, эмоций, опыта, ментальных характеристик и ментальных моделей; со стадии первоначальной «ба» начинается формирование знаний, это «ба», по мнению И. Нонаки и Н. Конно, соответствует социализации; при этом чистый опыт, экстаз или «выбрасывание в мир» М. Хайдеггера, И. Нонака и Н. Конно относят к числу тех философских дефиниций, посредством которых описана передача знания, определенного к неявному; это живого общения: «Организационные аспекты, тесно связанные с первоначальным «ба», – это представления о знаниях и культура знаний. Акцент на открытых организационных структурах и на развитии контактов с клиентами также обеспечивает сильные экономические стимулы через прямое общение индивидов» [1, с. 261].

В отличие от первоначальной «ба» взаимодействующая «ба» (interacting ba) – необходимое специальное знание, используемое в работах над проектами, когда осуществляется превращение индивидуальных ментальных моделей и навыков в знание явное; этим представлена стадия экстернализации, а взаимодействующая «ба» становится элементом культуры компании. Взаимодействующая «ба» создается для диалога. В этом диалоге, являющемся ключом к трансформациям знания, формируются новые смыслы и ценности объединенных в компании сотрудников.

Виртуальная «ба» (cyber ba) – этап комбинирования знаний – место взаимодействия в мире виртуальном. Речь идет о систематизированном знании организации. В основание этой систематизации положен синтез нового явного знания, ранее полученных знаний и информации. Это тот этап трансформации знания, в котором находит интенсивное применение широкий спектр онлайн-сетевых групп, коллективного программного обеспечения, баз данных.

Наконец, на стадии интернализации проявляет себя практическая «ба» (exercising ba), связанное с разработкой рабочих шаблонов, с постоянным совершенствованием этих шаблонов и созданием новых. И в то время как в основание процесса обучения заложены аналитические механизмы, в практическая «ба» включены проверяемые схемы, периферийное участие и т. д. При этом интернализация ускорена через применение формального (явного) знания в реальных ситуациях либо через моделирование реальных ситуаций.

Это оформление нового знания, что и есть «ба-пространство», постоянно преобразующееся в организации путем обращения к потенциалу идеи обращения, что представляет собой повторяющийся цикл: неявное знание → знание явное → неявное знание и т. д. Отметим, что если «ба» формируется с помощью действий организационного характера, то знание, концентрируемое в обозначенном пространстве, определено стратегическим вектором и стратегическими установками компании.

«Ба» играет роль органической основы возникающего знания. Как отмечают авторы концепции «ба», органическая концентрация массивов получаемого знания в «ба-пространстве» представляет собой не потребление ресурсов, но их развитие, что являет собой цикл; создание и использование знаний – это экология, а не экономика, «ба» – место циклического формирования знаниевых ресурсов.

Сегодня ряд авторов [3–6] предприняли попытку (и, по мнению автора данной статьи, их анализ в этом смысле особенно ценен) показать потенциал обратной связи в теории сложных систем. Исследователи полагают, что обратная связь в экономике и производственном процессе способна обеспечить интенсивный рост дохода; посредством обращения к идеям концепции спиралевидной модели цикла преобразования знаний можно интерпретировать механизм цикла в таких сферах, как сфера высоких технологий и сегмент сервиса. И. Нонака и Н. Конно считают, что лишь те знания, которыми располагают компании, способны реализовать обратную связь в системе отношений «компания–рынок» и обеспечить рост на конкретном этапе. И именно в спирали процесса преобразования знаний, осуществляемого в силу расширения пространства организационных «ба», заключено объяснение механизма роста.

Уже сегодня аналитическая литература обращается к проблемам когнитивного менеджмента и активно пользуется термином «интеллектуальный лидер», понимая под лидером подобного типа того, кто знает ответ на вопросы «Какое знание компании нужно?», «Как формируется «ба», выступающая органической основой создания знаний?». Именно интеллектуальные лидеры способны обеспечить прорыв, работающий на идею нового знания. Это формирует ту совокупность задач, которые решает управление в когнитивном обществе. Именно интеллектуальные лидеры формируют систему стимулов для этой динамики, интенсифицируя в компании появления и корпоративного применения нового знания. Роль топ-менеджеров в этом – роль «поставщиков» «ба»: они управляют возникновением знаний, которое появляется благодаря необходимости преимущественного конкурентирования компании, появления новых современных высокопроизводительных технологий. Интеллектуальные лидеры влияют на возникновение знаний через систему предложений (разум) и полной отдачи (тело): они принимают всю меру ответственности и обоснования, всю полноту финансовой поддержки и заботы. Цикл РДСА в создании знаний выглядит как цикл «планируй–делай–проверяй–действуй». По мнению Р.М. Гранта, Д.У. Делонга, Л. Фейхи, А. Дагфуза [7–9], цикл РДСА (plan-do-check-act cycle) – это четырехступенчатая система, предназначенная для постоянного улучшения качества путем выявления и корректировки проблемных мест в управленческих и производственных процессах: первый этап подразумевает планирование необходимых улучшений; второй – непосредственную реализацию плана; третий – оценку достигнутых результатов; четвертый – разработку корректирующих действий для оптимизации плана.

Как отмечалось, специфика когнитивного менеджмента заключена в его двоякой направленности на управление процессом создания знания и управление посредством этого знания. Это чрезвычайно важно учитывать, поскольку в условиях экономического развития, когда «определенна лишь неопределенность», знание – самый надежный источник конкурентных преимуществ. И. Нонака характеризует эту ситуацию следующим образом: в условиях трансформации сегментов рынка, разрастания технологий, роста числа компаний-конкурентов, практически ежечасного устаревания продукции успех приходит к компаниям, создающим новое знание и воплощающим его в новых технологиях и продуктах. Это тот подход эффективен для компаний, создающих знания; в этих компаниях бизнес является непрерывной инновацией. В аналитической литературе [10–12] отмечен интересный факт: начиная с этапа формирования классических моделей управления Фредерика Тейлора и Герберта Саймона возникло традиционное представление о том, что компания – механизм обработки информации и лишь знание явное и систематизированное (данные, кодифицированные процедуры, универсальные принципы) обладает ценностью, поскольку именно такое знание способствует росту эффективности, снижению издержек, повышению доходности инвестиций. Однако японский менеджмент предполагает иной подход: аналитики Японии пишут о ситуации, в которой такие компании, как Honda, Canon, Matsushita, NEC, Sharp, КАО, обнаружили редкую возможность побеждать в сфере отношений конкуренции, поскольку организовали новый подход к созданию нового знания. Создание нового знания нельзя ограничить обработанной информацией: необходим новый подход к неявному знанию, что позволит воплотить неявное знание в реальные технологии и продукты. Целостный подход к знанию в компаниях Японии основан на представлении о компании как живом организме, имеющем чувство самоидентификации, глубинного предназначения и осознания того, в чем заключен доминирующий вектор движения компании. Идеалы столь же важны при этом, как и идеи. Для них процесс создания знаний является средоточием стратегии управления человеческим ресурсом: «Создавать новое знание – буквально означает переустраивать компанию и каждого ее сотрудника в непрерывном процессе личного и организационного самообновления. В компаниях, создающих знание, изобретение нового знания не является специализирован-

ным занятием, областью деятельности отдела исследований и разработок, маркетинга или стратегического планирования. Это способ поведения или даже образ жизни, когда каждый сотрудник – это работник по производству знания, другими словами, – предприниматель» [13, с. 301].

Создание знаний в компании представляет собой динамическое взаимодействие таких моделей-схем, как модель от неявного к неявному, модель от явного к явному, от неявного к явному, от явного к неявному. Эти модели можно представить графически посредством спиралевидной формы. В числе стадий цикла – стадия социализации (ознакомление с неявными элементами знания), транслирование неявных элементов в сферу явного знания (стадия артикуляции), стандартизация полученного знания (стадия комбинации) и, наконец, формирование опыта создания нового продукта (стадия интернализации). Завершение обозначенного цикла означает одновременно начальную фазу витка спирали знания, расширение базы знаний компании. Интересен и наполнен эвристическими деталями и вывод, к которому приходят авторы концепции спирали знания (Л. Арготэй, П. Инграм, И. Нонака, Р.-Л. Морланд, Р. Криснен, Дж. Левин, Л. Мисковски, Д. Надлер, Р. Паулюс, Х. Янг): «Артикуляция (превращение неявного знания в явное) и интернализация (использование явного знания для расширения собственной базы неявного) являются критическими витками в спирали знания. Причина заключается в том, что оба требуют собственного активного участия, то есть личной приверженности. На самом деле, поскольку в дополнение к ноу-хау неявное знание включает также ментальные модели и верования, движение от неявного к явному представляет собой процесс выражения определенного взгляда на мир, каков он есть и каким должен быть. Когда сотрудники изобретают новое знание, они также заново изобретают самих себя, компанию и даже мир» [14, с. 241].

В интерпретации управления производством знания важным является и представление о концептуальной схеме передачи знаний, определяющей влияние деятельности группы, отдела, службы на деятельность иного подразделения. В когнитивной психологии интерпретирована передача знаний на уровне индивида, которая понимается как возможность или невозможность применения знаний, приобретенных ранее в других условиях. Оценка процесса передачи знаний через трансформацию в знаниях требует учета изменений в хранилищах знаний. Дж. Уолш и Г. Ангсон выделяют пять типов хранилищ знаний (репозитории): ими являются отдельные работники, роли и организационные структуры, стандартные процессы и практики, физическая структура рабочего места, корпоративная культура.

Авторы концепции хранилищ знаний (knowledge reservoirs) исходят из того, что знание «встроено» в доминирующие элементы организации, это: «...работники, инструменты и задачи, а также различные подсети, образуемые всевозможными комбинациями и наложением этих трех составляющих. Работники – это человеческая составляющая организации. Инструменты, включая программное и аппаратное обеспечение, являются ее технологической составляющей. И наконец, задачи отражают цели организации, ее намерения и устремления» [15].

Передача знаний осуществляется путем перемещения хранилищ и сетей, а также через обращение к их модификации – в процессе коммуникации или обучения.

Концепция хранилищ знаний, поддерживаемая Дж. Баумом, Г. Грэве, Т. Лантом, позволяет хорошо понимать и использовать «ситуационное познание» (situated cognition), предложенное исследовательской традицией, изучающей контекст данного процесса и передачу знаний из одного контекста в другой. Концепция обогащает и делает более полной теорию передачи знаний, предлагая практические схемы, реализуемые в управлении знаниями в фирме. Концепция хранилища знания вскрывает амбивалентность роли человека в процессах передачи знаний, создает возможность для того, чтобы увидеть различие контекстов в средах – подсетях. Для того чтобы передача знаний была результативной, необходимо обес-

печить совместимость хранилищ знаний и новой среды. При этом именно человек способен адаптировать переносимые знания к новым условиям среды. Что же касается передачи технологий или задач, она должна сопровождаться переводом работника, поскольку именно он способен адаптировать инструменты и технологии к новому контексту среды.

Индивидуальные различия сотрудников создают трудности в процессах передачи знаний. Одновременно присущая человеку способность адаптировать знание, которым человек владеет, облегчает схему передачи знаний. Фундаментальной проблемой когнитивного менеджмента является анализ условий наиболее эффективной передачи знаний посредством перевода в новый контекст, который во многом определен социальным влиянием. В связи с этим возникает ряд вопросов, требующих решения. Как работник, оказавшийся в новых условиях, влияет на передачу знаний? Как при этом меняется работник? Какую роль в этом играет социализация и обучение? Насколько возможно влияние контекста в условиях социализации и обучения? Важным является и вопрос о роли социальной сети в передаче знаний: сеть связывает подразделения с источниками знаний, способствует интерпретации нового знания. Как внутригрупповой фаворитизм (члены собственной группы встречают большую благосклонностью, чем «пришельцы») влияет на передачу знаний? Важным является и исследование условий встраивания знаний в разнообразные виды хранилищ. Подсети ко-эволюционируют так, чтобы соответствовать своей среде, и вписываются в новую среду с меньшей вероятностью в сравнении с тем, как вписывается в новую среду отдельные базовые элементы, то есть процесс передачи знаний с помощью подсетей (а в них входят индивиды) чрезвычайно сложен и именно этой сложностью определен основной парадокс управления знанием. Его природа и смысл заключены в следующем: осуществляя передачу знания внутри себя и препятствуя их утечке за собственные пределы, компания в высшей мере эффективна. Возникает вопрос: возможно ли решение обеих задач? Ответ на этот вопрос и дает опытный управленец. Его ответ, по мнению Р. Крамера, Д. Мессика, Д. Маски, таков: компания может в больших масштабах снизить вероятность утраты принадлежащих ей знаний и добиться расширения и применения знаний в своем внутреннем пространстве. Процессы передачи знаний – своего рода ключ к редкой возможности понять, в чем заключены для компании предпосылки ее конкурентных преимуществ. Механизм разрешения этой парадоксальной ситуации могут сформировать лишь управленцы, представляющие креативный класс.

Результаты исследования

В соответствии с поставленной целью получены следующие результаты:

- Вводя в оборот концепцию «ба», автор показывает, как организацией управляет «ба» на разных стадиях развития знания (в рамках четырехрядной спиралевидной модели). «Ба» – место для возникновения новых отношений: физическое (офис, бизнес-пространство); виртуальное (электронная почта, телеконференции); ментальное (совместный опыт, идеи, идеалы). Раскрыть роль «ба» в создании знания. Имея пространственные и временные границы, «ба» интерпретирована и как система, в которой знания активизируются как творческий ресурс, и как контекст, в котором формируется знание.
- Создание новых знаний представлено как процесс взаимодействия явного и неявного знания, развивающегося по спирали. Предложена модель SECI, описывающая такие способы преобразования знаний, как **социализация** (овладение знанием через живое общение с поставщиками и клиентами), **экстернализация** (групповая интеграция и превращение неявного знания в явное), **комбинирование знаний** (преобразование явного знания в сложные совокупности), **интернализация** (воплощение явного знания в действии и на практике).

Модель SECI, как показывает автор, позволяет раскрыть и эффективно применять динамику формирования знаний в организации. Завершение обрисованного выше цикла взаимодействия означает одновременно начальную фазу цикла спирали знания и расширение базы знаний компании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нонака И., Конно Н. Концепция Ба: организационный механизм создания знаний // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 275–292.
2. Нонака И. Компания – создатель знаний // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 66–82.
3. Арготэй Л., Инграм П. Передача знаний как основа конкурентного преимущества компании // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 83–108.
4. Бонтис Н. Оценка знаниевых активов: обзор моделей, используемых для измерения интеллектуального капитала // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 312–346.
5. Гаравелли К., Горгаглионе М., Скоззи Б. Стратегия управления знаниями и организация: подход к анализу // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 205–224.
6. Гарвин Д.А. Создание научающейся организации // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 109–133.
7. Грант Р.М. К знаниевой теории фирмы // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 36–65.
8. Дагфуз А. Поглощающая способность и внедрение лучших практик управления знаниями // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 134–145.
9. Делонг Д.У., Фейхи Л. Диагностика культурных барьеров в управлении знаниями // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 243–274.
10. Друкер П. Новое общество организаций // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 2–18.
11. Зак М.Х. Разработка знаниевой стратегии // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 162–188.
12. Зак М.Х. Разработка знаниевой стратегии. Эпилог // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 189–204.
13. Делонг Д.У., Дейвенпорт Т. Эффективные методы сохранения знаний в организациях: передовой опыт // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 293–311.
14. Куинн Дж.Б., Андерсон Ф., Финкельштейн С. Управление профессиональным интеллектом: использовать лучшее по максимуму // Управление знаниями. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – С. 225–242.
15. Наука в сетях мастерства // Интернет-портал интеллектуальной молодежи. URL: <http://ipim.ru/discussion/789.html> (дата обращения 10.01.2024).

Информация об авторах

Григорий Вадимович Смолонский, соискатель Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30. SGV-070@yandex.ru

Поступила в редакцию: 10.01.2024

Поступила после рецензирования: 01.03.2024

Принята к публикации: 29.03.2024

REFERENCES

1. Nonaka I., Konno N. Concept Ba: organizational mechanism for creating knowledge. *Knowledge Management*. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 275–292. (In Russ.)
2. Nonaka I. The company is a creator of knowledge. *Knowledge Management*. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 66–82. (In Russ.)
3. Argotey L., Ingram P. Transfer of knowledge as the basis of a company's competitive advantage. *Knowledge Management*. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 83–108. (In Russ.)
4. Bontis N. Assessment of knowledge assets: a review of models used to measure intellectual capital. *Knowledge Management*. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 312–346. (In Russ.)

5. Garavelli C., Gorgaglione M., Scozzi B. Knowledge management strategy and organization: an approach to analysis. Knowledge Management. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 205–224. (In Russ.)
6. Garvin D.A. Creating a learning organization. Knowledge Management. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 109–133. (In Russ.)
7. Grant R.M. Towards a knowledge theory of the company. Knowledge Management. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 36–65. (In Russ.)
8. Dagfuz A. Absorbing capacity and implementation of best knowledge management practices. Knowledge Management. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 134–145. (In Russ.)
9. DeLong D.W., Fahey L. Diagnosis of cultural barriers in knowledge management. Knowledge Management. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 243–274. (In Russ.)
10. Drucker P. New society of organizations. Knowledge Management. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 2–18. (In Russ.)
11. Zach M.Kh. Development of a knowledge strategy. Knowledge Management. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 162–188. (In Russ.)
12. Zach M.Kh. Development of a knowledge strategy. Epilogue. Knowledge Management. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 189–204. (In Russ.)
13. DeLong D.W., Davenport T. Effective methods of knowledge preservation in organizations: best practices. Knowledge Management. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 293–311. (In Russ.)
14. Quinn J.B., Anderson F., Finkelstein S. Managing professional intelligence: making the most of the best. Knowledge Management. St. Petersburg, Higher School of Management Publ., 2010. pp. 225–242. (In Russ.)
15. Science in networks of mastery. Internet portal of intellectual youth. (In Russ.) Available at: <http://ipim.ru/discussion/789.html> (accessed 10 January 2024).

Information about the authors

Grigory V. Smolonsky, Applicant, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation. SGV-070@yandex.ru

Received: 10.01.2024

Revised: 01.03.2024

Accepted: 29.03.2024